

В.А. Канке

Философия

*Исторический и систематический курс
Издание второе, переработанное и дополненное*

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Издательская корпорация «Логос»

Москва

1999

Рецензенты:

Доктор философских наук профессор *В.Н. Князев* (Московский государственный педагогический университет)

Кандидат философских наук доцент *И.Б. Крюков* (Московский государственный инженерно-физический институт)

Книга удостоена диплома Лауреата смотра учебной литературы для системы профессионального образования на XI Московской международной книжной ярмарке 1998 года

Канке В.А.

Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов, 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Логос, 1999.

Излагаются история мировой и отечественной философской мысли, проблемы теории познания, философии человека, культуры, науки и техники. Освещаются новейшие направления и тенденции философствования, отвечающие перспективам интеллектуального развития в XXI веке. Компактность изложения сочетается с полнотой раскрытия тематики, предусмотренной государственным образовательным стандартом. Содержит обширный справочный и методический аппарат, включая контрольные вопросы, программу курса, рекомендации для студентов и преподавателей, терминологический и именной указатели и др.

Для студентов высших учебных заведений. Представляет интерес для широких кругов читателей.

Предисловие ко второму изданию

События, преобразившие духовную жизнь нашей страны на пороге XXI века, обусловили необходимость и создали весьма благоприятную возможность для коренных изменений в преподавании и изучении философии. Ушло в прошлое безраздельное господство на кафедрах наших вузов диалектического материализма, который при немалых результатах в разработке отдельных философских областей выражал лишь одну из многих и к тому же сугубо официальную позицию. Возникли условия и побудительные мотивы для освоения последних достижений всего спектра мировой философской мысли, и в частности аналитической философии, феноменологии, герменевтики, экзистенциализма, постструктурализма и других влиятельных течений уходящего столетия. Наконец, выявилась настоятельная потребность возрождения традиции самобытных философских исканий, присущих именно русской, российской духовности и выполняющих смыслообразующую миссию в развитии отечественной культуры.

Каким же с учетом сказанного должен быть действительно современный учебник философии? Думаю, что основательным в теоретическом отношении, беспристрастно, но выразительно освещающим основные вехи развития философии и ее ключевые проблемы, проникнутым гуманизмом, но чуждым морализаторству, ясным и понятным, но побуждающим к раздумьям и дискуссиям, систематичным и последовательным, но кратким. Ну а в какой мере автору удалось приблизиться к поставленным целям, судить читателям.

В ходе подготовки второго издания учебника в его текст внесены необходимые исправления. Содержание излагаемого материала сверено с новейшими философскими трудами. Существенно расширены и приложения к учебнику: добавлены программа курса философии, рекомендации к почасовому планированию учебных занятий, хронологическая таблица, годы жизни выдающихся философов, словарь и предметный указатель, советы студентам и преподавателям.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность моим первым учителям философии, профессорам Р.А. Аронову и М.Я. Боброву, моим коллегам, профессорам Н.Ф. Овчинникову, Л.М. Микешиной, А.И. Уварову, Т.П. Долговой, В.М. Мапельман, дружеская поддержка которых стимулировала работу над книгой. Конечно же, я особенно благодарен рецензентам, профессору В.Н. Князеву и доценту И.Б. Крюкову. С особым чувством вспоминаю многих студентов и аспирантов Обнинского института атомной энергетики, которых в известном смысле считаю своими соавторами. То же самое отношу и к своим коллегам по кафедре.

В. Канке
Обнинск — Москва 21 июля 1997 г.

Введение: что есть философия ?

Самостоятельность и своеобразие философии

Почему человек философствует? В чем состоит специфика философствования? Чтобы ответить на эти вопросы достаточно определенно, лучше всего рассмотреть примеры подлинного философствования, без которого можно прийти к разговору ни о чем.

Итак, сначала примеры, а затем выводы. Разумеется, примеры связаны с творчеством великих философов, ведь философствование прежде всего как раз и есть то, чем они занимались и занимаются.

Первый пример касается разработки *Сократом* и *Платоном* концепции идей. Идеи выступают смыслом всех явлений, с которыми сталкивается человек. Концепция идей имела величайшее, поистине эпохальное значение. Она стимулировала развитие науки и искусства. В конечном счете именно античная концепция идей оценивается ныне как смыслообразующая основа современной постиндустриальной цивилизации.

Теперь можно поставить существеннейший для нашей темы вопрос — почему концепция идей является по своей природе философской, а не, например, математической. Дело в том, что в своем философском содержании концепция идей соотносится с *любыми* идеями, а не только с математическими или экономическими, это во-первых. Во-вторых, концепция идей максимально действенна, она как бы пронизывает всю сферу бытия человека, вызывает к жизни не один, а целый поток существеннейших вопросов, относящихся к сферам личной и общественной жизни, политики, образования и т.д. Философское — значит максимально универсальное, всеохватное, основательное, фундаментальное, существенное.

Второй пример не менее показателен, чем первый. Речь идет о концепции ответственности, развитой в последние два десятилетия целой группой американских и западноевропейских мыслителей. Об ответственности знали давно, но в ранг философской доктрины ее возвели лишь сейчас. Концепция ответственности призвана поставить заслон действиям различного рода эгоистов и экстремистов, всех тех, кто за маской свободолюбия преследует, вопреки интересам других, свои корыстные цели, т.е., иначе говоря, ведет себя безответственно по отношению к обществу. Только теперь, в конце XX века, выявлено, что ответственным надо быть во всех делах, в науке, искусстве, на производстве, в общественной и индивидуальной жизни. Но это и означает, что концепция ответственности приобрела философское значение.

Два приведенных примера показывают, что философия не стоит на месте, она имела своих творцов и две с половиной тысячи лет назад, и сейчас. Философия, как и все ценное в жизни людей, есть результат самоотверженной работы энтузиастов. Философские звезды в отличие от астрономических — это люди, они находятся среди нас, озаряют нас светом философствования.

Итак, что же такое философия? Буквально греческое слово "философия", впервые введенное в обиход *Пифагором*, переводится на русский язык как любовь к мудрости, любомудрие. Выявляет ли наше

разъяснение специфику философии? Лишь отчасти, ибо стремление к мудрости характерно не только для философов, но и для ученых, поэтов, священников. Специфика *философской* мудрости состоит в ее нацеленности на смыслы максимально всеохватной (общей, предельной, целостной) и вместе с тем фундаментальной значимости. Ясно, что такого рода смыслы имеют для людей основополагающее значение, отказ от них равносильен безумию: зачем же отказываться от того, что является нашим высшим интеллектуальным достижением, а во многом и руководством в практической жизни.

Таким образом, *философия есть поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы своего бытия (наиболее существенные, фундаментальные, всеохватные, не знающие исключений, объединяющие жизнь людей в единое целое, в поле действия которых попадает каждый человек)*. Философия обладает не только спецификой, но и самостоятельностью. Это означает, что другие специалисты не могут выполнить работу философа; каждый занимается своим делом, но касается оно всех.

До сих пор мы рассматривали философию в целом, не касались ее структуры, строения. Но всякое целое не монолитно, оно состоит из частей. У философии их достаточно много. Рассмотрим те из них, которые *наиболее рельефно* выделяют своеобразие философии, философия есть поиск ответов на главные вопросы бытия. Какие именно?

Гениальный *Иммануил Кант* сумел, как считает абсолютное большинство философов, сформулировать их выразительно и кратко. По Канту, сферу философии можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

Три первых вопроса сводятся к последнему и детально рассматриваются в научно-ориентированной, морально-ориентированной и религиозно-ориентированной философии соответственно.

Современный философ, как правило, придерживающийся концепции ценностей, сказал бы, что главной ценностью является в первом случае истина, во втором — добро, в третьем — вера в Бога; и все это объединяется в понимание человека (и общества) как интегральной самодостаточной ценности. Последующее, после Канта, развитие философии выявило первоочередную философскую потребность обращения не только к научным и моральным, но и к чувственным, эмоциональным, эстетическим потенциям человека: что я могу почувствовать, пережить? Что есть красота, прекрасное, возвышенное? На эти новые вопросы отвечает философия, ориентированная чувственно-эстетически. Еще один результат развития новейшей философии — потеря религиозно-ориентированной философией своего бывшего центрального места в структуре философии (многие вопросы, которые раньше рассматривала религиозно-ориентированная философия, теперь переведены в область морально-ориентированной философии). С учетом изложенного, добиваясь более детальной характеристики философии, рассмотрим последовательно научную, чувственно-эстетическую и моральную ориентации философии. В качестве главных

ценностей философии выступают истина, красота и добро, основные лики философского творчества человека.

Научная ориентация философии. Мировоззренческая и методологическая функции философии

Сравним философию с наукой. Это позволит выявить специфику научной ориентации философии.

Взаимоотношение философии и науки имеет длительную историю. В античности различие между ними еще не было выявлено в должной степени, любовь к мудрости понималась как любовь к науке, т.е. к систематическому, доказательному и проверяемому знанию. В средние века в основном ситуация оставалась прежней; новизна же состояла в том, что и философия, и наука оказались под прессом теологии, им было не до взаимных претензий. В Новое время, особенно благодаря работам *Декарта* и *Гегеля*, было введено представление об универсальной науке, каковой и считали философию; остальные науки стали считать частями философии. Нередко философию рассматривали как науку обо всех науках, наукоучение. В Новейшее время авторитет наук быстро возрастает, они довольно успешно отвоевывают у философии одну сферу человеческих интересов за другой. Дело доходит порой даже до отрицания научного характера философии.

Как бы то ни было, во все исторические эпохи философия и наука шли рука об руку, дополняя друг друга. Многие идеалы науки, такие как доказательность, систематичность, принципиальная проверяемость высказываний, первоначально были выработаны в философии. Причем в самой философии также стремились, и не без успеха, им следовать. Именно это обстоятельство позволило многим философам, в том числе *Гегелю*, *Гуссерлю*, *Куайну*, считать философию наукой. В то же время всегда находились философы, среди них *Ницше*, *Ортега-и-Гассет*, *Хайдеггер*, *Бердяев*, которые категорически настаивали на своеобразии философии по отношению к науке; философия, подчеркивали они, в принципе не согласуется с безличностью, объективностью науки, ее следованиям строгим методам и методикам, исключая характерный для философии широкий разброс мнений, воззрений, точек зрения. Как видим, каждый из философов прав по-своему; если одни подчеркивают сходное в философии и науке, то другие концентрируют свое внимание на различиях между ними. В философии, как и в науке, исследуют, размышляют, одни высказывания обосновываются другими. Но для науки характерно наличие широкого спектра абстракций, каковые, как правило, в философии неуместны. Так, для философии значение искусства, религии, мифа сравнимо со значением науки; наоборот, в науке область человеческого бытия сужается, причем преднамеренно, именно до сферы науки. Искусство, религию, миф исследуют научными средствами, но их сокровенные черты в арсенал науки не включаются. Там, где наука разъединяет, философия объединяет, для нее не характерно дистанцирование от какой-либо сферы бытия человека.

Для нашей темы особое значение имеет понимание благодетельности союза философии и науки. Идет ни на миг не останавливающийся процесс обмена идеями между философией и наукой; в этой связи особую значимость приобрели такие пограничные между философией и наукой

области знания, как философские вопросы физики, математики, биологии, социологии. Показательна в этой связи идея относительности, несамостоятельности пространства и времени. Первоначально эта идея обсуждалась в философии (*Лейбниц, Мах*), затем в математике (*Лобачевский, Пуанкаре*), позднее в физике, где *Эйнштейн* добился особенно впечатляющих результатов. Философское их осмысление вызвало "обратную волну"; в модифицированном виде идея относительности времени и пространства была воспринята, пожалуй, всеми науками и философскими направлениями. Но история развития этой идеи не закончена и поныне: философия и наука еще не раз отпразднуют успех совместных мероприятий. Философия и наука нужны друг другу. Их союз еще никому не удавалось разорвать.

Отметим пикантность рассматриваемой ситуации. Ответ "да" или "нет" на вопрос, является ли философия наукой, значительно упрощает сложную картину взаимоотношения философии и науки. Ответ "да" оставляет в тени чувственно-эстетическую и моральную направленность философии; ответ "нет" можно оценить как забвение научных идеалов, чего в философии нет. Более бесспорен тезис о научной ориентации философии, которая в большей или меньшей степени присутствует в тех или иных философских направлениях. Современное философское знание обосновывается, оно доказательно, систематично, проверяется (и опровергается) фактами. Но это как раз и означает, что философия обладает научной ориентацией.

Изложенное выше позволяет рассмотреть две важнейшие функции (значимости) философии — *мировоззренческую* и *методологическую*.

Философию часто определяют как воззрение на мир в целом, мировоззрение. При этом если философ сближает философию и науку, то философия характеризуется как наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления. В качестве таковых рассматриваются, например, взаимоотношение качества и количества, причины и следствия, возможности и действительности. Философ, отличающий философию от науки, чаще всего понимает мировоззрение как определение места человека, субъекта в мозаичной картине мироздания. Мы не случайно назвали эту картину мозаичной, многослойной. Философская картина мира — это всегда картина с продолжением. Такие науки, как физика, биология, социология, дают окончательную картину в соответствии с физическими, биологическими, социальными явлениями. С философией дело обстоит по-другому. Философские представления непременно нуждаются в дальнейшей конкретизации. Так, философские представления о реальности находят свое продолжение в размышлениях о физической, ментальной, виртуальной и прочих реальностях. Без такой конкретизации, без "заземляющих" фактов философия остается собранием предварительных суждений. Таким образом, философию допустимо определять как мировоззрение, но оно всегда нуждается в интерпретации на основе данных науки и искусства, практики.

С мировоззренческой функцией философии тесно связана другая ее функция — методологическая. Методология, учение о методах, понимается в данном случае как определение способов достижения какой-либо цели, например, эффективного конструирования научного познания, поэтического творчества, социальной практики. В соответствии со спецификой

философии речь идет о таких методах, принципах действия, которые обладают фундаментальным, а не узколокальным значением. Одним из таких методов является исторический метод: чем бы вы ни занимались, есть резон учитывать историю интересующих вас проблем. Разумеется, философская методология находит свое продолжение в методологии отдельных наук, искусств, разновидностей практики.

Никогда ранее философия не была столь научно ориентированной, как сейчас. Безусловно, научная ориентация философии — это благо. Хуже, когда эта ориентация абсолютизируется настолько, что либо к ней сводятся все достоинства философии, либо эту ориентацию склонны вообще отрицать.

Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии

"Философ, — отмечал *А. Шопенгауэр*, — никогда не должен забывать, что философия есть искусство, а не наука". В суждении Шопенгауэра привлекает внимание не столько излишне резкое противопоставление философии науке, сколько явное сближение философии и искусства. Действительно ли философия является искусством? Сравнение философии с искусством позволит представить специфику чувственно-эстетической ориентации философии.

В мировой философии достаточно четко просматриваются две тенденции. Философия сближается либо с наукой, либо с искусством. О представителях первой тенденции (*Гегель*, *Гуссерль*, *Куайн*) речь шла в предыдущем параграфе. Представителями второй тенденции являются *Кьеркегор*, *Шопенгауэр*, *Ницше*, *Шеллинг*, *Хайдеггер*, многие так называемые экзистенциалисты (*Камю*, *Ясперс*), а также постмодернисты (*Фуко*, *Деррида*, *Лиотар*).

Итак, во втором случае речь идет о чувственно-эстетической ориентации философии. Греческое слово "эстетикос" означает буквально чувственный, чувствующий. Впоследствии, однако, значение термина "эстетическое" было сужено, оно стало связываться преимущественно с так называемым высоким, возвышенным чувством, возбуждаемым искусствами. Философия же имеет дело со всей сферой чувственного, но с особым акцентом на эстетическое переживание. Поэтому для обозначения рассматриваемой ориентации философии используется термин "чувственно-эстетический".

Почему же ряд философов придерживается не научной, а чувственно-эстетической ориентации? Шеллинг считал, что идеалы философии может реализовать лишь тот, кто обладает художественным дарованием. В философии интеллектуальное дополняется эстетическим созерцанием и творчеством. Философия — об этом свидетельствует ее содержание — не довольствуется понятийным постижением мира, она еще стремится к возвышенному (чувству). В этом смысле искусство ей более сродни, чем наука.

Чувственно-эстетическая философия делает акцент на индивидуальном, а не общем и универсальном, на плюрализме, а не единообразии, на интуитивном и творческом, а не методически

однообразном, на возвышенном, а не этически оправданном. Во главу угла ставится обостренное отношение к наиболее злободневным проблемам жизни и судьбы человека. Чувственно-эстетической философии претит безмятежная научная рациональность, забвение иррационального, равнодушие к человеку, всякая попытка предпочесть понятие чувству; в основании философии лежит не рациональное мировоззрение, а мироощущение, подъем к наивысшему посредством того, что сродни обостренному чувству. Иллюстрацией к сказанному могут служить слова *Ницше*: "... мы (философы. — В.К.) должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и по-матерински придавать им все, что у нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок".

Сторонники чувственно-эстетически ориентированной философии порой склонны отождествлять философию с искусством. Для этого нет достаточных оснований. Действительно, так называемое художественное творчество, создание художественных образов (поэтических, музыкальных и других) для философии вообще не характерно. Философия соткана не из художественных образов, а из *философем*. Проблема состоит в том, чтобы философия не уступала искусству в сопричастности к тайнам, проблемам, "болевым точкам" бытия человека в мире. Искусство по сравнению с философией более выборочно, оно в отличие от философии занято поиском для человека не наиболее значимого, а *художественно* значимого. Как видим, философию и искусство объединяет определенный пафос, обостренный интерес к бытию человека, который, впрочем, не отменяет их своеобразия и самостоятельности.

Сравнение философии с искусством рельефнее, чем когда бы то ни было ранее, выявило *гуманистическую функцию* философии, ее предельно внимательное отношение к человеку. Вспомним значение слова философия, объединяющее любовь и мудрость. Не претендуя на особо глубокую истину, можно сказать, что сторонники научной философии во главу угла ставят мудрость, их оппоненты, сторонники эстетической философии, — любовь к человеку. Философия существует не иначе как во имя человека.

Чувственно-эстетическая ориентация философии — это благо, чем ярче она представлена, тем лучше. Плохо, когда эту ориентацию либо недооценивают, либо преувеличивают настолько, что отрицают научную и моральную ориентацию философии.

Рассмотрение научной и чувственно-эстетической ориентации философии во многом прояснило ее назначение. Философия — это призыв к рафинированной истине и возвышенному чувству. Тем не менее остается впечатление, что, пока не выявлена действенность философии, ее ориентация на практику, вопрос "что делать?" все еще остается без ответа, из-за чего философия предстает скорее беззаботной небожительницей, чем жизненным делом.

Ницше видел подлинную тайну, зародыш любого философствования в моральных намерениях людей. Обсуждение этой глубокой мысли позволит дополнительно охарактеризовать специфику философии. Речь пойдет прежде всего о практической ориентации философии и, как следствие, об этической (моральной) функции философии.

Практическая ориентация философии. Моральная функция философии

Сфера этики и морали — это в первую очередь представления людей о добре и зле, добродетелях и пороках, должном и недолжном, ценностях и идеалах. Многие философы в понимании этической функции философии следуют традиции *Аристотеля — Канта* и считают этику практической философией. Этика возникает там, где философия входит в непосредственный контакт с практической деятельностью людей. Полтора века назад молодой и критически настроенный *Маркс* указывал, что философы лишь объясняли мир, а его надо изменять. Но каким образом, в каком направлении? Здесь-то и выясняется особая роль философии в практическом обеспечении успешного развития цивилизации. Некорректные философские ориентиры ведут к катастрофам, чему немало свидетельств в истории.

Что касается односторонне ориентированных научной и чувственно-эстетической философий, то в них этическое начало приглушено и даже отодвинуто в тень. Ясно почему. Если одни стороны философии абсолютизируются, то другие ее компоненты становятся плохо различимыми. Однако при более детальном рассмотрении философских систем всегда выявляется их этическое содержание. Философия не только фиксирует сложившееся положение дел, но и стремится сначала наметить, а затем более детально разработать пути улучшения этого положения дел, преодоления кризисных явлений. На протяжении всей своей многовековой истории философия демонстрировала не отрешенность от мирских дел, а свою максимальную заинтересованность в их правильном налаживании в соответствии с возможностями и талантами людей. С тем же энтузиазмом, с каким ведется поиск научной философией истины, а чувственно-эстетической философией — возвышенного и прекрасного, практическая (моральная) философия заинтересована в достижении добра. Подлинная философия — это всегда углубленный поиск добра, сотворение нравственного человека. Высокие моральные черты людей не возникают сами по себе, они довольно часто являются непосредственным результатом плодотворной деятельности философов. Античные идеалы мудрости и мужества, средневековые идеалы святости и рыцарской чести, новременные идеалы разумного и свободного человека, современные идеалы ответственности, мира между народами, экологической бдительности — на всем этом среди прочего лежит печать философской основательности, продуманности, реализации этической функции философии.

Далеко не всегда реализация этической функции философии была безопасным делом. Философов преследовали, казнили (вспомните трагические судьбы *Сократа, Дж. Бруно*, нашего *П. Флоренского*, погибшего в сталинских застенках), обвиняли в изобретении новых богов. В наши дни этическую функцию философии часто называют аксиологической (греческое "аксиос" — ценный); имеется в виду ориентация философии на известные ценности. При этом не следует забывать о том, что аксиология как учение о ценностях сложилась лишь к началу XX века. Аксиологическая функция философии есть одно из конкретных воплощений этической функции философии.

Разумеется, реализацию этической ориентации философии не следует путать с так называемым морализированием — занятием людей самовлюбленных, привыкших навязывать свое мнение другим. Ограниченный кругозор морализатора никак не назовешь философским.

Далеко не всякое суждение о нравственном является философским. То или иное этическое суждение приобретает философский характер лишь в том случае, если оно в должной степени причастно к коренным проблемам бытия человека, дает им емкую интерпретацию. Такова уже упоминавшаяся концепция ответственности. Просто этика и философская этика — это разные вещи. К тому же следует учитывать, что горизонт всякой этики уже горизонта философии в целом. Этика ограничивает себя нравственными проблемами — именно в этом ее самоцель, здесь и только здесь она самодостаточна. Философия же рассматривает этическую составляющую в качестве своей органической самостоятельной компоненты, функционирующей не иначе как в рамках целого. Философия не только этична, но и, как мы видели, научна и эстетична. Философия, подобно живому организму, не есть простая сумма своих органов. Моральная философия — это один из органов философии как целостного организма, не более того.

Обратимся теперь к *практической ориентации* философии. Под практикой мы понимаем деятельность человека, направленную на достижение цели. Философ-теоретик стремится к достижению истины и к избавлению от заблуждений. Он по-своему практичен, но лишь в области мыслей. Философа-эстетика в качестве цели манит возвышенное и прекрасное (а не низменное и безобразное); и он действует, и он практичен, но преимущественно в чувственно-эмоциональной сфере. Философ-этик в качестве цели своей деятельности избирает идеалы добра (а не зла). Подобно философу-теоретику и философу-эстетика, философ-этик изначально действителен и в этом смысле практичен. Выясняется, однако, что его практические горизонты более универсальны, чем у философа-теоретика и философа-эстетика. В фокус философского обсуждения поставлена не мысль-действие и не чувство-действие, а любое действие, универсальная цель — добро. Идеалы добра характерны и для осуществляющих рост знания, и для ценителей возвышенного, и для прокладчиков автомобильных дорог, и для строителей электростанций. Как видим, практическая ориентация характерна для философии в целом, но универсальную значимость она приобретает именно в рамках этической функции философии. Именно поэтому, когда философа спрашивают о практическом назначении философии, он прежде всего указывает на ее этическую функцию.

Философия выявляет и вырабатывает смыслы человеческих деяний, поступков, формирует стратегические цели. Здесь-то как раз и реализуются практические потенциалы философии. За бездумные поступки людей, либо стремящихся к сиюминутным удовольствиям, либо просто не умеющих предвидеть последствия своих действий, философия не несет ответственности. Философия сознательно выступает против засилья легкомыслия, отказа от всестороннего анализа состоятельности намечаемых планов практических действий и столь же основательного рассмотрения последствий уже сделанного.

Как видим, только на первый взгляд философия оперирует идеями, далекими от насущных практических задач. Разве не обладает ярким практическим содержанием, например, концепция ответственности? Разве выяснение ее концептуальной силы не требует сложной философской работы? Безусловно, в своей практической деятельности человек руководствуется не только философскими рекомендациями, но и ими тоже.

Философия вплетена в практическую деятельность человека, а это означает, что она — разновидность этой деятельности. Философия есть практическое отношение человека к миру, которое наиболее ярко представлено в ее этической функции.

Моральная ориентация философии — это благо, ибо без нее эффективность анализа кардинальных проблем бытия человека была бы существенно снижена. Но не следует роль этой ориентации либо принижать, отказывая философии в нравственном содержании, либо преувеличивать, превращая философию в нечто односторонне этическое.

Назначение философии

Подводя итоги введения в философию, вспомним логику изложенного выше. Вначале была рассмотрена философия в целом, дано определение ее своеобразия. Затем речь шла о различных частичных, более односторонних пониманиях философии. В результате в поле нашего рассмотрения попали научная, чувственно-эстетическая и практическая философия. Во всех трех случаях имело место определенное абстрагирование от целостности философии, вне которой философия теряет свое своеобразие. Мы оказались в ситуации, когда надо было действовать достаточно осторожно. С одной стороны, нельзя полностью отказаться от проводимых абстракций, ибо без них философия выступала бы однородным монолитом, каковой она не является. С другой стороны, три используемые абстракции недопустимо абсолютизировать. В противном случае в трех рассмотренных вариантах философия отождествлялась бы соответственно с наукой, искусством и практическим действием. Этого удалось избежать, ибо перед нашим мысленным взором постоянно витала философия как целое, философия ориентируется на идеалы науки, искусства и практики, но эти идеалы приобретают в философии соответствующее ее специфике своеобразие. Как справедливо отмечал *Шеллинг*, философия имеет дело не только с истиной и не исключительно с нравственностью и прекрасным, а с тем, что их всех объединяет. На ту же идею обращал внимание *П.Л. Лавров*: философия "есть отождествление мысли, образа и действия". "Философия понятийна только в целом", — писал *Шлегель*.

Итак, философия есть целое, но она обладает разветвленной структурой, строением. Достаточно полное представление об этой структуре читатель получит в процессе работы с учебником. Уже приведенные краткие описания структуры философии должны быть расширены.

В качестве учения о бытии, главных его принципах философия выступает как онтология (греческое *он* — сущее, *логос* — учение, понятие, мысль, слово). Выделение различных видов бытия — природы, человека, общества, техники — приведет соответственно к философии природы, философии человека, или антропологии (греческое *антропос* — человек),

философии общества (философии истории в том числе). Философию познания называют гносеологией (греческое *гносис* — знание, познание) или эпистемологией (греческое *эпистеме* — знание). Как учение о способах познания философия есть методология (греческое *методос* — способ). Как учение о путях творчества и их обосновании философия есть эвристика (греческое *эвриско* — нахожу). Разветвленными областями философии являются философия науки, философия религии, философия Языка, философия искусства (эстетика), философия практики (этика), философия культуры, история философии. Так, в философии науки относительно самостоятельным значением обладают философские вопросы отдельных наук, в том числе логики, математики, физики, биологии, кибернетики, политологии и т.д. Каждая из перечисленных модификаций философии обладает специфическими функциями (сравните: методологическая, эвристическая, антропологическая функция философии), о которых написаны даже не сотни, а тысячи книг. Философия едина и многообразна, человек не обходится без нее ни в одной из областей своей жизнедеятельности.

Подводя итог, еще раз определим природу и назначение философии, обратившись к высказываниям великих, которые, заметьте, образуют известную гармонию. Грек *Платон* в своих диалогах "Федон" и "Федр" вкладывает в уста *Сократа* размышление о том, что под воздействием философии душа человека очищается и человек "становится подлинно совершенным", француз *Монтень* видит конечную цель философии в добродетели. Англичанин *Гоббс* считает, что недостаток философии причиняет много страданий, "назначение философии заключается, таким образом, в том, что благодаря ей мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ". Немец *Гуссерль* формулирует бесконечную задачу философии как "функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий идеал, т.е. универсум всех норм". Русский *В.С. Соловьев* видит назначение философии в стремлении "к духовной цельности человеческого существования". С ним согласен другой наш соотечественник *Н.Л. Бердяев*: философия есть часть, опыт, акт жизни, значение которого выступает как "творческий прорыв к смыслу бытия". Немецкий мыслитель *Хайдеггер* характеризует философию как "последнее выговаривание и последний спор человека, захватывающие его целиком и постоянно". Назначение философии — поиск удела человека, обеспечение бытия человека в причудливом мире. Быть или не быть — вот в чем вопрос. А если быть, то каким?

Для полноты картины приведем слова француза *В. Кузена*: "Существуют две разновидности философии: одна искусная и ученая, которая доступна лишь немногим; другая естественная, человеческая, использовать которую способен каждый". Изящное остроумие *Кузена* вызывает улыбку. Кстати, он использовал свое высказывание в пользу проводимой им пропаганды философского знания, стремясь разработать вариант философии, преодолевающей противостояние, скажем так, излишне простой и излишне заумной философии. Но автору доводилось слышать нечто аналогичное замечанию *Кузена* от студентов, сомневающих в

необходимости изучения философии. Как правило, такого рода сомнения высказываются не в конце, а в начале изучения курса философии. Надо ли студентам изучать философию? Надо. Благородное стремление получить высшее образование накладывает обязательства. Философию следует изучать в вузе и аспирантуре хотя бы потому, что с нею намного труднее стать "обезьяной цивилизации", чем без нее.

Человек философствует потому, что он человек. Каждый человек — философ, плохой или хороший, сознает он это или нет. Будучи сознательным существом, человек философствует, он не может поступить иначе, ибо это самый универсальный способ его существования, отказываться от которого нет никакого резона. На всем протяжении своего существования человек развивал философию. И, очевидно, правильно делал. Назначение философии состоит в конечном счете в возвышении человека, в обеспечении универсальных условий для его совершенствования. Философия нужна для обеспечения возможно лучшего состояния человечества. философия зовет каждого человека к благородству, истине, прекрасному, добру.

Часть 1. История философии

Глава 1.1. Античная философия

Милетская школа философии

Большинство исследователей единодушны в том, что философия как целостный феномен культуры является созданием гения древних греков (VII—VI вв. до н.э.). Уже в поэмах Гомера и Гесиода делаются впечатляющие попытки представить мир и место человека в нем. Желаемая цель достигается преимущественно средствами, характерными для искусства (художественными образами) и религии (верой в богов). Философия дополнила мифы и религии усилением рациональных мотивировок, развитием интереса к систематическому рациональному мышлению на основе понятий. Первоначально становлению философии именно в греческом мире способствовали и достигнутые греками в городах-государствах политические свободы. Философы, число которых увеличивалось, а деятельность становилась все более профессиональной, могли противостоять политическим и религиозным властям. Именно в древнегреческом мире философия впервые конституировалась в самостоятельное культурное образование, существовавшее наряду с искусством и религией, а не как их составляющая.

Одной из древнейших философских школ считается Милетская (VII - V вв. до н.э.). Мыслители из города Милета (Древняя Греция) — *Фалес*, *Анаксимен* и *Анаксимандр*.

Все три мыслителя сделали решительные шаги к демифологизации античного мировоззрения. "Из чего все?" — вот вопрос, который интересовал милетцев в первую очередь. Сама постановка вопроса по своему гениальна, ибо она имеет своей предпосылкой убеждение, что все можно объяснить, но для этого надо найти единый для всего источник. Таким источником *Фалес* считал воду, *Анаксимен* — воздух, *Анаксимандр* — некоторое беспредельное и вечное начало, апейрон (термин "апейрон" буквально означает "беспредельное"). Вещи возникают в результате тех превращений, которые происходят с первовеществом, — сгущений, разряжении, испарений. Согласно милетцам, в основе всего находится первичная *субстанция*. Субстанция, по определению, есть то, что не нуждается для своего объяснения в чем-либо другом. Вода *Фалеса*, воздух *Анаксимена* — это субстанции.

Чтобы оценить воззрения милетцев, обратимся к науке. Постулируемые милетцами субстанции относятся фактически к миру явлений и событий, а не родовых реалий, понятий, законов. Ведь та же вода непосредственно фиксируется в опыте, т.е. эмпирически, а таковы именно материальные объекты и события. За пределы мира событий и явлений милетцам не удалось выйти, но они делали такие попытки, причем в нужном направлении. Они искали нечто закономерное, но представляли себе его как событийное, фактуальное. Милетцы старались подняться от уровня фактуального к уровню родового общего, хотя им это не вполне удалось. Удача пришла к последующим поколениям философов.

Интересно заметить, что подобные милетским попытки делались и в

Древней Греции, и в Индии, и в Китае, и в Японии. В качестве субстанции часто называли воду, воздух, землю, огонь, дерево (древние китайцы). В качестве первоисточников брали либо одну субстанцию, либо четыре (*Эмпедокл*, локаята-червака в Индии), либо пять (древние китайцы). Суть философского поиска оставалась прежней — путь к универсальным принципам.

Обратимся к современной науке. Как она отвечает на вопрос "из чего все?" Считается, что наша Вселенная возникла в результате взрыва исходной сингулярности, отдельного, самостоятельного физического образования. Может показаться, что эта сингулярность современной науки очень уж похожа на упоминавшийся апейрон *Анаксимандра*. В действительности же дело обстоит по-другому. Современная наука в отличие от представлений милетцев использует и принципы, и законы. Ее представления о сингулярности имеют научный характер, подтверждаются экспериментальными и теоретическими данными.

Выше отмечалось, что современный человек часто повторяет ошибки, неудачи древних. Заблуждения милетцев фактически копируются тогда, когда хотят сложные явления объяснить "просто", а именно, сводя их к какому-либо первовеществу. Например, явления телепатии объясняют движением всепроникающих нейтрино. Соответственно и астрологические предсказания также неправомерно отделять от теоретического анализа. Установление истины, как правило, невозможно без развитого философского и научного анализа.

Школа Пифагора

Пифагор тоже занят проблемой субстанций, но огонь, земля, вода в качестве таковых его уже не устраивают. Он приходит к выводу, что "все есть число". Пифагорейцы видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям. Мимо пифагорейцев не прошел тот факт, что если длины струн в музыкальном инструменте (монохорде) относятся друг к другу, как 1:2, 2:3, 3:4, то получающиеся музыкальные интервалы будут соответствовать тому, что называют октавой, квинтой и квартой. Простые числовые отношения стали искать в геометрии и астрономии. Широко известная теорема *Пифагора* о соотношении длин катетов прямоугольного треугольника с длиной гипотенузы также достаточно показательна. *Пифагор*, а до него уже *Фалес*, видимо, использовали простейшие математические доказательства, которые, вполне возможно, были заимствованы на Востоке (в Вавилонии). Изобретение математических доказательств имело решающее значение для становления типа рациональности, характерного для современного цивилизованного человека.

При оценке философской значимости воззрений *Пифагора* следует отдать должное его проницательности. С точки зрения философии, особое значение имело обращение к феномену чисел. Пифагорейцы объясняли события на основе чисел и их соотношений и тем самым превзошли милетцев, ибо почти достигли уровня законов науки. Пифагорейцы усвоили то, что попроще, некоторые количественные соотношения. Пифагорейцы еще не владели категорией качества, исходя из которой только и можно, как будет показано позднее *Гегелем*, уразуметь в должной степени количество,

каковым, в частности, является число. Пифагорейцы были одними из первых, кто понял роль и значение чисел. Они совершили великое дело.

При всей значимости открытий пифагорейцев им все-таки не удалось найти ответа на вопрос "из чего все?" Подобно тому как не все является водой или воздухом, не все является и числом. Всякая абсолютизация чисел, равно как их закономерностей, есть возрождение исторической ограниченности пифагорейства. В полной мере это относится к магии чисел, которой, надо сказать, пифагорейцы отдали дань со всей щедростью увлеченной души.

Наконец, особо следует отметить поиски пифагорейцами гармонии во всем, красивой количественной согласованности. Такой поиск фактически нацелен на обнаружение законов, а это — одна из сложнейших научных задач. Древние греки очень любили гармонию, восхищались ею и умели создавать ее в своей жизни.

Гераклит и элеаты

Дальнейшее развитие философской мысли наиболее убедительно представлено в известном противостоянии учений *Гераклита* из Эфеса и *Парменида* и *Зенона* из Элеи.

Обе стороны согласны в том, что внешние чувства не способны сами по себе давать истинное знание, истина достигается размышлением. Уже здесь мы видим, что к V в. до н.э. понимание греческими философами недостаточности оперирования уровнем событий приобрело характер философской идеи-веры, очень многое свидетельствовало в ее пользу. Любопытно, однако, проследить за тем, как философы конкретизируют свою идею.

Гераклит считает, что миром правит *логос*. Представление о логосе можно расценить как наивное понимание закономерности. Это было действительно наивное понимание, ибо содержательные аспекты логоса *Гераклит* умел интерпретировать лишь как связь событий, т.е. исключительно фактуально. Конкретно он имел в виду, что все в мире состоит из противоположностей, противоборствующего, все происходит через распрю, борьбу. Вследствие этого все изменяется, течет; образно говоря, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В борьбе противоположностей обнаруживается их внутреннее тождество. Например, "жизнь одних есть смерть других", да и вообще — жизнь есть смерть. Поскольку все взаимосвязано, то всякое свойство относительно: "ослы солому предпочли бы золоту". *Гераклит* еще чрезмерно доверяет миру событий, что определяет как слабые, так и сильные стороны его воззрений. С одной стороны, он подмечает, пусть в наивной форме, важнейшие свойства мира событий — их взаимодействие, связность, относительность. С другой стороны, он еще не умеет анализировать мир событий с позиций, характерных для ученого, т.е. с доказательствами, понятиями. Мир для *Гераклита* есть огонь, а огонь — это образ вечного движения и изменения. Какое богатое воображение!

Гераклитовская философия тождества противоположностей, противоречий резко критиковалась элеатами. Так, *Парменид* считал тех людей, у кого "быть" и "не быть" считается одним и тем же и не одним и тем

же и для всего имеется обратный путь (это явный намек на *Гераклита*), "двухголовами".

Парменид, равно как и его ученик *Зенон*, подобно современным ученым анализируют мир событий и отсюда делают выводы, какими бы "сумасшедшими" они ни являлись. Смелости, характерной для подлинного ученого, элеатам было не занимать.

Особое внимание элеаты уделяли проблеме множественности, в этой связи они придумали ряд парадоксов (апорий), которые и поныне вызывают у философов, физиков и математиков головную боль. *Парадокс* — это неожиданное высказывание, *апория* — это затруднение, недоумение, трудноразрешимая задача.

По мнению элеатов, вопреки чувственным впечатлениям нельзя помыслить множественность. Если вещи могут быть бесконечно малыми, то их сумма никак не даст нечто конечное, конечную вещь. Если же вещи конечны, то между конечными двумя вещами всегда есть третья вещь; мы опять приходим к противоречию, ибо конечная вещь состоит из бесконечного числа конечных вещей, что невозможно. Невозможна не только множественность, но и движение. В аргументе "дихотомия" (разделение на два) доказывается: для того чтобы пройти определенный путь, надо сначала пройти его половину, а чтобы ее пройти, надо пройти четверть пути, и далее — одну восьмую пути, и так до бесконечности. Получается, что невозможно из данной точки попасть в ближайшую к ней, ибо ее фактически нет. Как утверждает современная математика, в континууме между двумя данными точками всегда найдется другая точка. А это значит, что невозможно попасть уже в первую, соседнюю точку. Если движение невозможно, то быстроногий Ахилл не может догнать черепаху и придется признать, что летящая стрела не летит. В таком случае отсюда, как говорится, "с железной необходимостью" следует, что бытие единственно, целокупно (не имеет частей), не изменяется, неподвижно, все существующее есть одно и то же бытие.

Рассматриваемые апории дошли до нас в изложении *Зенона*, поэтому их называют апориями *Зенона*. Апории *Зенона* опровергали много раз, указывая просто на факты: *A* догнал *B*, *C* летит и т.д. Однако такие "опровержения" аргументации великих философов не многого стоят. Элеаты ведь ставят вопрос действительно по научному: если есть движение, то его надо осмыслить. Конечно, из непонимания движения и множественности не следует, что их нет вообще. Но и гордиться особенно нечем, если вы не способны понять с научных позиций вроде бы довольно очевидные вещи, механическое движение, всякого рода изменения. *Гераклит* потому и раздражал элеатов, что он не давал непротиворечивого объяснения факту изменения.

Ниже рассматривается тот выход из ситуации, который предложили в порядке преодоления апорий *Зенона* древние атомисты. Сейчас же отметим, что современные ученые вновь и вновь обращаются к апориям *Зенона*, находя в них новые импульсы для развития научной мысли. При этом, разумеется, они модифицируют логику рассуждений элеатов. Давно стало ясно: для понимания апорий элеатов надо обратиться к самым развитым философским, математическим и физическим теориям. Выходит, что элеаты продолжают в некотором роде быть и поныне нашими учителями. Чему они

научили и учат нас в первую очередь? Роли и значению логических доказательств, необходимости рассмотрения — наряду с миром событий — умопостигаемого уровня реальности, не поддаваясь "обману воображения". Элеаты поставили проблему соотношения единого и множественного, непрерывного и прерывного, движения и покоя. Они стали оперировать максимально общей категорией бытия, которое считалось единственным. Но в таком случае мысль есть не что иное, как бытие, отсюда уже недалеко до ими же высказанного утверждения: "одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется". Это утверждение призвано объяснить, почему мысль имеет истинностное значение по отношению к бытию. А именно в силу того, что она сама есть бытие.

Итак, *Гераклита* интересует прежде всего изменение и движение, их истоки, причины, которые он усматривает в борьбе противоположностей. Элеаты в первую очередь обеспокоены тем, как понять, как *интерпретировать* то, что все считают изменением и движением. Согласно размышлениям элеатов, отсутствие непротиворечивого объяснения природы движения ставит под сомнение его реальность. Разумеется, элеаты не доказали, что нет движения, они показали современникам, что те едва ли понижают содержание движения. Сами элеаты в понимании движения были на подлинной вершине существовавших в их эпоху воззрений. Увы, элеатам не суждено было, ибо это невозможно в принципе, разорвать пути исторической ограниченности.

Атомисты. Левкипп и Демокрит

Кризис, вызванный апориями *Зенона*, был очень глубок; что, бы его хотя бы отчасти преодолеть, требовались какие-то особые, непривычные идеи. Это удалось сделать древним атомистам, наиболее выдающимися среди которых были *Левкипп* и *Демокрит*.

Анализ апорий *Зенона* выявил их "болевые" точки: беспредельное деление (отрезка пути тел). Атомисты предположили, что вещество, пространство, время в принципе нельзя делить бесконечно, ибо есть мельчайшие, далее неразделимые их фрагменты — атомы вещества, амеры (атомы пространства), хрононы (атомы времени). То или иное тело состоит из определенного числа атомов, каждый из которых имеет конечный объем, соответственно конечный объем имеет и составленное из атомов тело. Стрела летит, ибо, по определению, движение есть преодоление определенного расстояния, состоящего из определенного числа амеров, за определенное время, которое в свою очередь состоит из определенного числа своих квантов (хрононов). Чтобы раз и навсегда избавиться от затруднений с пониманием изменения, было предположено, что атомы неизменны, обладают как раз теми же абсолютными качествами, что парменидовское бытие, они неделимы и однородны. Атомисты как бы "свели" изменение к неизменному, к атомам.

По *Демокриту*, есть атомы и пустота. Атомы различаются формой, расположением, весом. Атомы движутся в различных направлениях. Земля, вода, воздух, огонь представляют собой первичные группировки атомов. Сочетания атомов образуют целые миры: в бесконечном пространстве существует бесконечное множество миров. Разумеется, и человек есть

собрание атомов. Душа человека составлена из особых атомов. Все происходит согласно необходимости, случайность отсутствует.

Как видим, атомисты сумели объединить сильные стороны представлений *Гераклита* и элеатов. Парменидовское бытие они уменьшили до атомов, сохранив тем самым постоянство мира. А все гераклитовские изменения связали с механическим движением атомов, их сочетанием друг с другом. Теперь нам предстоит дать философскую оценку атомизму. Конечно, хорошо известно, что атомная гипотеза имела и имеет огромное значение в физике и химии. Но древний атомизм явился результатом размышления не над физическими, а над определенными философскими трудностями. Выход из ситуации оказался в чем-то гениальным, а в чем-то наивным, разумеется, с высот сегодняшнего дня. Сначала о гениальном. Заслуживает внимания сама методика разрешения философских проблем: новые идеи содержат в себе достоинства старых, причем таким образом, что прежние неудачи отпадают. Другое философское достижение атомистов состоит в обнаружении атомарного, элементарного. С чем бы вы ни имели дело — с физическим явлением, с теорией,— всегда есть элементарное: атом (в химии), ген (в биологии), материальная точка (в механике) и т.д. Элементарное выступает как неизменное, не нуждающееся в объяснении.

Наивное в идеях атомистов объясняется неразвитостью их воззрений. Обнаружив атомарность в мире событий, явлений, они еще не были в состоянии дать ей теоретическое описание. Поэтому неудивительно, что очень скоро древний атомизм встретился с трудностями, которые ему не суждено было преодолеть. В этом смысле скандальную известность приобрел тот факт, что длина гипотенузы прямоугольного треугольника с катетами единичной длины равна $\sqrt{2}$. Но $\sqrt{2}$ не является рациональным числом, т.е. нельзя длину гипотенузы представить некоторым числом атомов пространства, амер. Это подрывает самым серьезнейшим образом успехи древних атомистических построений.

В заключение приведем некоторые данные из физики. Современная физика не признает существование пустоты. Вакуум есть некоторая физическая среда, воздействующая на те процессы, которые в ней происходят. Физике пока не удастся подтвердить наличие атомов времени — хрононов и атомов пространства — амер. Вместе с тем действие в самом деле квантованно, и его величина дается широко известной постоянной Планка h .

Школа Сократа

Воззрения *Сократа* дошли до нас главным образом благодаря прекрасным как в философском, так и в художественном отношении произведениям *Платона*, ученика Сократа. В этой связи уместно соединить имена Сократа и Платона. Сначала о Сократе. Сократ во многом отличается от уже упомянутых философов, которые в основном имели дело с природой, а потому их называют *натурфилософами*. Натурфилософы стремились выстроить иерархию в мире событий, понять, например, как образовались небо, земля, звезды. Сократ тоже хочет понять мир, но в принципиально другой манере, двигаясь не от событий к событиям, а от общего к событиям. В этом отношении типичным для него является рассуждение о прекрасном.

Сократ говорит, что ему известно много прекрасных вещей: и меч, и копье, и девушка, и горшок, и кобылица. Но каждая вещь прекрасна по-своему, поэтому нельзя прекрасное связать с одной из вещей. В таком случае другая вещь уже не была бы прекрасной. Но все прекрасные вещи имеют нечто общее — прекрасное как таковое, это их общая идея, *эйдос*, или смысл.

Раз общее может быть обнаружено не чувствами, а умом, то Сократ отнес общее к миру ума и тем самым заложил основы почему-то многим ненавистного идеализма. Сократ как никто другой уловил, что существует родовое, общее. Ему трудно разобраться в том, существует ли общее, присущее всем объектам данного класса, только в уме или и за его пределами, но он уверен, во-первых, что оно каким-то образом существует, а во-вторых, что при объяснении мира событий, мира отдельного, надо начинать с общего. Современный образованный человек придерживается именно таких воззрений, во времена же Сократа это было большой новостью. Начиная именно с Сократа человечество уверенно стало осваивать не только мир событий, но и мир родового, общего.

Сократ, однако, не останавливается на констатации значений идей, он стремится познать их субординацию. Он приходит к убеждению, что самая главная идея — это идея блага, ею обусловлены пригодность и полезность всего остального, в том числе и справедливости. Натурфилософ начинает с атомов, стихий. Сократ начинает с блага.

Сократ интуитивно убежден, что из физики не выведешь этического, поэтому он начинает непосредственно с этического, возвышая, между прочим, его над экономическим и политическим. Для Сократа нет ничего выше этического. Такое представление займет в последующем достойное место в размышлениях философов.

Но что является этически оправданным, добродетельным? Сократ отвечает: добродетель состоит в знании добра и в действии соответственно этому знанию. Он связывает нравственность с разумом, что дает основание считать его этику рационалистической. Здесь можно "придраться" к Сократу: вот-де он упускает из виду нерациональное в нравственности. Это действительно так. Но нельзя не признать, что введение в этику разумного начала имело для человечества самое прогрессивное значение.

Но как приобрести знание? На этот счет Сократ разработал определенный метод — *диалектику*, состоящую из иронии и майевтики (рождения мысли, понятия). Ирония состоит в том, что обмен мнениями сначала дает негативный результат: "Я знаю, что ничего не знаю". Однако этим дело не заканчивается, перебор мнений, их обсуждение позволяют достичь новых мыслей. Удивительно, но диалектика Сократа полностью сохранила свое значение до настоящего времени. Обмен мнениями, диалог, дискуссия являются важнейшим средством получения нового знания, понимания степени своей собственной ограниченности. Все это справедливо и по отношению к студентам, активность которых на семинарах открывает им дорогу к успеху.

Наконец следует отметить принципиальность Сократа. За якобы имевшее место со стороны Сократа развращение молодежи и введение новых божеств он был осужден. Имея много возможностей для избежания казни, Сократ, тем не менее, исходя из убеждений, что надо соблюдать

законы страны, что смерть относится к бренному телу, но отнюдь не к вечной душе (душа вечна подобно всему общему), принял яд цикуты. Смерть Сократа потрясла, как он и предвидел, его сограждан. Но не только их. Имя бескорыстного искателя истины сохранилось бы в любом случае в веках. Обстоятельства же смерти Сократа обозначили его величие еще резче. Мыслитель превыше всего ставил добытые им знания и приобретенные на их базе убеждения. Мужество философа не сумела поколебать даже предстоящая смерть. Здесь есть над чем призадуматься.

Софисты

Сократ много и с принципиальных позиций спорил с *софистами* (V — IV вв. до н.э.; софист — учитель мудрости). Смысл этого спора имеет важное значение для понимания философии. Как это обычно бывает в споре, побежденной стороны в нем так и не оказалось.

Софисты и сократики жили в бурную эпоху: войны, разрушение государств, переход от тирании к рабовладельческой демократии и наоборот. В этих условиях хочется понять человека в отличие от природы. Природе, естественному софисты противопоставляли искусственное. В обществе нет естественного, в том числе традиций, обычаев, религии. Здесь право на существование получает только то, что обосновано, доказано, в чем удалось убедить соплеменников. Исходя из этого софисты, эти просветители древнегреческого общества, уделяли пристальное внимание проблемам языка и логики. В своих выступлениях софисты стремились быть и красноречивыми, и логичными. Они прекрасно понимали, что правильная и убедительная речь есть дело "мастера имен" и логики.

Исходный интерес софистов к обществу, к человеку нашел свое отражение в положении *Протагора*: "Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют". Если бы не было слов после двоеточия и предложение ограничивалось утверждением, что "человек есть мера всех вещей", то мы бы имели дело с принципом гуманизма: человек в своих действиях исходит из своих интересов. Но Протагор настаивает на большем: человек оказывается даже мерой самого существования вещей. Речь идет об относительности всего существующего, в том числе об относительности знания. Мысль Протагора имеет сложный характер, но ее часто понимали в упрощенном виде: какой мне кажется каждая вещь, такой она и является. Естественно, с точки зрения современной науки такие рассуждения наивны, произвол субъективной оценки в науке не признается; чтобы его избежать, существует множество способов, например измерение. Одному холодно, другому жарко, и термометр здесь к месту для определения подлинной температуры воздуха. Однако мысль Протагора довольно необычна: ощущение действительно не может ошибиться — но в каком смысле? В том, что мерзнущего надо согреть, больного вылечить. Протагор переводит проблему в практическую сферу. В этом проявляется достоинство его философской установки, она предохраняет от забвения действительной жизни, что, как известно, отнюдь не редкость.

Но можно ли согласиться с тем, что все суждения и ощущения в равной степени истинны? Вряд ли. Становится очевидным, что Протагор не

избежал крайностей *релятивизма* — учения об условности и относительности человеческого познания.

Сократа раздражало в рассуждениях софистов засилье относительного, забвение абсолютного, неумение и даже нежелание обнаружить его. Так, когда речь заходила о справедливости, то софисты не могли прийти к одному мнению. Говоря о справедливости, Протагор ссылался на общее мнение граждан, выраженное законом. *Антифонт* видел критерий истины в естественных, природных началах человека, *Фразимах* определял справедливое как выгодное сильнейшему. *Сократ* же хотел иметь дело со справедливостью как таковой и уже на этой основе разобраться с отдельными мнениями насчет справедливости. *Сократ* превосходил софистов в понимании общего. Софисты превосходили Сократа в определениях практического, в нацеленности на достижение конкретных практических результатов.

Разумеется, не все софисты были в равной степени изощренными в полемике мастерами, некоторые из них дали основание понимать софистику в дурном смысле слова, как способ построения ложных умозаключений и не без корыстной цели. Приводим древний софизм "Рогатый": "То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь".

Платон

Об идеях Платона. Тот, кто даже очень мало знает о философии, тем не менее, надо полагать, слышал имя *Платона*, выдающегося мыслителя античности. К его воззрениям, в силу их особой значимости, необходимо отнестись самым внимательнейшим образом.

Платон стремится развить сократовские представления. Вещи не рассматриваются только в их кажущемся столь привычным эмпирическом существовании. Для всякой вещи фиксируется ее смысл, идея, которая, как выясняется, для каждой вещи данного класса вещей одна и та же и обозначается одним именем. Есть множество лошадей, карликовых и нормальных, пегих и вороных, но у всех у них есть один и тот же смысл — лошадность. Соответственно можно вести речь о прекрасном вообще, благом вообще, зеленом вообще, доме вообще. Платон убежден, что без обращения к идеям никак не обойтись, ибо это единственный путь преодоления многообразия, неисчерпаемости чувственно-эмпирического мира.

Но если наряду с отдельными вещами есть еще и идеи, каждая из которых относится к какому-то определенному классу вещей, то, естественно, возникает вопрос о взаимосвязи единого (идеи) с многим. Как соотносятся друг с другом вещь и идея? Платон рассматривает эту связь двояко: как переход от вещей к идее (вещь → идея) и как переход от идеи к вещам (идея → вещь). Он понимает, что идея и вещь как-то сопричастны друг другу. Но, утверждает Платон, степень сопричастности их может достигать различного уровня совершенства. Среди многих лошадей мы без труда обнаружим и более, и менее совершенных. Ближе всего к идее лошадности наиболее совершенная лошадь. Тогда выясняется, что в рамках соотношения вещь → идея идея есть предел становления вещи; в рамках же соотношения идея → вещь идея есть порождающая модель того класса

вещей, которому она сопричастна. Идея A вызывает к жизни $a_1, a_2, a_3, \dots, a_N$; A есть предел, к которому стремится a_N . Современный читатель платоновских текстов может удивиться: разве есть реальный механизм порождения лошадностью лошадей? Его нет. Но Платон, очевидно, прав в другом. Существуют в каком-то смысле идеи, а вещи, действительно, различаются по степени совершенства. Мысль Платона движется в границах актуальных проблем. Другое дело, каким образом он пытается их разрешить. Все снова и снова возникает вопрос о том, что же представляет собой идея. Вещь, по крайней мере такую, как камень, собачка, лист дерева, можно потрогать, "пощупать", осмотреть, а идею — нельзя.

Может быть, идея — это просто мысль, которую при желании можно обозначить устным и печатным словом? С таким предположением Платон решительно не согласен: мысль, слово — это прерогативы человека. Идеи же существуют и без человека. *Идеи объективны. Платон — объективный идеалист*, виднейший представитель объективного идеализма. Более чем через две тысячи лет компаньоном ему в деле объективного идеализма станет Гегель!

Платон не только убежден в объективности идей, но даже считает, что они могут существовать (на небе!) и без сопричастности к ним вещей, порой переселяясь в них, порой покидая их. За эти воззрения Платона часто критиковали. Действительно, не было найдено рациональных обоснований существованию идей вне вещей. Платон, конечно же, понимал, что идея — это общее в вещах. Но это есть общее именно вещей, потому вне вещей объективных идей нет (об идее как мысли пока вообще нет речи).

Итак, что же, собственно, есть объективная идея? Общее данного класса вещей. Но в каком конкретном виде оно существует? Не в виде отдельной вещи: наряду с данными карандашами нет карандаша вообще. Именно это обстоятельство всегда вызывает затруднение у тех, кто занимается проблемой общего. Простейший жизненный опыт как-то весьма убедительно приучает нас к реальности отдельных вещей настолько, что хочется все реальное видеть именно в форме чувственно осязаемой вещи. И тем не менее общее, а Платон фактически именно общее называет идеей, действительно существует. На этот счет самые убедительные свидетельства дает наука, она и начинается с подъема от индивидуально-эмпирического к общему. Здесь не обойтись без достаточно убедительного примера научного плана, именно научного, дабы не попасть в тенета неразвитого, ненаучного мышления.

Рассмотрим простейшие физические объекты (тела): кусок железа, кусок угля, сколько-то воды. Все три объекта обладают массой. Как масса все они качественно представляют собой совершенно одно и то же и отличаются друг от друга лишь количественно. Именно эта тождественность наших объектов друг другу и служит основанием для их измерений одной и той же мерой — граммом, килограммом. Определяя массу объектов, мы измеряем не их железистость, угловатость и водность, а то, что для них является общим, — Массу. Тут все достаточно просто: не было бы этого общего, невозможен был бы сам процесс измерения. Измеряя, мы всегда имеем дело с общим, но оно количественно оформлено. Мы имеем дело с m_1, m_2, m_3 , но не с M в виде отдельной массы. Как видим, общее (идея) существует реально. Для науки было бы совершенно убийственно отказаться

от признания реальности общего (идеи).

Общее существует, и в лице Платона объективный идеализм имеет великую заслугу перед человечеством. После того как мы разобрались с тем, что, собственно, есть платоновская идея, обратимся вновь к проблеме ее сопричастности отдельным вещам — речь фактически идет о соотношении общего и отдельного.

Как мы видели выше, Платон мыслил себе определенный механизм перехода как от вещей к идее, так и от идеи к вещам. Между тем общее (идея) и отдельное (вещь) настолько тесно сопричастны друг другу, что отсутствует какой-либо реальный механизм перехода от одного к другому. По поводу характеристик перехода от идеи к вещам или от вещей к идее современная наука безмолвствует. Идея не является некой порождающей моделью, и соответственно она не есть предел становления вещей данного класса. В качестве порождающей модели люди используют *идеалы*, но идеалы — это не объективные идеи, а некоторые ценностные убеждения.

Опыт развития науки показал, что любое отдельное свойство или отношение — это всегда определенным образом оформленное общее. Слитность общего и отдельного — фундаментальный факт бытия, выявленный в ходе развития человечества. Надо принять этот факт. Но одно дело — реальное бытие, а другое — мыслительная, теоретическая деятельность. В теоретической деятельности мысль интерпретирует реально общее. Разумеется, перед Платоном возникал вопрос о путях выработки мысли. Вместе со своим учителем Сократом он считал, что выработке мыслей, их рождению способствуют диалектика, обмен мнениями, духовный поиск, дискуссия. Платон дополнял диалектику утверждением, что душа воспринимает шаг за шагом, все более отчетливо то, что она созерцала, будучи в кругу других идей, на небе. Надеемся, читатель способен самостоятельно критически оценить утверждение о небесном бытии идей.

Космология Платона. Платон мечтал создать всеобъемлющую концепцию мира. Отлично сознавая мощь созданного им аппарата идей, он стремился выработать представление как о Космосе, так и об обществе. Весьма показательно, как Платон использует в этой связи свою концепцию идей, скромно замечая, что он претендует лишь на "правдоподобное мнение". Космическую картину мира Платон дает в диалоге "Тимей".

Исходный пункт Платона таков: постулируется существование идей (ясно, что Платон не мог не начать с них), материи и Бога, который понимается как *демиург*, т.е. мастер. Из смеси идей и материи демиург создает мировую душу и распространяет по всему пространству. Мировая душа в своем исходном состоянии делится на стихии — огонь, воздух, землю. Соответственно гармоническим математическим отношениям Бог придал Космосу наиболее совершенную форму — форму сферы. В центре Космоса — Земля. Орбиты планет и звезд подчиняются гармоническим математическим соотношениям. Бог-демиург творит также и живые существа.

Итак, Космос — это одаренное разумом живое существо. Структура мира такова: божественный разум (демиург), мировая душа и мировое тело. Все происходящее, временное, равно как само время, есть образ вечного, идей.

Платоновская картина Космоса подвела своеобразный итог

натурфилософии природы в IV в. до н.э. На протяжении многих веков, по крайней мере до эпохи Возрождения, эта картина мира стимулировала философский и частнонаучный поиск. Самые изощренные современные космологи имеют возможность по достоинству оценить заслуги Платона. Наиболее важным для науки оказалась опора на идеи и их математическое содержание. Именно в этом деле Платон был первооткрывателем.

Разумеется, в целом ряде отношений платоновская картина мира не выдерживает критики. Она умозрительна, придумана, не соответствует современным данным науки. Но вот что удивительно: даже с учетом всего этого было бы весьма опрометчиво сдавать ее в архив. Дело в том, что далеко не всем доступны научные данные, тем более в каком-то обобщенном, систематизированном виде. Платон же был великим систематиком, его картина Космоса проста, по-своему понятна многим. Она необычайно образна: Космос одушевлен, гармоничен, в нем на каждом шагу встречается божественный разум. По указанным и другим основаниям, платоновская картина Космоса имеет своих сторонников и поныне. Оправдание такому положению мы видим еще и в том, что в скрытом, неразвернутом виде она содержит потенциал, который может быть использован продуктивно и в наши дни. "Тимей" Платона — это миф, но миф особенный, построенный с логическим и эстетическим изяществом. Это не только значительное философское, но и художественное произведение.

Учение Платона об обществе. Размышляя об обществе, Платон вновь стремится использовать концепцию идей. Многообразие потребностей человека и невозможность удовлетворения их в одиночку является побудительным мотивом для создания государства. По Платону, величайшим благом является справедливость. Несправедливость — это зло. Последнее он относит к следующим типам государственного устройства: тимократии (власти честолюбцев), олигархии (власти богатых), тирании и демократии, сопровождающейся произволом и анархией.

Справедливое государственное устройство Платон "выводит" из трех частей души: разумной, аффективной и вожделеющей. Одни разумны, мудры, они способны и, следовательно, должны управлять государством. Другие — аффективны, мужественны, им суждено быть стратегами, военачальниками, воинами. Третьи, обладающие по преимуществу вожделеющей душой, сдержанны, им надо быть ремесленниками, земледельцами. Итак, имеются три сословия: правители; стратеги; земледельцы и ремесленники. Далее Платон дает массу конкретных рецептов, например, чему кого надо учить и как воспитывать, предлагает лишить стражей собственности, установить для них общность жен и детей, вводит различного рода регламентации (порой мелочные). Строгой цензуре подвергается литература, все, что способно опорочить идею добродетели. В загробном мире — а душа человека как идея продолжает существовать и после его смерти — добродетельных ждет блаженство, а порочных — ужасные муки.

Платон мысленно строит идеальное государство, которое, по его мнению, могло бы предотвратить многочисленные несправедливости. Он исходит из идеала и строит идеальное государство, которое было бы столь же неизменным, как и его идея. Платон хотел бы достигнуть идеала, а получилась, как свидетельствует более чем двухтысячелетняя

послеплатоновская история, утопия, в которой исследователи разгадали идеализацию, представление общественных отношений древней Спарты более совершенными, чем они на самом деле были. После Платона будут созданы новые утопии и всякий раз — из самых благих устремлений.

В своем учении об обществе Платон как бы дублирует те же философские представления, что и в учении о природе: начинает с идей, идеи понимаются как порождающие модели и вместе с тем как идеалы. А сами идеалы строятся умозрительно, на основе исторически ограниченного знания. В итоге получается утопия. Нам предстоит дать философскую оценку такого рода методологии, в данном случае на примере учения Платона об обществе. В этой связи обратимся к критике платоновских воззрений крупнейшим современным философом, постпозитивистом *К. Поппером*.

Поппер ни много ни мало обвиняет Платона в том, что он враг открытого, демократического общества, предтеча тоталитарного, то ли социалистического, то ли фашистского, общества. Корни ошибок Платона Поппер видит в учении об идеях. Идеи, мол, фикции, а поэтому от них ничего, кроме утопии, нельзя ожидать. Согласно Попперу, надо исходить из реальных жизненных ситуаций и шаг за шагом трансформировать их к лучшему. Было бы, наверное, неразумно пренебрегать выводами Поппера, во многих отношениях великолепного философа. И все-таки, думается, в критике Платона Поппер излишне суров, более того, недостаточно гибок. Неужели великий философ древности, каковым несомненно является Платон, должен быть действительно назван врагом современного общества?

С высот сегодняшнего дня Платона критиковать довольно просто: что это, например, за рецепт — ввести общность жен и детей? Но ведь современному автору должно быть совершенно очевидно, что не устаревшие воззрения Платона должны нас интересовать в первую очередь.

Платон начинает с идеи, это правильно. Далее он исходит из идеала. И это верно. Все самые умные авторы поступают таким же образом, используя представления об идее и идеале. У Платона идеал — справедливость, у Поппера — свобода. Идеал справедливости вполне уместен, а вот идеал свободы был, к сожалению, чужд Платону. Кроме того, Платон конкретизирует идеал справедливости крайне умозрительно, без опоры на реальные факты. Именно это — путь к утопии.

Таким образом, идейная основа платоновских размышлений заслуживает самой высокой оценки, без нее нельзя представить современного человека. Мы имеем в виду проблематику идей и идеалов. Этому следует учиться у Платона и, кстати, добиться успеха на этом поприще отнюдь не просто. Что же касается ошибок Платона, то они как бы скорректированы современным знанием, исправлены, и нет никакой необходимости следовать им. Отметим еще раз: вклад выдающихся философов в развитие мировой цивилизации должен оцениваться комплексно, с выделением главного и второстепенного в их творчестве. На философских весах положительные стороны философии Платона, несомненно, перевешивают ее отрицательные аспекты.

Этика Платона. Платон сумел выявить многие острейшие философские проблемы. Одна из них касается соотношения концепции идей и этики. На вершине иерархии сократовских и платоновских идей находится

идея блага. Но почему именно идея блага, а не идея, например, красоты или истины? Платон рассуждает таким образом: "...то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, то ты и считай идеей блага, причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно то и другое — познание и истина,— но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав". Благо проявляется в различных идеях: и в идее красоты, и в идее истины. Иначе говоря, Платон ставит этическое (т.е. идею блага) выше эстетического (идеи красоты) и научно-познавательного (идеи истины). Платон отлично сознает, что этическое, эстетическое, познавательное, политическое как-то соотносятся друг с другом, одно определяет другое. Сознательный выбор Платона известен: все самое лучшее есть проявление идеи блага. Можно не соглашаться с Платоном, но вряд ли приходится отрицать, что Платону — именно благодаря предпочтительному отношению к идее блага — удалось создать весьма сбалансированную картину мироздания, где не только все согласовано, но и находится в соответствии с высокими принципами нравственности. Попробуйте вопреки Платону на место идеи блага поставить какую-либо политическую идею, например идею власти. Сразу же картина мироздания станет куда менее симпатичной.

Убежденный в том, что среди идей доминирует идея блага, Платон, будучи последовательным в своих рассуждениях, каждую идею "нагружает" нравственным содержанием. И, следует отметить, действует в этом отношении довольно прямолинейно. Идея оказывается одновременно идеалом, образцом, да еще нравственным образцом.

С позиций современного философского знания Платон излишне сближает идеи с ценностями и идеалами. Ученый, математик, физик используют идеи, но, возможно, не обязательно они являются ценностно нагруженными, тем более идеалами. В то же время человек определенным образом сепарирует идеи, ему приходится иметь дело и с идеями-ценностями, предельным случаем которых являются идеалы. Во времена Платона развитого учения о ценностях, т.е. аксиологии, не было, поэтому неудивительно, что он некритически объединяет идейное и ценностное. Но зато Платон не допускает излишней изоляции одного от другого, что весьма характерно для современного научного, равно как и для любого другого знания. Вновь мы встречаемся с прелюбопытной ситуацией: вроде бы Платон не прав в разрешении проблемы соотношения идеи и идеала, но существенно, что он как-то решает именно ту проблему, которая представляет трудность для современных исследователей.

Платон гениален в том, что он плодотворнейшим образом возделывает проблемное поле философии, осмысление которого становится неременным делом всякого образованного, тем более интеллигентного, человека. Ныне, как и двадцать четыре столетия назад, философия Платона стимулирует развитие человека, общества. В этом, пожалуй, состоит главная тайна многовековой значимости философии Платона. В центре этой философии находится учение об идеях. По большому счету Платон не устарел, его философия по-прежнему актуальна. Тот, кто достаточно смел в использовании своего свободного времени и способен часть его посвятить изучению творчества Платона, будет стократно вознагражден, наградой ему будет не только общение с великим мыслителем, но и максимально быстрое

индивидуальное духовное развитие.

Аристотель

Аристотель наряду с *Платоном*, своим учителем, — величайший древнегреческий философ. В целом ряде отношений Аристотель выступает вроде бы как решительный противник Платона. По сути же он продолжает дело своего учителя. Аристотель детальнее Платона входит в тонкости различного рода ситуаций. Он конкретнее, эмпиричнее Платона, его по-настоящему интересует индивидуальное, жизненно данное. Как древний грек, Аристотель не смог избежать созерцательности, но его созерцательность отличается от созерцательности Платона своей нацеленностью на конкретное, можно даже сказать, пафосом конкретного.

Материя и эйдос (форма). Движение. Аристотель был недоволен тем, что, по его мнению, платоновские идеи как-то несопричастны единичным вещам, на их основе никак не объяснить то, что происходит с вещами. Платон-де не обратился к первым подлинным сущностям, он оперировал вторыми сущностями. Первая же сущность — это просто отдельный предмет, единичное бытие. Самобытное единичное бытие Аристотель называет *субстанцией*. Это такое бытие, которое *не способно пребывать в другом бытии, оно существует в самом себе*. Мир есть совокупность субстанций, каждая из них — некоторое единичное бытие. Но что такое само единичное бытие? Как разрешить этот вопрос, на который не нашел четкого ответа Платон?

По Аристотелю, единичное бытие есть сочетание материи и эйдоса (формы). Материя — это возможность бытия и вместе с тем некоторый субстрат. Из меди можно сделать шар, статую, т.е. как материя медь есть возможность шара и статуи. Применительно к отдельному предмету сущностью всегда оказывается форма (шаровидность по отношению к медному шару). Форма выражается понятием. Так, понятие шара справедливо и тогда, когда из меди еще не сделали шар. Когда материя оформлена, то нет материи без формы, равно как формы без материи. Выходит, что эйдос — форма — это и сущность отдельного, единичного предмета, и то, что охватывается этим понятием. Все это весьма напоминает теоретический способ мышления. Мы пользуемся, например, понятием массы m и вместе с тем массу отдельного предмета считаем m_n . Обратите внимание на переход от m_1 к m или, если хотите, от m к m_1 . Здесь есть плавность идеи или, как говорили древние греки, сопричастность одного другому. Аристотель стоит у основ современного научного стиля мышления. Между прочим, когда современный человек говорит и думает о сущности, то своей рационалистической установкой он обязан именно Аристотелю.

Итак, всякая вещь есть единство материи и эйдоса, формы. Наряду с этим каждая вещь имеет причинное происхождение и целевое назначение, "то, ради чего". Но и действующую причину, и целевую причину определяет эйдос, форма. Эйдос определяет переход от материи-вещности к действительности, это основное динамическое и смысловое содержание вещи. Здесь мы имеем дело, пожалуй, с главным содержательным аспектом аристотелизма, центральным принципом которого явилось текуче-сущностное становление идеи, первостепенное внимание к динамике

процессов, движению, изменению и к тому, что с этим связано, в частности к проблеме времени.

Исходные моменты аристотелевской философии неминуемо приводят к рассмотрению последовательных стадий становления оформленной материи. Существует целая иерархия вещей (вещь = материя + форма), от неорганических объектов до растений, живых организмов и человека (эйдосом человека является его душа). В этой иерархической цепи особый интерес представляют крайние звенья. Между прочим, начало и конец всякого процесса обычно имеют особое значение.

В рассматриваемой цепи началом является первая материя как чистая возможность, т.е. еще не оформленная определенным образом. Интересно, что это аристотелевское представление привлекло пристальное внимание физиков в XX в. (*В. Гейзенберг* и др.). Дело в том, что, согласно квантовой механике, микроявления до взаимодействия с макроприборами существуют в виде макровозможностей. Оказалось, что Аристотелю в свое время удалось уразуметь нечто очень важное, а именно тот факт, что действительность есть осуществленная возможность.

Обратимся теперь к конечному звену иерархии вещей. Ясно, что здесь Аристотелю приходится иметь дело не с материей, а с эйдосом, ибо именно эйдос, в отличие от пассивной материи, есть динамическая причинно-целевая программа. Речь идет об эйдосе, который является эйдосом всех эйдосов. Это перводвижитель и вместе с тем первоум. Аристотель рассуждает весьма логично: раз всякий эйдос динамичен и понятен, то эйдос эйдосов также динамичен и "умен". Ум-перводвижитель — это принцип всего, Космоса в целом, это все материальное в пределе своего становления — как динамического, так и целевого (энтелехиального), равно как и смыслового (умственного). Концепция ума-перводвижителя явилась логическим заключительным звеном развиваемых Аристотелем представлений о единстве материи и эйдоса. Ум-перводвижитель Аристотель называет Богом. Но это, разумеется, не персонифицированный христианский Бог. Впоследствии, через века, христианские теологи с интересом отнесутся к аристотелевским воззрениям.

Возможностно-динамическое понимание Аристотелем всего существующего обусловило целый ряд весьма плодотворных подходов к разрешению тех или иных проблем, в частности к проблеме пространства и времени. Аристотель рассматривал их вслед за движением, а не просто как самостоятельные субстанции. Пространство выступает как совокупность мест, каждое место принадлежит какой-то вещи. Время есть число движения; подобно числу, оно является одним и тем же для различных движений. В философском отношении Аристотель здесь отчасти предвосхищает те представления о пространстве и времени, к которым приведет специальная теория относительности *А. Эйнштейна*.

Логика и методология. В трудах Аристотеля значительного совершенства достигла логика и вообще категориальный, т.е. понятийный, анализ. Многие современные исследователи считают, что самое главное в логике сделано именно Аристотелем.

Аристотель весьма подробно рассматривает ряд категорий, каждая из которых выступает у него в тройном виде: 1) как род бытия; 2) как форма мысли; 3) как высказывание. Категории, которыми особенно умело

оперирует Аристотель, суть следующие: сущность, свойство, отношение, количество и качество, движение (действие), пространство и время. По поводу каждой из этих категорий Аристотель формулирует множество ценных идей, которые и поныне привлекают внимание исследователей.

Но Аристотель оперирует не только отдельными категориями, он анализирует высказывания, взаимоотношения между которыми определяются тремя знаменитыми законами формальной логики.

Первый закон логики — закон тождества (A есть A), т.е. понятие должно употребляться в одном и том же значении. Второй закон логики — закон исключенного противоречия (A не есть не- A). Третий закон логики — закон исключенного третьего (A или не- A истинно, "третьего не дано").

На основе законов логики Аристотель строит учение о силлогизме (буквально: о сосчитывании высказываний). Смысл силлогизма состоит в том, что в нем два крайних термина S и P соединяются посредством третьего M , общего обеим посылкам. В итоге получается определение, называемое выводом. Например:

Все граждане России имеют право на труд (общее правило S).
Иванов — гражданин России (меньшая посылка P).
Иванов имеет право на труд (вывод M).

Как видим, вывод M содержится уже в большей (S) и меньшей (P) посылках, т.е. силлогизм есть метод раскрытия готового знания. Силлогизм нельзя отождествлять с доказательством вообще. Есть доказательства, которые отличаются от силлогизмов.

Аристотель весьма четко раскрывает содержание знаменитого сократовского диалогического метода. Диалог содержит: 1) постановку вопроса; 2) стратегию задавания вопросов и получения ответов на них; 3) правильное построение умозаключения. Однако сама по себе логика не дает знания эйдосов, общих принципов. Отыскание первых начал дело не логики, а философии (метафизики), т.е. осуществляемого в ее рамках умопостижения эйдосов. Философское творчество, по Аристотелю, нельзя втиснуть в рамки логики.

Общество. Этика. В своем учении об обществе Аристотель более конкретен и дальновиден, чем Платон, вместе с последним он считает, что смысл жизни не в удовольствиях, как считали гедонисты, не в счастье, как считали эвдемонисты, а в осуществлении требований разума на пути к благу. Но вопреки Платону благо должно быть достижимым, а не потусторонним идеалом. Цель человека — стать существом добродетельным, а не порочным. Добродетели — это приобретаемые качества, среди них наиважнейшие — мудрость, рассудительность, мужество, щедрость, великодушие. Гармоничным сочетанием всех добродетелей является справедливость. Добродетелям можно и нужно научиться. Они выступают серединой, компромиссом благоразумного человека: "ничего слишком...". Великодушие есть середина между тщеславием и малодушием, мужество — середина между безрассудной отвагой и трусостью, щедрость — середина между расточительством и скупостью. Что касается этического, то это середина между абсолютным добром и злом. Этику в целом Аристотель определяет как практическую философию.

Формы государственного устройства Аристотель делит на правильные (достигается общая польза) и неправильные (имеется в виду лишь польза для некоторых).

<i>Правильные формы:</i>	<i>Количество правящих:</i>	<i>Неправильные формы:</i>
Монархия	Один	Тирания
Аристократия	Богатое меньшинство	Олигархия
Полития	Большинство	Демократия

Аристотель связывает определенное государственное устройство с принципами. Принцип аристократии — добродетель, принцип олигархии — богатство, принцип демократии — свобода и нищета, в том числе духовная. Аристотель рассуждает весьма фундаментально, в этом сила его философских размышлений. Что же касается его собственных предложений (он высказывается в пользу монархии и политии), то на них лежит печать принадлежности Аристотеля к городу-государству, полису.

Интересно отметить, что современные политики в философском отношении подчас уступают Аристотелю. Быть может, всего рельефнее это проявляется в односторонности выбираемых ориентиров, когда во что бы то ни стало стремятся достигнуть чего-то одного-единственного, например, преобладания либо частной, либо общественной собственности. Знаменитый древнегреческий тезис "ничего слишком" остается непонятым.

Аристотель фактически подвел итог развитию классической древнегреческой философии. Он создал весьма дифференцированную систему знаний, освоение которой продолжается и поныне.

Философия раннего эллинизма

Наша очередная задача состоит в рассмотрении послеклассического периода развития философии античности. Разумеется, здесь нельзя не конкретизировать уже выработанные в классике представления, в том числе их идейно-смысловой характер. Особый интерес вызывал сам человек, субъект. Философия была призвана как-то сориентировать эллина (эллин — древний грек, живший в эпоху *Александра Македонского*) в мире все новых потрясений. Эта задача решалась типично, в духе древнегреческой философии, исходные принципы которой распространялись теперь на проблему человека и общества с тем, чтобы разрешить проблему субъективности. В этой связи ниже рассматриваются три главных философских течения раннего эллинизма: стоицизм, эпикуреизм, скептицизм. По их поводу блестящий знаток античной философии А.Ф. Лосев утверждал, что они являлись не чем иным, как субъективной разновидностью соответственно досократовской теории материальных элементов (огня прежде всего), философии *Демокрита* и философии *Гераклита*: теория огня — стоицизм, древний атомизм — эпикуреизм, философия текучести *Гераклита* — скептицизм.

Стоицизм. Как философское направление стоицизм просуществовал с III в. до н.э. до III в. н.э. Главными представителями раннего стоицизма были *Зенон Китийский*, *Клеанф* и *Хрисипп*. Позднее в качестве стоиков прославились *Плутарх*, *Цицерон*, *Сенека*, *Марк Аврелий*.

Физические воззрения стоиков малооригинальны. Считается, что тело мира составлено из огня, воздуха, земли и воды. Душа мира — это огненная и воздушная пневма, некое всепроникающее дыхание. По давней античной традиции, огонь считался стоиками основным элементом, из всех элементов он наиболее всепроникающ, жизнен. Благодаря этому весь Космос, в том числе и человек,— это единый огненный организм со своими законами (логосом) и текучестью. Главный вопрос для стоиков состоит в определении места человека в Космосе.

Тщательно продумав ситуацию, стоики приходят к убеждению, что законы бытия неподвластны человеку, человек подвержен року, судьбе. От судьбы деться некуда, действительность нужно принять такой, какой она является, со всей ее текучестью телесных свойств, обеспечивающей многообразие человеческой жизни. Судьбу, рок можно ненавидеть, стоик же скорее склонен ее любить, получая отдохновение в рамках доступного.

Стоики стремятся обнаружить смысл жизни. Эйдосы и категории Платона и Аристотеля их уже не устраивают, они не могут в них усмотреть текучесть жизни и ее смысл. Смыслом не являются и физические субстанции, тот же огонь. Но что же есть суть субъективного?

Слово, отвечают стоики, его смысловое значение (лектон). Лектон — смысл — выше всяких положительных и отрицательных суждений, речь идет о суждении вообще. Лектон осуществляется и во внутренней жизни человека, создавая состояние атараксии, т.е. душевного спокойствия, невозмутимости. Стоик отнюдь не безразличен ко всему происходящему, совсем напротив, он относится ко всему с максимальным вниманием и интересом. Но он еще определенным образом понимает мир, его логос, закон и в полном соответствии с ним сохраняет душевное спокойствие. Довольно неожиданно появляется выход из самой затруднительной ситуации. Клеанф в гимне Зевсу восклицает: "Жалкие! Вечно гоняясь за призраком блага летучим, общего в боге закона не видят они и не слышат, следуя коему, жизнь они в счастье могли бы устроить... ведь большего нет ни богам наслажденья, ни людям, как в справедливости славить закона всеобщую силу".

Итак, главные моменты стоической картины мира таковы:

- 1) Космос — это огненный организм;
- 2) человек существует в рамках космических законов, отсюда его фатализм, судьбоносность, своеобразная любовь к тому и другому;
- 3) смысл мира и человека — лектон, значимость слова, которая нейтральна как к психическому, так и к физическому;
- 4) понимание мира неминуемо приводит к состоянию атараксии, бесстрастности;
- 5) не только отдельный человек, но и люди в целом составляют неразделимое единство с Космосом; Космос можно и нужно рассматривать и как бога, и как мировое государство (тем самым получает свое развитие идея пантеизма (природа есть бог) и идея человеческого равенства).

В заключение отметим, что уже ранние стоики выделили ряд глубочайших философских проблем. Если человек подвластен различного рода законам, физическим, биологическим, социальным, то в какой мере он свободен? Как ему относиться ко всему тому, что его ограничивает? Чтобы хоть как-то совладать с этими вопросами, необходимо и полезно пройти

школу стоической мысли.

Эпикуреизм. Крупнейшими представителями эпикуреизма являются сам *Эпикур* и *Лукреций Кар*. Эпикуреизм как философское направление существовал в то же самое историческое время, что и стоицизм — это период V — VI веков на рубеже старой и новой эры. Как и стоики, эпикурейцы ставят прежде всего вопросы устройства, комфорта личности в сложных исторических условиях рабовладельческого общества в поздний период его развития. Огнеподобность души — общее представление у стоиков и эпикурейцев, но стоики видят за ней некоторый смысл, а эпикурейцы — основу ощущений. У стоиков на первом плане — разум, сообразный с природой, а у эпикурейцев — ощущение, сообразное с природой. Чувственный мир — вот что для эпикурейцев представляет главный интерес. Отсюда основной этический принцип эпикурейцев — удовольствие. Учение, которое во главу угла ставит удовольствие, называется *гедонизмом*. Содержание чувства удовольствия эпикурейцы понимали отнюдь не упрощенно и тем более не в вульгарном духе. У Эпикура речь идет о спокойствии благородном, если хотите, уравновешенном удовольствии.

Для эпикурейцев чувственный мир — это настоящая реальность. Мир чувственности необычайно изменчив, множествен. Эпикурейская реальность получает свое отображение в принципе атомарности. Чувственный мир изменчив, но не настолько, чтобы он был абсолютно непрерывен. Есть предельные формы чувств, чувственные атомы, или, иначе говоря, атомы не сами по себе, а в мире чувств. Атомов много; эпикурейцы в противовес стоикам выступают за примат множественности. Но тогда ставится под сомнение представление о стоическом роке, судьбе. Эпикур оформляет это очень красиво в форме идеи о том, что атомы могут спонтанно отклоняться в ту или иную сторону. По *Демокриту*, мир образовался от взаимного столкновения атомов. Эпикур наделяет атомы самопроизвольностью, "свободой воли". Атомы движутся по кривым, сплетаются и расплетаются. Представлению о стоическом роке приходит конец.

Эпикуреец не имеет над собой какого-либо господина, нет необходимости, он обладает свободой воли. Он может уединяться, предаваться собственным наслаждениям, погружаться в самого себя. Эпикуреец не боится смерти: "Пока мы существуем, нет смерти; когда смерть есть, нас более нет". Жизнь — вот главное наслаждение с ее началом и даже концом. (Умирая, Эпикур принимал теплую ванну и просил принести ему вина.)

Человек состоит из атомов, которые обеспечивают ему богатство мира ощущений, где он всегда может найти для себя удобную обитель, отказываясь от активной деятельности, стремления переустроить мир. Эпикуреец относится к жизненному миру совершенно бескорыстно и вместе с тем стремится слиться с ним.

Если довести качества эпикурейского мудреца до абсолютного предела, то мы получим представление о богах. Они тоже состоят из атомов, но нераспадающихся атомов, а потому боги бессмертны. Боги блаженны, им нет никакой необходимости вмешиваться в дела людей и мироздания. Да это и не дало бы какого-либо положительного результата, ибо в мире, где есть свобода воли, нет и не может быть устойчивых целенаправленных действий.

Поэтому богам на Земле делать нечего, Эпикур помещает их в межмировое пространство, там они и носятся. Но богопочитаемость Эпикур не отрицает (он и сам посещал храм). Это надо понимать в том смысле, что, почитая богов, человек сам укрепляется в правильности своего собственного самоустранения от активной практической жизни на путях эпикурейских представлений. Перечислим главные из них:

1) все состоит из атомов, которые могут самопроизвольно отклоняться от прямолинейных траекторий;

2) человек состоит из атомов, что обеспечивает ему богатство чувств и удовольствий;

3) мир чувств не иллюзорен, он — главное содержание человеческого, все остальное, в том числе идеально-мыслительное, "замыкается" на чувственную жизнь;

4) боги безразличны к человеческим делам (об этом, мол, свидетельствует наличие зла в мире).

5) для счастливой жизни человеку необходимы три главные составляющие: отсутствие телесного страдания (апония), невозмутимость души (атараксия), дружба (как альтернатива политическим и другим противостояниям).

Скептицизм. Скептицизм — характернейшая черта всей античной философии; как самостоятельное философское направление он функционирует в период актуальности стоицизма и эпикуреизма. Крупнейшие представители — *Пиррон* и *Секст Эмпирик*.

Античный скептик отвергал познаваемость жизни. Для сохранения внутреннего спокойствия человеку нужно очень много знать из философии, но не для того, чтобы что-то отрицать или, наоборот, утверждать (всякое утверждение есть отрицание, и, наоборот, всякое отрицание есть утверждение). Античный скептик отнюдь не нигилист, он живет как хочет, принципиально избегая необходимости что-то оценивать. Скептик находится в постоянном философском поиске, но он убежден, что подлинное знание в принципе недостижимо. Бытие выступает во всем многообразии своей текучести (вспомните Гераклита): вроде бы и есть что-то определенное, но оно тут же исчезает. Скептик указывает в этой связи на само время, оно и есть, но его и нет, "ухватиться" за него нельзя. Устойчивый смысл вообще отсутствует, все текуче, поэтому живи так, как хочешь, принимай жизнь в ее непосредственной данности. Познавший многое не может придерживаться строго однозначных мнений. Скептик не может быть ни судьей, ни адвокатом. Скептик *Карнеад*, посланный в Рим ходатайствовать об отмене налога, один день выступал перед публикой за налог, другой день — против налога. Мудрецу-скептику лучше помолчать. Его молчание и является философским ответом на поставленные ему вопросы. Воздерживаясь от определенных суждений, скептик остается невозмутимым. Молчание скептика можно считать мудрым выходом из ситуации, но в нем нельзя не видеть и известную пустоту мысли. Перечислим основные положения античного скептицизма:

1) мир текуч, у него нет смысла и четкой определенности;

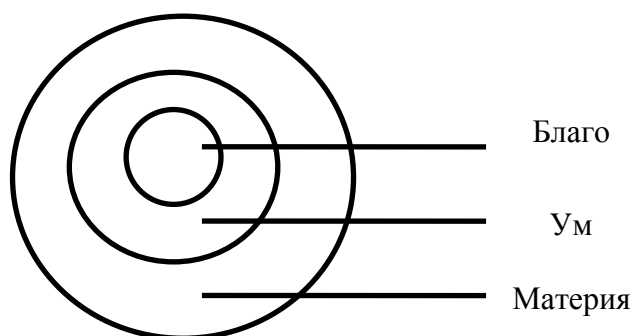
2) всякое утверждение есть вместе с тем и отрицание, всякое "да" есть вместе с тем и "нет"; подлинная философия скептицизма — молчание;

3) следуйте "миру явлений", сохраняйте внутренний покой. Античный

скептицизм по-своему довел до предела философские попытки справиться с трудностями жизни без ее логико-идейного осмысления. Молчание — это и своеобразный конец философскому поиску, и указание на то, что необходимы новые усилия. В этой связи мы переходим непосредственно к позднеэллинистическим представлениям, главное содержание которых составил неоплатонизм.

Неоплатонизм

Основные положения неоплатонизма были разработаны *Плотинам*, в зрелом возрасте проживавшим в Риме. Ниже при изложении содержания неоплатонизма используются преимущественно идеи Плотина.

Неоплатоники стремились дать философскую картину всего существующего, в том числе Космоса в целом. Нельзя понять жизнь субъекта вне Космоса, равно как и жизнь Космоса без субъекта. Существующее устроено иерархически: Единое-Благо, Ум, Душа, Материя. Высшее место в иерархии принадлежит Единому-Благу.

Единое-Благо. Единое — это подлинно первосущее, охват всего в одной точке. Если, считают неоплатоники, вы признаете существование разного, например, разумного и неразумного, то выше его есть предел того и другого, что уже не является ни тем, ни другим. Единое-Благо достигается не рациональным путем, а лишь в результате сверхразумного экстаза. Само собой разумеется, что в результате такого экстаза субъект уходит от различного рода земных трудностей.

Единое как бы переполнено собой, оно "изливается", образуя Ум, Мировой Ум. Это "изливание", или эманация, не является неким вещественным процессом. Речь идет о сущностной связи; сущность находится везде, но реализуется через другое. Единое существует посредством Ума.

Мировой Ум включает числа и идеи в их системном взаимосвязанном виде. Ум есть первообраз всех вещей.

Эманация Ума в свою очередь приводит к Мировой Душе, которая выражает собой все одушевленное. Душа производит все живые существа. Все, что движется, образует Космос. Низшей формой бытия выступает материя. Сама по себе она не активна, косна, она — восприимчива возможных форм и смысла.

Основная задача человека состоит в том, чтобы глубоко продумать, прочувствовать свое место в структурной иерархии бытия. Добро (Благо) идет сверху, от Единого, зло — снизу, от материи. Зло — не сущее, оно

никак не связано с Благом. Человек может избежать зла в той мере, в какой ему удастся подняться по лестнице нематериального: Душа — Ум — Единое. Лестнице Душа — Ум — Единое соответствует последовательность чувство — мысль — экстаз. Здесь, конечно, обращает на себя внимание экстаз, который стоит выше мысли. Но экстаз, следует заметить, включает в себя все богатство мысленного и чувственного.

Неоплатоники везде видят гармонию и красоту, за них ответственно фактически Единое-Благо. "Все идущее от Блага, — не без пафоса замечает Плотин, — прекрасно, само же оно — выше прекрасного, выше даже высочайшего — царственно содержит в себе весь умопостигаемый мир, являющийся уже областью умного Духа". Даже хаос гармоничен (обратите внимание, что в современной науке хаос описывается математическими уравнениями). Что же касается жизни людей, то она также в принципе не может противоречить всеобщей гармонии. Люди — актеры, они лишь осуществляют, каждый по-своему, сценарий, который заложен в Мировом Уме.

Неоплатонизм сумел дать довольно синтетическую философскую картину современного ему античного общества. Это был последний расцвет античной философии. Закончился он на высокой ноте. Плотин звал к Единому Благому, к объединению в божественном благодаря "экстатическому единству". За новыми горизонтами философов ждали геоцентрические проблемы. Но это уже сфера не античной, а средневековой философии.

Характерные черты античной философии

Античная философия развивалась на протяжении XII-XIII веков, с VII в. до н.э. по VI в. н.э. Речь идет о философии особого типа.

В историческом плане античную философию можно разделить на пять периодов: 1) натуралистический период, где основное внимание уделялось проблемам природы (фюзиса) и Космоса (милетцы, пифагорейцы, элеаты, короче досократики); 2) гуманистический период с его вниманием к проблемам человека, прежде всего к этическим проблемам (*Сократ*, софисты); 3) классический период с его грандиозными философскими системами *Платона* и *Аристотеля*; 4) период эллинистических школ (стоики, эпикурийцы, скептики), занятых моральным обустройством людей; 5) неоплатонизм, с его универсальным синтезом, доведенным до представления о Едином-Благе. Поле проблемных вопросов постоянно расширялось, а их разработка приобретала все более детальный и углубленный характер. Так, проблемой Космоса занимались не только натурфилософы, в частности милетцы, но и *Платон*, и *Аристотель*, и *Плотин*. То же относится к проблемам этики и логики. Наиболее зримо в античной философии выделяются три части: физика, понимаемая в данном случае как философское учение о природе; этика (философское учение о человеке) и логика (учение о слове, понятии). Перечислим характерные черты античной философии.

1. Античная философия *синкретична*, это означает, что для нее характерна большая слитность, нерасчлененность важнейших проблем, чем для последующих видов философствования. В современной философии проводится обстоятельное расчленение мира, например, на мир человека и

мир природы, для каждого из этих двух миров характерны свои черты. Современный философ вряд ли назовет природу доброй, для него добрым может быть лишь человек. Античный же философ, как правило, распространял этические категории на весь Космос.

2. Античная философия *космоцентрична*: ее горизонты всегда охватывают весь Космос, в том числе и мир человека. Это означает, что именно античные философы выработали самые универсальные категории. Современный же философ, как правило, занимается разработкой "узких" проблем, например проблемы времени, избегая рассуждений о Космосе в целом.

3. Античная философия исходит из Космоса, чувственного и умопостигаемого. В этом смысле она в отличие от средневековой философии не теоцентрична, т.е. не ставит на первое место представление о Боге. Впрочем, Космос в античной философии часто считается абсолютным божеством (не личностью); это означает, что античная философия *пантеистична*.

4. Античная философия многого достигла на понятийном уровне — концепция идей *Платона*, понятие формы (эйдоса) *Аристотеля*, понятие смысла слова (лектона) у стоиков. Однако она почти не знает законов. Логика античности — это преимущественно *логика общих имен*, понятий. Впрочем, в логике Аристотеля весьма содержательно рассматривается и логика предложений, но опять же на уровне, характерном для эпохи античности.

5. Этика античности — это по преимуществу *этика добродетелей*, а не этика долга и ценностей. Античные философы характеризовали человека в основном как наделенного добродетелями и пороками. В разработке этики добродетелей они достигли необычайных высот.

6. Обращает на себя внимание поразительное умение античных философов находить ответы на кардинальные вопросы бытия (смотрите, например, тексты, посвященные стоицизму, скептицизму и эпикуреизму). Античная философия по-настоящему *функциональна*, она призвана помочь людям в их жизни.

Античные философы стремились найти для своих современников дорогу к счастью. Можно спорить о том, в какой степени им это удалось. Бесспорно другое: они обеспечили собственным творениям долгую жизнь в веках. Античная философия не канула в историю, она сохранила свое значение и поныне. Подобно тому, как математики не думают отказываться от геометрии *Евклида*, философы с почтением относятся к этике *Платона* или логике *Аристотеля*. Более того, сплошь и рядом современные философы обращаются к своим великим предшественникам в поисках решений злободневных актуальных проблем.

Глава 1.2 Средневековая философия

Историческая справка

Средневековая философия принадлежит в основном эпохе феодализма (V - XV вв.). Это весьма своеобразный способ философствования, во многом отличный от античного. Безусловно, средневековая философия является восприемницей античной философии, порой даже просто повторяет ее, но вместе с тем вырабатывает и свои собственные принципы. Эпоха средневековья выдвинула плеяду выдающихся философов: *Августин, Эриугена, Ансельм, Аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд, Абельяр, Роджер Бэкон, Сигер, Фома Аквинский, Скот, Оккам* и другие. Не имея возможности рассматривать средневековую философию в персоналиях и деталях, дадим ей общую характеристику. Речь пойдет о главных, наиболее характерных чертах средневекового способа философствования.

Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности

В соответствии с принципом *теоцентризма* источником всякого бытия, блага и красоты является Бог. Высшую цель жизни видят в служении Богу. Античному признанию существования многих богов, т.е. политеизму, приходит конец. Иудаизм, христианство, мусульманство настаивают на единобожии. Такого рода учения являются монотеистическими. Каков же философский смысл теоцентризма? Надо полагать, отнюдь не случайно философия приобретает геоцентрический вид. Главная наша задача и состоит в том, чтобы понять смысл теоцентризма, его жизненные корни.

Теоцентризм — это историческая форма выражения субъекта, его особого места в мироздании. В условиях, когда человек еще связан теснейшими узами со всеми природными реалиями и родовыми отношениями, но уже начинает осознавать свою специфичность, единственным приемлемым принципом оказывается принцип абсолютной личности, принцип Бога. Роль субъекта уже выделена, но не настолько, чтобы ее в полной мере относить к отдельным людям. Принцип абсолютной личности — это результат более глубокого, чем в античности, понимания субъективного.

Показательно, что античные мыслители, современники христианства, не воспринимали последнее. Им казалось чудовищным считать иудея Христа сыном Божьим. Они находили в том же христианстве (напомним, что Ветхий Завет был написан еще до нашей эры, а Новый Завет — в I-II вв. н.э.) много противоречий. Но даже действительное наличие последних не могло приостановить главного — усиления принципа субъекта, что как раз и нашло свое воплощение в геоцентризме. Кстати, выяснилось, что именно античные мыслители подготовили основу для теоцентрических представлений. Это, в частности, выработка достаточно строгого стиля мышления, умения развивать единый логический принцип, без которого монотеизм, как очевидно, не может обойтись, а также понимание единого как блага. Когда теологи стали придавать христианству строгую логическую форму, то они обратились непосредственно к арсеналу идей античной философии.

Разумеется, принцип субъекта не мог проводиться в средневековье иначе как в соответствии с содержанием жизненных реалий: даже в ученых трактатах Бог появляется как господин, феодальный сеньор, царь. *Августин* считал, что "творец зовется творцом по отношению к своим тварям подобно тому, как господин зовется господином по отношению к своим слугам". Многократно воспроизводилась мысль, что ангелы, монахи, миряне — вассалы Бога. На золотом французском эю (XIII в.) изображение Христа сопровождалось надписью: "Христос — победитель, Христос — царь, Христос — император". Вместе с тем Бог-Сын ближе мирянам, чем его могущественный отец. Христос выступает как Богочеловек, как человек, учитель, наставник, удивительно тонко понимающий смиренную душу необразованного крестьянина. Человеческая природа Христа — это подлинная основа средневекового гуманизма.

Принцип геоцентризма с его всеохватностью вынуждал средневековых философов рассматривать и уточнять такие понятия, как бытие, сущность, существование, свойство, качество.

Креационизм

Креационизм — учение о сотворении мира Богом из ничего. Бог не нуждается ни в мире, ни в чем-либо другом для того, чтобы творить. Античная философия привязывала человека к миру, теперь эта связь разрывается и перед человеком открываются новые горизонты изменения своего бытия. Если творит Бог, то, пусть в меньшей, но все-таки вполне определенной степени, способен творить и человек. Энергично начинается обсуждаться идея творения, восходящая в своих истоках к античным представлениям о мастере, демиурге. В античности мастером был ремесленник, а не господин. Теперь творчество становится прерогативой Бога, верховного господина, и соответственно нижестоящих субъектов. Актуализация идеи творчества еще не означает ее неперемное и постоянное воплощение мирянами. Дело в том, что идея творчества не всегда, но довольно часто противопоставлялась концепции авторитета. В таком случае творение — прерогатива Бога, а изобретения со стороны людей считаются богохульством. Такого рода представления были весьма и весьма распространены, они существеннейшим образом сдерживали становление инженерной мысли.

Но каким образом творит сам Бог? В народе на этот счет существовали самые вульгарные представления. Философы же представляли себе это творение не столько как физический, сколько как сущностный акт, по подобию эманации Единого-Блага у *Плотина*, с той существенной разницей, что эманация платиновского Единого приводила к тождеству всего с Единым. Бог же не тождествен сотворенному. В средневековье выявляют множество таких различий, которые античности просто не были известны. Так, дьявол (падший ангел) — не божествен, но в стратегическом плане все есть благо. Максимально добродетелен лишь сам Бог. Отсюда, между прочим, возникает проблема ответственности каждого за себя, во многом чуждая античному мировоззрению.

Как понять рациональное творение мира Богом из ничего? Простой логический ход состоит в высмеивании идеи творения из ничего: из ничего,

мол, можно получить лишь ничто. Между тем путь навешивания ярлыка глупости на содержание принципа креационизма довольно бессодержателен. Креационисты по-своему логичны: если Бог — это основной принцип, то ему нельзя противопоставлять, например, материю как материал для творения.

Провиденциализм. Время

Провиденциализм — понимание истории как осуществления заранее предусмотренного Богом плана спасения человека. Августин понимал исторический процесс как путь к "Царству Божию". Применительно к космологии провиденциализм приводил к идее мировой гармонии, соразмерности всего природного. Провиденциализм фиксирует факт несвободы человека, но несвободы человека не столько со стороны природных, сколько со стороны не природных сил: то ли общественных, то ли сосредоточенных в самом субъекте, в динамике его жизни. Провиденциализм — это средневековое издание античного логоса, того, что сейчас называют законами функционирования и развития общества и природы.

Если Бог творит мир, то мир временен. Но что означает время? Начиная с *Августина* над этим вопросом буквально бились многие средневековые философы. *Платон* считал время образом вечности. Вечность — идея, время выступает как реализация идеи; если время очень долгое, то в пределе оно есть вечность (это соответствует тому, что идея вещи вообще есть ее предел). *Аристотель* считал время числом движения, любого движения, независимо от его специфики. Измерение же времени осуществлялось циклическими процессами. В античности вообще процессы считались в основном циклическими и в этом смысле неизменными: имеет, мол, место "вечное возвращение".

В средние века, когда доминировали сельскохозяйственные ритмы, цикличность не изымалась из центра внимания философов, но туда неизбежно попадала и Святая история, а здесь не было уже ставшей столь привычной цикличности. Рождение, смерть и воскресение Христа не могли повториться. Образно выражаясь, античное циклическое время как бы растягивалось, выделялись его особо значимые пункты. Все, что касалось деятельности Бога-Отца и жизни Христа, получало временное измерение. На какой день Бог сотворил Адама? Эквивалентно ли божественное время земному? В каком году родился Христос? Сколько часов пребывал Христос в смерти? Почему Адам и Ева находились в раю только 7 часов? Все это — типичные для средневекового человека вопросы. Начинают изобретаться особые устройства для измерения времени. Если вначале о времени возвещали колокола, то в XIII в. на зданиях городских ратуш появились часы.

Средневековое время прежде всего было религиозным и церковным. Каждый год воспринимался как воплощение Иисуса Христа. Так или иначе, но возникала проблема соотношения "святого" и земного времени. Абсолютное большинство людей были твердо уверены, что шесть дней Божественного творения мира не эквивалентны обычным, рядовым земным шести дням, часто считали, что один день творения эквивалентен тысяче

земных лет. Впоследствии в силу того, что вычисленный по этим пропорциям день Страшного суда (в России он ожидался в 1491 году) не наступил, пришлось от пропорции 1:1000 отказаться, но при этом и не переходили к пропорции 1:1.

Средневековая концепция времени — это переход к линейному времени и к связанному отчасти с ним понятию прогресса. Время считается чем-то многообразным, оно не сводится только к природным процессам, что уже само по себе замечательно.

Символизм. Средневековая герменевтика

Средневековый человек везде видел символы. У греков символ (цимболон) означал знак благодарности, две половинки предмета, разделенного между людьми. Символ — намек на утраченное единство. В средние века символ — это своеобразный вызов умению человека находить скрытое значение того или иного предмета. Выше мы уже видели, как за природным временем стремились распознать "святое" время. Аналогичным образом действовали всегда и везде. При этом, конечно, простые люди и философы достигали разных высот в символическом восприятии мира.

Простой люд обходился магическими образами, в этом духе он осуществлял таинства, молился, считал яблоко символом зла, белую розу — символом Девы, прозрачный берилл, пропускающий свет, — образом христианина, красный сардоникс — образом, символом пролившего свою кровь за людей Христа. Весь мир представлял как огромное многообразие символов.

Что касается ученых мужей, то они стремились выработать особый инструментарий для постижения скрытых значений символов. Символизм, конечно же, не был чужд и античности, достаточно вспомнить, как тогдашние философы стремились в вещах рассмотреть идеи, как стоики в своем подчинении року считали его неочевидным смыслом. Но только в средневековье благодаря успехам философии символизм становится принципом философии, ее существеннейшей характеристической чертой. Впоследствии эта черта философии в значительной степени утрачивается, сходит на нет, что достойно сожаления, и вот почему. Дело в том, что специфически человеческое всегда является символом, само по себе, вне природных процессов оно просто не существует. Следовательно, так или иначе надо научиться видеть за символами их скрытое содержание. Символизм оказывается по существу своему необычайно важным принципом философии. В религиозной форме это было впервые обозначено средневековыми философами. Им, следовательно, суждено было стать нашими первыми учителями в деле символизма.

Заметим еще, что недостаток символизма не проходит безнаказанно. Об этом недвусмысленно свидетельствуют технические аварии, взрывающиеся газопроводы, неудобные для жизни человека дома и города — все то, что было создано без учета их символической природы, их предназначенности для человека. Без символизма невозможен гуманизм.

Каков же путь нахождения скрытых символов, как их обнаружить? С этой целью использовали некоторые приемы толкования религиозных текстов (экзегеза), равно как и вообще любых текстов (герменевтика).

Понятно особое внимание к текстам. Ведь считалось, что все тайны бытия содержатся в священных писаниях, особенно в тексте Библии. Текст, слово — главный объект анализа. Обычно анализ проходил четыре стадии: этимологический, семантический, концептуальный и спекулятивный. На стадии этимологического анализа обсуждалось происхождение слов, их привычные, первоначальные значения. Семантический анализ, особенно если это касалось священных текстов, был нацелен на морализацию, выяснение морального смысла жизни. Концептуальный анализ претендовал на выяснение хода мыслей автора текста. На спекулятивной стадии выясняли следствия из усвоенного, комментатор занимался системотворческой деятельностью, между прочим рискуя войти в противоречие с воззрениями авторитетов.

Средневековая философия была особенно внимательна к символике слов. Это и понятно, ибо средневековая символика начиналась с текстов Библии, т.е. со слов. Для Данте слово было всеобщим знаком, символом. Отсюда становится более понятным библейское "Вначале было Слово". Но что есть слово? Что оно означает? В этой связи и разгорелся знаменитый "спор об универсалиях" между номиналистами и реалистами, позволивший значительно уточнить восходящий к Платону и Аристотелю вопрос о соотношении единичного и общего.

Реализм и номинализм

Для реалиста общее существует, причем для Фомы Аквинского трояким образом: в Боге, в вещах, в головах (т.е. мыслях) людей. Слово в таком случае обозначает общее. Позиция средневекового реалиста — это продолжение линии Платона.

Номиналист же продолжает линию софистов, которых Сократ критиковал за непонимание общего. Номиналист считает, что общее не существует, а понятия есть имена, ноумены, знаки. Тут все дело, считал Оккам, в направленности субъекта, его души на предмет познания. Такое устремление, по определению, есть *интенция*. По природе души ее интенция такова, что она сказывается во многих вещах, но общего в самих вещах нет, оно приписано к душе, точнее, к голове человека. Знаменитая "бритва Оккама" не допускает преумножения сущностей без необходимости. Если для объяснения достаточно допустить существование единичных вещей, то нет оснований еще постулировать действительность общего (реалий), псевдокопий действительных вещей.

Рассматриваемый спор можно представить в понятиях сущности и существования. Для реалиста существование есть проявление сущности, они совпадают, согласно *Бозцию*, только в Боге. Для номиналиста допустимо обойтись без сущности (вот и сработала "бритва Оккама").

В споре средневековых реалистов и номиналистов несколько особняком держались *концептуалисты* (Абеляр и др.). Они, как и номиналисты, считали, что общие понятия (универсалии) сами по себе не существуют. В то же время концептуалисты обвиняли номиналистов в "сотрясении воздуха": имелось в виду, что они считают понятия всего лишь словами, не раскрывая их подлинной природы. Концептуалисты расценивали общие понятия как концепты — доопытные мысленные

образования, необходимые для понимания мира.

Спор реалистов, номиналистов и концептуалистов тянется до наших дней, точка в нем так и не поставлена. Бесспорно одно: в определенном отношении были правы как первые, так и вторые, и третьи. В современной философии весьма значимыми считаются следующие представления об общих именах, понятиях и общих признаках. *Имя* — это языковое выражение (либо одно слово, либо сочетание слов). *Собственное имя* обозначает один предмет ("этот стол"). *Общее имя* обозначает класс предметов той или иной природы. Общими именами являются, например, выражения "студент", "лес", "действительное число", "мысль", "чувство". Предметы данного класса (множества) составляют именно класс (множество) в силу обладания каждым из этих предметов *общим признаком* (свойством или отношением).

Использование одного и того же общего имени "студент" для обозначения многих людей правомерно постольку, поскольку все они обладают общим свойством — учатся после окончания школы в техникуме, институте или другом учебном заведении. *Понятие* отличается от общего имени, ибо оно есть форма мысли, форма обобщения, своеобразная *интерпретация* общих признаков, а не просто их констатация. Понятие раскрывает смысл общего имени. Так, рассуждая о понятии "студент", мы не удовлетворяемся констатацией того, что тот или иной человек учится в учебном заведении, а начинаем интерпретировать: быть студентом означает любить учиться, стремиться к совершенству в таких-то и таких-то областях. Обычно для определения понятия используют теории. Итак, общие признаки предметов обозначаются общими именами, а содержание тех и других интерпретируется в понятиях. Реалисты абсолютизировали общие признаки; номиналисты концентрировали свое внимание на общих именах, отказав в существовании общим признакам; концептуалисты фактически занимались преимущественно понятиями. Все вместе делали общее дело, над проблемными аспектами которого продолжают работать современные философы.

Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа

Те отношения, в которых состоят Бог и человек, выступают как откровение. Откровение есть непосредственное волеизъявление Бога по отношению к человеку, адресату этого волеизъявления. Информация, исходящая от Бога, принимается субъектом безоговорочно как абсолютный критерий человеческого поведения и познания, принимается на веру, т.е. она для человека абсолютно убедительна. Бог — и соответственно Ветхий Завет, Новый Завет, писания святых — открывает человеку тайны мира и божественную волю, человек обязан верить Богу. Иного не дано.

Концепция откровения и веры имеет два, казалось бы, противоположных по содержанию источника. Один ориентирует на сверхчувственную реальность, идеальное, которое в соответствии еще с *Платоном* не может быть эмпирическим и вообще непосредственно познаваемым. Другой источник настаивает на непосредственности откровения. Откровение столь же непосредственно, как и чувство. Соотношение опосредованного и непосредственного в откровении и вере, в

духовной жизни человека всегда привлекало внимание средневековых философов.

Широко известно изречение *Тертуллиана* "Верую потому, что абсурдно". Здесь отрицается сама необходимость рационального осмысления откровения. В XI в. *Ансельм* приходит к формуле "Верую и понимаю", а в XIII в. *Фома Аквинский* стремится достичь гармонии между верой и разумом, но при приоритете веры. Соединить мысль и чувство оказывается очень непростым делом, их часто разводили, приходя к концепции двойственной истины. *Ибн Рушид* считал, что истинное в философии и науке может быть ложным в теологии и наоборот. Концепция двойственной истины обычно используется для автономного развития теологии и религии, философии и науки. В средние века эта концепция использовалась для борьбы с суевериями и засильем церкви. Позднее бывало и наоборот: например, *Канту* "пришлось ограничивать область знания, чтобы дать место вере". Между тем вряд ли можно найти оправдание каким угодно произвольным ограничениям. Поэтому современные философы не стремятся к противопоставлению веры и знания. Современный философ склонен понимать веру как личностное самоопределение человека по отношению к миру на основе имеющегося у него знания. Здесь выражено то главное в средневековой концепции веры, что вынуждает нас рассматривать ее на страницах учебника философии. Это — необходимость личностного самоопределения человека в своем духовном мире, в том числе в мире знания. Основательность этого самоопределения в средние века сплошь и рядом была — с позиций сегодняшнего дня — совершенно недостаточной, авторитарной и догматичной. Но в данном случае нас интересует сама направленность средневековых философских исканий относительно феномена веры, которая и ныне сохраняет свою актуальность. Веры бывают разными: и религиозными, и, как утверждал немецкий экзистенциалист *К. Ясперс*, философскими, и научными. *А. Эйнштейн* подчеркивал, что он верит в существование объективности физических явлений. Для нас важно сейчас не различие вер, а сам факт их наличия, необходимость их философского осмысления. Сказанное по другому поводу *И. Бродским*: "Неверье — слепота, но чаще — свинство" способно взбудоражить философское самосознание. Именно средневековое мировоззрение выработало идею веры.

В понимании человеческой реальности, своеобразия человеческого средневековая философия была по-настоящему оригинальной. Особенно следует поставить ей в заслугу открытие и развитие таких феноменов, как откровение, вера, любовь, угрызения совести, сострадание. Казалось бы, привычные человеческие чувства поднимаются на новые, религиозно-философские высоты. Это уже не просто чувства, а то, что начинают писать с заглавной буквы, — Любовь, Вера, Сострадание. Речь идет о феноменах особой значимости, которые выступают высшими образцами личностного самоопределения человека. Если античная философия, разрабатывая понятия о Космосе, поднялась до уровня философских категорий, то средневековая философия проделала аналогичное в сфере человеческого существования. Она поднялась до уровня особых феноменов, которым в современной литературе и названия-то подходящего не подобрали. Это не просто чувства, а чувства-эйдосы. Мы не случайно присовокупили к термину "чувство"

термин "эйдос", показывая, что речь идет о сущностных, сущностно-экзистенциальных определениях человека.

Средневековые философы везде видели иерархию; стремление подняться выше по этой лестнице довольно часто приводило к интереснейшим результатам. Обратимся в данной связи к нравственной проблематике. Напряженность религиозной жизни так или иначе приводила к необходимости трансформации религиозных установок в правила поведения, в практическую философию. Здесь, конечно же, всегда была возможность сослаться на авторитеты, на откровения, следуя Нагорной проповеди Христа, где он говорил: "Итак, будьте совершенны, как совершен Отец небесный". А это значило: не убей, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего и врага, делай другим, что хотел бы, чтобы они делали тебе, и т.п. Вроде бы, следуя этим правилам, христианин мог искать меру и оценку своих прегрешений и заслуг вовне, у других людей, особенно у священника, который налагал наказание в виде поста, длительных молитв. После того как наказание было исполнено, человек считал себя примиренным с Богом, но его собственное Я при этом было задействовано слабо. Это отметили средневековые философы, которые подготовили переворот, заключавшийся в необходимости погружения в самые глубокие пучины своего собственного Я; ведущую роль стало играть самосознание субъекта. Особая заслуга в открытии индивидуальности морального поведения человека принадлежала *Абеляру*. В последние века средневековья покаяние, все связанные с ним страдания и слезы выступают как результат напряженной внутренней духовной жизни субъекта. Этические нормы, правила выступали как необходимое продолжение чувств-эйдосов. Это были отнюдь не рядовые правила поведения, а достижение высоконравственных идеалов. Но тогда становится понятным, почему Нагорная проповедь Христа и поныне сохраняет свое значение. Христианство принесло новые нравственные принципы. Список этих принципов не оставался неизменным, что-то отвергалось, что-то видоизменялось, число критиков христианства росло, но на почве непредвзятого анализа нельзя не признать, что субъективизация духовной жизни человека и выработка на этой основе нравственных принципов — огромный шаг вперед в понимании человека и общества.

Средневековые философы — в соответствии с содержанием монорелигии — при осмыслении общества ставили на первое место не политику и не экономику, а нравственность, точнее, нравственные принципы. Не в этом ли следует видеть основания многовековой жизненности христианства, равно как и иудаизма, и ислама?

Общество и природа

Что касается средневекового общества, то здесь господствуют папа и император, оба претендуют на божественное предназначение. Земной порядок признается продолжением небесного, все расписано — в символах, должностях, сословиях. "Тело" общества составляют три сословия — священники, воины (аристократия приобрела рыцарский характер), крестьяне. Свободным считается тот, кто имеет могущественного покровителя. Поскольку вершина феодального общества была двуглавой —

папа и император, между последними происходила упорная борьба, нередко папа стремился присвоить власть короля (императора), а тот в свою очередь был неравнодушен к власти папы. Но превыше всего и всех — Бог. Земное рассматривается как символ небесного; логически отсюда следует, что земное, его своеобразие чаще всего недооценивается. В философии так обычно и было, хотя, как уже отмечалось, номинализм выступал против этой традиции. Что же касается реалий жизни, то здесь было больше разнообразия, чем в философии. Жизнь всегда богаче философии. Рыцари исповедовали культ физической силы. Удовольствие доставляла и еда, и питье, и сон, и любовь. Авторитет телесного был характерен для средневекового ощущения. Пристрастие к краскам, свету было всеобщим. Красивым считалось разноцветное, блестящее, роскошное. Все это еще раз показывает, что средневековье является прямым продолжением античности, где телесному и красивому (художественному) также уделялось особое внимание.

Что касается природы, то она в значительной степени тоже представлялась в традициях античности Космическое целое — шар, в середине которого находится Земля, вокруг нее движутся девять сфер из неразрушимой субстанции, на которых укреплены светила. За последней сферой — область света и пламени, которую невозможно вообразить себе, ибо она находится за пределами мира. Эта область определяет границы конечного мира, и там — место Бога. Приведенная картина показывает, насколько неубедительна картина мира тогда, когда для ее построения нет достаточных научных данных.

Средневековое отношение человека к природе определялось ее предполагаемым статусом как сотворенной Богом. В иерархии божественных творений природа стоит ниже человека. В этой связи к ней допустимо относиться со снисходительностью, даже с презрением. Но последнему нет места в том случае, если упор делается на божественное происхождение природы, ибо все, что произошло от Бога, в данном случае природа, выше критики.

Средневековая теодицея

Теодицея буквально означает оправдание Бога. Ясно, что в средние века, в эпоху геоцентризма, стремились обосновать правомерность представлений о Боге. Обыденное религиозное сознание считало бытие Бога очевидным постольку, поскольку каждый человек имеет понятие о нем. По *Августину*, Бог постигается в глубинах человеческой души, стоит только погрузиться в них, и вы обретете Бога неминуемо. *Дамаскин* исходил из того, что понятие о Боге укоренено в сердце каждого человека. Рассматриваемые воззрения получили свое обобщение в так называемом *онтологическом доказательстве* Ансельма. *Ансельм* считал, что идеи существуют реально. Если есть идея Бога, то есть и сам Бог. Он приводит стих одного из псалмов: «Сказал безумец в сердце своем: "Нет Бога"». Но даже безумец понимает смысл слова "бог", а именно — это наисовершеннейшее существо. Безумец тем самым фактически признает существование Бога. Уже современник Ансельма монах *Гаунилон* выступил "в защиту безумца": совершенно неубедительно, справедливо заметил монах,

делать заключение от понятия к бытию. Опровергая в свою очередь *Ансельма*, классик средневековой схоластики *Фома Аквинский* стремился идти от мира к Богу и приводил на этот счет ряд "доказательств".

Первое "доказательство" повторяет рассуждения *Аристотеля* о перво двигателе: каждый предмет движим другим, кроме перво двигателя. Во втором "доказательстве" утверждается, что мир — а здесь много случайного — должен иметь абсолютно необходимые причины. В третьем "доказательстве" Бог понимается как исходная основа всего существующего, отсутствие которой считается бессмысленным. В четвертом "доказательстве" Бог понимается как вершина совершенства, в пятом "доказательстве" — как последняя цель, гармонизирующая все целесообразные процессы. Мы всякий раз брали слово "доказательство" в кавычки, ибо приведенные нами в тезисной форме утверждения, даже если их представить в развернутом виде, не являются подлинными доказательствами. Надеемся, что читатель сам способен должным образом оценить "доказательств" *Фомы*. Укажем еще, что в свое время *Кант* рассмотрел "доказательства" существования Бога и отметил, что они не являются подлинными доказательствами. В науке отсутствуют достоверные доказательства существования Бога. Приводимые в философии и в теологии аргументы в пользу действительности Бога пока не очень убедительны. Впрочем, верующему в существование Бога человеку они, пожалуй, и не нужны. Ведь Бог открылся людям с возгласом "Я — сущий". А тут и доказывать нечего. Нам же хочется выделить следующую мысль. В любом случае — существует Бог или нет — философский смысл представления о геоцентризме является органичной стадией развития философских воззрений. Тот, кто не признает существования Бога, может в духе средневекового символизма утверждать, что в монотеизме и геоцентризме скрыты мощные пласты философского знания.

Это, кстати, дает ключ к пониманию того, что расхожее представление о подчиненной роли философии по отношению к теологии не следует абсолютизировать. Посредством теологического материала философия делала свое дело. С точки зрения того, насколько в средние века человеческое существование получило подлинное освоение, средневековая философия должна быть отнесена к величайшим творениям человеческого духа. Нам осталось привести основные идеи средневековой философии.

1. *Принцип абсолютной личности* — наиболее фундаментальная идея философского значения.

2. *Геоцентризм*. — принцип, согласно которому Бог является центром, фокусом средневековых философских и религиозных представлений; конкретизирует принцип абсолютной личности.

3. *Монотеизм* — Бог един, а не множествен. В отличие от античных богов христианский Бог един и уникален.

4. *Креационизм* — учение о сотворении мира Богом из ничего. Тем самым дается новый ответ на уже в античности поставленный вопрос о том, как из единого рождается множественное.

5. *Символизм* — понимание земного как инобытия, мира Бога.

6. *Средневековый антропоцентризм*: человек — не просто микрокосмос, а созданное Богом привилегированное существо, повелитель всего созданного для него. Главная проблема философии (и религии) — не Космос, а человек. Человек обладает не двумя измерениями, а именно телом

и душой, как считали гении античности, а тремя. К первым двум добавляется "дух" (духовность) — причастность к божественному посредством веры. Высочайшая добродетель — не разум, не интеллект, а добрая воля, повиновение заповедям Бога. Вслед за Богом человек причастен к добру. Суть человека — вера, надежда, любовь, "но любовь из них больше" (апостол Павел). Быть человеком — значит жить по этическим правилам, изложенным Христом в Нагорной проповеди.

7. Общество как "Град земной", как символ и подготовка к "Граду Божьего".

8. *Средневековая герменевтика* — искусство интерпретации текстов.

9. Концепция линейного времени и множественности времен. Идея историзма.

10. Истолкование *природы универсалий*.

В средние века много спорили о соотношении теологии и философии. Так, *Фома Аквинский* считал, что теология, не подменяя философию, тем не менее совершенствует ее; *Аверроэс* утверждал примат философий; *Дунс Скот* выступал против обоих, считая необходимым размежевание теологии и философии. Разные лица, разные идеи, но в них без труда читается то общее, что объединяло средневековых философов, — максимальная заинтересованность в философии, стремление поставить ее на службу людям. Обеспокоенность человеческой судьбой — характернейшая черта средневекового философствования. Так что нам есть чему поучиться у средневековых философов.

Средневековая философия ныне оценивается как органическое продолжение античной, как своеобразный подъем над греческим горизонтом, переоценка былых достижений и подготовка к философии эпохи Возрождения. Философы средневековья, проделав гигантскую работу, создали объемный арсенал проблемных идей, причем достоинства многих из них, по авторитетному мнению специалистов, и в наши дни еще не оценены по достоинству.

Глава 1.3 Философия эпохи Возрождения

Антропоцентризм — принцип возрожденческой философии

Средневековая философия глубоко и последовательно продумала принцип абсолютной личности, когда везде и во всем видели примат не природы, не человека, а Бога. Такого рода философское мировоззрение наиболее органично соответствует всему социальному и хозяйственно-политическому укладу средних веков, основывавшемуся на сельском хозяйстве. По мере перехода к городскому образу жизни и развития промышленности выявляется особая значимость человека, его своеобразия, его творческой активности. Стала ощущаться острая потребность в новых воззрениях, которые не заставили себя долго ждать. Разумеется, новые воззрения развивались не на пустом месте, они сохранили самую тесную преемственность и со средневековьем, и с античностью. Многим мыслителям представлялось, что возрождается античное культурное наследие, которое в средневековье было предано забвению. Это представление дало название целой эпохе, эпохе Возрождения или, что то же, если использовать французское выражение, эпохе Ренессанса (приблизительно XIV—XVI вв.). В эпоху Возрождения было выработано новое философское мировоззрение прежде всего благодаря творчеству целой плеяды выдающихся философов, таких как *Николай Кузанский*, *Марсилио Фичино*, *Леонардо да Винчи*, *Микеланджело*, *Джордано Бруно* и др. Каковы же основные принципиальные установки возрожденческой философии?

Выше уже отмечалось, что итогом, своеобразным венцом античной философии был неоплатонизм с его квартой: Единое-Благо. Мировой Ум, Мировая Душа, Космос. Это — безличный неоплатонизм, в котором еще нет четкого деления на субъект и природу. В средневековой философии античный неоплатонизм подвергся существенной трансформации: на место Единого-Блага был поставлен Бог, в соответствии в этом стали понимать содержание Мирового Ума (читай: Христа), Мировой Души (читай: Святого Духа), Космоса (вообще всего природного). В античном мировоззрении господствует универсализм, космоцентризм и политеизм, в средневековом мировоззрении доминируют геоцентризм и монотеизм. При переходе от античности к средневековью произошел довольно существенный сдвиг в сторону субъекта; субъективное, правда, оценивалось исключительно по принципу абсолютной личности. Если сделать еще один шаг навстречу субъективному, то нельзя получить ничего другого, кроме антропоцентризма: в центр мироздания будет поставлен человек (антропос). Этот шаг и был сделан в эпоху Возрождения с максимальной решительностью, которая вообще часто характерна для новаторов.

Естественно, встает вопрос о той философской базе, на которой могло возникнуть и действительно возникало новое, возрожденческое мировоззрение. Были ли опрокинуты уже выработанные философами античности и средневековья принципиальные схемы философских построений? Нет, не были. Возрожденческие философы по-прежнему использовали неоплатоническую схематику, методологию. Формально они по-прежнему в центр мироздания ставили Бога, но преимущественное внимание уделяли уже не ему, а человеку. Таким образом, философской

основой возрожденческой философии был антропоцентрический неоплатонизм.

Системный характер философских построений в результате перехода от сакрального (святого) неоплатонизма к антропоцентрическому фактически нарушается: формально остается в силе центральное положение Бога, но вместе с тем действительным адресатом философского интереса становится человек. Совместить два центра не удастся, поэтому не удивительно, что в системном плане возрожденческие философские построения уступают как античной, так и средневековой философии. Философские построения античности свел в систему *Плотин*, философские воззрения средневековья объединил *Фома Аквинский*. Но нет мыслителя, который бы сумел провести аналогичную работу в эпоху Возрождения. И, надо полагать, это явилось следствием состояния самой возрожденческой философской мысли. Теперь мыслителей интересует уже не столько системность философских построений, сколько человек, его природа, его самостоятельность, его творчество и красота, его самоутверждение, наконец. Вместе с тем философы Возрождения стремились максимально использовать преимущества как античного, так и средневекового неоплатонизма. От первого перенимается эстетическое внимание ко всему телесному, природному, восхищение человеческим телом особенно. От средневекового неоплатонизма наследуется понимание человека как одухотворенной личности, что предохраняет от вульгарного материализма.

Итак, *основной принцип возрожденческой философии — это антропоцентризм, который реализуется в совокупности антропоцентрических неоплатонических построений.*

Человек — творец, художник

Специфика человеческого — жизнь. "Там, где есть жизнь,— пишет *Пико делла Мирандола*,— там есть душа, где есть душа, там есть ум". Признавая это, нужно отдать должное всем характеристикам человека. Причем далеко не всегда ясно, какая из них является преобладающей.

В эпоху Возрождения человеческая личность по преимуществу является творческой, она как бы перенимает на себя творческую функцию Бога и способна овладеть и собой, и природой. Человек олицетворяет собой творческое начало, будь это искусство, политика, религия и даже техническое изобретение. Человек могуществен подобно Богу, считает *Фичино*. Если так, то он способен реализовать предел всякой разумности и красоты. Но как? Каким образом добиться этого?

Свои творения человек реализует в телесном. Здесь возрожденцы возобновляют античную тенденцию рассмотрения в единстве духовного и телесного. Причем имеется в виду, что творение является максимально совершенным. Но совершенное есть красота. Человек эпохи Ренессанса — это не просто творец, а творец и художник одновременно. Он и художник в искусствоведческом смысле, т.е. живописец, музыкант, и творец в эстетическом смысле вообще, т.е. технический работник. Довольно часто многие таланты присущи одному и тому же человеку. Так, *Леонардо да Винчи* был живописцем и изобретателем, *Микеланджело* — живописцем и поэтом. И оба они внесли существенный вклад в развитие философии.

Эстетическое — доминирующий аспект философии Возрождения. И это, конечно же, в противовес не знавшей предела средневековой моралистике, где подозрительно относились к телесно-природному, способному, возможно, умалить достоинство божественного: если в церкви петь слишком благозвучно и приходиться туда в нарядах, то внимание от божественного, мол, будет отвлечено. Возрожденческое мировоззрение выдвигает прекрасное на первый план. Причем таким образом, что первым ставится не столько подражание природе — как это имело место в античности,— сколько творчество художника. Объектом этого творчества является человеческое тело, безмерное любование его красотой. Как видим, торжествует антропоцентризм в его личностно-материальном значении, но без утраты духовного.

В искусстве большинство сюжетов берут из Библии, а наиболее излюбленным сюжетом живописи Возрождения является Богородица с младенцем; на смену этим картинам приходят изображения мадонн. Уже сам выбор библейских мотивов указывает на присутствие духовного в картине, оно выражается прежде всего красотой человеческого тела — будь то мужественный Давид, приготовившийся к схватке с Голиафом, или красивая, изнеженная лежащая Венера. Для эстетики Ренессанса характерна слитность духовности и личностно-материального. Максимального эстетического эффекта можно достичь двумя путями. Первый путь — опора на библейские сюжеты. Грандиозное впечатление производит серия картин сотворения Мира, которое *Микеланджело* изображает на потолке Сикстинской капеллы в Ватикане: "Отделение света от тьмы", "Сотворение Солнца и Луны", "Сотворение Адама" и т.д. Второй путь достижения эстетического эффекта — это изображение самого себя. Ведь автопортрет художника наиболее ярко выражает его духовность, его отношение к эпохе. Именно начиная с эпохи Возрождения почти все известные художники оставили нам свои портреты. *Леонардо да Винчи* рисует себя в преклонном возрасте, а *Дюрер* — в возрасте 13 лет. В XVII в. *Рембрандт* создает целую галерею своих портретов.

Но исходным учителем живописца является не только Библия, а прежде всего он сам. Художник должен быть образован во всех смыслах: философском, богословском, математическом. В античности математика была основой пифагоризма и платонизма, теперь она широко используется в эстетических и одновременно анатомических целях. Античность делила рост человека на шесть, семь частей, *Альберти* — на 600, а *Дюрер* — на 1800 частей (!). Речь идет о достижении математически строгой красоты. Но не в смысле современной математики, которая в поиске объективного стремится дистанцироваться от субъективного. В возрожденческой интуиции дело обстоит принципиально по-другому. Здесь математика оформляет субъективное. Наиболее зримо это проявляется в выработке геометрической концепции линейной перспективы.

Метод линейной перспективы состоит в том, что предметы изображаются на плоскости так, как их видит субъект. Параллельные линии нам кажутся сходящимися в одну точку, отдаленное видится малым. Метод линейной перспективы был разработан именно в эпоху Возрождения и искусно использовался великими художниками. Перспектива создает объективный порядок зрительного восприятия, которое в процессе

художественного творчества играет активную роль. Это вполне соответствует личностно-материальному принципу возрожденческой эстетики, тому факту, что основная наглядная информация идет через глаза и оценивается с точки зрения субъекта. Само творение понимается как процесс, контролируемый зрением и осуществляемый рукой. Все, что реализуемо, реализуется рукой. Творчество по-настоящему является рукотворным процессом — и в искусстве, и в литературе. Доверие к понятиям растет не столь быстро, как доверие к искусству и возможностям руки. "Все,— пишет Леонардо,— что существует во Вселенной как сущность, как явление или как воображаемое, он (*человек — В.К.*) имеет сначала в душе, а затем в руках". Ему вторит *Микеланджело*: "И высочайший гений не прибавит единой мысли к тем, что мрамор сам таит в избытке,— лишь это нам рука, послушная рассудку, явит".

Рука, послушная рассудку,— это ли не один из принципов инженерного отношения к действительности? Может быть правы те, кто считает Леонардо первым инженером на Земле? Леонардо оставил после себя многочисленные проекты технических устройств, гидротехнических сооружений, записи по механике и оптике. Технические идеи Леонардо по большей части не реализованы. И это тоже показательно, ведь речь идет о заре инженерной мысли. Для нас важно, что сама направленность философской мысли на материально-личностное приводит к одобрению творчества и изобретательства. В результате создаются необходимые предпосылки для становления — пока еще только для становления — инженерного подхода.

Гуманизм

Антропоцентризм, да еще в таком артистическом виде, в каком он существовал в эпоху Ренессанса, конечно же, не мог не способствовать развитию *гуманизма*, воззрения, признававшего ценность человека как личности, его права на свободу, счастье и развитие. Гуманизм имел длительную предысторию в античности и средневековье, но как широкое общественное движение он складывается впервые именно в эпоху Возрождения. Принцип гуманизма знаменует собой переворот во всей культуре и соответственно мировоззрении человечества. Одной из форм выражения этого переворота было противостояние схоластике, которая подвергалась критике и осмеянию. Спор шел принципиальный — о новом нравственном идеале и путях его воплощения в жизнь. Традиционная христианская этика видела вершину нравственного совершенства в сопричастности Богу, во имя чего превозносится аскетический подвиг подавления природных устремлений человека.

Согласно итальянским гуманистам, природа человека достойна всемерной реабилитации, она даже становится высшим критерием для оценки человеческих страстей. Гуманисты возрождают идеалы античных эпикурейцев, но без их спокойного и пассивного отношения к жизни. Эпоха Возрождения была этикой нарождавшейся активной молодой буржуазии в первую очередь. Вопрос стоит о благородстве человека, об истинном благородстве. Этот вопрос поставил еще *Данте*. Благородство человека заключается не в чужой славе, даже если этой славой является слава Бога, не

в величии рода и не в скоплении богатства, а в доблести духа. Все люди равно получают от природы, каждый не меньше, чем сыновья царей и императоров, дело же состоит лишь в том, чтобы довести свою доблесть и благородство до совершенства, будь то в науке, искусстве или производственной деятельности.

Схоластической религии противопоставляется право на истину и поиск ее; догматизм, преклонение перед авторитетами подвергаются резкой критике. Монашеским подвигам все чаще противопоставляется самый обыкновенный труд. Но тот, кто трудится, имеет право на богатство. *Балла* резонно задает вопрос: "...Если я могу жить непорочно в богатстве, зачем мне обрекать себя на бедность?" Обет бедности гуманисты отрицают, не собираются прославлять и богатство, роскошь, но они последовательно защищают частный интерес, индивидуализм.

Многие гуманисты отстаивают идеалы умеренного *утилитаризма*. Под утилитаризмом понимается учение, согласно которому цель жизни и добродетель отождествляются с пользой. До крайностей утилитаризма возрожденческие гуманисты доходят редко. Они ищут пути согласования личного интереса с интересами других. Люди должны, считают гуманисты, быть друг для друга источником радости, а это невозможно без того, чтобы основу человеческих отношений составляли любовь и дружба.

Таким образом, гуманизм Возрождения ориентируется на свободомыслие и соответственно справедливое устройство общественно-государственной жизни. Последнее чаще всего предполагалось достигать на демократических началах, в рамках республиканского строя. Но самые благие намерения не всегда гармонируют с действительностью. Стремясь к преодолению раздробленности, выступая против феодальных междоусобиц в тогдашней Италии, *Никколо Макиавелли*, автор знаменитого "Государя", допускал для достижения цели использование варварских средств, что уже вряд ли согласуется с передовыми идеалами этики возрожденческого гуманизма.

Не видя перспектив для скорейшей реализации своих идей в существующей социально-политической обстановке, некоторые мыслители стали обращаться к утопиям. Так появился утопизм *Т. Мора* и *Т. Кампанеллы*. Кампанелла выступает с позиции утопического коммунизма. Само появление произведений утопистов, а это были отнюдь не рядовые писатели, указывает на то, что идеалы Возрождения не были лишены внутренних противоречий.

До сих пор мы ограничивались характеристикой основных принципов возрожденческой философии. Теперь обратимся к философии двух выдающихся философов эпохи Ренессанса, *Николая Кузанского* и *Джордано Бруно*. Наш выбор остановился на этих двух знаменитых фигурах не случайно. Николай Кузанский стоял у истоков возрожденческой философии, Джордано Бруно знаменует собой ее исход. Эти два мыслителя дали миру интересные философские идеи, относящиеся к эпохе Ренессанса.

Философия Кузанского

Николай Кузанский — папский кардинал и епископ. Он не ставит перед собой задач атеистического толка, ему хочется сделать все выводы,

которые следуют из учения о Боге. Для современного читателя эти выводы оказываются поистине удивительными. Но это потому, что мы, люди конца XX в., не всегда понимаем всю глубину и основательность былых воззрений.

Для Кузанского Бог — это все: и бытие, и возможность становления бытия. Бог творит, значит, он заключает в себе чистую возможность становления. Он есть и абсолютный дифференциал и сумма всех дифференциалов, т.е. абсолютный интеграл. Но рассматривая становление, переходя от одного числа к другому, считает Кузанский, мы приходим к бесконечному числу. Это абсолютный максимум, ибо его нельзя уменьшить одним из арифметических действий. Абсолютный максимум неделим, но неделимость — это свойство абсолютного минимума. Значит, абсолютный максимум и абсолютный минимум есть одно и то же. Вот такая диалектика! От Бога Кузанский движется к интегральному и дифференциальному исчислениям. Движение идет и в обратном направлении: понятие "Бог" есть для Кузанского предельное понятие. К этому понятию можно сколь угодно приближаться, но его совершенно нельзя достичь, ибо всякое понятие имеет свой предел "у стены рая", как изящно выражается Кузанский. Из-за своего предельного характера понятие "Бог" не может быть постигнуто рассудочным, дискурсивным путем. Постижимым образом Бог — абсолют — может появиться лишь в единичном, индивид есть не противоположность общему, а скорее его истинное осуществление. Это типичные представления раннего Возрождения. Человек выступает как Богочеловек, он есть творческое начало, его главная способность — человеческое познание, и реализуется оно в первую очередь структурно-математическим образом, а именно, геометрически. Геометризм — важнейшая форма представления действительности в эпоху Ренессанса. Он нагляден, базируется на зрительских восприятиях. Кузанский к тому же демонстрирует умение выявлять предельные переходы. Часть окружности (дуга) при увеличении ее радиуса максимально приближается и, наконец, совпадает с ее касательной (прямой); стороны треугольника при уменьшении угла между ними образуют одну прямую и т.д.

Философия Николая Кузанского максимально наглядно демонстрирует путь перехода от средневековья к возрожденческим представлениям: Бог как возможность становления — его становление в человеке — всякое становление как предельный переход, наглядно представленный в геометрических построениях, — сам Бог как предел (круг замкнулся!).

В сущности главное философское открытие Кузанского состояло в развитии понятия предела, которое он использовал в толковании природы Бога и геометрических фигур.

Философия Джордано Бруно. Пантеизм

Джордано Бруно — представитель позднего Ренессанса, человек мужественный, он готов в своих рассуждениях к самым крайним выводам. Права человека для Джордано Бруно — вне всяких ограничений. Он развивает философские представления *Кузанского* и астрономические воззрения *Коперника*.

Дж. Бруно стремится продумать идею Бога в свете новейших данных.

Вслед за Кузанским он считает, что существующие в мире противоположности совпадают. Совпадая друг с другом, они могут быть не чем иным, как абсолютным тождеством. Бог и есть это абсолютное тождество, мировое целое, которое везде и нигде. Бессмысленно представлять себе Бога как что-то изолированное, он есть мировое целое. Джордано Бруно — пантеист. *Пантеизм* — учение, отождествляющее Бога с мировым целым. Термин "пантеизм" состоит из приставки "пан" (греч.— все) и корневого слова — греческого "теос" (Бог).

Если Бог — это мировое целое, то неразумно искать источник движения вне мира, он содержится в самом мире, во всех его составляющих частях, в минимуме. Материя есть вовсе не потенция, она есть самодвижущееся бытие. В мировом целом совпадают мировая душа и мировой разум. Мышление тоже есть движение. Весь мир выступает как нечто живое. Перед нами возрожденческий *гилозоизм* (от греч. "гиле" — материя и "зое" — жизнь).

Пора уже включать и геометрию в картину бытия, без этого нет возрожденческого мыслителя. *Коперник* доказал, что Земля движется вокруг Солнца, она вопреки античным и средневековым представлениям не является центром Вселенной. Небо как что-то достижимое отсутствует, следовательно, как позднее скажет *Гегель*, мир нигде не заколочен досками. Пространство бесконечно. Надо полагать, оно содержит не только наш мир, но еще и бесконечное число других миров. Бесконечному пространству соответствует бесконечное число миров — такова логика Дж. Бруно. Современный ученый с такой логикой вряд ли согласится. Он будет решать уравнения и уже исходя из полученных результатов судить о свойствах пространства и численности миров. Но Дж. Бруно — не современный ученый, он представитель другой эпохи, эпохи Возрождения. К тому же он вообще не естествоиспытатель, как, например, Н. Коперник, а прежде всего философ, поэт. Обратите внимание, насколько смел Дж. Бруно в своих выводах.

Пантеизм Дж. Бруно уже не сдерживается ни античными, ни средневековыми, ни даже возрожденческими принципами. Дж. Бруно стремится возвеличить личность, героическую личность, а делает он это через пантеизм. От типичного для эпохи Возрождения личностно-материального понимания мира Дж. Бруно переходит к философии, в центре внимания которой окажется человек разумеющий и максимально деятельный. Это уже новый переход от философии эпохи Возрождения к философии Нового времени.

Для католической инквизиции Джордано Бруно был перерожденцем. Выдающийся мыслитель закончил свою жизнь трагически — он был сожжен на костре на площади Цветов в Риме. Шел уже 1600 год. Как часто люди не понимают и не хотят понять лучших из своих рядов! Как часто высоты духа, доступные героям, остаются неведомыми для мещан и филистеров! философия по самому своему характеру не терпит посредственности, она готова относиться к ней снисходительно, но не более того. Высоты человеческого духа — вот главный маяк всякой философии. Но маяки философии не расставляются произвольно, по чьей-либо прихоти, их зажигают люди, такие, как Николай Кузанский и Джордано Бруно.

Приведем основные идеи философии эпохи Возрождения.

1. *Антропоцентризм*: внимание философов направлено в основном на человека, при этом по-новому культивируются неоплатонические построения.

2. *Гуманизм*, признание человека личностью, его права на творчество, свободу и счастье. Имелось в виду, что этого можно достичь прежде всего за счет возрождения характерного для античности интереса к гуманитарному, а не к знанию о природе.

3. Постулирование *творческой сущности человека*: он никому не подражает, ни Богу, ни природе, он сам по себе деятелен, он творит, в основном рукотворно, ремесленно.

4. *Личностно-материальное понимание мира*: все существующее понимается в проекции на человека при максимальном интересе к телесному началу.

5. Идея доминирования *эстетического понимания* действительности над моральными и научными представлениями.

6. *Антисхоластика*: стремление развенчать мнимые авторитеты и пропагандируемые ими догмы. С этой точки зрения особенно важное значение имела Реформация, движение в пользу религиозных реформ, героями которого стали *Я. Гус, М. Лютер, Т. Мюнцер, Ж. Кальвин*.

7. *Геометрически-структурное понимание мира*, дополненное диалектикой перехода, характерного для бесконечно малого и бесконечно большого и их соотношения между собой.

8. *Пантеизм*.

Философия эпохи Возрождения, безусловно, имеет самостоятельное значение, но вместе с тем это и подход к новому философствованию, к философии Нового времени, которой суждено было сыграть одну из ведущих ролей в развитии индустриальной цивилизации.

Глава 1.4 Европейская философия XVII в.

Философия Бэкона

Выше были проанализированы философские воззрения трех исторических эпох: античности, средневековья. Возрождения. Уже здесь философия являет собой пеструю картину имен, школ, направлений. Новое время принесло (не в последнюю очередь благодаря быстрому развитию наук) еще большее разнообразие, все чаще стали выдвигаться значимые философские идеи. Чем ближе к современности, тем более детально приходится структурировать историю философии. Именно поэтому в следующей главе рассматривается не вся философия Нового времени, а ее первый этап — философия XVII в.

При всех своих достоинствах философия Ренессанса, равно как и любая другая философия, естественно, имела исторический характер. Эпоха ранних буржуазных революций достигла новых философских идей. В этом смысле весьма показательна философия англичанина *Фрэнсиса Бэкона*. Главные философские интересы Бэкона сосредоточены на практике и науке. И это при том, что он — философ, литератор, политик. Казалось бы, тяготеющего к литературе и политике философа не должны интересовать вопросы сугубо практико-экспериментального характера. Но интерес к этим вопросам стимулировался быстрым развитием капиталистического производства. Всякая философская система — философия Бэкона не является исключением — соотносится с вполне определенной исторической эпохой.

Бэкон резко критикует созерцательный идеал знания. Знание — сила, а сила эта выражается прежде всего в стимулировании ею человека к действию. Бэкон стремится к максимальному воссоединению философии с результатами практической деятельности человека. "Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно". Таким образом, знание замыкается на действии, а действие — на знании. Знания нет без науки, особенно фундаментальной, а действия, поскольку оно опирается на науку, нет без эксперимента. Бэкон — гуманист и поэтому склонен к тщательному анализу того, что действительно способствует развитию человека. Пустое морализирование, в том числе и на различные религиозные темы, в указанном смысле не плодотворно. Напротив, данные естественных наук крайне важны для развития человеческого общества и каждого человека. Поэтому, будучи философом и литератором, Бэкон развивает проблематику естественных наук.

В чем выразилось новаторство Бэкона? Пожалуй, прежде всего в понимании практико-экспериментальной обусловленности знания. Казалось бы, эта идея весьма проста и известна каждому. Но дело обстоит не совсем так, в противном случае не имел бы места существующий разрыв между знанием и практикой. В XVII, как и в XX в., мало кто желал пользоваться знанием, не пригодным для осмысления жизни, но избежать этого удавалось менее часто, чем хотелось бы. Бэкон понимает ситуацию глубоко и содержательно. Совершенно справедливо он указывает на необходимую связь знания с экспериментом. Здесь философ прав на все сто процентов. Однако далее он делает весьма обязывающий в философском отношении

шаг: он утверждает, что научное знание следует за экспериментом, выводится из него непосредственно. Но действительно ли знание получается непосредственно из эксперимента или, возможно, оно, как считали *Декарт* и *Кант*, объясняется особенностями человеческого интеллекта? Может быть, следует каким-то образом комбинировать то, что связано с интеллектом, с одной стороны, и то, что связано с экспериментом, — с другой?

По Бэкону, знание не возникает в голове человека само по себе, его нужно получить в результате осмысления данных эксперимента. Раз так, то он вполне последовательно утверждает, что эксперимент индуцирует знание, "наводит" на него. Латинское "индукцио" означает выведение, наведение. Но Бэкон имеет в виду не просто наведение на новое знание, а конкретный философский метод *индукции*, логическое умозаключение от частных, единичных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщениям (заметим, что в противоположность индукции *дедукция* есть умозаключение от общих суждений к частным).

Итак, по Бэкону, надо сравнивать данные эксперимента, находить в них общие черты и в результате получать знание общего характера, на основе которого уже без затруднений можно объяснить новые случаи, которые не противоречат общим положениям. Бэкон сознает, что у метода индукции есть пределы применимости. Уже в силу своей конечной природы человек может иметь контакт лишь с какой-то частью явлений, следовательно, индукция будет неполной. В то же время, может случиться так, что одни данные будут подчиняться общему правилу, а другие — противоречить этому правилу. Даже из-за одного отрицательного результата придется отказываться от применения общего правила. Рассмотренные ограничения не поколебали веру Бэкона в силу метода индукции. Да, считает Бэкон, метод индукции имеет свои пределы применения, но это не недостаток, а его особенность. Метод индукции дает знание таковым, каковым оно является.

Несомненно, в рассуждениях Бэкона содержится много истинного. Зачастую на самом деле действенным приемом является сравнение данных эксперимента и получение на этой основе знаний законообразного характера. Философы говорят в таких случаях об экспериментальных законах, которые отличаются от теоретических законов. Так, сравнивая многие ситуации, Бэкон установил, что теплота всегда связана с движением частиц. Это экспериментальный закон. Различного рода социологические опросы также приводят к закономерностям экспериментального характера. Таким образом, метод индукции позволяет обнаружить экспериментальные зависимости.

Но метод индукции не всемогущ. Это выясняется, если обратиться к проблеме идеализации, в которой, скажем прямо, Бэкон был отнюдь не силен. В теоретических законах используются идеализации типа "точка", "прямая", "абсолютно твердое тело" и т.п. В эксперименте вроде бы нет ни точек, ни бесконечно сохраняющегося прямолинейного движения, ни математических понятий. Никакое бэконовское сравнение не может привести к понятию точки. Метод индукции бессильен там, где получают идеализации. Философы, превосходившие Бэкона в уровне владения математическим знанием, видели односторонность бэконовской философии и стремились ее преодолеть. В этой связи особый интерес представляют

философские воззрения французского философа, математика, физика и физиолога *Рене Декарта*, которого многие считают самым влиятельным мыслителем XVII в. Бэкон олицетворяет собой философию перехода от Возрождения к Новому времени. Декарт же относится всецело к Новому времени, по утверждению *Гегеля*, именно он явился родоначальником философии Нового времени.

Философия Декарта (картезианство)

Рене Декарт, подобно Бэкону, резко критически относился к схоластическому наследию средних веков и эпохи Возрождения. В понимании эксперимента он далеко превосходит Бэкона? Но подход Декарта к философской проблематике во многом принципиально иной, чем у Бэкона. Декарт очень силен в математике, не в последнюю очередь отсюда, надо полагать, развивается у него склонность к обобщениям максимально универсального философского характера. Декарт сравнивает философию с корневой системой дерева науки, стволом которого является физика, а ветвями — прикладные науки. Реконструируем последовательно основные положения декартовской философии.

Философская пронизательность Декарта требует от него прежде всего обоснования достоверности знания. Ему слишком хорошо известны доводы скептиков на этот счет. Сам Декарт стремится использовать сильные стороны скептицизма, поэтому он считает, что *методическое сомнение* не только уместно, но и вообще является эффективным приемом в научных исследованиях. Впрочем, Декарт не останавливается на методическом сомнении, он ищет основания достоверности знания. Простое бэконовское утверждение относительно достоверной силы эксперимента Декарту — в силу уже указывавшихся оснований — не подходит. Искать надо не в области эксперимента, а где-то в другом месте. Где? В области человеческого интеллекта, конкретнее, с учетом недостоверности чувственных восприятия, в уме человека, в его разуме. Но прежде чем обратиться к человеческому интеллекту, есть настоятельная философская необходимость обратиться к человеку, носителю этого интеллекта. Отсюда знаменитое картезианское: "Я мыслю, следовательно, существую". Основание всякой достоверности суждений — наличие размышляющего субъекта. *Центр и одновременно исходная точка философии Нового времени — размышляющий субъект*, философия Нового времени от принципа абсолютной личности средних веков и принципа чувственно-материальной личности Ренессанса пришла к концепции *человека разумеющего*.

Итак, началом картезианской философии является данная новая концепция. Даже скептик должен признать факт своего собственного бытия в качестве разумеющего человека. В самом субъекте основанием достоверности знания является ум. Какой ум? Очевидно, не тот, который склонен попадать в сети беспорядочных рассуждений. Речь идет об уме ясном, отчетливом и внимательном, умеющем проходить все ступени непрерывной дедукции, замыкаемой на экспериментальные факты. Особое внимание должно быть уделено исходному пункту цепи дедукций, ее началу. Началом дедукции является *интеллектуальная интуиция*. Интеллектуальная

интуиция выступает как прямое, непосредственное, рациональное постижение сути дела. Конечно же, в правомерности такой интуиции тоже приходится сомневаться, но на эти сомнения накладываются оковы, ибо содержательность интуиции выясняется в процессе успешно осуществляемой дедукции (движения от общего к частному) и использования соответствующего знания на практике и в эксперименте. Метод Декарта включает: 1) признание истинным только того, что познается с предельной очевидностью и отчетливостью; 2) выделение максимально простых элементов знания; 3) восхождение от простого к сложному.

Выше отмечалось, что философия Бэкона "спотыкается" там, где речь идет о теоретическом знании. Обходит ли возникающие трудности картезианство? По крайней мере отчасти: мы не можем видеть точку, прямую, плоскость, но мы можем вообразить их себе. То же относится к постулатам и аксиомам философии, математики и логики. Если одни идеи человек получает из чувственного опыта, то другие — в результате интеллектуальной интуиции, проясняющей то, что есть в нас от рождения. Теоретические идеи являются врожденными, их основания невозможно обнаружить в эксперименте. Декарт стремится объяснить существование теоретических идей исходя исключительно из реальности обособленного от опытно-экспериментального мира субъекта. Пожалуй, это философская крайность, указывающая на слабости позиций философского гения XVII в. То же самое относится к дуализму философии Декарта, противопоставлению материальной субстанции духовной.

Выделив ум человека и обособив его от всего телесного, Декарт постулирует наличие двух субстанций: материальной (телесной) и духовной, их главными атрибутами являются, по Декарту, соответственно протяженность и мышление. Соответствие субстанций друг другу объясняется наличием Бога. У Декарта две субстанции, что вполне соответствует состоянию науки XVII в., когда внутренняя разнородность соответственно материальных и духовных явлений была почти неизвестна. Еще не было достаточных оснований для обособления друг от друга, например, физических и химических явлений. Поэтому Декарт говорит о единой телесной субстанции, причем главным ее неперменным свойством, атрибутом считает не время, а протяженность, что соответствует геометрическим наклонностям эпохи философа. Духовный мир человека XVII в. характеризовали упрощенно. Но положительно уже то, что четко видели его своеобразие, преодолевая тем самым ограниченность гилозоизма, бывшего весьма популярным еще в эпоху Дж. Бруно.

Итак, приведем основные черты философии Декарта.

1. Постулирование исходным пунктом философии реальности *мыслящего* субъекта.

2. Принцип методического сомнения; интеллектуальная интуиция и следующая за ней дедукция.

3. Деление изучаемого явления на составные, мельчайшие части.

4. Восхождение от простого к сложному.

5. Поиск рационального порядка во всем.

6. Развитие концепции врожденных идей.

7. Дуалистичность: представление мира состоящим из двух

субстанций.

Декарт был не только философом, но и выдающимся математиком и физиком. В данном случае мы, однако, не рассматриваем физико-математические заслуги Декарта. В нашу основную задачу входит характеристика философии XVII в. Безусловно, развитие математики и физики в XVII в. необычайно способствовало развитию философии. В силу особой значимости физики абстрагироваться от ее влияния на философию в XVII в. нельзя. И лучше это сделать в процессе анализа трудов непосредственно тех великих ученых, которые внесли максимальный вклад в развитие новой естественно-научной картины мира. Среди них по праву числится и Декарт. Но первыми лицами являются *Галилео Галилей* и *Исаак Ньютон*.

Галилей и Ньютон: создание теоретической механики

Читатель, наверное, знает, что *Галилей* прославился своими физическими экспериментами и астрономическими наблюдениями. Но особенно философски содержательными явились его теоретические открытия, в первую очередь *принцип относительности*, установленный им в 1636 г. Галилей доказывает, что никакими механическими опытами нельзя определить, покоится ли данная так называемая инерциальная система отсчета или движется равномерно и прямолинейно с некоторой скоростью. Все инерциальные системы отсчета физически равноправны в том смысле, что все законы механики применительно к ним одинаковы. Что касается равномерного прямолинейного движения, то оно может сохраняться сколь угодно долго. Утверждая это, Галилей фактически пользуется идеализацией. В реальной действительности равномерное движение в силу постоянных возмущений, воздействующих на любое тело, наблюдать невозможно. В теории же просто необходимо использовать идеализации.

Программа, намеченная Галилеем, была систематически развита *Ньютоном* в его книге "Математические начала натуральной философии". Отметим в этой связи четыре наиболее существенных аспекта механики Ньютона: 1) метод принципов; 2) математический язык; 3) законы и начальные условия; 4) гипотетико-дедуктивную структуру механики.

Ньютон считал, что надо исходить из двух-трех принципов и уже на их основе объяснять все явления. Именно таким методом строятся важнейшие физические теории. В механике Ньютона главным принципом является *первый закон Ньютона*, который представляет собой переформулировку принципа относительности Галилея. Принцип всегда выражается положениями максимально общего характера. Другими словами, он фиксирует как раз то единое во многом, что так интересовало древних мыслителей. Древние представляли себе это единое очень наглядно, а на самом деле оно состоит в применимости одних и тех же законов к различным явлениям.

Но принципы желательно формулировать математически: книга природы, утверждает Галилей, написана математическим языком. Математическое описание удивительно эффективно. Почему? Прежде всего потому, что в адекватной форме фиксируется своеобразие физических

теоретических конструкций. Широкой применимости физических принципов соответствуют математические преобразования, которые оставляют неизменными уравнения, выражающие физические законы. Физик-теоретик в своем стремлении обнаружить физические принципы ищет такие уравнения, которые, с одной стороны, описывали бы экспериментальные факты, а с другой — подчинялись бы определенным преобразованиям, оставляющим их инвариантными. Если это удастся, то принцип найден.

Наряду с принципами теория содержит законы. Закон описывает определенный класс явлений. Далее. В теории структура мира как бы разбивается на законы и на начальные условия. Закон всегда один и тот же, а начальные и последующие условия весьма изменчивы. В итоге оказывается "схваченным" сложное многообразие мира. В механике Ньютона законы справедливы при любых начальных условиях. В наши дни выяснена зависимость законов от начальных условий. Незыблемым остается стремление к математическому отображению законов, но при этом всегда сохраняется и представление о начальных условиях.

Рассмотренное нами строение ньютоновской механики фиксирует то, что в современных выражениях называют *гипотетико-дедуктивной структурой научной теории*. От принципов на путях дедукции — к эксперименту. Принципы изобретаются и опровергаются, а потому целесообразно, избегая доктринерства, не отрицать их в определенной степени гипотетического, предположительного характера. Ньютон дал гениальный образец гипотетико-дедуктивного построения теории. Усилиями философов, математиков, физиков XVII в. гипотетико-дедуктивный метод был тщательно разработан, что имело решающее значение для прогресса науки. Начиная с XVII в. наука стала развиваться так быстро, как никогда ранее.

Можно смело утверждать, что важнейшим достижением философии XVII в. является выработка гипотетико-дедуктивного метода. Со стороны философии решающий вклад сделан Декартом, а со стороны физики изящное решение сложнейшей проблематики было найдено Галилеем и Ньютоном, создавшими механическую картину мира. Оценивая содержание философии XVII в., нужно иметь в виду, что, конечно же, не везде и не всегда удавалось пользоваться рецептами математического естествознания. Тем не менее философия XVII в. по своей основной направленности была рациональной.

Выработка нового юридического мировоззрения. Правовые идеи философии Локка

Европейская философия XVII в. поставила в центр своей системы ценностей мыслящего субъекта. Такой обязывающий в философском отношении шаг не мог не привести к существенному пересмотру всей совокупности воззрений на роль личности, общества, государства, религии. Далеко не случайно в результате мощного церковного реформаторского движения, возглавлявшегося *Мартином Лютером*, протестантизм завоевал свои права в борьбе с католицизмом. Протестантизм объявил религию культивированием личной веры, раскрытием высшего разума в человеке. Рука об руку шли, с одной стороны, обращение к ясным и разумным началам

познания, а с другой — возвращение к предполагаемой простоте первоначального христианства. Соответствующий процесс был характерен и для осмысления общественного строя.

Для передовых философов XVII в. стала нормой опора на понятие естественного права каждого человека, дополняемого понятием общественного договора. Тому и другому стремились дать глубокое рационалистическое объяснение на путях защиты и развития юридического мировоззрения во всей его возможной чистоте. В отличие от своих античных и средневековых коллег правоведы Нового времени стремились защитить права каждой личности, в юридическом отношении все люди признавались равноправными. Совершенно непонятная для юристов старых школ новая идея состояла в желании установить "равенство без уравнивания". Юридическое равенство состоит в равенстве возможностей разных личностей. Эту идею развивали, в частности, английские философы *Томас Гоббс* и *Джон Локк*. Если физики XVII в. постулировали одинаковость для всех физических явлений одних и тех же законов при различных значениях физических переменных, то правоведы, реализуя новый стиль философского мышления, настаивали на подчинении всех людей одним и тем же юридическим законам при естественном несходстве разных индивидов.

Гоббс широко известен как защитник концепции общественного договора, без которого, по мнению философа, люди в силу своей естественной вражды друг с другом не способны к мирному сосуществованию. Наиболее полное выражение новые юридические возможности нашли в трудах *Джона Локка*, автора конституции Северной Каролины.

Свои рассуждения Локк начинает с рассмотрения изолированных индивидов, ищущих частной выгоды. Личность от рождения обладает тремя основными правами: на жизнь, на свободу и на собственность. Тройственная правовая формула Локка вошла во многие раннебуржуазные конституции. Самому Локку не составило труда показать, что все три права взаимосвязаны друг с другом и взаимопределяют друг друга.

Основные права гражданина и человека не могут быть обеспечены без терпимости друг к другу, ибо терпимость есть теоретически осознанный всеобщий смысл права. Локковская концепция права ставит во главу угла уважение и соблюдение гражданской самостоятельности индивида, уважение к конституции, мощному оружию социального прогресса. Итак, новый стиль философского мышления привел к выработке развитого юридического мировоззрения.

Философия Лейбница

XVII век одарил человечество целой плеядой выдающихся философов. Это, разумеется, не только Бэкон и Декарт, Гоббс и Локк, но и *Паскаль* и *Гассенди*, *Спиноза* и *Бейль*. К сожалению, мы не имеем возможности в рамках данного учебника рассмотреть философские воззрения указанных философов. Надеемся, что читатель сам, по своей инициативе, не оставит без внимания их замечательные труды. Своеобразное исключение делается для философии *Готфрида Лейбница*. Его философия фактически явилась вершиной философских изысканий XVII в. Философия

Лейбница представляет также особый интерес постольку, поскольку принадлежит человеку с самыми разносторонними знаниями и способностями: философу, математику, логику, теологу, государственному деятелю. Лейбниц — подлинный энциклопедист в точном смысле этого слова. Но философия по самому своему содержанию энциклопедична. Поэтому вершин в философии достигают именно энциклопедисты.

Лейбниц следовал рационалистической традиции Декарта, но он существенно углубил многие принципы рационалистической философии, благо его детальная осведомленность относительно тонкостей логики, математики, физики позволяла ему это сделать.

Прежде всего Лейбниц постарался уяснить себе и другим вопрос о началах философии, равно как и любого другого знания. Он стремился конкретно назвать, перечислить те интуиции, о которых писал Декарт и о которых всегда столь пространно рассуждают рационалисты. Лейбниц имеет в виду: принцип непротиворечия или тождества (A есть A и не может быть не равно A); принцип необходимости достаточного основания (все случается согласно определенному основанию); принцип тождества неразличимых (нет и не может быть даже двух тождественных вещей); принцип идеальности монад (сущностей); принцип предустановленной гармонии; принцип непрерывности и т.д.

Тождества не нуждаются в доказательствах, поэтому принцип тождества изначально приемлем. Опытные же факты в силу принципа необходимости достаточного основания должны обосновываться, факты зависят от законов. Вещь не представляет собой просто сгустка телесной материи, а есть внутренне активная сущность — *монада*. В известном соответствии с платонизмом эта сущность понимается как духовное, идеальное, которое выражается в экспериментально фиксируемых фактах. Лейбниц стремится здесь одним философским выстрелом "убить двух зайцев". Идеальность монад ему нужна для рационально-теоретического объяснения опытных фактов. А духовность монад выражает их динамическую суть, активность, постулирование которой позволило Лейбницу дистанцироваться от вульгарно-механистических воззрений, явно недостаточных для объяснения биологических и социальных явлений.

Между монадами существует предустановленная Богом гармония, системность. Абсолютное время и абсолютное пространство не существуют, ибо они лишены, по определению, указанных системных связей. Наконец, следует учесть все те изменения, которые происходят с монадами. Они непрерывны, ибо по-другому их невозможно себе представить в рационально оправданной форме. Здесь Лейбниц фактически дает философский перевод математического смысла дифференциального исчисления, одним из создателей которого он являлся. Что же касается сложного мира физических фактов, чувств, эмоций и желаний людей, то все это находит свое полное рациональное обоснование в идеальности монад. Монады сотворены Богом. Сам Бог реален в силу невозможности отказаться от всегда ясной идеи нашего ума о совершенном божестве.

Перед нами тезисы один из наиболее развитых философских концепции XVII в. При всей своей умозрительности она позволяет давать приемлемые объяснения самым сложным явлениям.

Спор Локка и Лейбница по вопросам теории познания

Главное произведение Локка "Опыт о человеческом разумении" показалось Лейбницу столь проблематичным и вместе с тем интересным, что он написал книгу со сходной структурой "Новые опыты о человеческом разумении". Лейбниц вел (заочно) острую дискуссию с Локком по вопросам теории познания. Эта дискуссия представляет интерес и для нас.

Локк критикует теорию врожденных идей Декарта. Сознание новорожденного — это "чистая доска", оно наполняется содержанием благодаря в первую очередь ощущениям. На основе чувственного опыта образуется внутренний опыт человека. Способы наблюдения за внутренним опытом Локк называет *рефлексией*. Опыт, по Локку, есть совокупность идей, под которыми он понимал чувственные впечатления, представления, понятия различного рода, например волевые, акты души. Исходным, первым, является чувственное знание, где выделяются первичные и вторичные качества. Первые — протяженность и фигура — существуют в вещах реально, а вторые — цвет, запах, вкус и т.д. — присущи субъекту, а не внешним для него вещам. Умственная активность субъекта позволяет ему соединять, проводить обобщения *простых* идей, в результате получают самые разнообразные *сложные* идеи. Для развитой Локком теории познания характерен *эмпиризм* ("все из опыта") и *сенсуализм* (т.е. все формы познания сводятся в конечном счете к чувствам). Малосведущим в философии людям концепция Локка обычно представляется ясной и очевидной. Между тем, как учили великие философы за кажущимся очевидным, как правило, скрываются самые сложные проблемы. Применительно к Локку на это указывал Лейбниц.

Формулу сенсуализма "нет ничего в интеллекте, чего бы не было раньше в чувстве" Лейбниц опровергает добавлением: "кроме самого интеллекта". Сознание новорожденного — это не "чистая доска", не "пустое помещение", а — речь идет об образе — глыба мрамора с прожилками, которые намечают фигуру будущей статуи. Из чувств нельзя вывести интеллект, рациональное мышление. Лейбниц — *рационалист*, он не против эмпиризма, но стремится осмыслить эмпирические данные на основе абстрактного мышления (способность человека к которому и есть "прожилки").

Комментарий к идеям Локка и Лейбница мог бы занять сотни страниц. Для нас важно, что оба мыслителя пытаются разрешить сложнейшие философские проблемы, например выяснить характер взаимоотношений между чувствами и понятиями. Локк редуцирует, сводит понятия к чувствам, Лейбниц чувства понимает как проявление духовности субъекта. Оба поступают сходным образом: для начала чувства и понятийные формы мышления противопоставляются друг другу, а затем это противопоставление полностью преодолевается, одно начинает доминировать над другим. Так рассуждали гении XVII века.

В заключение данной главы перечислим основные идеи философии XVII в., начала эпохи Нового времени.

1. Принцип *автономного мыслящего субъекта*.
2. Принцип *методического сомнения*.
3. *Индуктивно-эмпирический метод*.

4. *Рационально-дедуктивный метод*, включающий интеллектуальную интуицию.
5. *Гипотетико-дедуктивное* построение научной теории.
6. Выработка нового *юридического мировоззрения*. Обоснование и защита прав гражданина и человека.

Глава 1.5 Европейская философия XVIII в.

Историческая справка

Философия XVIII в. в не меньшей степени, чем ей предшествующая, отмечена духом новаторства. В идейном отношении непосредственно примыкая к философии XVII в., новая философия существенно конкретизировала ее традиции. При этом выявились интересные особенности эволюции философской мысли. Восходящая к именам английских мыслителей Бэкона и Локка философия нашла своих талантливых продолжателей во Франции, в частности в лице *Дидро* и *Гольбаха*. Идеи француза Декарта вдохновили немца *Иммануила Канта*. Такое своеобразное перераспределение философских пристрастий отчасти объясняется общественно-политическим климатом эпохи. Франция шла навстречу буржуазной революции, насущные вопросы требовали активной деятельности философов, ясных и быстрых опровержений устаревших феодальных и клерикальных идей. Философия выходила за стены университетов и кабинетов ученых, она перемещалась в светские салоны Парижа, на страницы десятков и сотен запрещенных изданий. Философия становится делом идеологов и политиков. В этих условиях простые и ясные рецепты бэконовско-локковской философии используются весьма эффективно. По-другому обстоит дело в феодально-раздробленной Германии, где философией занимаются преимущественно университетские профессора в тиши и уединении своих рабочих кабинетов. Здесь разрабатываются рафинированные философско-рационалистические схемы. С учетом того что в XVIII в. центр философских изысканий переместился из Англии сначала во Францию, а затем в Германию, мы рассмотрим в первую очередь французскую, а затем немецкую философию данной эпохи. Разумеется, как и ранее, нас интересуют не столько философские персоналии, сколько принципиальные черты нарождавшихся новых философских миропониманий.

Философия французского Просвещения. Вольтер, Руссо, Гольбах

Во Франции философия выступала в XVIII в. как сердцевина, ядро Просвещения, сама в свою очередь получая от Просвещения — а оно являлось мощным общественно-культурным движением — конкретные импульсы к развитию. Философы-просветители считали философский разум базисной инстанцией при разрешении самых сложных вопросов. Это строго соответствовало центральному положению в философии принципа разумящего субъекта. Все ставилось под критический свет разума при готовности принять любую альтернативу (если она только может быть разумно обоснована) существующему положению дел. Показательна в этой связи философская деятельность *Вольтера* и *Жана-Жака Руссо*, двух, пожалуй, главных идеологов Великой французской революции.

Вольтер без устали атакует религиозный фанатизм, различного рода суеверия и заблуждения, феодальный абсолютизм, произвол властей, в том числе и правовой. Выступления Вольтера способствовали не только Великой французской революции, но и реформам в Англии, Германии, России, где он

провел часть своей жизни.

Основной предмет атак Вольтера — различные предрассудки, клерикализм, который он мечтал раздавить усилиями философов. Вольтер — не атеист, он деист, а это означает, что Бог признается творцом мира, но отвергается его участие в жизни общества. Вольтер выступает сторонником "естественной религии". Под естественной религией он понимает принципы морали, общие для всего человечества. Содержание морали Вольтер интерпретирует рационалистически. Главный принцип морали, считает Вольтер, сформулирован уже мудрецами древности: "Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой".

Философская деятельность Вольтера, не достигающая особых высот в формулировке новых принципов, вместе с тем свидетельствует, что было бы неверно считать философию только умозрением, только утехой кабинетных ученых. Творчество Вольтера показывает, что философия не менее других наук может иметь прикладной характер, добиваясь на этом поприще заслуженных успехов. Отнюдь не случайно по решению Учредительного собрания гроб с прахом Вольтера был в 1791 г. помещен в созданный в Париже Пантеон великих людей Франции.

Руссо так же, как и Вольтер, является представителем первой волны французских философов-просветителей. Он существенно развил гоббсовскую концепцию "общественного договора". Руссо не хотел допустить порабощения свободного по природе своей человека. А это, считает он, произошло и происходит по причине невежества части населения, вследствие его обмана и насилия над ним. Молодой Руссо видел истоки неравенства в частной собственности и государственном устройстве, он советовал людям вернуться к природе, деревенскому уединению в том числе. Позднее философ встает на несколько иную точку зрения: общественный договор позволит преодолеть неравенство. При этом Руссо сохраняет свою заинтересованность в счастливом будущем всех людей. Руссо провозглашает суверенным народ, суверенитет народа неотчуждаем и неделим, законодательная власть должна принадлежать народу. Исполнительная власть лишь представляет народ. Провозглашенные Руссо политические требования в наши дни кажутся вполне очевидными и весьма привычными. В свое же время они были далеко не очевидными социально-философскими новациями, которые весьма ограниченно гармонировали с концепцией человека разумного. Руссо, подобно Вольтеру, проявил себя как мастер прикладного использования философии.

Своей вершины французская философия XVIII в. достигла в работах *Дени Дидро* и *Поля Гольбаха*. Под руководством Дидро издавалась знаменитая энциклопедия, в которой на суд человеческого разума ставились достижения "во всех областях знания и во все времена". 35 томов энциклопедии явились зримым торжеством просветительских идей.

Гольбах, как и Дидро, был одним из философских лидеров энциклопедистов. Его салон в Париже был фактически их штабом. Глубокий знаток философских, социально-политических, естественно-научных воззрений, Гольбах склонен к последовательному систематическому мышлению. Его главное произведение "Система природы" (1770) стало своеобразным итогом усилий энциклопедистов по развитию философских идей. Не случайно "Система природы" была воспринята как "библия

материализма".

Как всякий последовательный материалист, Гольбах начинает анализ с материи, с того, что существует изначально, независимо от духовной жизни человека. Далее делается попытка дать объяснения самым сложным феноменам вплоть до сознания человека. По Гольбаху, "природа есть причина всего", она всецело материальна. Сама же природа есть не что иное, как модифицируемая движением материя. Материя есть причина самой себя, она состоит из частиц. Способом существования материи является движение, которое может быть механическим, химическим, биологическим. Природа есть целое, и в этом качестве она выступает как цепь причин и следствий, религиозному чувству здесь нет места (Гольбах — атеист). Все явления необходимы, это — следствие объективности законов. Случайность в природе отсутствует. Согласно необходимому порядку вещей, в природе самопроизвольно зарождается жизнь, вершиной которой является человеческая жизнь.

Что касается идей, то они возникают из опыта человека, в результате воздействия внешнего мира на его органы. Опыт и размышления всегда наставят в конечном итоге человека на истинный путь. Люди способны разобраться во всех хитросплетениях существующих явлений, сознательно противиться страданиям, выпадающим на их долю. В этой связи Гольбах уделяет большое внимание этике и концепции общественного договора. Как и другие французские материалисты XVIII в., Гольбах доказывает необходимость коренных социальных преобразований, без которых невозможно утвердить гуманистические отношения между людьми. философия Гольбаха, подобно идеям Вольтера и Руссо, подготовила Великую французскую революцию.

В заключение данного параграфа целесообразно привести некоторые критические замечания в адрес французского материализма XVIII в., дабы он не выглядел как истина в последней инстанции. Безусловно, у рассматриваемой философии были свои достижения и недостатки. Те и другие выступают следствием развития философского принципа автономной разумной личности. философы того времени гордились тем, что человек разумен: разум, считали они, есть вершина интеллекта человека. Но вопрос в том, как развивать обозначенную программу рационалистических воззрений. Путь, избранный французскими материалистами, не единственный, это станет ясным при рассмотрении в следующем параграфе философии *Канта* и *Фихте*. Там же будет уместен сравнительный анализ двух наиболее значимых философских систем XVIII в.

Философия в Германии. Кант и Фихте

Для немецкого философа *Иммануила Канта* самый главный предмет философии — это человек, ибо он для себя есть своя последняя цель. Отправной точкой философствования Канта являются противоречия между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым. Человеку присуща свобода, но у него нет никакой свободы, все в нем есть природная необходимость; мир имеет начало, но он не имеет начала. Чтобы "разобраться" с этими и сходными *антиномиями*. Кант строит тщательно продуманную систему, к которой он пришел лишь в зрелый период своего

творчества. Кант считает, что духовные интересы человека выражаются следующими философскими вопросами: 1) что я могу знать? (метафизика, т.е. философия);

2) что я должен делать? (мораль); 3) на что смею надеяться? (религия); 4) что такое человек? (антропология). Перед нами "скелет" той философской системы, которую Кант строит с поистине немецкой тщательностью. В центре внимания — человек, а философствование начинается с вопроса: что я могу знать? Кант начинает не с вопроса о бытии (онтология), а с анализа познавательной деятельности человека. Такой подход в философии называется *гносеологическим* (греч. "гносис" — знание). Схематически сам Кант изображал свою философскую систему в следующем виде (две последние колонки добавлены нами. — В.К.).

Способности души в совокупности	Познавательные способности	Априорные принципы	Применение их к	Получаемые суждения	Основные ценности
Познавательная способность	Рассудок	Закономерность	Природе	Теоретические	Истина
Чувство удовольствия и не удовольствия	Способность суждения	Целесообразность	Искусству	Эстетические	Красота
Способность желаний	Разум	Конечная цель	Свободе	Практические, или нравственные	Добро

Познавательные способности задают принципы совокупных способностей души. "Оказывается, — пишет Кант, — что рассудок содержит в себе отличительные априорные принципы для познавательной способности, способность суждения — только для чувства удовольствия и неудовольствия, а разум — лишь для способности желания". По Канту, познавательная способность задает принципы как себе самой, посредством разума, так и двум другим способностям, чувству удовольствия/неудовольствия и способности желания (необычная, но не противоречивая логика). Как это возможно, разъясняется ниже.

Кант очень тонко чувствует те трудности, которые связаны с пониманием природы идеализации науки. В них, собственно, скрыта тайна науки как достоверного всеобщего и необходимого знания. Кант видел недостатки решения проблемы идеализации как в эмпирических, так и в рационалистических построениях. Кант делит знание на две рубрики: апостериорное (послеопытное) и априорное (доопытное) знание. Вывести идеализации буквально из экспериментальных данных невозможно, поэтому не правы эмпирики, считающие такое выведение возможным. В то же время заблуждаются рационалисты, в их числе *Декарт* и *Лейбниц*, признавая

идеальное знание врожденным для человека; они не показывают, как и благодаря чему оно появляется. И вообще тезис о врожденности идеализации излишне натуралистичен. Кант предлагает свое решение одной из сложнейших философских проблем. Приступающий к познанию индивид располагает сложившимися до него в науке формами познания, категориями, которые обеспечивают возможность познания. С одной стороны, индивид обладает готовыми категориальными конструкциями, с другой — эмпирическими данными. Благодаря своему продуктивному воображению индивид объединяет то и другое, синтезирует рациональное и чувственное. В этом синтезе и состоит природа науки.

Так, если иметь в виду геометрию, то необходимо различать: 1) пространство как идеальную форму, присущую человеку, а отнюдь не природе; 2) экспериментальные факты расположенности природных явлений; 3) объединение первого со вторым в геометрии как науке. По Канту, пространство — это идеальная, а не объективно-реальная форма. Такой вывод всегда шокировал людей, привыкших к простым материалистическим схемам. Конечно же, считают они, пространство существует объективно-реально, т.е. независимо от человека. Но необходимо отметить, что Кант преодолевает упрощенные воззрения. Он не отрицает того, что природные явления существуют сами по себе, что они рядоположены, т.е. пространственно разобщены. В этой части он полностью согласен со своими материалистически настроенными оппонентами. Но вместе с тем вопреки им он считает, что идеальных пространственных конструкций не существует в природе, им не соответствуют реальные аналоги; нет в природе точек, прямых, плоскостей. Все идеализации являются творением самого человека, они присущи не внешнему, т.е. трансцендентному для человека миру, а рассудку человека, его внутреннему, специфически человеческому, т.е. трансцендентальному миру. Все познаваемо настолько, насколько оно познаваемо на основе трансцендентальных способностей человека. Перед нами философская система, которую часто называют трансцендентальным идеализмом. Термин "идеализм" здесь вносит некоторую путаницу. Кант не утверждает, что идеи творят, создают мир, он лишь подчеркивает своеобразную природу научных идеализации. Идеализации Канта — это не платоновские идеи, они не определяют ход природных событий.

Философскую систему Канта часто называют также критическим идеализмом. По Канту, философия есть форма критики, но критику он понимает весьма своеобразно. В своих основных произведениях, в названиях которых, как правило, присутствует термин *критика к примеру* "Критика чистого разума", "Критика способности суждения", "Критика практического разума", — Кант не столько критикует в привычном смысле этого слова, сколько выясняет границы соответственно рассудка, способности суждения, воли.

Рассудок выполняет функцию подведения многообразия чувственного мира под единство понятия. Но рассудок не реализует ценностное отношение человека к миру. Последнее осуществляет способность суждения (осуждения). Теперь речь идет не о познании, а об оценках. Способность суждения позволяет подвести явления внешнего мира, с которыми контактирует человек, под единство, лишенное и

познавательного, и морального интереса. На основе способности суждения развивается эстетический вкус. Но и эстетическая по своей природе способность суждения имеет свои пределы применимости.

Как рассудку, так и способности делать оценки недостает конечной цели, которая определяла бы направление деятельности человека. Выработка цели — прерогатива разума, именно он дает безусловные конечные цели, необходимые для реализации желания, воли. Идея души, идея Космоса в целом, идея Бога — это все безусловные цели, в соответствии с которыми человек свободен. Существо, способное действовать в соответствии со всеобщими целями, есть существо свободное. Разумная воля — это практический разум. Религия разума — это чистая вера в добро, в собственные моральные устои. Бог — это просто абсолютно нравственный закон. Практическому разуму открывается абсолютный, всеобщий и необходимый нравственный закон, категорический императив: "Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства".

Человек, следующий категорическому императиву, избегающий соблазна его нарушения во имя мнимой любви к ближнему, поистине свободен. Он свободен не от моральных обязательств, он свободен постольку, поскольку абсолютные нормы морали присущи именно ему, субъекту, поскольку они априорны. Кант не признает каких-либо исключений из сферы абсолютного нравственного закона, человек вынужден действовать в соответствии со своим долгом. Этика Канта устремлена на должное, она априорна и абсолютна. У Канта, следует отметить, априорность вообще везде сопровождается абсолютностью. Такая жесткая связь, как выяснилось впоследствии, необязательна. Согласно Канту, идеализации, например евклидовой геометрии, априорны и абсолютны. Но когда, уже после смерти Канта, были созданы неевклидовы геометрии, то последователи кантианской философии были вынуждены отказаться от признания абсолютного характера евклидовой геометрии, сохранив, однако, представление о ее априорности. Рассматривая различные душевные и познавательные способности человека, границы между ними. Кант стремится сохранить их единство. Это единство Кант видит в самом трансцендентальном субъекте, который изначально един. Альфа и омега философской системы Канта — принцип трансцендентального субъекта. Философия Канта — это философия трансцендентального субъекта.

Без малого два века нет Канта среди живущих на Земле, но число сторонников его философской системы (либо полностью, либо некоторых существенных ее черт) все увеличивается. В чем секрет силы философии Канта? Пожалуй, в системности и научной утонченности. Кант рассмотрел в системе основные стороны человеческой жизни и всем им отдал должное. Там, где вступал в действие могучий интеллект Канта, неизменно вскрывались россыпи важнейших в философском отношении положений. Кант гордился тем, что он сделал в философии, и по праву. Он имел все основания надеяться на то, что его философия "потребуется человечеству для высоких помыслов".

Концепция трансцендентального субъекта Канта еще при жизни философа подвергалась критике со стороны тех мыслителей, которые стремились, как им казалось, к более последовательной точке зрения. Так,

Иоганн Фихте желал продолжить дело Канта и вместе с тем прийти к более основательной точке зрения. На место трансцендентального субъекта Канта он ставил абсолютное Я, исходя из деятельности которого Фихте хотел бы объяснить всю полноту реальности, весь объективный мир — его самостоятельность вне Я весьма рискованно ставится философом под сомнение. Абсолютное Я Фихте — это деятельное Я, реализующее себя в преодолении различных препятствий, в свободном творчестве. Философия Фихте — это деятельная философия, философия свободы, желание освободить человека от внешних оков. Фихтевское Я абсолютно самодеятельно, не определено через вещи, а само определяет их, Я реализует себя согласно определенному философскому проекту, который достигается в результате интеллектуальной интуиции. Исходя из этого Фихте не без претенциозности называл свою систему наукоучением.

Философия Фихте интересна прежде всего тем, что она показывает возможности философии, принципом которой является философски понятый субъект. В противоположность созерцательному материализму субъективный идеализм Фихте развивает деятельную сторону, мир берется как деятельность человека. И хотя эта деятельность осмысливается в весьма абстрактном виде, тем не менее налицо значительный шаг вперед в понимании природы человека и общества, их отличия от природных явлений.

Сравнение двух главных философских направлений XVIII в.

Мы рассмотрели два главных философских направления философии XVIII в., эпохи Просвещения. Одно сложилось во Франции, другое — в Германии. Эти два направления часто излишне резко противопоставляют друг другу. Для этого нет достаточных оснований: у сравниваемых философских направлений есть много как различного, так и общего, что видно из приведенной ниже таблицы.

Философский вопрос	Ответ французских философов	Ответ немецких философов
Каков исходный пункт философствования	Человек разумный	Человек разумный
Что значит быть разумным?	Следовать естественному порядку, природе, ибо именно она порождает различных людей	Жить в соответствии с разумом, который автономен от природы
Отличаются ли законы природы от законов разума?	Нет, не отличаются в том смысле, что законы природы переходят в законы разума	Да, ибо законы природы непереводимы в законы разума

Чем является философия в первую очередь?	Искусством жить в соответствии с законами разума	Искусством жить в соответствии с законами разума
Является ли философия основанием всех наук?	Да, является	Да, является
Как понимается суть теории познания?	Как теоретико-познавательный сенсуализм	Как априорный схематизм (Кант) или наукоучение (Фихте)
В чем заключается главная причина неудач человека?	В недостатке морального сознания (Руссо)	В недостатке морального сознания (Кант)
Свободен ли человек в своих действиях?	Нет, ибо он включен в систему необходимых связей	Да, ибо он сам устанавливает себе свои ценности
Совместимы ли религия и мораль?	Нет, не совместимы. Совместимы атеизм и мораль	Да, совместимы, ибо религия есть форма морали
Является ли революция необходимостью для торжества дела просвещения?	Да, является	Нет, не является (Кант, поздний Фихте)

Французские материалисты добились успехов в объяснении природных явлений, выработали в противовес теологическому юридическое мировоззрение, идеологически подготовили Великую французскую революцию, проанализировали природу социально-политических, этических и педагогических явлений. Соответственно Кант и Фихте существенно продвинули вперед понимание человека, его самосознания, активности, свободы и творческой деятельности.

Как видим, каждое из двух основных философских направлений XVIII в. имеет свои достоинства, которые дополняют друг друга. Их желательно было бы обобщить, синтезировать. Эта задача решается уже за пределами XVIII в., на новых этапах развития философии.

Глава 1.6 От философии Гегеля к диалектическому материализму

Философия Гегеля

Кантовская философия дала мощный импульс развитию немецкой философии. Кант исходил из противопоставления субъекта внешнему миру, объекту. Уже Фихте стремился преодолеть эту двойственность, считая, что субъект — это единственная основа и мира в целом, и правильной философии. *Фридрих Шеллинг* также стремился к преодолению двойственности субъект-объект. Он строит свою систему на базе философии тождества субъекта и объекта. Такой подход, который был детально развит *Георгом Гегелем*, привел к абсолютному идеализму.

Гегель стремился приблизить философию к науке. Это означало построение философии в форме взаимосвязанных идей. О чем бы ни рассуждал Гегель, он везде видел идеи, им нет преград. Но что такое идея? Разъясняя природу идей, Гегель максимально критически относится к способу философствования, при котором идеи считаются плодом всего лишь субъективной деятельности человека. Идеи Гегеля — это суть вещей, любых, в том числе и понятий. Это суть и объекта, и субъекта. Вот и получается, что противопоставление субъекта и объекта в идее преодолено.

Обратим внимание на особенности изменчивости идей. Идеи "самодвижутся". Каждая отдельная идея переходит в свое иное, в другую идею. Это — диалектическое отрицание. Тезис переходит в антитезис, затем они сливаются в новое единство. Синтезирующая идея содержит тезис и антитезис как свои моменты. Гегелевская триадичность "тезис — антитезис — синтез" многократно и, надо полагать, не без оснований ставилась под сомнение в том смысле, что не везде она имеет место. Более неуязвимыми для критики являются констатируемые Гегелем взаимосвязи идей, присущие им моменты отрицания и преемственности. Философия Гегеля выступает как чистая стихия мышления, восхождение от абстрактного к конкретному.

По Гегелю, идеи существуют на трех уровнях: 1) идеи сами по себе; 2) идеи в природе; 3) идеи в духе. Соответственно этому тройственному делению Гегель пишет книги: "Наука логики"; "Философия природы"; "Философия духа". Эти книги образуют "Энциклопедию философских наук". Тотальность идей Гегель называет абсолютной идеей или просто идеей. Речь идет о саморазвивающейся тотальности, с которой философия имеет дело как наука о всеобщем. Рассмотрим последовательно гегелевские науку логики, философию природы, философию духа.

Наука логики содержит: учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии.

Учение о бытии начинается с рассмотрения содержания чистого бытия, понятий *ничто* и *становление*. Затем анализируется главная триада бытия: качество — количество — мера. Качество и количество являются характеристиками ничто. Если изменится качество, то ничто перестанет существовать. Количество при данном качестве может изменяться в некоторых пределах, при этом сохраняется старое качество, а следовательно, и само ничто. Единство качества и количества образует меру. Переход от одной меры к другой, новой, есть скачок.

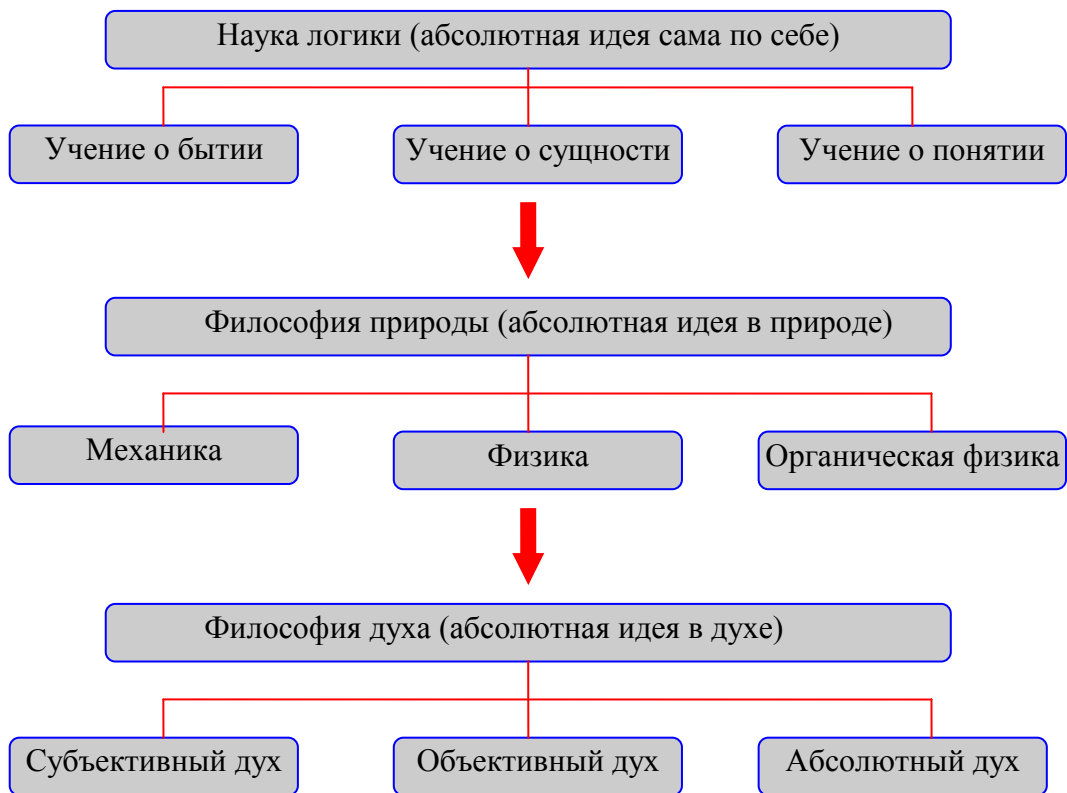
В *учении о сущности* Гегель выделяет в ничто решающее, главное:

это сущность и определяемое сущностью явление. Сущность в силу своей внутренней противоречивости сама себя отталкивает и переходит в явление, в существование. Таким образом, источником движения является противоречие сущности, наличие в ней противоположностей.

Учение о понятии — название еще одного раздела "Науки логики", но оно не должно вводить в заблуждение. Речь идет не только о субъективных понятиях. Субъективное понятие, по Гегелю, есть лишь самая бедная форма понятия. Субъективное понятие, развиваясь, достигает объективного понятия, объекта; дальнейшее развитие приводит, наконец, к понятию субъекта-объекта.

Гегель рассматривает в "Философии природы" последовательно механику, физику, органику; в "Философии духа" — субъективный дух (личность), объективный дух (семью, гражданское общество, государство), абсолютный дух (три ступени развития которого выступают искусство, религия и философия). Система закончена.

На страницах своих произведений Гегель демонстрирует всю мощь своего философского разума. В начале XIX в. не было человека, который мог бы самостоятельно составить энциклопедию всех наук, но был гений, который сумел представить энциклопедию философских наук. То, что сделал Гегель, по праву считается философским подвигом. Схематически гегелевская энциклопедия философских наук выглядит следующим образом (см. схему).

Главными особенностями гегелевской системы обычно называют абсолютный идеализм и диалектику. В отечественной философской литературе советского периода идеализм Гегеля ругали, а диалектику

хвалили. Считалось, что если идеализм заменить материализмом и соединить его с диалектикой, то получается передовая философия, диалектический материализм. О диалектическом материализме разговор впереди. Сейчас же отметим, что критика идеализма Гегеля обычно носила вульгарный характер. Главное в идеализме Гегеля — это уразумение наиболее содержательных аспектов системного знания касательно философии. Применительно к условиям начала XIX в. Гегель выполнил дело своей жизни блестяще. За прошедшие после него чуть ли не два века, естественно, идеализм системы Гегеля нуждается в коррективах.

Многие исследователи считают, что вопреки мнению Гегеля идеи, или, иначе говоря, сущностно-общее в вещах (материальных объектах, чувствах, понятиях), всегда причастны им, этим вещам. Если же говорить, как Гегель, об идеях самих по себе, вне единичных вещей, то реальность мистифицируется.

Рассмотрим теперь более подробно содержание гегелевской диалектики. У *Сократа* и *Платона* диалектика выступала как искусство вести философскую дискуссию. Гегель же понимает диалектику как логику идей, как восхождение от абстрактных (бедных, односторонних) идей ко все более конкретным (многообразным). Диалектика Гегеля выступает как дедуцирование, вывод одних идей из других. Гегель полагал, что в исходной идее содержится все то, что из нее дедуцируется. Идея содержит в себе свои противоположные определения, поэтому она внутренне противоречива; диалектика как движение идей по своей внутренней природе есть противоречие. Здесь Гегель вступил на тропу войны с формальными логиками, которые, подобно *Аристотелю*, считают: "...Невозможно, чтобы противоречащие утверждения были вместе истинными...". Гегель, конечно же, понимал, что рассуждать следует логически, тем не менее формальной логикой он был не доволен.

По Гегелю, формальные логики рассматривают рядоположенными такие определения, которые следовало бы понять в их единстве. В соответствии с этим Гегель выступает, например, против признания качества и количества двумя самостоятельными, рядоположенными определениями. По Гегелю, качество *переходит* в количество, *количество есть снятое качество*. Формальный логик обвинит Гегеля в ошибке, он расценит утверждение "количество есть снятое качество" как неправильное, ибо, согласно ему, количество не есть качество (ибо это *снятое* качество) и есть качество (ибо количество признается *качеством*, хотя и снятым): налицо противоречие. Логические воззрения Гегеля оцениваются по-разному. Одни авторы хвалят его за создание диалектической логики, другие ругают за непонимание глубины и состоятельности формальной логики. На наш взгляд, Гегель был весьма неосторожен в критике формальной логики, многие его определения не корректны. При более детальном анализе всегда выясняется, что достоинства гегелевских размышлений и открытий согласуются с содержанием формально-логических операций.

Гегель выработал особый вариант философского стиля мышления. Он в большей степени, чем кто-либо другой, придал философии системный характер, акцентируя свое внимание на процессах изменения и развития. В произведениях Гегеля находят буквально россыпи гениальных догадок, прозрений. В силу этого приобщение к его творчеству является делом и

необходимым, и благодарным.

От антропологического материализма Фейербаха к диалектическому материализму Маркса

Идеализм Гегеля содержит сложную для понимания сферу идеального. Для Гегеля идеальное — объективно. Всегда находятся люди, которые с этим не согласны, и в результате такого несогласия идеальное переводится в голову человека, т.е. считается его мыслью или чувством. В таком случае основу идеального составляет природа и человек как ее венец. Именно так рассуждал *Людвиг Фейербах*, видный немецкий философ XIX в., создатель одного из вариантов антропологического материализма. Недовольный как абстрактным мышлением, так и диалектикой Гегеля, Фейербах отбрасывает то и другое. Он ставит в центр мира чувствующего человека. Среди многих чувств человека определяющим является любовь. Фейербах в отличие от Гегеля концентрирует свое внимание не на тонкостях научного знания, а на вопросе о правомерности религии. Его самая знаменитая книга называется "Сущность христианства" (1841). В соответствии со своими исходными философскими постулатами Фейербах видит тайну христианства в объектировании человеком своих собственных сил, придании им потустороннего, отчужденного от него характера. Религия — это не просто результат невежества людей, она обладает многими достоинствами — к примеру, в религии нельзя не видеть предписания к благоговейному отношению к человеку, особенно к чувству любви. Однако при всех своих относительных достоинствах христианская религия есть форма мистификации действительной жизни человека.

Освобождаясь от догм религии и советуя сделать то же самое другим, Фейербах акцентирует свое внимание на человеке, его чувствах дружбы и любви прежде всего. Он хотел бы создать справедливое общество. Не случайно всего за два года до смерти Фейербах вступает в ряды социал-демократической партии, проповедует идеалы общественной справедливости. Безусловно, выяснение Фейербахом антропологического содержания христианской религии имело положительное значение. Но, конечно же, содержание христианства намного шире достаточно узко понятых Фейербахом принципов антропологизма. Как и всякий материализм, фейербаховская философия настаивает на восхождении от материального к идеальному. В определенной форме такое восхождение в мире осуществляется, и, следовательно, оно должно осмысливаться. Материализм в отличие от идеализма пытается понять это восхождение, не абстрагируется от него.

Намного более развитой формой материализма, чем антропология Фейербаха, является диалектический материализм *Карла Маркса* и *Фридриха Энгельса*. Молодой Маркс упрекал Фейербаха в непонимании конкретно-общественной природы человека и вообще роли практики, особенно революционной практики как основы и критерия истины. Таков исходный пункт философствования Маркса, который, подчеркивая преемственность своих воззрений по отношению к философии Гегеля и Фейербаха, тем не менее решительно дистанцируется от них обоих.

Маркс, подобно Гегелю, понимает философию как науку и потому

стремится построить ее строго по научному методу. Он полностью отдает себе отчет в том, что следует методу Гегеля, переходя от абстрактного к конкретному. Маркс подчеркивает, что на стадии выработки научных воззрений восходят от чувственно-конкретного к абстрактному, на стадии собственно научного изложения восхождение осуществляется от абстрактного к конкретному. Таким образом, Маркс понимает суть движения научных понятий как путь от абстрактного к конкретному. Подлинные расхождения Маркса с Гегелем начинаются по поводу интерпретации природы идеального. Маркс решительно занимает материалистические позиции: для него идеальное есть "материальное, переосмысленное в человеческой голове и преобразованное в ней".

В науке идеальное — это понятие в форме мысли. Но как получить понятие, о сложной природе которого мы уже писали? Маркс здесь ссылается на практику, на самое массовидное, часто встречающееся отношение. Так, Маркс строит свою политэкономическую теорию товарного производства начиная с категории товара. Почему в политэкономии исходят из понятия товара? Потому что товар есть самое массовидное, сердцевина товарного производства.

Отметим сразу, что воззрения Маркса по поводу природы идеального вряд ли способны удовлетворить мыслителей масштаба Канта и Гегеля. Дело в том, что на практике нет прямых аналогов идеальных конструктов, нет аналогов, например, точек. Товар есть, а точек, функций нет. Непонятно поэтому, как можно, следуя методу Маркса, получить идеализации, особенно характерные для таких наук, как философия, математика, физика.

Вместе с тем Маркс вполне справедливо рассматривает практику как критерий истины. Если те или иные воззрения не согласуются с практикой, то тем самым их правомерность ставится под сомнение. Вопрос о практике как критерии истины был глубоко продуман диалектическими материалистами.

Что касается гегелевской диалектики, то она диалектическими материалистами переносится непосредственно в сферу материального. *Энгельс* говорил об объективной диалектике и субъективной диалектике. Субъективная диалектика лишь отображает объективную. Что касается набора диалектических категорий и законов, то он почти без изменений был перенесен из философии Гегеля в философию диалектического материализма.

Особо следует остановиться на диалектико-материалистических воззрениях применительно к обществу. Речь идет о *материалистическом понимании общества*. Маркс сознательно стремился к созданию науки об обществе. Науки нет без научных законов. Но возможны ли законы с их всеобщностью и необходимостью в условиях индивидуальной и общественной жизни людей, когда каждый человек обладает сознанием и, следовательно, регулирует свою деятельность согласно собственным установкам? Поставленный вопрос не способен смутить Маркса, ведь он рассматривает внутренний духовный мир как что-то вторичное по отношению к внешнему миру. При этом, считает Маркс, следует четко понимать двойственную природу внешнего мира. Внешний мир — это, во-первых, природа, а во-вторых, то, что создано людьми из природы, т.е. продукты труда, труда как социальной деятельности, т.е. общественного

труда. В общественном труде человек покидает свой внутренний мир, тем самым спонтанность сознания отсекается. Но это означает, что сферу общественного труда человека можно описать научно, посредством научных законов, которые дает пролетарская политическая экономия. Экономические отношения, полагает Маркс, определяют все другие общественные отношения, в том числе правовые, политические, религиозные, нравственные. Энгельс, уже после смерти Маркса, уточняет, что различные сферы общественной жизни — экономика, политика, искусство, нравственность — образуют целое, диалектически взаимодействуют между собой, лишь в конечном счете экономическое имеет главенствующее значение.

Огромной заслугой Маркса перед научным сообществом явилось выделение мира социального. До Маркса в фактуальном мире все видели только противостояние духовного мира субъекта и природы. Неприродное выступало исключительно как субъективно-духовное. Маркс обнаруживает третий мир, мир *общественного*. Существо дела Маркс рассматривает на примере товара. Всякий товар есть потребительная и меновая стоимость. В качестве потребительной стоимости товар не отличается от других природных объектов. В качестве же меновой стоимости товар есть нечто чисто социальное (в природе нет меновых стоимостей). Меновая стоимость существует в довольно специфической форме, не иначе как опосредованно — через потребительную стоимость. Обобщая марксовы воззрения, можно констатировать, что всякое социальное, в том числе и сознание, существует через иное, через природное.

Обратимся теперь к революционной стороне диалектического материализма. Надо полагать, читатель наслышан о революционной деятельности творцов диалектического материализма — Маркса, Энгельса, а также Ленина. Нас интересует в данном случае вопрос о том, в какой мере содержание диалектического материализма определяет революционные воззрения.

Маркс был блестящим критиком пороков капиталистического общества. Эта критика уже сама по себе как-то стимулировала мысль о смене капитализма социализмом. Но именно стимулировала — не более того. Нас же интересуют возможные теоретические основания революционной теории марксизма и ленинизма. В этой связи часто вспоминают марксову теорию отчуждения труда.

Тот, кто трудится, овеществляет свою деятельность. Если результаты труда присваиваются кем-то не в соответствии с его индивидуальным трудовым вкладом, то можно утверждать, что произошло отчуждение труда, часть его результатов досталась не непосредственному производителю, а, например, капиталисту. Налицо эксплуатация капиталистом рабочего. До сих пор логика реконструируемых нами воззрений Маркса не вызывает возражений. Но из нее не следует излюбленный Марксом тезис о необходимости замены частной собственности общественной. Ведь известно, что сложное дело справедливого распределения по труду не получило должного разрешения и при социализме. Таким образом, марксова концепция отчуждения труда не приводит к выводу о необходимости социалистической революции. Есть основания считать, что, по крайней мере в зрелые годы, Маркс прекрасно понимал недостаточно доказательную силу

концепции отчуждения труда применительно к тезису о необходимости социалистической революции. Тем не менее он не отказался от этого тезиса, считая его даже выводом, следующим из законов политической экономии. Суть дела виделась Марксом в том, что в соревновании капиталов капиталисты будут просто вынуждены резко нарушать права рабочих, относительное обнищание которых и приведет к социалистической революции. Гипотеза Маркса до сих пор не нашла своего практического воплощения. Естественно, что в этих условиях воззрения Маркса подвергаются критике. *Поппер*, например, обвинял Маркса в историцизме, в убеждении, что наука дает непреложные законы развития общества, причем на довольно длительные сроки. Поппер считает, что в науке мы пользуемся правдоподобными гипотезами, которые следует применять весьма осторожно, осуществляя дело научного предвидения мелкими шагами.

Основные достижения диалектико-материалистического способа мышления мы видим: 1) в талантливой критике недостатков капитализма; 2) в разработке проблемы практики; 3) в уяснении природы общественного.

Разработка марксизмом природы общественного стала его большим триумфом. Но особое внимание к сфере общественного иногда приводило к абсолютизациям и, как следствие, к казусам отнюдь не локального значения. В свете доминирующей роли социального все, имеющее отношение к человеку и обществу, стало рассматриваться исключительно как проявление непременно общественного, в том числе борьбы классов. Преувеличение роли общественного сопровождалось зачастую умалением человечески-индивидуального, личностного, потерей человека.

Односторонняя и политически жестко ориентированная философская концепция *Ленина* привела к негативным результатам. Ленин сводил едва ли не все достижения мировой философии к философии Маркса и Энгельса. Для Ленина философия Маркса всегда была орудием в той сложной политической борьбе, которую он вел. Отсюда ленинское "развенчание" религии, тезис о том, что нравственно все то, что служит делу строительства коммунизма.

Сталин не менее сознательно, чем Ленин, придерживался крайних позиций философско-политической непримиримости. Видимо, вполне искренне он считал, что абстрактные философские положения позволяют адекватно оценивать и общественную жизнь, и состояние наук — от специальной теории относительности и генетики до языкознания и кибернетики. Игнорирование единства философии и наук, грубая политическая позиция привели к отрицанию новых философских идей и направлений, что не могло не сказаться на развитии ряда гуманитарных наук и общества в целом.

После XX съезда КПСС, в 60-е годы советские философы получили возможность более свободно и продуктивно заниматься своим профессиональным делом. Идеологические органы ЦК КПСС продолжали осуществлять философскую цензуру, но не столь предвзято, как прежде. Абсолютное большинство философов, воспитанных в основном на трудах классиков марксизма-ленинизма, стремились к дальнейшему развитию их наследия, имеющих в нем потенциал. Границы марксизма-ленинизма развивались и вообще преодолевались.

Наиболее смелые и оригинальные философы ограничились

приведением только таких положений марксизма-ленинизма, которые согласовывались с их собственной позицией. Предпринятые усилия привели к сокращению разрыва, который существовал между отечественной и мировой философией.

Глава 1.7 От философии жизни к герменевтике

Философия жизни

При всем обилии философских школ и направлений многие из них обладают общими чертами, что позволяет проводить определенную классификацию. Выше уже приводились различия между материализмом и идеализмом, эмпиризмом и рационализмом. Начиная с середины XIX в. в философских исследованиях появились существенные новации, давшие основания в противовес *классической философии* ввести понятия *неклассической философии*. Классическая философия от античности до Гегеля и Маркса была "разумной", она опиралась на силу разума и считала определяющим моментом действительности сущность. Учение о воле, например у Канта, о практике у Маркса дополняло разумно-рассудочное существо философских построений. Классические философские построения не удовлетворяли многих философов ввиду, как они считали, потери в них человека. Специфичность, многообразие субъективных проявлений человека, полагали новые философы, не "схватываются" методами разума, науки. В противовес рационализму стали развивать неклассическую философию, в которой в качестве первичной реальности стали представлять жизнь (философия жизни), существование человека (экзистенциализм). Когда обращаются к феномену жизни, имеется в виду некий органический процесс. Поэтому поворот от классического рационализма к философии жизни стал еще и реакцией на преимущественно механическое объяснение явлений в классической философии. В основе возникновения неклассической философии находится интерес к тем сторонам жизни и жизнедеятельности человека, которые не выражались ставшими традиционными к середине XIX в. философскими тенденциями. В этом смысле появление неклассической философии было вполне закономерным явлением.

Во многих отношениях начало новому типу философствования положил немец *Артур Шопенгауэр*. Все, что существует, Шопенгауэр понимает как волю, волю к жизни. Воля понимается как универсально-космический феномен, а каждая сила в природе — как воля. Всякая телесность есть "объективность воли", инстинкты и порывы животных — это тоже действие воли, наконец, и человек есть проявление воли, его природа поэтому не рациональна, а иррациональна. Разум вторичен по отношению к воле, она безосновна, истоки всего остального находятся именно в ней. Мир есть воля и ее манифестация. Все, в том числе и человек, навеки приковано к вертящемуся колесу воли. Шопенгауэр, очевидно, видел мир под весьма специфическим углом зрения, что позволяло ему создавать противовес чрезмерно рационалистической философии.

Французский философ *Анри Бергсон* понимал жизнь в космологическом плане. В основе всего он видел творческий порыв, развертывание жизненного процесса, поток непрерывных качественных изменений, творение, длительность, бренность. Осмысливаемый в науке, этот творческий процесс, считает Бергсон, огрубляется, разбивается на отдельные стадии, якобы предсказуемые, в результате вместо длительности получаем время науки, нечто опространствованное и обезжизненное. Так, в

специальной теории относительности время начинают толковать как всего лишь еще одну четвертую координату пространственного континуума. Обладавший математическим образованием, Бергсон считал научные методы недостаточными для действенного разрешения познавательных задач. Где же выход? Способ постижения длительности, брэнности — интуиция. Интуиция выступает как род интеллектуальной симпатии, непосредственное знание. Интуиция — общая основа философии и науки. От интеллекта невозможно идти к интуиции, а вот обратный путь — от интуиции к интеллекту — возможен. Философия идет от интуиции к понятиям, тем самым она выявляет их подлинное значение. Философия, а она есть в первую очередь интуитивное знание, похожа больше на искусство, чем на науку. Ясно почему.

Для немца *Фридриха Ницше* в основе всего находится не воля к жизни, как у Шопенгауэра, а воля к власти. Он сторонник сильных личностей, таких, как герой его книги "Так говорил Заратустра", живущий высоко в горах, т.е. выше обычных людей, со своими ближайшими друзьями — мудрой змеей и гордым орлом. Чем дальше от природы до человека, тем больше затухает импульс к жизни, а сам человек — это уже прямое проявление болезни. Выход один — воспитывать сильных личностей, способных вести за собой слабовольные массы людей. Лозунг Ницше — "Живи опасно".

Ницше прекрасный филолог и музыкальный импровизатор, к тому же страдающий от недугов. Все это переплавляется у него в своеобразную философскую форму, где яркие литературные эссе, проповеди, афоризмы, декларации, написанные подчас в музыкальных ритмах, то и дело противоречат друг другу. Ницше принято считать декадентом, т.е. представителем, причем ярчайшим, того направления в культуре конца XIX в., которое отмечено индивидуалистическим пессимизмом, аморальностью, эстетизацией кризисных явлений. Ницше считают также нигилистом, т.е. человеком, отрицающим все устоявшееся и не предлагающим новых позитивных ценностей. Впрочем, немало и таких авторов, кто обвиняет Ницше в культивировании фашизма, ибо, мол, "белокурая бестия" Ницше — это прообраз фашистского молодчика. В таком случае Ницше уже не столько нигилист, сколько приверженец фашизма. Думается, все приведенные характеристики страдают явной односторонностью.

Ницше, подобно любому философу, занимается переоценкой существующих идеалов, но делает это во многих отношениях ярче и резче других. Для Ницше философия есть форма критики устоявшегося, традиционного, которое игнорирует становящееся, органичное по своему характеру стремление к власти. Это стремление не поддается научному изучению, а лишь истолковывается человеком. Науку, в которой, кстати, Ницше не силен, он не любит. Наука — это в основном средство стремления к власти, то и дело ведущее к заблуждениям. Довольно часто "воля к истине" есть лишь выражение бессилия "воли к творчеству". Само понятие истины Ницше ставит под сомнение. Откуда известно, что истина есть? Человек интерпретирует настоящее, но здесь понятие истины малопригодно.

Ницше решительно выступает против "малокровных" идеалов христианства, морали, науки. Но он поддерживает мораль и религию инстинкта (воли к власти). В этом весь Ницше со всей его неординарной

философией. Отрицая, Ницше утверждает, но то, что он утверждает, он тут же готов отрицать. Вечные порядки, в том числе и фашистские, он не собирается устанавливать. Конечно же, по Ницше, "бог умер: и мы хотим — пусть живет сверхчеловек", но идеал сверхчеловека довольно неопределен. По Ницше, все умирает и все расцветает вновь, только в этом смысле можно говорить о чем-то вечном.

Но Ницше мечтал, как об этом свидетельствует одно из его писем, "о неслыханном синтезе". Осуществить его философу не удалось. В целом философия Ницше — яркий вариант философии жизни, противопоставляемой рационализму.

Экзистенциализм

Философия жизни к 30-м годам нашего столетия постепенно стала сходить на нет, уступая свое место экзистенциализму, в котором более органично, нежели в философской жизни, описываются многообразные стороны бытия человека в мире. Философия жизни, считают экзистенциалисты, перегружена психологизмами.

Экзистенция в позднелатинском языке буквально означает существование. Само это существование понимается в экзистенциализме как непосредственное единство субъекта и объекта, направленность субъекта вовне, открытость перед иным и движение к этому иному. В религиозном варианте экзистенциализма (*Ясперс, Марсель*) этим иным является Бог, к нему движется личность в своей свободе. В атеистическом варианте экзистенциализма (*Хайдеггер, Сартр, Камю*) иное выступает как ничто, это означает, что человек спонтанно самосоздает себя, осуществляя свою свободу. Перед человеком — бездна последствий, он вынужден сделать свой выбор. Осуществляя его, человек творит свободу. Он ответствен за свой выбор прежде всего перед самим собой, и совсем нелегко постоянно нести бремя этой ответственности, сознавая, что, "самосозидая" себя, ты тем же самым актом творишь других, мир в целом. В своем подлинном существовании человек "заброшен" в мир, он постоянно находится перед лицом будущего, в том числе смерти, в ситуации ответственности за свои действия. Экзистенция выступает как страх, экзистенциальная тревога, ожидание, иначе говоря, как пограничная экзистенциальная ситуация, в которой, по Камю, основным философским вопросом является вопрос о самоубийстве. Выть или не быть в условиях, когда и страшно, и скучно, и абсурдно?

Экзистенциализм — это онтология, учение о бытии, о существовании. Для экзистенциалиста человек существует в мире, вопрос о самостоятельном существовании природы для него малоинтересен. Природа дана человеку изначально. Исходная реальность целостна, она не делима на субъект и объект. И поскольку наука делит мир на объект и субъект, она не способна выразить существование, которое постигается в особом акте экзистенции. Экзистенция — это не просто переживание, а переживание бытия-в-мире.

Уже отмечалось, что в экзистенции человек свободен. Быть свободным — это значит быть самим собой, не ориентироваться на "посторонних".

Значение общества для личности состоит в том, что в лучшем случае

оно может дать предпосылки экономических, политических и других свобод. Чаще же общество ограничивает личность. По *Хайдеггеру*, общество есть сфера безличного, усредненного. Прорыв этой усредненности совершается опять же в экзистенции, применительно к которой неуместны содержательные нравственные критерии. Будь подлинным — вот главный призыв экзистенциализма. Во внешнем мире, по отношению к другим, это вряд ли вообще возможно, но чем отношение к другим является более личностным, тем оно подлиннее. То же относится и к художественному, религиозному, философскому творчеству, в котором человек разрывает пути внешности, объективности.

В центре внимания экзистенциалистов — не природа, не Бог, а человек. Это обстоятельство позволило *Сартру* утверждать, что экзистенциализм есть гуманизм. Рассуждения Сартра Хайдеггер дополнил утверждением, что нет необходимости возрождать стертый "изм". Все разновидности гуманизма, от античного до постхристианского, замыкают человека в определенную философскую систему. Но при этом упускают, что человек впервые реализуется в экзистенции. Бытие открыто человеку, и оно непременно получает от него ответ, но не на языке понятий, а посредством простого, естественного экзистенциального языка. В этом смысле язык — дом бытия и жилище человека. По Хайдеггеру, даже гуманизм несколько потусторонен для человека, экзистенциализм же занимается самим человеком, его экзистенцией.

Действительно, экзистенциализм сумел обратиться к таким интимным сторонам человеческого бытия, которые отчасти невыразимы на языке науки. Важное значение имели предупреждения экзистенциализма против безоглядной веры в науку и технику, против недобросовестности приспособляющегося к реалиям сознания (т.е. против конформизма). Экзистенциализм по-новому и весьма продуктивно поставил и разрешил проблему свободы человека, выбора жизненных путей. Экзистенциалисты разработали новый способ философствования, который усвоен новейшей философией.

Феноменология Гуссерля

Одним из основных философских направлений XX в. является феноменология, что буквально означает учение о феноменах. Основателем феноменологизма в том виде, в котором он культивируется в XX в., считается немец *Эдмунд Гуссерль*. Под *феноменом* в философии обычно понимают явление, постигаемое в чувственном опыте. Гуссерль же понимает под феноменом возникающие в сознании смыслы предметов. Такова исходная установка, на которой строится философская система.

Гуссерль недоволен жестким противопоставлением субъекта объекту. При таком противопоставлении "выпячивают" либо субъект, что приводит к субъективизму, либо объект, что характерно для натурализма. Гуссерль стремится избежать этих крайностей. Субъективизм обычно приводит к психологизму, он не может дать правильную интерпретацию содержания науки, он релятивен, т.е. все для него относительно, между тем как наука выявляет общезначимые истины. Натурализм понимает знание и сознание как пассивное отражение реальности. Противопоставление друг другу

субъекта и объекта привело к забвению человека, его жизненного мира, кризису европейской цивилизации. Выход из всех этих бед Гуссерль видит в последовательном философском феноменологизме, в строго научном обосновании философии.

Феномен — это структура сознания. Но в нем же дан и объект, так что в феномене субъект и объект слились воедино. Конечно, это слияние не надо понимать буквально.

Внешний мир дан субъекту в потоке *феноменов* и философ должен строить все свои выводы исходя из этого факта. Следовательно, на время анализа нужно "заключить в скобки" как внешний мир, так и различного рода некритически принимаемые в качестве истинных воззрения типа натурализма и субъективизма. Феноменолог временно воздерживается от суждений о внешнем мире; он осуществляет *эпохе* (это греческое слово как раз и означает воздержание от суждений). Тем самым осуществляется так называемая *феноменологическая редукция*, т.е. сведение поля анализа к потоку феноменов, где только и можно обнаружить подлинные смыслы. Кажется, что в результате феноменологической редукции мы потеряли из виду предметы внешнего мира. Но это не так, ибо, по Гуссерлю, сознание всегда направлено на предмет, оно *интенционально* (латинский термин "интенцио" означает стремление). Оперирова феноменами, философ интендирует, т.е. имеет дело не только с внешним, но и с внутренним миром человека. Гуссерль желает иметь дело непременно с основополагающими для философа вещами. Отсюда его призыв: назад, к вещам! Смысл призыва состоит в последовательном проведении анализа феноменов. Рассмотрим этот анализ на примере восприятия и осмысления того, что есть яблоня.

Допустим, мы имеем два или более феномена, акта сознания, нацеленных на один и тот же предмет, в нашем случае на яблоню. Эти акты сознания синтезируются, ибо принадлежат одному и тому же человеку, идентифицируются, направлены на один и тот же предмет. Так субъект формирует представление об "этой яблоне". Но как составить себе идею (по Гуссерлю, *эйдос*) о яблоне вообще? Субъект воображает (фантазирует), представляет себе различные яблони, такие ее свойства, которые присущи каждой яблоне. В результате достигается *эйдетическое описание*. Оно формируется априорно, до опыта, но проверяется последним. Ибо только в опыте человек имеет непосредственный доступ к внешним предметам, может определить, правильно ли он интерпретировал смысл слова "яблоня". При непосредственной встрече (переживании) субъекта с предметом познание имеет *интуитивный* характер, что, однако, предполагает оперирование *эйдосами*. Феноменолог начинает свой анализ с феноменологической редукции, а заканчивает его сведением к *эйдетическому мышлению*. Эйдосы задают смыслы предметов. Как видим, гуссерлевская теория познания оказывается более изощренной, чем, например, соответствующие локковские представления.

Феноменологический метод весьма популярен в мировой философии и науке. Считается, что он гарантирует от сползания в крайности науки, оперирующей понятиями, за которыми не видно красок, тонов, запахов жизненного мира, что, мол, характерно для европейских наук, находящихся поэтому в кризисе, в тисках формализма, сциентизма и техницизма. Гуссерль рассматривает научные идеализации (типа точки, прямой) как

некоторые предельные субъективные творения. Наиболее полно жизненный мир дан субъекту не в идеализациях и вообще в понятиях, а в эйдосах, образующих поток сознания. Феноменология предостерегает от *забвения жизненного мира*. Гуссерль считал, что преодоление кризиса наук возможно не иначе как на основе феноменологических рецептов.

Что касается недостатков феноменологии, то их в основном видят в узком понимании проблемы практики, которая во многом сводится к сопоставлению феноменов сознания. Действительно, в марксизме, в прагматизме, в фундаментальной онтологии Хайдеггера проблема практики получила более обстоятельную разработку, чем в феноменологической философии. Часто феноменологов критикуют за "эклeктичность" — имеется в виду, что они недостаточно четко отделяют друг от друга чувственные и рациональные формы познания.

Герменевтика

Рассмотрение феноменологии подвело нас вплотную к герменевтике. Согласно древнегреческим мифам, посланник богов Гермес должен был разъяснять людям смысл божественных вестей. *Герменевтика — способ философствования, главным центром которого является истолкование, понимание текстов.*

Философы с незапамятных времен видели свое призвание в разъяснении себе и другим глубинного смысла существующего и происходящего. Их излюбленным делом от *Сократа* и *Платона* до *Хайдеггера* и *Гуссерля* было постижение сокровенного, таинственного. Но как достичь понимания?

Герменевты озабочены жестким противопоставлением субъекта объекту, науки искусству. Особенно их раздражают крайности натурализма, неспособного усвоить своеобразие человека. Более всего их завораживает все та же тайна человека. *Вильгельм Дильтей*, представитель рассматривавшейся выше философии жизни, выделял науки о природе и науки о духе. Науки о природе используют методiku *объяснения* (подведения частных явлений под понятие). Науки о духе, а именно такова философия, не могут довольствоваться объяснением. Духовная целостность — жизнь — должна постигаться непосредственно. Понимание тогда выступает как непосредственное проникновение в жизнь. Понимание собственного духовного мира достигается в процессе самонаблюдения, понимание чужого мира — путем вживания, сопереживания, вчувствования. Дильтей в своих размышлениях опирается на психологию, но интерпретирует ее по-своему, имея в виду особую психологию — *понимающую*. Тем не менее философы пришли к выводу, что у Дильтея много психологического, что не адекватно содержанию гуманитарных наук. Исследования Дильтея стимулировали герменевтическую проблематику.

О новациях *Гуссерля* мы уже писали. Гуссерль считается классиком не только феноменологии, но и герменевтики. Он противник психологизма. Понимание у него есть постижение смыслов, оно достигается в результате анализа феноменов.

Решающий шаг по развитию герменевтики сделал *Мартин Хайдеггер*.

Для него само бытие есть понимающее, реализующееся в своей открытости миру в языке. Язык — это данность бытия, а не просто способность отдельного человека. Язык — обиталище человека. Философия должна заниматься языком, поскольку ее интересует человек, а человек — это язык. Человек — не просто тело, объект, в его жилах не течет холодная кровь бездушных понятий. Именно в стихии языка осуществляется понимание людьми и окружающего мира, и самих себя, и других. Понимание выступает как языковая интерпретация прежде всего самого языка, а он, как известно, реализует тексты.

Ученик Хайдеггера *Гадамер* более конкретно, чем его учитель, истолковал понимание. Он интерпретирует понимание на основе традиций и здравого смысла, а они задаются языком, образованием. Образование поднимает человека на ранее недоступные высоты. Вырабатывается то, что сродни музыкальному или художественному вкусу, т.е. не просто отдельные чувства, а ориентиры всеобщего характера. Так, герменевтика стремится выразить в своей философии общее, то, чем гордится наука, избегая вместе с тем ловушек психологизма. Чем больших высот достигает человек, тем он истиннее, подлиннее. Что касается научных понятий, то они выступают следствием процесса понимания, не они объясняют понимание, а как раз наоборот, ключ к понятиям дает саморазвертывающееся, самопознающее бытие.

Понимание есть, по Гадамеру, универсальный способ освоения мира человеком, это его опыт, который включает практику и все типы диалога, присущие ей. Герменевты приветствуют диалог между верующими и неверующими, между теми, кто воюет друг с другом. Важнейшей особенностью понимания герменевты считают так называемый *герменевтический круг*: для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но для понимания отдельных частей уже необходимо иметь представление о смысле целого. Так, слово, предложение и текст образуют целое, которое можно понять, если понятно что есть соответственно слово, предложение, текст, причем в духе творческого наследия автора. В науке герменевтический круг образуют факты и теория: факты отбираются на основе теории, но и она сама интерпретируется на основе фактов. Согласно герменевтам, человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится. Выпадая из герменевтического круга, человек перестает быть человеком; как человек он всегда находится в герменевтическом круге, в круге понимания. С этой точки зрения предрассудок не есть просто заблуждение, которое должно быть отброшено, — то, что находится перед рассудком, "пред-рассудок" тоже есть форма понимания. Важно, находясь в герменевтическом круге, осуществлять свое бытие по-настоящему, по-истинному. Понимание есть прежде всего само бытие. Для герменевтов ответ на один из важнейших вопросов современной цивилизации "Что есть человек?" таков: "Человек — это понимающее бытие".

Таким образом, герменевтика выступает как своеобразный способ философствования — "от понимающего бытия". Такой подход весьма продуктивен в анализе различных сторон человеческой жизни. Понятно почему. Потому что человек действительно есть понимающее бытие. Но герменевты встречаются с трудностями при анализе природного. Им сложно

выразить самостоятельность природы. Это указывает на недостаточную универсальность принципов герменевтической философии, описывающих в основном своеобразие человеческой жизни, к тому же не все.

Глава 1.8 Аналитическая философия

Основатели движения: Фреге, Рассел, Витгенштейн

Неклассический этап развития философии включает в себя не только те ее направления, которые с известным предубеждением относились к научно-ориентированной философии (например, философия жизни и экзистенциализм). Грандиозные успехи науки, особенно математики и физики в начале XX в., не могли остаться незамеченными для философов. Более того, последствия оказались весьма впечатляющими, к их рассмотрению мы как раз и переходим.

Немецкий математик *Готтлоб Фреге* был одним из многочисленных исследователей, стремившихся средствами логики усовершенствовать математику, особенно математическое доказательство, которое изобиловало различного рода парадоксами и противоречиями. Но в подходе Фреге была одна важнейшая особенность:

согласно его интуиции, следовало существенно развить саму логику, создать формализованный язык, который служил бы достойной заменой естественного языка с его многочисленными недостатками. По Фреге, тогдашняя формальная логика и естественный язык страдали одним и тем же недостатком — допущением, что все предложения имеют субъект-предикатную форму.

Разделение на субъект и предикат правомерно лишь в отношении самых простых предложений типа "Петр спит". Здесь "Петр" — субъект, а "спит" — предикат. Но если взять более сложное предложение "Петр играет с Агнией", разделение на субъект и предикат становится делом затруднительным; ведь субъектом в равной степени могут быть названы как Петр, так и Агния. Выход из ситуации Фреге увидел в различении аргумента и функции. "Петр" и "Агнией" — это высказывания аргумента, а "играет с" — высказывание функции. В данном случае "играет с" представляет собой функциональное выражение первого порядка. Фреге вводит также функциональные выражения второго порядка: "все", "никто", "некоторые", которые требуют введения в логику переменных. Изобретения Фреге буквально преобразили логику, которая получила доступ не только к математике и различного рода формализованным языкам, но и к естественному языку, а значит, и к философии.

Английский логик, математик и философ *Бертран Рассел* был убежден, что новая логика позволит более адекватно, чем когда-либо ранее, найти окончательные философские истины, обнаружить природу основных элементов реальности, которые не сводятся к фикциям идеалистов (Лейбница, Гегеля, Брэдли). Рассел руководствовался тремя идеями. Во-первых, здравая философия является логикой, ибо она начинается с объяснения предложений того, что может быть истинным или ложным, а это — задача логики. Во-вторых, знание наиболее достоверным образом дано нам непосредственно, прежде всего в чувственных данных. Редукция к предельным элементам реальности позволяет избегать ложных представлений. В-третьих, он использовал свой вариант приема, называемого им "бритвой Оккама": предметное содержание следует сводить к изначальным сущностям, неопределимым в терминах чего-либо еще. Для

Рассела философия совпадает с наукой, не имеющей ничего общего со старой одурманивающей метафизикой.

Кульминацией первого этапа развития аналитической философии явилась книга кембриджского философа *Людвига Витгенштейна* "Логико-философский трактат", опубликованная в Германии в 1921 г., в Англии в 1922 г., в России в 1958 г. Витгенштейн более настойчиво, чем Рассел, концентрирует свое внимание на языке. Мысль выражается в языке, а значит, именно язык есть граница мышления.

Есть только один мир — мир фактов, событий, который описывается совокупностью всех естественных наук. Предложение — картина мира, она имеет с последним одну и ту же логическую форму. Если бы мир был нелогичным, то его нельзя было бы представить в форме предложений. Смысл предложений выражают факты. Все предложения являются обобщениями элементарных предложений, которые в качестве моделей соотносятся непосредственно с фактами. Итак, "то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно". Обо всем остальном, например мистическом, лучше *молчать*. Молчать, потому что мистическое, равно как и этическое, нельзя выразить ясно в логическом смысле, так, чтобы можно было проверить высказывание на истинность/ложность. Если кто-то утверждает, что ему больно, то никто другой не сможет установить истинность этой боли.

Философия не может состоять из научных предложений, ибо в отличие от наук она не имеет доступа к фактам. Следовательно, философские предложения не истинны и не ложны: они *бессмысленны*. Цель философии — не особые философские предложения, а логическое прояснение мыслей. Поэтому философия — это не учение, а деятельность.

Итак, для первого этапа аналитической философии характерны логико-лингвистический акцент, своеобразный поворот, а также пересмотр статуса философии, которая подвергается суровому логико-лингвистическому экзамену. Правомерность старых философских систем ставится под сомнение. Философия понимается либо как наука (Рассел), либо как путь к науке, деятельность по прояснению мыслей (ранний Витгенштейн).

Логический позитивизм

Если местом становления аналитического направления по праву можно считать Англию (Кембридж), где работали *Мур* (его труды мы не рассматривали), Рассел и Витгенштейн, то позднее центр движения переместился в Вену и Берлин. В "Венский кружок философов" входили *М. Шлик, Ф. Франк, О. Нейрат, Р. Карнап, К. Гёдель*. Берлинское "Общество научной философии" украшали такие первоклассные философы, как *Г. Рейхенбах и К. Гемпель*. Представители этих двух групп не придерживались согласованных философских позиций, но всех их объединял интерес к научному постижению мира, прежде всего на основе данных математики, логики и физики. Много внимания уделялось "Логико-философскому трактату" Витгенштейна. Вторая мировая война вынудила абсолютное большинство континентальных философов эмигрировать в США, где они продолжали работать весьма продуктивно. Эмиграция способствовала

превращению аналитической философии в англосаксонский феномен. Рассмотрим основные идеи логического позитивизма (его еще называют *неопозитивизмом*).

1. *Отрицание метафизики* как учения о первых принципах философии. Представители Венского кружка отрицали значимость метафизики. Так, *Карнап* считал, что она преодолевается науками в результате логического анализа языка. С одной стороны, логические позитивисты опираются на выдвинутое *Витгенштейном* понимание философских предложений как бессмысленных, с другой — они продолжают традицию позитивизма XIX в., прежде всего француза О. *Конта* и австрийца Э. *Маха*. Позитивизм претендует на звание положительного учения, т.е. науки. Каждая область действительности изучается определенной наукой; для метафизики не остается поля приложения.

2. *Аналитические и синтетические предложения*. Разделения на аналитические и синтетические предложения имело важное значение в неопозитивистском понимании науки. Аналитическое предложение — это такое предложение, истинность которого определяется его собственным содержанием, чего нет в случае синтетического предложения. Примеры аналитических предложений: "В квадрате все углы прямые", "Тела протяженны". По определению в квадрате все углы прямые, а тела представляют собой нечто протяженное. Примеры синтетических предложений: "На столе лежит книга", "Студенты любят смеяться". По определению стол не является чем-то таким, на чем непременно лежит книга. Истинность синтетических предложений устанавливается эмпирическим путем.

Неопозитивисты считали, что все предложения науки являются либо аналитическими, либо синтетическими. Аналитические предложения априорны и логически необходимы, а синтетические — эмпиричны и логически не необходимы. В соответствии с этим все науки можно разделить на экспериментальные (физика, химия, психология, история, социология) и неэкспериментальные (логика и математика). Предложения философии не аналитичны и не синтетичны, они *бессмысленны*. Допустим, я рассматриваю философское предложение: "Материя первична, сознание вторично". Из понятия материи нельзя вывести сознание, поэтому наше предложение не является аналитическим. В то же время экспериментально я не могу иметь дело с материей как таковой, а следовательно, наше предложение нельзя проверить эмпирическим образом, т.е. оно является синтетическим. Итак, рассматриваемое философское предложение бессмысленно.

Рассматриваемые воззрения очень интересны и их всегда следует иметь в виду тогда, когда речь идет о содержании науки и философии. Тем не менее они не бесспорны. Критики неопозитивистов, особенно американский философ *Куайн*, обвиняли их в абсолютизации разделенности аналитических и синтетических предложений. В действительности следует учесть их взаимосвязанность. А это означает, что в эксперименте проверяется теория в целом, в том числе и правомерность аналитических, равно как и философских предложений; если философские предложения действительно полезны, то они истинны. Критика Куайна была воспринята многими неопозитивистами. *Карнап*, однако, возражал, подчеркивая, что во

многих случаях деление на аналитические и синтетические предложения должно быть сохранено, например, при конструировании искусственных языков, где главной задачей является работа исключительно с аналитическими предложениями.

3. *Верифицируемость (проверяемость)*. Согласно принципу верификации, научная достоверность синтетических предложений подтверждается в эксперименте. Вслед за Витгенштейном неопозитивисты использовали представление об элементарном предложении (его называли предложением наблюдения, протокольным предложением), которое проверяется фактами непосредственно. Сложное синтетическое предложение (часто это текст) должно быть сведено к элементарным предложениям, а последние сопоставляются с фактами. Допустим, мне надо удостовериться в истинности утверждения: "Все студенты этой группы ростом выше 160 сантиметров". Предложение будет сведено к элементарным предложениям типа "Рост студента выше 160 сантиметров".

На первый взгляд следование принципу верификации гарантирует в случае оперирования с синтетическими предложениями достижение достоверного знания. Но, как обнаружили сами неопозитивисты, процедура верифицируемое™ не всегда достигает цели. Начнем с того, что сам принцип верифицируемости не может быть проверен. Невозможно доказать, что любое признающееся истинностным синтетическое предложение должно быть проверено. Принцип верификации нельзя свести и к аналитическим предложениям, ибо в отличие от них он соотносится с экспериментом. Выходит, что требование верификации, представляющееся столь очевидным, является сугубо умозрительным. А ведь именно от такого рода предложений неопозитивисты желали освободить науку. С принципом верифицируемости неопозитивисты попали в сложную ситуацию. Наука представляла бы собой весьма строгое мероприятие, если бы можно было все проверить очевидным и однозначным образом. Но все положения максимально общего характера, а таковы теоретические законы, не поддаются верификации. Вроде бы все люди смертны, но как это проверить? Не поддаются прямой верификации и гипотезы, т.е. предположительное знание. Выходит, что неопозитивисты придали принципу верификации слишком большое значение.

Анализ принципа верификации показывает, что по сути он является философским и отнюдь не бессмысленным. А это означает, что неопозитивисты в своем критическом отношении к философии были слишком суровы.

4. *Физикализм*. Желание неопозитивистов последовательно использовать принцип верификации привел их к физикализму. Физикализм — это убеждение в том, что в эмпирических науках все предложения должны в конечном счете сводиться к предложениям физики. Почему выдвигается это требование? В силу мнения, что все экспериментальные науки имеют один и тот же общий базис — физику; в этом смысле экспериментальные науки едины. Это во-первых. Во-вторых, данные физики всем доступны, т.е. они интерсубъективны. Следует отметить, что еще никому (присмотритесь, например, к работе психологов, химиков, экономистов) не удалось последовательно осуществить программу физикализма.

5. *Эмотивизм в этике.* Неопозитивисты считали моральные предложения не поддающимися верификации, и следовательно, ни истинными, ни ложными. Значение их состоит в выражении моральных эмоций (отсюда термин "эмотивизм"). Как утверждал британский неопозитивист *А. Айер* мораль — это чувство, а не познание; она не может быть обоснована научным образом. В то же время неопозитивисты не отрицают, что можно изучать моральные, политические, эстетические установки, желания, чувства конкретных людей, социальных групп. Этим, среди других, занимаются социологи, психологи, историки. Тем не менее, считали неопозитивисты, идеалы подлинно научного знания гуманитарным наукам чужды. Спустя годы позиция эмотивистов будет существенно скорректирована, моральные суждения привлекут не меньший интерес, чем предложения естественных наук. Англичанин *Р. Хэар* покажет, что этика начинается с предписаний ("делай так", "не делай это", "это хорошо, а это плохо"). Когда предписания даны, в силу вступают законы логики: руководствуясь правилами, можно из одних предложений выводить другие.

Итак, неопозитивизм, или логический позитивизм, существенно прояснил содержание научного знания, вызвал к жизни многие новые проблемы, в том числе и философского порядка. Что касается философского знания, то оно было существенно реабилитировано уже в работах постпозитивистов.

Постпозитивизм. Поппер, Лакатос, Фенербенд, Кун

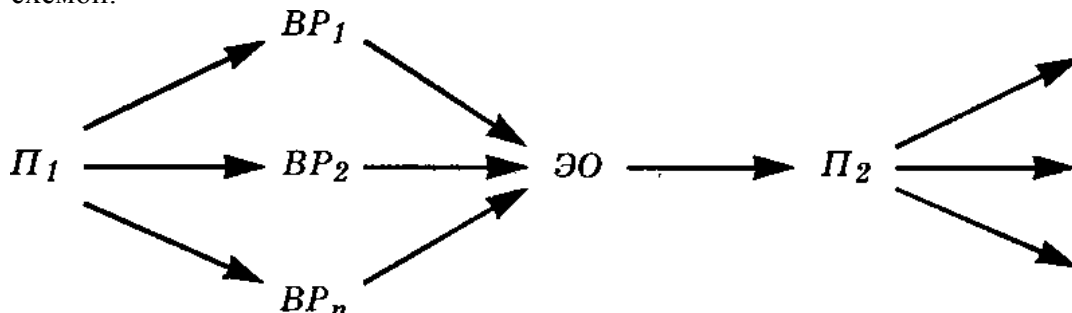
Постпозитивизмом называют множество концепций, которые пришли на смену неопозитивизму. Сторонники различных постпозитивистских концепций во многом не согласны друг с другом, критикуют устаревшие представления неопозитивизма, но сохраняют по отношению к нему преемственность. Как и неопозитивисты, постпозитивисты уделяют основное внимание рациональным методам познания. Одним из самых видных постпозитивистов считается современный английский философ *Карл Поппер*.

Для Поппера неудачи концепции верификации (проверяемости) научных предложений отнюдь не случайны. Методология верификации строится на убеждении, что знание может быть абсолютно истинным. Это иллюзорное представление. Рано или поздно на смену старой теории приходит новая, то, что казалось истинным, признается заблуждением. Поэтому задача *эпистемологии*, т.е. философии научного познания, состоит не в поиске теории, а в разрешении проблемы роста знания. Рост знания достигается в процессе рациональной дискуссии, которая неизменно выступает критикой существующего знания. Поэтому свою философию Поппер называет *критическим, рационализмом*.

Но какова логика научного открытия? Вопреки мнению индуктивистов Поппер считает, что ученые делают открытия, восходя не от фактов к теориям, а переходя от гипотез к единичным высказываниям. Ученые пользуются гипотетико-дедуктивным методом. Из гипотез общего характера выводятся предложения, которые сравниваются непосредственно с протокольными предложениями. Если относительно теории и протокольных предложений, а также их совпадения ученые пришли к

согласию, то теория считается временно подтвержденной. Так как ни одна теория не может быть подтверждена окончательно, то она, по определению, имеет гипотетический характер, т.е. ее образуют не законы, а *правдоподобные утверждения*. Всякая теория ненадежна, подвержена ошибкам (*принцип фаллибализма*). Окончательно подтвердить теорию нельзя, зато ее можно опровергнуть (фальсифицировать). Теория фальсифицирована, если она противоречит опытным данным, иногда всего лишь одному опытному факту. Фальсифицированная теория заменяется новой, на которую обрушивается новый залп рациональной критики.

Рост научного знания, по Попперу, можно выразить следующей схемой:

Здесь P_1 — исходная проблема; VP — временные решения исходной проблемы; $ЭО$ — элиминация, удаление обнаруженных ошибок; P_2 — новая проблема.

Различные гипотетико-дедуктивные структуры отличаются своей выживаемостью. В мире организмов выживают наиболее приспособленные к среде, в мире науки — самые непротиворечивые концепции.

Научной теорией признается лишь та концепция, которая поддается сопоставлению с опытными данными, и, следовательно, в любой момент она может оказаться фальсифицированной. В отличие от науки философия не поддается фальсификации, т.е. философия не имеет научного характера. Но, не обладая научным статусом, философия обладает смыслом, без нее не обойтись. Так Поппер разрешает проблему демаркации (разграничения) науки и философии. Философия выступает у него как осмысление роста научного знания и включает, в частности, принципы рационально-критической дискуссии, фаллибализма, фальсификационизма.

Попперу удалось выразить многие тонкости роста научного знания. Но его концепция также подвергается критике. В основном за то, что Поппер свел рост научного знания к дуэли гипотез, фактов наблюдений; практически он игнорирует представление об истине, вся проблематика которой заменена рассуждениями о правдоподобных гипотезах. Но кроме гипотез и фактов наблюдений есть еще социальный и технический миры, совокупность многих других фактов, которые также влияют на рост научного знания. Взять, например, тот же принцип фальсификации. Надо иметь в виду, что в результате научной критики ученые, даже обнаружив факты наблюдений, не описываемых данной теорией, отнюдь не спешат полностью отказаться от ее услуг. Например, механика Ньютона, несмотря на наличие огромного числа противоречащих ей фактов, широко используется современными учеными. Требования, выдвигаемые Поппером, имеют, таким образом, нормативный характер, а это означает, что не всегда нужно следовать им.

Рассмотрим воззрения ряда других постпозитивистов, которые разработали свои собственные концепции. Английский философ *Имре Лакатос* выдвинул методологию *научно-исследовательских программ*. По Попперу, на смену одной теории приходит другая, старая теория отвергается полностью. Лакатос подчеркнул важность сравнения теорий друг с другом. К тому же, сравнивать следует не просто теории, а научно-исследовательские программы. Каждая научно-исследовательская программа содержит несколько теорий. "Твердое ядро" программы переходит от одной Теории данной программы к другой, а защитный пояс, состоящий из вспомогательных гипотез, может частично разрушаться. "Твердым ядром" научно-исследовательской программы Ньютона являются три закона механики и закон тяготения. На этой базе было развито множество теорий, относящихся, например, к астрономии, учению о свете и т.д. Только тогда, когда будет разрушено "твердое ядро" программы, необходимым окажется переход от старой научно-исследовательской программы к новой. Новая прогрессивная научно-исследовательская программа должна быть более насыщена эмпирическим содержанием, нежели ее предшественница.

Подчеркивая необходимость сравнения теорий и научно-исследовательских программ, Лакатос сумел выделить важные моменты в процессе развития знания. Существенно здесь — различие теорий и научно-исследовательских программ. Для каждого, кто осваивает разнообразные учения, важно осознавать, в рамках какой научно-исследовательской программы и теории он находится. Такое осознание требует сравнения теорий и программ. Если исследователь либо студент сведущ только в одной научно-исследовательской программе или, что еще хуже, только в одной теории, то эта программа или теория невольно принимается за абсолютную истину (сравнивать-то не с чем!). А это означает, что у субъекта отсутствует осознание своего действительного научного статуса, который фактически очень жестко соотнесен с одной научно-исследовательской программой, достоинства же других программ не осознаются и не понимаются.

Постпозитивисты справедливо обратили внимание на необходимость тщательного изучения истории развития научного познания. Изучение наук, не сопровождающееся изучением их истории, ведет к одностороннему знанию, создает условия для догматизма.

Отметим, что в нашем учебнике делается попытка учесть эти обстоятельства. Вы, наш читатель, знакомитесь с проблематикой основных философских программ, ни одну из которых, как нам представляется, не следует возводить в абсолют. Вернемся, однако, к воззрениям постпозитивистов.

Американский философ *Пол Фейерабенд* критикует *кумулятивизм*, согласно которому развитие знания происходит в результате постепенного накопления знаний. Фейерабенд — ярый сторонник тезиса о несоизмеримости теорий. Теории дедуктивно не связаны друг с другом, для них характерны разные тезисы и понятия. Согласно Фейерабенду, плюрализм должен господствовать не только в политике, но и в науке. Существует множество равноправных типов знания. Возможность универсального метода познания Фейерабендом отрицается. Иногда он даже

высказывался в том смысле, что все позволено, т.е. любая теория приемлема, если только она принимается сообществом ученых. Критерии рациональности не абсолютны, они относительны. Нет таких критериев рациональности, которые были бы приемлемы везде и всегда. Анархизм, считает Фейерабенд, не является слишком привлекательной политической доктриной, однако он служит прекрасным лекарством для философии познания и науки, для тех, кто склонен ограничивать себя одним универсальным методом. Но если нет жестких критериев научности, то естественно предположить связь научных фактов с ненаучными. Последние влияют на науки и обладают самостоятельной ценностью. Наука, философия, религия и даже магия — все уместно, все обладает самостоятельной ценностью.

Заслуга Фейерабенда состоит в настойчивом отказе от приобретенных устойчивые черты идеалов классической науки, наука предстает как процесс размножения теорий, здесь нет единой линии. Создается, однако, впечатление, что Фейерабенд недостаточно внимания уделял устойчивым тенденциям развития науки, а они ведь также существуют.

Томас Кун, американский философ, как и Фейерабенд, критически относится к попперианской схеме развития науки. Основная его мысль состоит в том, что в развитии научного знания особую роль играет деятельность научного сообщества. Определяющее значение принадлежит не нормам логики, методологии, а *парадигме*, т.е. совокупности убеждений, ценностей, технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих научную традицию. Парадигма по своему содержанию шире теории и шире научно-исследовательских программ. Если та или иная парадигма господствует безраздельно, то налицо период нормальной науки. Разрушение парадигмы приводит к научной революции. Каждая парадигма обладает своими критериями рациональности, они не являются универсальными. Парадигмы несоизмеримы друг с другом, между ними нет сколько-нибудь непосредственной логической преемственности. Новая парадигма отменяет старую. Многие считают, что в своей концепции несоизмеримости парадигм Кун недооценивает преемственность научного знания. Подчеркивая, что наука есть результат деятельности научных коллективов. Кун справедливо обращает внимание на особую значимость в науке социальных и психологических моментов.

Лингвистическая философия Витгенштейна

Людвиг Витгенштейн, австрийского философа, много лет преподававшего в Кембриджском университете (Англия), довольно часто называют на Западе самым выдающимся философом XX века. Если в этом утверждении и присутствует элемент преувеличения, то вместе с тем несомненно, что для него есть основания.

Исследования Витгенштейна неизменно находились в центре философских изысканий тогда, когда предметом анализа становился язык. Лингвистический поворот, характерный для философии XX в., во многом был осуществлен благодаря аналитической философии языка, разработанной Витгенштейном.

В ранний период своего творчества Витгенштейн написал уже

рассматривавшийся выше "Логико-философский трактат", который при желании можно квалифицировать как пособие по логическому позитивизму, т.е. по неопозитивизму. В поздний период своего творчества Витгенштейн существенно пересматривает свои воззрения. Опубликованные впервые в 1953 г., уже после смерти философа, "Философские исследования" содержат новый подход к анализу языка. Именно этот подход, нашедший среди современных философов многочисленных сторонников и находящийся в центре курсов философии, преподающихся во многих английских университетах, и является предметом следующего далее рассмотрения.

В "Философских исследованиях" Витгенштейн весьма критически относится к "традиционному" пониманию языка, дань которому он отдал в "Логико-философском трактате". Простая, наивная концепция языка базируется на определенном понимании значения имени (слова). Считается, что слову соответствует тот объект, на который оно указывает. Из слов строятся предложения, а их совокупность, как считается, образует язык. Слова и предложения что-то обозначают. Когда мы говорим "этот стол", "моя рука", "планета Земля вращается вокруг своей оси", "существует электрон", мы всякий раз считаем значением слова или предложения некоторые объекты или процессы, происходящие с ними. Развиваемые представления кажутся вполне строгими — к чему здесь можно "придраться"? Но поздний Витгенштейн их резко критикует.

Дело в том, что постулирование соответствия между именем и его значением не является очевидным. По Витгенштейну, *значение слов определяется их употреблением*. Значение слова есть его употребление, а отнюдь не то, что слово якобы обозначает. Допустим, слово действительно обозначает, в таком случае мы быстро придем к противоречиям. Ведь стоит начать сравнивать употребление слов детьми и взрослыми, неучеными и учеными, как сразу же выясняется известная несогласованность. *Что* есть рука человека? *Что* есть электрон? На такого рода вопросы последуют самые различные ответы, но раз так, то нет слов, которые бы обозначали что-то устойчивое, известное. Когда настаивают на том, что слово обозначает объект, то с самого начала считают объект известным, но этого-то как раз и нет.

Люди пользуются словами, при этом они убеждают друг друга в своей правоте, доверяют или не доверяют друг другу. Словами пользуются в соответствии с некоторыми правилами, которые нельзя свести к правилам грамматики или даже логики. Речь надо вести еще и о правилах жизни. *Язык — это форма жизни*. Жизнь реализуется в языке. И язык — это форма игровой деятельности. Конкретная языковая игра непредсказуема. Слова в языковых играх, используемые для описания данного явления, не обладают полной общностью, для них характерно лишь "семейное" сходство, они похожи друг на друга, как похожи братья и сестры в семье, не более того. Это означает, что Витгенштейн отрицает реальность общих понятий. И так, *язык есть деятельность, форма жизненной игры*. Правила игры не заданы изначально, они формируются в сообществе. Значение слов конструируется в процессе жизни, в языковой игре. В процессе языковой игры особое значение имеют такие феномены, как вера, доверие, уверенность, убежденность. Верим мы не в отдельные предложения, а в систему предложений. Лишь постепенно обозначается целое, каким является жизнь,

реализуемая в языковых играх.

Жизнь, язык, вера — вот главные феномены человека, они изначальны, они несводимы к чему-либо иному. То, что называют законами науки,— это тоже не более чем момент языковой игры, жизни человека. Если математика имеет дело с правилами математических исчислений, то философия имеет дело с правилами языковых игр. Не знающий правил игры ошибается, он терпит в жизни неудачу. Философская деятельность выступает как анализ жизни в форме языка. Философия должна прояснять способы употребления слов, возвращая им ясность, изымая из языка различного рода бессмыслицы. Подлинным предметом философского анализа является естественный язык, который превосходит по своему содержанию "совершенный" язык логики и математики. Здесь слово "совершенный" взято в кавычки не потому, что Витгенштейн сколько-нибудь высокомерно относится к логике и математике. Отнюдь. Витгенштейн неплохо разбирался в тонкостях логико-математических и технических наук. Совершенство языка логики и математики не следует преувеличивать. Язык логики и математики представляет собой некоторые правила игры, конструируемые в основном учеными. Правила логики и математики могут быть изменены, что и происходит периодически, когда, например, изобретают очередную систему (читатель, очевидно, знает, что существует большое число логических и математических систем).

Витгенштейн предложил новый способ философствования, который определил на многие годы характер западной философии. Тщательный анализ языковой практики (а через нее и целого ряда философских проблем), выяснение близости научных предложений и предложений повседневной жизни, подчеркивание конструктивного, творческого характера языковых игр, критика догматических представлений о соотношении языка и реальности, субъекта и объекта — все это должно быть зачислено в актив философии языка Витгенштейна.

Вместе с тем Витгенштейна много критиковали и критикуют, обвиняя его в неправильности сведения всей сферы человеческой жизни к языковой практике, в игнорировании наших знаний об объективной реальности как таковой и, следовательно, в сползании на позиции агностицизма, игнорировании связи между субъектом и объектом.

Аналитизм. Выводы

Выше рассматривались различные течения аналитической философии, характерной чертой которой является тщательный анализ оснований науки и научно ориентированной философии. Главный метод аналитической философии — анализ языковых средств и выражений. Это обеспечивает общезначимость лингвистического анализа, но оставляет в тени то, выражением чего является язык. По мере развития аналитизма нарастают определенные тенденции, обзор которых дает представление о будущем философии.

1. Постепенно происходит отказ от ориентации только на логику, и философы обращаются к истории науки. В этом отношении показательны работы Поппера, Лакатоса и особенно Куна и Фейерабенда. Логика и история научного знания образуют неразрывное целое.

2. Постепенно происходит отказ от жесткого противопоставления фактов и теории. Теперь уже не считают, что факты дают надежное, обоснованное знание, а теория, напротив, ненадежное, изменчивое. Выясняется, что понимание фактов невозможно без теории, т.е. они теоретически нагружены.

3. Существенно ослабевает антифилософская направленность идеологии аналитизма. Мало что остается от бывшего желания первых позитивистов ограничиваться лишь обобщением данных наук: теперь ставится задача философствовать так, чтобы не противоречить науке. Постпозитивизм уже не видит жесткой границы между философией и наукой, признается неотстранимость философии от науки, а Фейерабенд вообще отказывается видеть различие между наукой и философией.

4. Происходит отказ от кумулятивизма в понимании развития знания. Считается, что накопление знания происходит не постепенно, не линейно, а в результате революционных преобразований. Теории, парадигмы несоизмеримы друг с другом.

5. От преимущественного анализа искусственных языков переходят к анализу естественного языка.

6. От атомарных представлений переходят к целостным воззрениям. Показательны в этом отношении воззрения Витгенштейна: слово имеет значение лишь в рамках целого, каковым является язык как форма жизни.

7. Естественно-научная установка постепенно размывается, в основном за счет прагматизма, когда во главу угла ставят практический успех.

8. От анализа внутринаучных отношений все чаще переходят к обсуждению связей науки и философии с внешними для нее социальными институтами типа политики, государства, религии; философия и наука — это органические части жизнедеятельности общества.

Эволюция аналитической мысли показала, что невозможно философствовать вне широкого мировоззренческого контекста. К тому же не существует одного-единственного, от века данного способа разрешения философских проблем. Витгенштейн выразил это в своем понимании языка как деятельности, деятельности по правилам, но не по неизменным правилам. Несмотря на то что нормы и идеалы позитивистского философствования изменялись весьма существенно, незыблемым оставалось требование мыслить ясно, разумно, рационально, максимально аргументированно и доказательно, с учетом всех тонкостей языковой сферы. Выделенный инвариант многолетних философских исследований объясняет главное содержание аналитической философии, комплекса разнообразных путей философствования с опорой прежде всего на анализ и язык.

Придание философии аналитических черт явилось значительным достижением позитивистской мысли. Отказ от аналитичности философии представляется в наши дни анахронизмом, возвратом к давно преодоленному этапу философского знания.

Глава 1.9 Русская философия

Историческая справка

Всякая форма философии несет на себе печать национально-культурного своеобразия. С этой точки зрения выделяют национальные типы философии, в том числе русскую философию. Мировое значение имеет не только отечественная литература и музыка, но и философия. Рядом с именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Глинки, Чайковского, Мусоргского по праву должны быть помещены имена философов *Чаадаева, Хомякова, Герцена, Чернышевского, Соловьева, Бердяева, Флоренского, Лосева* и многих других.

Принятие христианства русским народом в 988 г. явилось поворотным пунктом в его развитии. Процесс христианизации потребовал от тогдашних мыслителей геоцентрических представлений. В процессе христианизации Древней Руси был выбран византийский вариант христианства, и в соответствии с этим выбором русская философия стала развиваться под влиянием византийской философии, в которой преобладали неоплатонические теоцентрические тенденции. Вплоть до реформаторской деятельности Петра I русская философия осваивала геоцентрические представления, что соответствует приблизительно периоду западноевропейской средневековой философии.

Реформы Петра I способствовали более полному ознакомлению русских интеллектуалов с западноевропейской философией. Началось энергичное усвоение ее потенциала. Среди русского дворянства распространилось вольтеррианство с его вольнодумством. Были популярны, особенно среди масонов, мистика француза Сен-Мартэна и немца Якоба Бёме. Многие увлекались идеализмом Канта, Фихте, Шейлинга и Гегеля. Продолжались поиски философской сути христианства.

Начало последовательного развития философии относится ко второй четверти XIX в. Без малого через век произошла социалистическая революция. Многие философы оказались в эмиграции, где часть из них продолжила свои изыскания. В то же время в социалистической России был насильно положен конец бывшему многообразию философских систем. Соответствующие государственные органы позаботились о том, чтобы возобладали одна философская линия — марксистско-ленинская.

От славянофильства к религиозно-этическому искательству

В 40-50-х годах XIX в. идейные споры велись в основном о будущих путях развития России. Западникам, ориентированным на европейские модели, противостояли славянофилы, выступавшие за самобытность России, которую они видели в крестьянской общине, в православии и в соборности русского народа. Славянофилы, среди которых выделялись своим значительным философским потенциалом И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и особенно А.С. Хомяков, стремились опровергнуть немецкий тип философствования и выработать на основе исконно отечественных идейных традиций особую русскую философию.

В центр новой философии *Иван Васильевич Киреевский* ставил принцип непротиворечивой цельности, устранения болезненных

противоречий между умом и верой, истиной духовной и естественно-жизненной. Религии, несмотря на достижения западноевропейского либерализма и рационализма, должны быть возвращены все права духовного лидера.

Алексей Степанович Хомяков считал истинной христианской религией православие: в католицизме есть единство, но нет свободы, в протестантизме, напротив, свобода не подкрепляется единством. Только для православия характерна соборность, или общинность, сочетание единства и свободы, опирающееся на любовь к Богу. Соборность, единство, свобода, любовь — вот ключевые и наиболее плодотворные философские идеи Хомякова.

Ранние славянофилы, выдвинув ряд новых идей, не сумели создать целостной философской системы. Не удалось добиться в этом деле успеха, уже в 70-80-е годы, также поздним славянофилам, в частности, Н.Я. Данилевскому и Н.Н. Страхову. *Н.Я. Данилевский* прославился своей книгой "Россия и Европа". Вслед за немецким историком Рюкертом, но ранее Шпенглера, автора книги "Закат Европы" и других получивших широкую европейскую известность работ, Данилевский развивал концепцию культурно-исторических типов: общечеловеческой цивилизации нет, а есть определенные типы цивилизаций, всего 10, среди которых выделяется своим будущим славянский историко-культурный тип.

Под влиянием славянофильства сложилось почвенничество, общественно-литературное движение 60-х годов XIX в. *А.Л. Григорьеву* и *Ф.М. Достоевскому* была близка идея приоритета искусства — с учетом его "органической" силы — над наукой. "Почва" для Достоевского — это родственное единение с русским народом. Быть с народом значит иметь в себе Христа, предпринимать постоянные усилия по своему моральному обновлению. Для Достоевского на первом месте стоит постижение последней правды человека, истоков действительно положительной личности. Вопрос о смысле жизни выходит на первый план, и решает он его не на путях рациональных рассуждений, а в лоне глубоких переживаний, экзистенций, сказал бы современный философ. Именно поэтому Достоевский — мыслитель экзистенциального склада, путеводная звезда экзистенциалистов XX в., но в отличие от них он не профессиональный философ, а профессиональный писатель. Может быть поэтому в творчестве Достоевского едва ли просматривается сколько-нибудь четко сформулированная философская концепция.

Последнее характерно и для гениального русского писателя *Л.Н. Толстого*. Толстой также занят религиозно-искательством. В отличие от Достоевского Христос для Толстого не Бог, а человек, научивший других, как применять любовь, а именно непровлечением злу насилем — принципа, который восходит к конфуцианству, буддизму и даосизму. Для Толстого на первом месте стоит не философия, а этика в ее религиозной форме.

Подытоживая, можно констатировать, что подлинный нерв философии славянофильства — это религиозно-этическое искательство, надежда, что на этом пути славянам повезет больше, чем другим.

Философия западников

Славянофилы всячески стремились подчеркнуть самобытность русской философии. Западники, напротив, были убеждены, что россиянам надо учиться философии у Запада. В московском кружке *Н.Л. Станкевича*, например, в 30-х годах XIX в. изучали Гегеля. Уже здесь в полную силу проявила себя тенденция, которая стала весьма характерной чертой многих российских мыслителей XIX в.: стремление придать философским идеям прикладной характер, использовать их для быстрого преобразования российской действительности. В этой связи абстрактная система Гегеля постепенно уходила на задний план под натиском более прозаичных фейербахианских, материалистических и нигилистических идей.

К ранним западникам обычно относят П.Я. Чаадаева, Н.В. Оганкевича, В.Г. Белинского, А.И. Герцена. Из этой плеяды русских мыслителей широтой и глубиной своих философских воззрений выделялся *Александр Иванович Герцен*, философ, писатель, политический деятель, наконец, политический изгнанник.

Герцен прекрасно знал учения Шеллинга, Гегеля, Сен-Симона, других западных философов. Диалектику Гегеля он оценивал как "алгебру революции". Быстрое философское развитие Герцена привело к тому, что уже в начале 40-х годов (1842-1846) он достигает философского уровня наиболее видных западных мыслителей своего времени. При этом для философии Герцена характерны многие типичные для отечественной философии черты: синтетичность, народность, всеохватность.

Герцен — знаток философии, логики, литературы, истории, он имеет физико-математическое образование. Весь комплекс знаний Герцен стремится объединить в единое жизненное целое, развивая при этом значительно рельефнее, чем это делали славянофилы, рационалистические аспекты философии. Все философские построения Герцена пронизывает *идея единства*. Он подчеркивает единство природы и человека, материи и сознания, эмпирического опыта и рационального мышления, сознательной и бессознательной деятельности, индивида и народа, естествознания и философии, науки и жизни. В политической области Герцен стремится к достижению общества без насилия и антагонизмов. Российское будущее он связывал с идеалами народного социализма. Не случайно, а в силу своих исходных философских установок Герцен стал одним из родоначальников русского народничества. Незадолго до своей кончины Герцен адресует Бакунину письмо "К старому товарищу", в котором он выступает против крайностей революционного нигилизма, призывов к немедленному свержению государства, к бунту — без должной научной и нравственной подготовки социальных изменений.

Если среди ранних западников своими философскими талантами выделялся Герцен, то позднее одним из лидеров западников стал *Николай Гаврилович Чернышевский*, современник М.А. Бакунина, Д.И. Писарева, И.М. Сеченова.

На Чернышевского значительное влияние оказала философия Фейербаха. Чернышевский, подобно Фейербаху, — антропоцентрист, материалист и атеист. Философское внимание Чернышевского направлено на человека. В этом он следует Фейербаху, но в отличие от последнего

Чернышевский дополняет философскую характеристику человека экономическим, социально-политическим и этическим анализом. Чернышевский разрабатывает проблемы экономики, определяет материальные условия быта как имеющие первостепенное значение для жизни человека. Здесь Чернышевский близок к воззрениям Маркса. Но удельный вес экономизма в учении Чернышевского не столь высок, как в марксизме. Чернышевский в отличие от Маркса основное внимание уделяет не экономике, а эстетике и этике.

В этике Чернышевский — сторонник "разумного эгоизма", согласования поступков с внутренними убеждениями и рациональным выбором, который может быть сопряжен и с жертвами. Но жертва должна быть осмысленной. В противном случае она превращается — по словам Лопухова, героя романа Чернышевского "Что делать?", — в "сапоги всмятку".

В эстетике Чернышевский также близок к материализму, для него прекрасное есть полнота жизни. Если речь идет о произведении искусства, то оно должно оцениваться прежде всего в его связи с реальной, повседневной жизнью.

Безусловно, философия Чернышевского способствовала развитию русской культуры второй половины XIX в., привнеся в нее ряд жизнеутверждающих мотивов.

Философия В.С. Соловьева

Владимир Сергеевич Соловьев — автор оригинальнейшей философской системы, в которой основные черты русской философии представлены особенно рельефно. Достаточно перечислить главные философские работы Соловьева, чтобы составить первое представление о его философской системе. Судите сами: "Кризис западной философии (против позитивистов)", "Философские начала цельного знания", "Критика отвлеченных начал", "Оправдание добра", "Чтение о Богочеловечестве".

Прекрасный знаток разнообразных философских систем, как западных, так и восточных, Соловьев недоволен их частичностью, отвлеченностью. Рационализм берет общее, эмпиризм — частное. Как в том, так и в другом случае занимаются чем-то частичным, а не единым, сущим. Вне единого предикаты (свойства) понять невозможно. Именно единое целое есть смысл всех предикатов. Но что же является абсолютно сущим, абсолютно единым? Для Соловьева очевидно, что на эту роль может претендовать только Бог. Соловьев вопреки многим своим современникам, настроенным сугубо научно, не мог допустить отсутствие принципа абсолютной личности. Сама полнота бытия требует, чтобы сущее было личностью, — всеблагой, любящей, милостивой, волевой. Но это и есть Бог, который олицетворяет собой положительное всеединство. философию Соловьева так и называют: *философия положительного всеединства*.

Всякое многообразие скреплено божественным единством. Материальное многообразие тоже одухотворено божественным началом, и в этом смысле оно выступает мировой душой, или Софией. Греческий термин *София* означает мастерство, знание, мудрость, философы же под "Софией" обычно понимают смыслонаполненность вещей. Поскольку Соловьев видит

во всех вещах именно род смысла, божественного смысла, то материальное многообразие и выступает как "софия", как результат божественного мастерства и творчества. Однако речь идет не только о том, что сущий реализует свои потенции в материальном многообразии, в "софии", но и о том, что "софия" восстанавливается до органической целостности с абсолютном. Такое восстановление может иметь место в процессе эволюции человечества. В этом случае человечество становится Богочеловечеством и реализует единство добра, истины, красоты.

В сущем и причастных к нему вещах заключены в единстве благо (как реализующаяся воля), истина (как реализующееся размышление) и красота (как реализующееся чувство). Отсюда следует "формула" Соловьева: "Абсолютное осуществляет благо через истину в красоте". Три абсолютные ценности — благо, истина и красота — всегда образуют единство, смыслом которого является любовь. Любовь — это та сила, которая подрывает корни всякого эгоизма, всякой отдельности. Благотворна уже физиологическая любовь, соединяющая разнополюсы существа. Но истинная любовь — это воссоединение в Боге, это платоническая любовь по преимуществу, это истинная духовность, что, собственно, и обеспечивает спасение, воскресение человека и вместе с тем приобщение его к вечности, то есть преодоление им смерти.

Для Соловьева гарантом спасения человечества является любовь, единение добра, истины и красоты. Истину добывает высоконравственный человек. Безнравственная наука служит силам разрушения, войны в том числе. То же самое относится к искусству, если оно не наполнено нравственным смыслом.

Жизнь всякого человека есть творчество, свободное движение к добру. Жизнь — это подвиг одухотворения. Пигмалион сотворил статую, — и она ожила; так истинный человек, подобно талантливому скульптору, одухотворяет свои деяния. Соответственно жертва Христа открыла путь к спасению человечества — как человечества в целом, так и каждого отдельного человека.

Философия, согласно Соловьеву, по своему содержанию антропоцентрична. Это соответствует тому, что человек — вершина творения Бога. Общество — это расширенная личность, личность же есть сосредоточенное общество. Все общественные и личностные коллизии разрешаются при стремлении к совершенному добру. Что касается права, то оно необходимо, ибо оно не допускает крайних проявлений зла. Но право обеспечивает достижение лишь минимального добра, идеалы же совершенного добра открывает христианская религия. Требования нравственности, политики, экономики проводят определенные организации, соответственно церковь, государство, земство. Нравственность имеет первенство над политикой и экономикой. Именно следование совершенному благу позволяет преодолеть разобщенность людей, народов, религий, человека и природы, материального и идеального. Разрушительные силы не всесильны, Богочеловечество способно справиться с любыми задачами, в том числе и космического масштаба.

Как в наши просвещенные дни, спустя без малого век после смерти Владимира Соловьева, относятся к его философии? Атеисты порицают Соловьева за теизм, ортодоксальные богословы — за элементы пантеизма,

которые они видят в учении о "софии", государственники — за теократизм, предпочтение церкви государству. Есть философы, которые считают, что в системе Соловьева недостаточно разработана проблематика свободы и индетерминизма. Другие полагают, что вся философия Соловьева слишком возвышенна и неприменима к конкретной действительности. Но может быть высокий нравственно-духовный потенциал философии Соловьева не есть недостаток, а преимущество? Обогащенный этим потенциалом, читатель произведений Соловьева обретет один из философских ключей, который позволит ему понять и преодолеть те проблемы, которые разделяют людей, вместо того чтобы их объединять.

Русская философия в XX в.

Судьба русской философии в XX в. оказалась во многом драматичной и даже трагичной, тесно связанной с перипетиями русских революций 1905 и 1917 гг. В 1922 г. большая группа русских интеллигентов, среди которых находились философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, И.И. Лапшин, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, была выслана за границу. Многие философы, подобно отцу Павлу Флоренскому, погибли в тюремных застенках. Покинувшие пределы России философы занимались в основном разработкой философско-религиозной проблематики. Что же касается философов Советской России, то они работали преимущественно в марксистско-ленинской традиции.

В рамках данного учебника нет возможности дать достаточно подробную характеристику творчества многочисленных представителей русской философии XX в. Мы сделаем исключение для двух выдающихся философов, Н.А. Бердяева и А.Ф. Лосева. Н.А. Бердяев является, пожалуй, наиболее известным из всех русских философов XX в., проживавших вне России. А.Ф. Лосев — наиболее крупная философская фигура внутрисоветского масштаба.

Философия *Николая Александровича Бердяева* глубоко экзистенциальна, ярко персоналистична. Центральной темой философии Бердяева является человек, человек свободный, творческий, а таким он является лишь в свете божественного, точнее, божественного "ничто". Бердяев следует концепции немецкого мистика Майстера Экхарта, который проводил различие между божеством и Богом. Богу предшествует первичный принцип, не предполагающий какой-либо дифференциации, какого-либо бытия. Этот принцип — "ничто", принцип свободы. Свобода не может корениться в чем-то уже определившемся, в бытийном, она содержится в "ничто". Сотворение мира Богом — вторичный по отношению к "ничто" факт. Бог помогает воле стать добром, но он не в состоянии контролировать "ничто", принцип свободы. Бог свободен в своих действиях. Свободен в своих действиях и человек. Бог творит, творит и человек. В своей подлинной свободе человек божественен. Бог и человек есть Дух. Бог вполне реально присутствует в жизни людей высокой духовной силы, в добродетельной творческой деятельности человека. Ясно, что философ с таким мировоззрением не мог не быть противником тоталитарных режимов, лжи, зла, насилия и террора. Бердяев, которого, случалось, критиковали за романтизм и обилие далеко идущих и представлявшихся утопичными идей,

убежден, что человек, будучи по природе своей существом свободным и творческим, преобразует мир именно в соответствии с принципами свободы и творчества. Всеобщее воскресение достигается не в революциях, не в технике, а в божественной духовной жизни.

Алексей Федорович Лосев соединил в своей системе три философские составляющие: феноменологию, диалектику и символизм. По Лосеву, самым благодатным объектом философского анализа и конструирования является не понятие, а эйдос, пронизанное смыслами живое бытие предмета. Понятие не "схватывает" сущность живой конкретности, это под силу только эйдосу, что впервые было постулировано в феноменологии Гуссерля. Однако мир состоит не из неподвижных эйдосов, он наполнен движениями, диалектикой. В соответствии с этим истинная философия неминуемо приобретает конструктивно-диалектический характер. Но Лосев в отличие от Гегеля использует диалектический метод для конструирования не только понятийного, но и эйдетического ряда. Движение, изменение эйдоса приводит к его инобытию, существованию в ином, а это есть символ. Диалектическая феноменология оказывается символизмом. В качестве сфер бытования символов Лосев рассматривает язык, миф, религию, искусство и философию. С неподражаемым мастерством использует Лосев созданный им метод — его можно назвать диалектико-феноменологическим или символическим методом — для анализа античной и возрожденческой эстетики. Особое внимание уделяет Лосев неоплатонизму, в том числе тому его варианту, который фактически составляет философскую основу православия. Лосеву удалось создать весьма своеобразную философскую систему, достоинства которой изучены пока недостаточно.

Характерные черты русской философии

Для многих русских философов характерен идеал цельности, рассмотрение в единстве всех духовных сил человека: чувственных, рациональных, эстетических, нравственных, религиозных. Таково творчество славянофилов, В.С. Соловьева, С.Н. и Е.Н. Трубецких, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, Н.О. Лосского и др.

Но мир — это не просто целостность, а положительное единство (В. Соловьев). Чаще всего положительное единство понимается в русской философии как приоритет нравственных ценностей, религиозно-нравственного опыта жизни. Известный знаток русской философии отец *Василий Зеньковский* считал наиболее характерной чертой русской философии ее этический персонализм.

Этический персонализм, понятый в общественном контексте, приводит к принципу соборности. Соборность означает единство людей на основе их любви к Богу и предпочтения нравственных ценностей. Принцип соборности использовался многими русскими мыслителями в качестве основы для развития политических и правовых воззрений.

Принцип цельности в русской философии применительно к проблемам теории познания конкретизировался в сочетании чувственного, рационального и мистического. Часто основу познания видят в интуиции. Речь идет не об интеллектуальной интуиции Декарта, а о реальной интуиции, таком постижении внешнего, когда оно сливается с внутренним,

психическим. В этой связи можно отметить, что в русской философии всегда достойнейшим образом было представлено интуитивистское направление. Интуитивистами были Н.О. Лосский, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, В.А. Кожевников и др.

В вопросе об истинности русские философы стремились соединить теоретический и нравственно-религиозный опыт. Истинность сближается с праведностью.

Русский космизм в наши дни часто оценивают как визитную карточку русской философии в целом. Это справедливо в том смысле, что концепция русского космизма довольно органично объединяет такие характерные для русской философии идеи, как идея мирового всеединства человека, человечества и физического космоса, идея жизненности правильных ценностей и их действительности для науки, искусства и даже повседневной практики. По сути дела концепция русского космизма является конкретизацией характернейшей идеи русской философии, идеи всеединства, которая занимала умы и сердца Соловьева и Флоренского, Федорова и Циолковского, Вернадского и Чижевского. Русские космисты видят едва ли не основную задачу человека в "распространении совершенства" (Циолковский) по Вселенной. Эта идея поражает своей масштабностью и смелостью, но для ее научного анализа все еще не хватает данных.

Итак, важнейшими характерными чертами русской философии являются принципы целостности, положительного всеединства, этического персонализма, соборности, реальной интуиции, истины-праведности, космизма. Разумеется, в данном случае перечислены лишь главные, основополагающие принципы русской философии. Нет оснований считать этот список исчерпывающим суть русской философии.

Ныне часто говорят и пишут с необходимостью возрождения русской философской традиции. Безусловно, такого рода идеи заслуживают всяческой поддержки. Но возрождать отечественную философию на новом этапе российской действительности нужно не иначе, как с использованием достижений современной мировой науки и философии.

Глава 1.10 Восточная философия

Под восточной философией обычно понимают философию Индии и Китая. Достаточно часто восточную философию противопоставляют западной, считая ее по отношению к последней либо "предфилософией", либо "сверхфилософией". Непредвзятый анализ показывает, что хотя различия между западной и восточной философией существуют, они не являются чрезмерными. В данной главе дается представление о своеобразии восточной философии на примере положений индийской философии. Подробный анализ разнообразных школ и направлений индийской философии не входит в нашу задачу.

1. Для индуса характерен двойной интерес, интерес к человеку, к субъективному и тяготение к целостному восприятию мира. То и другое выливается в единство, которое индийские философы часто называют *монистическим идеализмом*. Природа и жизнь объясняются исходя из единого начала, абсолютного бытия, или бога, который по своим характеристикам вызывает воспоминание о Едином Плотина, неподвижном перводвигателе Аристотеля, абсолютном духе Гегеля.

2. Абсолютное бытие бесконечно, неограниченно, вечно, совершенно, истинно, неподвижно, это бог, или дух, пронизывающий собою все. Многие индусы считают, что на Западе излишне резко противопоставляют бога человеку и природе, в то время как весь мир одушевлен одним и тем же духом, одним и тем же богом.

3. Представление об абсолютном бытии создается путем сведения всех вещей к единому целому. Эту задачу нельзя разрешить рациональным образом, ибо интеллект всегда пребывает в мире множества. Есть более могущественная сила в постижении абсолютного бытия, чем абстрактное мышление, — это интуиция, выступающая как погружение во всеобщее сознание и сопряжение со всем существующим. В результате человек совпадает с богом, с абсолютным бытием.

4. Индийская мысль очень спиритуалистична и мистична. Спиритуализм и мистика — это путь к постижению абсолютного начала, а оно является духовным. Индусы считают, что именно спиритуализм не раз позволял им противостоять превратностям истории. Со спиритуализмом и мистикой органично связана созерцательность и сосредоточенность индусов, также признающаяся одним из достоинств человека.

5. Индусы не менее трепетно, чем древние греки и чем вообще западный человек, относятся к призыву "Познай себя!" Но понимают они его по-своему. Так, деятельность Я характеризуется тремя состояниями: бодрствования, сна со сновидениями и сна без сновидений. Человек реален во всех трех стадиях, в том числе и во время сна без сновидений, он остается духовным бытием, безобъектным сознанием. Я, если его понимать в обобщенно-интуитивном смысле, есть бесстрастный зритель драмы идей, в которую вовлечен человек, в том числе и во время сна без сновидений. Я не умирает и не рождается, ибо оно духовно, абсолютно.

6. Связь ума и тела интерпретируется под знаком приоритета ума, который поддается углубленному изучению и тренировке. Ум человека имеет три уровня: под-, сверх- и просто сознательный. Экстаз, озарение, вдохновение, безумие понимаются не как болезни, а как разновидности

сверхсознательного, которым много занимается философская система йога. Для индусов главная наука — это не политология и не этика, а психология.

7. С позиций западной философии индийскую философию часто обвиняли в пессимизме, догматизме, излишнем традиционализме, переходящем в консерватизм, чуждости идее прогресса, равнодушию к этике. Эти обвинения не многого стоят в свете того, что на протяжении многих веков индийская философия достойно выполняла свое назначение — направляла деятельность своих почитателей.

В наши дни индийская философия, равно как и другие ветви восточной философии, вступили в непосредственный контакт с западной философией. От этих контактов ждут новых философских прозрений, преодоления былой обособленности западной и восточной философий.

Заключение к курсу "История философии"

Представленная панорама истории философских идей всего лишь вводит в круг философии, дает первое представление о ней. За две с половиной тысячи лет своего осмысленного развития человечество приобрело довольно солидный философский опыт, который описывается и обобщается в многотомных произведениях. История философских идей показывает, что ход истории сопровождается изменением стилей, парадигм философствования. Для каждой из исторических эпох — античности, средневековья, Ренессанса, Нового времени, современности — характерны особые способы философствования, между которыми сохраняется преемственность. Даже в одну и ту же историческую эпоху существуют различные философские школы и направления, представители которых во многом не согласны друг с другом. Философы делают, по сути, одно и то же общее дело, но к успеху ведут различные пути, которые способно освоить лишь человечество в целом, даже гениям философии это не под силу. Аналитическая философия, герменевтика, феноменология, марксизм — вот лишь некоторые составляющие современных философских воззрений, сильные и слабые стороны которых рассматривались выше. Как мы видели, ни у одного из современных направлений философии нет оснований претендовать на абсолютную истину, красоту, добро. Вследствие этого благородным делом является стремление усвоить положительные стороны самых различных философских направлений и школ.

Можно констатировать, что история философии выступает как школа мысли и чувства, школа ума и сердца, философия всегда есть освоение ранее неизведанных вершин духовного творчества человека. Человек становится философом тогда, когда он, собрав воедино все самое лучшее в себе, объединив и синтезировав его, совершает духовный подвиг, достигает ранее недоступное ему, обретает новые ориентиры своей жизни, в том числе практической. Философия независимо от того, кто философствует, студент или профессор, всегда есть творчество, атака на неизведанное, достижение более глубокого понимания себя и других, мира в целом. Философствование есть подвиг объединившихся в благородном порыве ума и сердца, постижение новых целостных смыслов. Каково расстояние между философским подвигом и подвигом как геройским поступком? Мы предлагаем читателю выработать на этот счет собственные оценки. Во

избежание всяких недоразумений отметим: философия не добивается приоритета над наукой, искусством, религией. Скромная в своих притязаниях философия, однако, имеет все основания утверждать, что в ее собственных границах, в достижении положительного единства ей нет альтернативы.

После определения в курсе истории философии основных философских проблем, которые в данных рамках рассматривались односторонне, в основном с позиций определенного типа философствования, открываются возможности для построения систематического курса философии, к чему мы и приступаем. В этой связи будут выделены те вопросы философии, которые актуальны в наши дни. Каждый из этих вопросов постараемся проанализировать уже более разносторонне, нежели это делалось в курсе истории философии. Рассматриваемые вопросы будут объединены в систему. Изложение систематического курса философии мы начинаем с анализа метафизики. Речь пойдет о философских вопросах максимально общего содержания.

Часть 2 Систематический курс философии

Глава 2.1 Метафилософия

Метафизика. Основные вопросы философии

Курс истории философии позволил определить основную проблематику, те вопросы, которые неизбежно занимают ум, сердце философа, каждого человека.

Курс философии можно строить систематически, не отвлекаясь на анализ устаревших проблем. В то же время актуальные философские вопросы должны рассматриваться всесторонне, с учетом достижений существующих философских школ и направлений. В этой связи мы обращаемся к теме метафизики. Это позволит провести короткий обзор основных идей философии.

Греческое слово "метафизика" буквально означает "что идет после физики". Подчас термин "метафизика" используется просто как синоним термина "философия". Но чаще в термин "метафизика" вкладывается более специфический смысл. Имеются в виду некоторые сверхчувственные априорные универсальные принципы. То есть под метафизикой понимается не вся философия, а только ее основные принципы.

В античности идущая от *Аристотеля* традиция считала метафизику "первой философией", наукой о бытии. Метафизика есть онтология. В античности сколько-нибудь отчетливое разделение метафизики, науки и теологии (учения о Боге) отсутствует. Основные вопросы античной философии таковы: "Что есть бытие?", "Что есть идея?" (Плесток), "Что есть форма и материя?" (*Аристотель*).

Средневековая философия не отождествляет все знание с метафизикой. Теперь метафизика признается высшей формой *рационального* познания, но она соотносится со сверхразумным знанием. Вопрос о сущем остается основным вопросом философии, но он приобретает нерационалистические черты, связанные с религиозной верой и откровением. "Что есть Бог?" — вот основной вопрос средневековой философии, которая, подобно античной философии, остается по преимуществу онтологией.

В Новое время в результате развития эмпиризма (*Бэкон*) и рационализма (*Декарт, Спиноза, Лейбниц*) метафизику начинают отделять от частных наук. Умозрительность метафизики больше не приветствуется. Первым вопросом является теперь не вопрос о бытии как таковом, а о познании и методе познания. Учение о познании называется гносеологией, учение о методе познания называется методологией. Метафизика в большей степени, чем когда бы то ни было ранее, становится гносеологией и методологией. Основной вопрос философских дискуссий — это вопрос о методе познания: является ли он эмпирическим или же рационалистическим.

Кант делает решающие шаги к разрушению метафизики как онтологии, на первое место он ставит вопрос познания: "Что я могу знать?". У Канта философия и метафизика превращаются преимущественно в гносеологию. Кант считал, что метафизика возможна как чисто априорное знание. Такую метафизику Кант построил, но с противоречиями реальной

жизни не суждено было справиться и ему.

Гегель увидел в метафизике ограниченность рассудочного мышления, которая преодолевается диалектическим разумом. Гегель связал разум с диалектикой, рассудок — с метафизикой, противопоставив тем самым диалектику метафизическому методу. По Гегелю, а он дал начало новой философской традиции, диалектика есть противоположность метафизики как философии, неадекватной действительному положению дел. Диалектика исправляет недостатки метафизики, не справляющейся с жизненными противоречиями, переходами, процессами развития. Как видим, термину "метафизика" было придано еще одно значение (его также надо иметь в виду). Гегель принизил метафизику и возвысил диалектику. Основной вопрос гегелевской философии — это вопрос о логике. Философия становится особой философской — диалектической — логикой.

Диалектический материализм (*Маркс, Энгельс*) поддержал идущее от Гегеля противопоставление метафизики диалектике. Но в отличие от системы Гегеля в марксизме жестко противопоставляются друг другу материя и сознание. Для Гегеля различие материи и сознания есть результат логического движения идей, вопрос о соотношении материи и сознания не является для него основным. Для диалектических материалистов противоположность материи и сознания изначально и составляет основной вопрос философии. Ответ на этот вопрос дается такой: сознание вторично по отношению к материи и в своих существенных чертах определяется характером производственных отношений ("социальной материей"). Метафизика как недиалектический способ мышления возникла, мол, не случайно, а обусловлена состоянием производственных отношений эпохи Бэкона и Локка.

Неопозитивисты зачислили в метафизику — а они понимали ее как умозрительное конструирование — и диалектику, и в целом философию Гегеля и Маркса. Метафизику они решили изгнать из науки. Это мероприятие окончилось неудачей, что и вынуждены были признать постпозитивисты. Основным вопросом философии нео- и постпозитивизма стал вопрос о природе научного знания.

Неопозитивистская тенденция, существенно смягченная пониманием неустранимости из арсенала знаний философских истин, привела к аналитической философии. Основной вопрос философии теперь сводится к вопросу не просто о науке, а о рациональности, будь то в науке или в жизни.

Лингвистическая философия (*Витгенштейн, Хайдеггер*) поставила в центр своего внимания проблему языка. Экзистенциальная философия обратилась к проблеме человека.

Таким образом, многовековое развитие философских представлений привело в конечном счете к двум толкованиям содержания метафизики. Согласно негативным представлениям, метафизика есть неудовлетворительный конкурент диалектике. Положительное толкование состоит в понимании ее как совокупности основополагающих принципов философии. Но таких принципов, как мы видели, набирается достаточно много. Как совладать с ними?

Как строить философию?

В любом учебнике воспроизводятся тексты. Мысль, повествование разворачиваются последовательно, страница за страницей. Изложение может строиться различным путем. Один из путей такой: рассматриваются разнообразные жизненные ситуации и на их основе приходят к высказываниям, убеждениям и отрицаниям общего характера. Чаще же начинают с изложения общих положений, которые интерпретируются на частностях. Так, в учебниках математики начинают с указания аксиом и правил вывода из них теорем; теоремы доказываются, а их содержание интерпретируется на экспериментальном материале. В технических науках при изучении различного рода устройств, приборов, технологий смысл характерных для них процессов понимается на основе данных фундаментальных наук, математики, физики, химии.

Второй путь изложения учебного текста выступает как путь *дедукции* — перехода от общего к частному. Именно он преимущественно используется в учебных текстах. Почему? Потому, что он максимально эффективен в учебных целях. Дедуктивное построение наук и учебных курсов знаменует собой достигнутое развитие учебной дисциплины. Ученые и педагоги уже разобрались в сложностях и тонкостях рассматриваемой науки, обнаружили субординационные связи: что более значимо, что менее. Именно как итог всего этого только и может появиться дедуктивное изложение, позволяющее быстро — а ведь экономия времени является важнейшим фактором жизнедеятельности человека — ввести обучаемого в курс дела. С учетом всего изложенного желательно после изучения историко-философской проблематики строить дальнейший учебный текст дедуктивно. Но здесь мы встречаемся с новой трудностью, которая имеет для понимания философии фундаментальное значение. Дело в том, что, как мы убедились выше, философы в понимании сущности и перечня основных принципов философии отнюдь не единодушны.

Представители так называемых "строгих" наук — математики, физики — тоже далеко не единодушны в своих исходных установках, но согласия у них побольше, чем у философов. Так, математики предлагают различные наборы аксиом, между собой спорят интуитивисты, формалисты, логицисты. Но в конечном счете математики приходят к схожим результатам. Нечто аналогичное имеет место и в философии, но при большем разбросе мнений. С одной стороны, очевидно, что философы делают общее дело. Это подтверждается тем, что на философских конференциях, симпозиумах, в дискуссиях позитивисты, марксисты, феноменологи, герменевты отлично понимают друг друга. С другой стороны, как уже отмечалось, сохраняются существенные разногласия. Что стоит за этими разногласиями? Сложность мира философии! Этот мир таков, что упорядочить его в мысли столь же строго, как мир математики и физики, не удается.

Каждое из направлений, добившихся реальных успехов в философии, а именно такие и рассматриваются в учебниках, нашло свой путь в мире философии, следуя которому, оно осваивает поле философских проблем. Суть в том, чтобы поле этих проблем действительно осваивалось, а начинать его "вспашку" можно исходя из целого ряда вопросов. К истине, красоте, добру ведут различные дороги, правда, далеко не любые. Это означает, что основные принципы философии могут быть упорядочены неоднозначным

образом.

Философию, как об этом свидетельствует наличие различных философских направлений, нельзя свести лишь к одному основному принципу, она имеет больше, чем одну, степеней свободы. Это — соотношение общего и частного, человека и природы, субъекта и объекта, сознания и материи, научного и ненаучного и т.д.

При изучении философии, равно как и при всяком осмыслении, очень важно не выпасть из философского круга. Это первое требование для всякого философского знания. Второе требование вытекает из первого: нахождение в философском круге не должно быть просто пребыванием в нем, желательно добиться успеха, но для этого необходима соответствующая активность, по возможности избегающая догматических ориентиров.

Мир философии

Для определенности желательно указать, что, собственно, входит в мир философии. Уже на максимально простом интуитивном уровне ясно, что философия занимается миром человека (мир человека, личности, мир общества) и миром природы. Несколько сложнее понять, что в некотором роде промежуточное положение между человеком и природой занимает мир *символов*. Речь идет о продуктах деятельности человека. Мы их назвали символами постольку, поскольку символ, по определению, есть то, в чем светится природа другого; человек в продуктах своей деятельности удваивает себя, существуя в этих продуктах, конечно же, не буквально, физически зримо, а символически. Например, в продуктах труда мы узнаем их создателей. Таким образом, мир философии — это три сферы бытия: мир человеческого, мир символического и мир природы. Ясно, что эти три сферы бытия связаны друг с другом. Так, нет человека без природы, а символов без человека. Мир философа можно представить в виде схемы, где двусторонние стрелки выражают многообразие связей:

Мир человека ↔ Мир символов ↔ Мир природы

Каждый из этих миров в свою очередь каким-то образом структурирован. Мир человека — это многообразие чувств, эмоций, мыслей, единства того и другого (эйдосов); мир символов — это труд, язык, культура; мир природы — физические, химические, биологические явления.

Если мы обратимся вновь к философским направлениям, то легко убедимся, что каждое из них действительно движется своим путем в мире философии. Укажем некоторые пути философствования (стрелки фиксируют переход от основных философских проблем к вторичным). Материализм — природа → человек; субъективный идеализм — субъект → природа; экзистенциализм — экзистенциалы человека → мысли человека, природа; лингвистическая философия — язык → духовный мир субъекта; постпозитивизм — научное знание → ненаучное знание.

Приведенная выше схема содержания мира философии при всей своей правильности без учета одного весьма существенного обстоятельства может привести к недоразумениям. Дело в том, что она не выражает наличие общего и частного. Между тем без такого разделения нет науки, нет и

философии. Крайне существенно учитывать наличие в мире философии наряду с частным общим.

Как выше объяснялось, есть резон в том, чтобы систематические изменения философии начать с непосредственного рассмотрения общего, разумеется, интерпретируя его содержание на базе частного.

Самое общее в философии — это, по определению, метафилософия, нередко ее называют метафизикой. В отечественной философской литературе советского периода метафилософию называли диалектикой, рассматривая последнюю в качестве философской науки о наиболее общих законах связи, движения и развития. Но дело заключается, естественно, не в словах, а в существе вопроса. Речь идет о метакатегориях философии, таких, как количество, качество, связь, отношение, движение, возможность и т.п., которые характерны и для мира человека, и для мира символов, и для мира природы и которые в обобщенной форме выражают общее мыслей, чувств и предметов. Ближайшая задача состоит в том, чтобы в тексте выразить определенность философских метакатегорий.

Основные категории метафилософии

Бытие. Бытие — это философская категория, выражающая самую общую определенность мира философии. Каково оправдание (доказательство) для введения категории бытия? Ведь введение той или иной категории должно быть вполне оправданным.

В основании любой науки лежит убеждение, что все изучаемые ею явления одинаковы, одинаковы постольку, поскольку они изучаются именно данной наукой. Так, в любой математической теории начинают с констатации одинаковости изучаемых феноменов в том смысле, что они подпадают под одну и ту же совокупность аксиом, правил вывода, лемм и теорем.

Философия также постулирует одинаковость всего того, что она изучает. Все есть бытие. Мир человека, мир природы, мир символов с позиции метафилософии есть одно и то же. Рассуждая от противного, нетрудно понять, что так оно и есть. Если бы рассматриваемые нами миры были сугубо разными, то к ним просто нельзя было бы применить одни и те же категории, а ведь это делается, и не без успеха. Вывод ясен: все явления одинаковы, или, иначе говоря, они — в философском смысле — существуют, бытийствуют. Таким образом, введение категории бытия имеет глубокий смысл. Фактически речь идет о первом принципе философии: все есть одно и то же. Существовать в философском смысле — значит иметь определенность, выражаемую философскими категориями.

Часто под бытием понимают просто весь мир философии. Но лучше проводить различия между миром философии (универсумом) и бытием. Задача философа состоит в универсальном понимании мира философии. Добываясь этого, он обнаруживает одинаковость явлений. Для обозначения этих явления философ вводит категорию бытия.

Вещь (предмет), свойство и отношение. Мир философии состоит из предметов (вещей). Предмет как вещь — объект философского познания. Вещь, свойство, отношение — это предметы, но между ними заметно различие. Вещь — единство свойств и отношений, единство

многообразного. Свойства и отношения присущи вещи, сами по себе они не существуют. Свойства и отношения — это признаки; свойство — признак отдельной вещи, а отношение — признак двух или более вещей. "Твердость", "мягкость", "упругость" — свойства, "...больше чем...", "...брат..." — это отношения. Примерами вещей являются "стол", "дерево", "мысль", "чувство" и т.п.

Общее и единичное. Первые шаги философа связаны с различением общего и единичного. Уже древние философы понимали, что многообразие отдельных явлений не может быть усвоено без обращения к общему, относительно которого спорят больше, чем относительно единичного. Общее есть сходное у ряда единичных предметов. В выражении "все лебеди белые" в качестве общего для всех лебедей признака взят цвет их оперения. На первый взгляд кажется, что для обнаружения общего достаточно простого сравнения объектов познания. Однако все обстоит значительно сложнее. Философы давно выяснили, что выделение общего является результатом сложной мыслительной операции — *обобщения*, в результате которого приходят к понятиям. В науке общие признаки предметов обозначаются общими именами, а содержание тех и других интерпретируется в понятиях (см. гл. 1.2, "Реализм и номинализм").

Определенность и неопределенность. Мир философии в начале его философского анализа выступает как хаотическая стихия (хаос). Вплоть до XX в. считалось, что философский и научный анализ выявляют в конечном счете вполне определенную структуру универсума, каждая вещь обладает неразмытыми "рублеными", четкими границами. Успехи квантовой физики и теории вероятностей окончательно развенчали это представление. Оказалось, что неправомерна абсолютизация как определенности, так и неопределенности. Неопределенность — органическая черта мира философии, и состоит она в том, что невозможно так называемое точное описание. Например, нельзя определить абсолютно точно время жизни какого-либо объекта. И дело тут не в нашей неопытности, а в фактическом положении дел; в известных границах время жизни любого объекта является неопределенным.

Синергетические категории. В последние годы бурно развивается наука под названием синергетика. Буквально греческое слово *синергия* означает совместное действие, сотрудничество. В книгах по синергетике ее обычно определяют как теорию *самоорганизации открытых систем*, т.е. систем с источниками и стоками энергии, вещества и информации. Успехи синергетики вынуждают философов оценивать содержание своих категорий иначе, чем всего 20 лет тому назад. Ясно, почему приходится это делать: философские категории не даны свыше, они должны соответствовать данным науки.

Главное содержание синергетики состоит в следующем. Открытые системы часто оказываются в точках неравновесия, где их поведение описывается вероятностным образом, нелинейным уравнением, куда переменные входят в степени, большей единицы (квадраты, кубы и пр.). Из точки неравновесия система попадает на одну из возможных историй своей эволюции. Тут-то и происходит самоорганизация, возникают устойчивые структуры, появляется ранее отсутствовавший порядок, к которому тяготеет система. Такие структуры называются *аттракторами*. Блок

синергетических категорий — синергия, самоорганизация, открытая система, нелинейность, структуры-аттракторы — составит необходимый контекст дальнейшего анализа содержания философских категорий, предохранит от устаревших воззрений.

Сущность и явление. Закон. Общее и единичное, взятые не в изолированности друг от друга, а в их взаимосвязи, называются соответственно *сущностью* и *явлением*. Сущность понимается при этом как единство многообразия. Так, в науке закон есть сущность единичных явлений. Специфическое тоже может быть признано существенным. Существенное — это не обязательно общее.

Итак, сущность есть общее, которое взаимосвязано с единичным (явлением). Сущность не вызывает к жизни явление, она содержится в нем изначально. Но почему в философствовании столь эффективно движение от сущности к явлению? Надо полагать, это определяется состоянием, определенностью мира философии. Тот, кто оперирует не просто явлением, но его сущностью, движется к успеху, теоретическому или практическому, куда более быстро, чем его оппонент.

Закон есть прежде всего связь общего с общим. В мире явлений закону могут соответствовать необходимые и случайные, повторяющиеся и неповторяющиеся, существенные и несущественные явления. Вспомните, например, законы микрофизики — им сопутствуют случайные явления. Что касается неповторимых явлений, то они также охватываются законами.

Часто говорят об эмпирических законах, под которыми понимают связи явлений, установленные эмпирическим образом. Между тем широко используются в науке теоретические законы, в культурологии — связи между категориями культуры, в философии — связи между философскими категориями. Во всех этих случаях закон выступает как связь общего с общим.

Мир законов не столь изменчив, как мир явлений,— это замечено давно, вместе с тем законы не являются и царством спокойствия. Не все законы равнозначны друг другу. Наиболее значимые законы называются *принципами*. Умение пользоваться принципами считается вершиной философской деятельности. Сфера правомерности закона обычно не охватывает собой весь универсум. Различают философские, общенаучные (математические, кибернетические и др.) и частнонаучные (физические, химические, социологические) законы. Развитию явлений соответствует развитие законов.

Разделенность и единство мира. Часть и целое. Элемент и система. Давно замечено, что все существующее раздроблено на фрагменты, которые связаны друг с другом и образуют *единство*. Речь идет о факте фундаментальном: его нельзя вывести из других фактов. С *разделенностью* мы встречаемся повсюду: пограничные линии проходят между общим и единичным, сущностью и явлением, природным и социальным. *П.Л. Флоренский* считал, что мир трагически прекрасен в своей раздробленности, и вспоминал Платона, согласно которому любовь есть инстинктивное стремление к единству, целостности. Жизнь предполагает разделенность и единство, а также преодоление то первого, то второго.

Уже древние философы для понимания разделенности и единства мира использовали представление о *части* и *целом*. Если нечто поддается

раздроблению, то оно обладает частями, а само является целым. Если же нечто неделимо, то оно называется атомом, что означает буквально "неделимый". Но наукой XX в. установлено, что супермонокристаллическое, неизменное не существует. В этой связи, а также по ряду других оснований был развит системный подход. Дополняя понятия целого, части, атома, стали использовать понятия системы и элемента. *Система* — это такое соединение элементов, которое приводит к возникновению свойств, не присущих предметам в их разобщенности. Связь компонентов системы называют структурой. *Элемент* — это такая часть системы, которая после своего раздробления на части уже не обладает характеристиками системы. Другими словами, элемент — это наименьшая часть системы. Но здесь термин *наименьшая* нельзя понимать сугубо в пространственном смысле. Элемент системы отличается от атома тем, что он, элемент, может состоять из частей, между тем атом, по определению, монокристалличесок. Отдельные субъекты — это элементы общества, биологические особи — элементы популяций, гены — элементы биологических особей.

Несостоятелен софизм по поводу предшествования то ли части целому и элемента системе, то ли наоборот — целого части, а системы элементу. Элемент и система, целое и часть находятся в неразрывной связи друг с другом, они не могут быть одновременными. Раз так, то понимание части требует опоры на понимание целого. Здесь нет вопреки *Шеллингу* антиномии, противоречия, а есть взаимная связь. Принцип предпочтения целого части называется *холизмом* (греческое "холлос" означает целое). Принцип предпочтения части целому также часто используется, для его объяснения можно использовать термин *партикуляризм* (от латинского "партикулярис" — частичный). Термин *партикуляризм* в указанном смысле применяется довольно редко.

Рассмотрим взаимоотношение личности и общества.. Если личностное объясняют общественным, как это делается, например, в марксизме, то в качестве доминирующей реальности берется целое. Марксисты — сторонники холизма. Персоналисты и экзистенциалисты объясняют общественное на основе личного, а это означает, что они сторонники не принципа холизма, а принципа партикуляризма.

Системный подход стал особенно широко использоваться в философии, науке и культуре во второй половине нашего века в связи с достигнутыми успехами в изучении сложных объектов. Были развиты различные варианты общей теории системы, а вопросы управления сложными динамическими системами стала изучать специальная наука — *кибернетика*. Справедливости ради следует отметить, что достаточно часто назойливое стремление управлять сложными системами нежелательно. Некоторые исследователи заговорили о *либернетике* — науке обеспечения сложным системам свободы.

Структура и функция, форма и содержание. Способ организации целого называется *формой*, а способ организации системы называется *структурой*. Форма соотносится с содержанием, представляющим собой совокупность частей целого. *Функция* — это способ поведения объекта, способствующий сохранению его самого или той системы, в которую он входит.

У *Платона* форма — это то же, что и идея. Согласно *Аристотелю*,

форма есть определенность самих материальных вещей. Поэтому он соотносит форму с материей. *Гегель* поставил на место материи содержание, не все вещи материальны, но все обладают содержанием. От *Гегеля* и тянется традиция сопоставления формы с содержанием.

До тех пор пока существует целое, форма как способ организации целого устойчива и сохраняется. Соответственно структура характеризует устойчивость системы. Ее часто понимают как инвариантный, сохраняющийся аспект системы.

В современной философии имеется целое направление, в рамках которого первостепенное значение придают категории структуры. Речь идет о *структурализме*, особенно популярном во Франции. Структуралисты ведут поиск структур в литературе, языке, бессознательном, других областях социогуманитарного знания, то есть там, где традиционные методы науки малопригодны. Поиск структур выступает как способ обнаружения законов. *Леви-Строс* обнаружил, что мифы (сказания) различных народов имеют общую структуру. *Лакан* обнаружил сходство между структурами языка и бессознательного. Как видим, структуралисты добиваются научного успеха. Что касается французского структурализма, то он близок по своим философским установкам к нео- и постпозитивизму.

Символ и знак. Проблематика части и целого, элемента и системы показывает, что раздробленность мира философии не имеет абсолютного характера, многие фрагменты мира связаны между собой. Та или иная часть целого свидетельствует о других частях целого. Там, где один смысл обозначает другой, пронизательно замечает современный французский философ *Пьер Рикёр*, мы имеем дело с *символами*, каковых, заметим от себя, в философии множество. Мир философии глубоко символичен.

Строго говоря, символ — это одна из разновидностей *знаков*. Двумя другими разновидностями знаков являются соответственно иконические знаки (знаки-копии) и знаки-признаки (их часто называют также индикаторами или симптомами). Знак — это свидетельство о другом. Характерная особенность иконических знаков состоит в их известном сходстве с обозначаемым. Примерами иконических знаков являются фотографии, рисунки, репродукции, отпечатки пальцев. Знаки-признаки, не являясь копиями обозначаемых ими явлений, тем не менее указывают на них. Так, дым есть знак, при-знак горения. Техника есть при-знак человека, ибо она производится человеком и придана ему. Техника выступает как при-(человеке)-знак. Наиболее сложные знаки называются символами. Символы намного богаче иконических знаков и знаков-признаков, индикаторов. Обычно символ связан с всеобщим, с многообразием, с синтезом, с реализацией духовных возможностей человека. Выдающийся русский философ *Алексей Лосев* определял символ как идеальную конструкцию вещи, как идейную, образную или идейно-образную структуру. Известный русский символист *Андрей Белый* понимал символ как результат синтеза, для постижения богатства которого требуются не только знание и наука, но еще и богатство культуры.

Символами являются, например, философские категории и понятия науки. Та же техника столь многогранна в своих значениях, что вполне правомерно считать ее своеобразным символом (символ может, следовательно, быть материальным образованием). Замечательный

американский философ *Чарльз Пирс*, глубокий знаток символической проблематики, однажды выразился таким образом: "Человек — это мысль, и в качестве мысли он есть разновидность символа".

В философии, часто неосознанным образом, широко используется категория символа. Так, объективные идеалисты (Платон, Гегель) рассматривали мир единичного как символ мира общего. В религиозной философии земное есть символ божественного. Что касается науки, то здесь понятия выступают символами своих значений. В литературе метафора выступает как иносказательность, т.е. опять же как символ. Использование категорий знака и символа позволит в дальнейшем дать содержательную характеристику самым разнообразным явлениям — от психических функций человека до языка и техники.

Взаимовлияние и активность. Символичность мира является результатом взаимовлияния частей целого, элементов и частей системы. Части целого взаимовлияют друг на друга — это всеобщий закон, не знающий исключения. Но влияние есть всегда выражение внутренне присущей явлениям *активности*. Феномены активности и влияния соотносятся друг с другом как внутреннее и внешнее. Конечно же, весьма заманчиво было бы выразить, понять сам механизм проявления активности, ее превращения во влияние.

У Гегеля активны идеи, то есть он приписывает атрибут активности общему, например законам. Такая точка зрения об истоках активности, пожалуй, не находит практического подтверждения. Влияют друг на друга отдельные явления. Если так, то прав не Гегель, а Аристотель, который считал сущностью, активным нечто присущее вещи, а именно форму.

Согласившись с Аристотелем, мы сталкиваемся с немалыми трудностями при объяснении феномена влияния в области соответственно физических, биологических и социальных явлений. Относительно просто дело обстоит с физическими явлениями. Физические объекты взаимодействуют между собой посредством обмена так называемыми квантами взаимодействия. Интенсивность взаимодействия определяется такими характеристиками, как масса и заряд. Итак, физическим явлениям присуща активность, которая проявляется вовне как действие, т.е. физические объекты взаимодействуют друг с другом. Механизм взаимовлияния достаточно сложен уже в мире физических процессов, еще более сложным является он в мире социальных и биологических явлений.

Дело в том, что механизм биологического или же социального влияния не может быть реализован иначе, как через свою физическую основу. Допустим, два субъекта обмениваются звуковой информацией и осуществляют в соответствии с ней определенные действия. Тот, кто передает информацию, вынужден сначала закодировать ее в звуке, ибо без физического посредника ее вообще невозможно передать. Второй собеседник вычленил информацию из звукового сигнала, воспринимает и обдумывает ее, принимает решение и только потом действует. И обдумывание, и действие опять же требуют использования физических агентов. Это означает, что социальное влияние осуществляется посредством физических действий. Аналогичным образом осуществляется и биологическое влияние, т.е. также через физическое действие. Итак, социальное и биологическое влияние непременно связаны со своей

физической основой, с действием. При этом нет какой-либо устойчивой пропорциональности между физическим действием, с одной стороны, и биологическим или социальным влиянием — с другой. Малому физическому действию может соответствовать большое биологическое или социальное влияние, но может быть и так, что физическое действие значительно, а его социальное содержание ничтожно. Показательна в этом смысле ситуация, когда слово, сказанное шепотом, производит больший эффект, чем громкий крик. Читатель наверняка способен привести другие примеры, показывающие, что связь между физическим действием, с одной стороны, и биологическим и социальным влиянием — с другой, имеет довольно причудливый характер.

Рассмотрим закон единства и борьбы противоположностей. Смысл этого закона очень прост: взаимовлияющие стороны как взаимоотрицают, так и взаимопологают друг друга. Взаимопологание сохраняет единство взаимовлияющих сторон, единство целого. Взаимоотрицание сторон целого приводит к изменению и, наконец, к разрушению былого единства. Таким образом, и сохранение, и изменение целого имеют своей основой взаимовлияние его частей. Закон единства и борьбы противоположностей фиксирует источник неизменности и изменчивости вещей. Этот источник — взаимовлияние, внешняя активность вещей, составляющих нашего мира. Содержание рассматриваемого закона нацеливает на определение источника, динамической причины происходящих процессов. В этом состоит одно из несомненных его достоинств.

Отметим вместе с тем, что достоинства закона единства и борьбы противоположностей не следует преувеличивать. Пожелавшему представить в развитой рациональной форме физические, биологические или социальные процессы придется использовать весь арсенал теорий физических, биологических и социальных явлений. Закона единства и борьбы противоположностей окажется для указанных целей явно недостаточно. К тому же использующему рассматриваемый закон следует быть осмотрительным: не всякие взаимовлияющие явления противоположны, не все они "борются" друг с другом. Многократно, со ссылкой на закон единства и борьбы противоположностей, пролетариат называли могильщиком буржуазии: очевидно, здесь присутствует элемент преувеличения. Недопустимо вносить дополнительный конфронтационный момент в закон взаимовлияния явлений. В таком случае он превращается в закон борьбы противоположностей.

Причина и следствие. Детерминизм и индетерминизм. Взаимодействие вещей приводит к возникновению новых вещей (свойств, событий, процессов). Исходное явление, непосредственно обуславливающее и в этом смысле порождающее другие явления, называется *причиной*, при этом возникшее явление будет *следствием*. Следствие, порожденное некоторой причиной, само становится причиной других явлений, тем самым образуются причинно-следственные связи. Как выражался Гегель, субстанция шествует через причинность. *Согласно принципу детерминизма, все явления причинно обусловлены. Отрицание же этого принципа называют индетерминизмом.*

Анализ механизма детерминации показывает, что в своей основе он выступает как взаимодействие физических явлений. На этой основе

осуществляется биологическое и социальное взаимодействие (влияние). Смысл произнесенного слова не может сам по себе передвинуть мебель в комнате или построить храм. Но усвоенный людьми смысл они при желании овеществляют в камне и металле. Всякое причинение есть взаимовлияние не менее чем двух реалий (вещей), дело не сводится к действию одного объекта. Некто бросил камешек в окно, в результате разбилось оконное стекло. Следствие здесь обусловлено взаимодействием камешка и стекла (было бы стекло попрочнее, оно могло и не разбиться). Если бы физические взаимодействия передавались с бесконечно большой скоростью, то все существующие явления были бы связаны друг с другом. Однако, согласно специальной теории относительности, взаимодействия не могут передаваться со скоростью, большей, чем 300 000 км в секунду. С указанной скоростью перемещаются, например, электромагнитные сигналы, что же касается, скажем, ракет, то они движутся с намного меньшими скоростями. Конечность скорости передачи физических взаимодействий означает, что взаимодействовать могут лишь те явления, которые находятся друг от друга на расстоянии ct , где t — время жизни объекта, c — скорость света в вакууме.

Так как явления выступают порождениями некоторых актов причинения, то человек вынужден изучать, исследовать его механизм. Недостаточно знать, как происходят явления, надо еще знать, почему они происходят и именно таким образом. физика добилась впечатляющих успехов после постижения ею взаимодействий элементарных частиц. Биология достигла удивительных результатов после раскрытия генного механизма наследственности.

Между тем, как показывает практика, изучение природы причинных цепей не является легким делом ни в физике, ни в биологии, ни в юриспруденции. Английский философ XVIII в. *Давид Юм* вообще поставил под сомнение возможность обнаружения причин. Согласно Юму, то, что считают следствием, не содержится в том, что считается причиной, и не выводимо из последнего. Вводя понятия причины и следствия, люди совершают, мол, логическую ошибку типа "после этого — значит, по причине этого". Но если после A последовало B , то отнюдь не обязательно после A всегда будет B . Сомнения Юма породили большой поток литературы, но не опровергли возможность познания причин и следствий (читатель имеет возможность самостоятельно критически оценить воззрения Юма на причинность). Физики, биологи, социологи умеют предвидеть будущее не в последнюю очередь именно потому, что они познали причинные отношения. Люди способны познать причинно-следственные связи, но они не всесильны в этом деле. Когда политик желает построить рай на Земле, то он, как правило, сильно преувеличивает свои познания в области причинно-следственных связей.

Много полемических копий было сломано в борьбе детерминистов и индетерминистов по вопросу о природе явлений микромира и свободе воли человека. Кажущееся причудливым поведение микрочастиц вначале не умели объяснять как результат взаимодействий. К тому же детерминисты старой школы считали, что там, где имеют место причинно-следственные отношения, налицо необходимость (но ведь элементарные частицы ведут себя случайным образом!). Казалось, что принцип детерминизма не

подтверждается в микромире. Последующие успехи физики все поставили на свое место. Происходящее в микромире тоже определяется взаимодействиями, в результате возникают причинно-следственные связи. Было также выяснено, что сам характер микровзаимодействий содержит элемент случайности, а это оказалось для многих большой новостью.

В разрешении вопроса о свободе воли также были развиты детерминистские представления. Свобода воли человека действительно существует, но и воля человека не выпадает из цепи причинно-следственных зависимостей.

Возможность и действительность. Причина вызывает к жизни следствие. Причина и следствие характеризуют мир философа непосредственно по признаку порождения. Но причина и следствие входят в систему различных связей. Причина как знак, символ следствия есть *возможность*; следствие же как реализация, осуществление причины-возможности есть *действительность*.

Известно, что куколка есть возможность гусеницы, а гусеница есть возможность бабочки. Жизненное есть возможность смертного, обратное неверно: смерть не есть возможность жизни. Наши примеры можно продолжить, но и приведенных здесь достаточно для важного заключения. Возможность — это не нечто такое, что скрыто в причинах и существует там в виде тенденции. Возможность — это сама причина, взятая как знак, символ будущего.

Возможность часто называют тенденцией, которую вместе с тем отличают от причины. Конкретный адрес возможности в таком случае затрудняются указать. Превращение возможности в действительность выступает чем-то мистическим. На самом же деле выражение "возможность реализовалась" означает не что иное, как превращение одних явлений в другие.

Аристотель и Гегель связывали возможность и действительность не с символической связью причины и следствия, а с сущностью. По Аристотелю, "с точки зрения сущности действительность идет впереди возможности". Гегель, в противовес Аристотелю, связывает сущность напрямую с возможностью: действительность выступает как реализация сущности, как единство сущности и явления; без явления сущность будет возможностью.

Позиция Гегеля уязвима в том смысле, что сущность не переходит в явление. Между тем категории возможности и действительности выражают реальные механизмы превращения, в основе которых лежит причинно-следственные отношения.

Аристотель также упускает из виду символическую связь причины и следствия. У него сама действительность обладает возможностями, между тем в хорошей метафилософии действительность есть нечто возникшее.

В обыденной жизни принято рассуждать по схеме: нечто обладает возможностями, которые либо реализуются, либо не реализуются. Такое рассуждение кажется ясным и очевидным. Однако для постижения не мнимого, а реального смысла приведенной схемы рассуждений требуются дополнительные усилия. Причина как символ, как выражение следствия есть возможность. Сократ, не ставший маршалом, не был возможностью маршала. "Да,— говорят,— вот если бы...". Но, специально подчеркнем это

обстоятельство, связь возможности и действительности не знает сослагательного наклонения. О реальных возможностях человека можно с уверенностью судить лишь после того, как они реализовались.

До превращения реальных возможностей в действительность человек не знает, но хотел бы предвосхитить их содержание. Предсказание, предвидение возможностей не есть еще констатация реальных возможностей. Поэтому было бы весьма опрометчиво признавать как реальные те предсказанные возможности, которые фактически не реализовались. Нереализованные возможности — это фикции. Дело обстоит не так, что человек реализует лишь некоторые свои возможности. Человек творит поле возможностей в тех пределах, которые ему доступны. Познав реальные возможности, человек переводит их в желаемую действительность, которая по отношению к будущему вновь выступает как возможность. Переход возможности в действительность — это не что иное, как переход одних явлений в другие, выражение символических связей мира. Из оплодотворенного куриного яйца в инкубаторе появляется цыпленок: яйцо (физическое) есть возможность цыпленка (биологического), физическое в его единичных и общих (законообразных) чертах есть символ единичного и общего биологического.

Итак, категории возможности и действительности выражают знаковую, символическую связь причины и следствия, они необходимы для уяснения природы причинно-следственных связей.

Случайность и необходимость. Вероятность. Всякая реальная возможность неминуемо переходит в действительность, но и этот процесс нельзя понимать упрощенно, здесь есть свои вариации. Есть причины, обладающие одной возможностью, и есть причины, обладающие несколькими или очень многими возможностями. Там, где реализуется одна-единственная возможность, налицо *необходимая* связь; если реализуется несколько возможностей, перед нами *случайная* связь. Необходимость и случайность — категории философии, обозначающие связь, где реализуется соответственно одна или же, напротив, несколько возможностей. Необходимые связи называют динамическими закономерностями, а случайные связи — статистическими (вероятностными).

Для необходимых связей характерна строгая однозначность, "жесткость". Сложнее обстоит дело со случайными связями. Но именно их анализ — ключ к пониманию необходимых связей: зная ситуацию с несколькими возможностями (случайность), нетрудно понять ситуацию с реализацией сменяющих друг друга единичных возможностей.

Явление называют случайным, если оно выступает действительностью одной из возможностей причины, которая вызвала это явление. Возможность выступает многоликой, но всякий раз реализуется лишь¹ одно следствие. Казалось бы, можно другие возможности считать мнимыми, нереальными и на этом основании просто отрицать случайные связи: существует, мол, только необходимость. Концепция лапласовского детерминизма предполагает, что при полном знании всех параметров можно строго однозначным образом описать все физические явления. Концепция названа по имени замечательного французского математика и физика ХУШ-ХІХ вв. *Лапласа*, который считал, что атом движется столь же однозначным образом, как и планеты; Лаплас опирался в своих воззрениях на

классическую механистическую картину мира. Спустя век после Лапласа *Эйнштейн* также стремился к однозначному описанию поведения частиц: Бог, мол, не играет в кости. Концепция понимания случайности как результата незнания необходимости получила широкое распространение. Вместе с тем по мере роста знания крепло убеждение в реальности случайности. Особое значение имели в этой связи успехи микрофизики. Здесь было выяснено, что каждая микрочастица способна к реализации не только одной, но и других возможностей. Поставив эксперимент самым тщательным образом и повторив его многократно, физики убеждаются в поливозможностной природе микрочастиц и микроявлений. Оказывается, что объяснить результаты экспериментов можно лишь в том случае, если частице приписать поле возможностей, из которых в данном эксперименте реализуется всего лишь одна. При этом частицы описываются физическими законами, но законами вероятностного типа.

Не в первый раз у нас появилось слово *вероятность*. В самом общем смысле вероятность есть количественная характеристика случайных событий, она характеризует степень возможности, значения которой расположены в интервале от 0 до 1. Если степень возможности равна нулю, то это означает, что возможности как таковой нет. Если степень возможности равна единице, то это означает отсутствие других возможностей, кроме данной. Налицо необходимость. Если степень возможности больше нуля, но меньше единицы, то мы имеем дело со случайностью, когда реализуются многие возможности, но чаще те, степень возможности которых больше по величине.

Успехи в понимании случайных процессов позволили провести определенную переоценку соотношения динамических и статистических законов. Оказалось, что законы классической механики, а это динамические законы, являются предельным случаем вероятностных процессов, характерных для большого числа частиц (макротела состоят из большого числа частиц). Так была найдена связь между микро- и макроявлениями в физике.

Если обратиться к сложным системам, в том числе к биологическим и социальным явлениям, то выясняется, что приближение к динамическому типу поведения объектов достигается при появлении так называемых *параметров порядка*. Сложные системы выступают как хаос, в котором всегда есть упорядоченность. Чем основательнее параметры порядка и чем меньше их число, тем однозначнее поведение объектов. Образно говоря если протоптана широкая дорога к водопою, то именно по ней идут напитки. Сравним в качестве иллюстрации к сказанному современное американское и российское общества. Товарно-денежный механизм — весомый параметр американского общества, аналога которому нет в российском обществе. Управлять американским обществом легче, чем российским. В то же время в рамках существующих параметров порядка и американец, и россиянин ведут себя неоднозначным образом. Человек — сознательное и творческое существо, в качестве такового он использует в своих целях как случайность, так и необходимость. Порой человек стремится к исключению случайностей (например, в автоматических системах управления опасными для жизни людей производствами); в других ситуациях человек наращивает поле возможностей и случайностей, ибо они открывают дорогу творчеству

(например, в образовании).

Отметим, что в обыденных представлениях случайное часто понимают как несущественное, нежелательное, побочное явление. К сожалению, и в философской литературе необходимость подчас награждают оттенком существенного, а случайное фигурирует как несущественное. Но случайность существенна в неменьшей степени, чем необходимость. И необходимость, и случайность могут быть как существенными, так и несущественными. Наконец, и необходимость, и случайность имеют закономерный характер. В качестве явлений и необходимые, и случайные события описываются законами, но и сами законы подчиняются логике необходимости и случайности. Законы не чужды категориям метафилософии.

Важно понять, что части целого влияют друг на друга, иначе говоря, они обладают внутренней активностью, т.е. способностью выходить вовне себя. В результате такого взаимовлияния происходят самые различные изменения, возникает новое. Все в мире находится в состоянии изменения. Механизм взаимовлияния и активности у физических явлений другой, чем у биологических, а у последних — иной, нежели у социальных процессов.

Качество, количество, мера. Процесс взаимовлияния имеет определенный механизм, он выступает как отношение предметов (вещей) друг к другу. Вещи представляют собой целостные фрагменты действительности, обладающие свойствами. Механизм взаимодействия приводит к тому, что свойства вещей связаны между собой, т.е. не существуют порознь друг от друга. Одной из наиболее существенных связей является связь качества и количества.

Качество — это неизменяющаяся, а *количество* — изменяющаяся определенность существующей вещи. Качество теснейшим образом связано с самим фактом существования вещи: изменение качества означает непереносимое исчезновение вещи. Между тем не всякое изменение количественных характеристик вещи идентично ее разрушению. Вещь исчезает, преобразуется в нечто другое лишь тогда, когда превзойдены некоторые ее количественные границы. Качественно-количественная определенность вещи называется *мерой*. Поясним сказанное на примерах.

Количество воды выражается ее массой, объемом, давлением, температурой. Если качество воды изменилось, то исчезла вода. Количество воды может изменяться в некоторых пределах: 1, 2, 3 литра воды, вода при температуре 15, 40, 300 градусов Цельсия, вода под давлением 1, 3, 40 атмосфер и т.д. Однако, например, масса воды не может быть любой. Вода состоит из атомов воды; ясно, что масса воды не может быть меньше атома воды. Соответственно масса воды не может быть сколь угодно большой, ибо при некоторой массе в силу увеличения гравитационного сжатия начинаются термоядерные процессы, при которых молекулы воды не могут сохранить свою устойчивость и распадаются.

Механизмы взаимовлияния вещей приводят к изменению количества, наконец, разрушается качество. В этой связи говорят о законе качественно-количественных преобразований: изменение качества происходит тогда, когда количественные изменения достигли определенного предела. Изменение качества называется *скачком* (преобразованием).

Определение количества данного качества обычно представляет

собой непростую задачу. Биологи в поиске количественной характеристики жизни обратились к вероятности смерти особи. Каждый студент знает, что количественной характеристикой его знаний является оценка, которую отнюдь не простым путем определяет экзаменатор.

Количество в силу его сцепленности с неизменным качеством всегда однородно и состоит из частей. Качество не состоит из частей, и поэтому оно неразделимо. Количество делимо. Количество может состоять из дискретных частей, тогда оно поддается счету. Если же количество состоит из непрерывных частей, то оно измеряется, для этого используются приборы и соответствующие методики.

Качество и количество изучаются многими науками. Философия рассматривает качество и количество в самом общем плане. В отличие от нее математика рассматривает качество и количество более конкретно, в рамках своей компетентности. Довольно часто математику рассматривают как науку о количестве, но не о качестве. Это явное недоразумение. Математика имеет дело и с качествами, описывая их символами, подчиняющимися определенным исчислениям. Но математика имеет более общий характер, чем, например, физика или геология. Математика изучает и качество, и количество, но не с частнонаучных или философских, а с общенаучных позиций.

Особый интерес представляет скачок, преобразование старого качества в новое. Это преобразование может происходить в различных темпах, и для него, равно как и для любых других процессов, характерна определенная продолжительность.

Единство качества и количества называют *мерой*. При изменении количества изменяется и мера.

В заключение отметим отличие философских и нефилософских терминов качества и меры. Часто говорят о качестве товаров, труда, жизни. Здесь под качеством понимается некоторая мера полезности (товаров) или уровень развития (труда, жизни). Под мерой часто понимают соразмерность или же некоторую предпочтительную "среднюю" линию поведения. Мера как соразмерность лежит в основе ритма, гармонии, мелодии в музыке. В этике античности значительное место занимало требование соблюдения в жизни меры: "ничего слишком".

Эволюция и развитие. Прогресс и регресс. Отрицание и преемственность. Изменение, не сопровождающееся качественным преобразованием, называется *эволюцией*. Соответственно при наличии качественного преобразования налицо *развитие*. Развитие может осуществляться по направлению от менее совершенного к более совершенному — это *прогресс* или же от более совершенного к менее совершенному — это *регресс*. Для установления прогрессивных и регрессивных линий развития используются признаки прогресса и регресса. Прогресс имеет место там, где новая система способна осуществлять задачи и функции, недоступные старой системе. Довольно часто новая система прогрессивна в одном отношении, но регрессивна в другом. И только в том случае, когда новое способно воспроизводить все функции старого плюс часть ранее не осуществлявшихся функций, налицо очевидный прогресс, что является большой редкостью. Сравните, например, современное общество с античностью и средневековьем. Вы обнаружите не только линии

прогрессивного развития, но и регрессивного.

Развитие выступает как порождение нового старым, как переход возможности в действительность. Новое связано со старым. Эта связь фиксируется категориями отрицания, преемственности и новизны. *Преемственность* состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы. *Новизна* выступает как появление ранее не существовавших свойств, событий, процессов. *Отрицание* есть единство преемственности и новизны.

Философы много спорили о том, всегда ли есть преемственность и новизна или же могут полностью отсутствовать либо преемственность, либо новизна. На полном отсутствии новизны настаивали еще элеаты (*Парменид*, *Зенон*), им представлялось в принципе парадоксальным возникновение нового. Нередко не признается и наличие преемственности. Например, согласно постпозитивисту *Куну*, новая теория несоизмерима со старой; то и дело политики стремятся построить общество, которое не имело бы ничего общего со своим предшественником. Строго говоря, пока нет данных, которые бы подтверждали тезисы абсолютной преемственности и абсолютной новизны. Между тем приверженность тезису абсолютной преемственности по понятным причинам может привести к дремучему консерватизму, соответственно абсолютизация новизны — прямой путь к экстремизму в политике и культуре.

Да сих пор мы рассматривали отдельные акты развития: сочетаясь друг с другом, они образуют процесс развития, или, как часто выражаются, линии развития.

В гегелевской диалектике была попытка представить развитие как *двойное отрицание*. Имеется в виду, что сначала новое существенно отклоняется от старого, а затем вновь приближается к нему, воспроизводя его на ранее не существовавшей основе. Стебель произрастает из зерна, но на нем появляются новые зерна, да еще в большем количестве. В обществе то и дело сначала отходят от той или иной традиции, а потом вновь ее воспроизводят. Данные, в том числе науки, свидетельствуют: совсем необязательно развитие идет по *Гегелю*, т.е. по пути двойного отрицания, спиралеобразно. Отрицание отрицания характерно только для прогрессивной линии развития, и то при условии наличия цикличности. Но наряду с прогрессом есть регресс, а наряду с цикличностью есть и поступательность.

О категориях метафилософии. После получения определенного списка категорий метафилософии есть смысл поразмышлять над усвоенным. Мы двигались в поле выражений естественного языка и стремились прояснить их значения, так появились определения метафилософских категорий. Всякое определение задает границы описываемого явления, оно выражает упорядоченность рассматриваемого мира явлений. Существенная разница между выражениями естественного языка и языка философии состоит в том, что первый язык более хаотичен и неопределен в силу своей исходной малой проясненности. Когда неопозитивисты и современные представители лингвистической философии настаивают на необходимости прояснения, анализа естественного языка, то они абсолютно правы. Язык философии вырастает из естественного языка, который в философском значении проанализирован недостаточно. Категории философии могут быть

выражены в тексте или в речи.

Здесь вполне уместен вопрос, который многократно рассматривался в истории философии: нельзя ли обойтись без метафилософских категорий? Выясняется, что нельзя. Почему? Потому что мир человека состоит из таких вещей, свойств, отношений, которые во многом равны, тождественны друг Другу. Категории философии *выражают эту общность* отдельных составляющих мира человека. Категории метафилософии *создают предпосылки* для диалога людей между собой. Диалог среди прочего невозможен без постижения общности, а она дана в метафилософских категориях в ее самом основательном виде.

Отметим теперь специально, что из метафилософских категорий никоим образом невозможно вывести специфику мира человека, то, чем человек отличается от природы. Это означает, что в нашем дальнейшем философствовании есть известная свобода выбора. Можно рассмотреть сначала философию природы, а позднее философию человека. *Гегель* в своей энциклопедии философских наук поступил именно таким образом. Преимуществом такого философствования является возможность выразить вместе с особенностями мира историю его развития. Так, в диалектическом материализме обычно сначала рассматривают природу, а затем — как результат развития природы — человека и его последующую историю.

Правомерны и другие пути философствования. Можно к философии природы перейти после анализа философии человека. Этот путь философствования также имеет свои преимущества. Во-первых, достаточно очевидно, что нас, людей, прежде всего интересует наша собственная судьба, а затем уже природа как таковая. Во-вторых, характеристика человека, анализ, например, его сознания позволяет понять, каким образом человек познает ту же природу, как он обнаруживает ее законы. Когда же философствуют сначала о природе, а затем о человеке, то пути познания природы достаточно долго остаются в тени философского анализа. Наш выбор состоит в рассмотрении философии человека раньше философии природы.

Глава 2.2 Философская антропология и гносеология

Философия о природе человека

Под философией человека, или философской антропологией, понимают учение о природе человека. Что есть человек?

Философы античности длительное время рассматривали человека как образ Космоса, как "малый мир", микрокосм. Человеческое и природное, знания о которых были весьма фрагментарны, то и дело отождествлялись. Но вот уже платонизм делает существенный шаг вперед в понимании человека. Платонизм понимает человека как комбинацию души и тела. Душа принадлежит к бестелесному, к миру идей. Человек выступает носителем внетелесного духа. Аристотель настаивает на единстве души и тела. Душа принадлежит телу. Итак, природа человека двойственна, она состоит из двух различных частей — души и тела.

В христианстве человек рассматривается как образ Бога. Душа есть дыхание самого Бога. Человек оценивается с позиций не разума, а сердца (сердце упоминается в Ветхом Завете 851 раз). Все готово для появления великой троицы — разума, сердца и воли, трех составляющих внутреннего мира человека. Но главное размежевание внутри христианства проходит не столько между телом и душой, сколько между "плотским человеком" и "духовным человеком".

Философия Ренессанса рассматривает человека как автономное существо, как живую целостность. Единство души и тела — это преимущество человека перед другими созданиями. Человек есть чувствующее тело с характерными для него многочисленными эстетическими достоинствами.

В Новое время *Декарт* рассматривает мышление как единственное достоверное свидетельство человеческого существования. Специфика человека усматривается в разуме, в мышлении. Разум важнее сердца, он господствует над страстями. Человек — это разумное существо. Тело и душа не имеют ничего общего. Тело простирается, душа мыслит. Ясное содержание души — это сознание.

Для Канта человек тоже двойствен. Он принадлежит как миру природы, где властвует естественная необходимость, так и миру свободы. Специфика человека определяется его трансцендентальностью и нравственной свободой поведения.

В немецком романтизме конца XVIII — начала XIX в. (*Гёте, Гердер*) происходит в некотором роде возвращение к традициям Ренессанса. Сфера эмоционально-чувственного полностью уравнивается с мышлением и ставится выше его. Так, по *Новалису*, "мышление — только сон чувства".

Гердер и *Гегель* развивают идею историчности человека. Для Гегеля человек есть носитель общезначимого духа, субъект духовной деятельности, создающий мир культуры.

Фейербах в Германии, *Чернышевский* и *Антонович* в России возвращают человека в центр философских изысканий. Человек рассматривается как чувственно-телесное существо со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Маркс считает определяющим в понимании человека трудовую

деятельность. Общественное бытие определяет сознание человека. Общество детерминирует свойства личности.

Философия жизни (Ницше, Дильтей) видит специфику человека в феномене жизни, который либо сильно сближается с органическим, биологическим (так часто у Ницше и Бергсона), либо истолковывается в культурно-историческом смысле (Дильтей). В философии жизни на первый план выдвигаются немыслительные способности человека: чувство (Гаман, Якоби), воля (Шопенгауэр), интуиция (Баадер, Бергсон). Часто сознанию противопоставляется бессознательное, глубинный источник человеческого поведения. Фрейд (и фрейдизм) возвышает бессознательное над сознанием. Истоки религии, культуры, всего человеческого он видит в бессознательном, относительно которого человек не отдает себе полностью отчета.

Экзистенциализм в первую очередь обеспокоен подлинностью индивидуального человеческого существования. Он ищет свободу как от природного, так и от всех других безличностных сил. В очередной раз отвергается диктат объективного идеализма, материализма, сциентизма. На первый план выдвигаются чувства, но не просто чувства, а процесс чувствования, переживания. На место кратковременных чувств ставится долговременное чувство, переживание.

Феноменология Гуссерля стремится преодолеть замкнутость личности, а потому переживание считается интенциональным, оно изначально направлено на внешний мир. Человек не просто существует, а существует в мире.

Существование человека в мире *Кассирер* понимал как манифестацию человека в языке, труде, религии. Человек — существо, которое создает символы самого себя, культуру.

Развивая тенденции, заложенные в философии жизни и феноменологии Гуссерля, в 1928 г. благодаря работам *Шелера* и *Плеснера* в Германии возникает *философская антропология*, особая философская дисциплина, занимающаяся проблематикой человека. Ставится задача на основе данных частных наук о человеке — биологии, психологии, социологии — воссоздать целостное понятие о человеке.

Подведем итоги рассмотрения проблем человека в различных философских направлениях, для чего необходимо философски обобщить собранные довольно разноречивые сведения о человеке.

1. Человек и уникален, и универсален. Человек — венец природы, которому нет равных, он обладает уникальными способностями. Но он и универсален, ничто ему не чуждо — ни космос, ни грубые инстинкты, ни утонченная, возвышенная деятельность.

2. Человек — это соотношение внутреннего и внешнего, или, иначе говоря, интерналистского и экстерналистского. Духовный мир человека — это его внутренняя доминанта, но она символизируется в различных формах его деятельности, в игре, труде, художественном творчестве. В итоге он оказывается существом социальным, общественным.

3. Человек есть единство, но он еще и состоит из частей. Человек биологический, действующий, разумный, чувственный, рациональный, этический — все это объединено в каждой конкретной личности.

4. Человек — существо историческое, и в качестве такового он стремится органично внедриться в будущее. Человек обеспокоен своим

будущим, ибо его везде ожидают кризисы, он и есть существо кризисное.

5. Человеку не избежать бремени ответственности перед самим собой. Понимая это, он видит выход из ситуации в синтезе гуманистических позиций и идеалов, равно как и в их обновлении.

Человек столь многообразен, что постижение его природы не может быть сиюминутным. Здесь больше подходит метод длительной осады крепости, имя которой человек. Начинаем "осаду" с рассмотрения природы психических функций человека.

Природа психических функций человека, способность познавать мир

Отличие человека от природы изначально определяется его психикой. Животные тоже обладают психикой, но лишь ее низшими формами. Какова же природа психического? Она весьма своеобразна. Психическое не существует в виде отдельного предмета, чего-то такого, что можно сфотографировать, взвесить, подвергнуть рентгеновскому анализу. Психическое идеально, т.е. нематериально. Вместе с тем психическое не существует без своего материального носителя, головного мозга. Нейропсихология соотносит психические функции с конкретными мозговыми структурами как целостного, так и локального порядка. Известно, например, что левое полушарие головного мозга оперирует словами, знаками, правое полушарие оперирует образами и продуцирует сновидения. К этому нужно добавить, что нет прямого соответствия между нейрофизиологическими и психологическими процессами. Самые опытные специалисты не в состоянии восстановить — даже имея разносторонние сведения о физиологических процессах головного мозга — ход мышления человека, посещающие его фантазии и воображения. Идеальная природа психического, его связь, да еще к тому же неоднозначная, с мозгом как своим носителем характеризуют своеобразие психического. Для выражения природы психического из числа метафилософских категорий лучше всего подходит категория знака, символа. *Психическое есть символическое бытие в структурах головного мозга доступных человеку фрагментов внешнего мира.* Психика человека выступает как множество процессов и состояний, которые символически представляют внешний мир.

Символическая природа психического часто кажется непривычной и вследствие этого малопонятной. Чтобы дать о ней некоторое дополнительное представление, приведем пример. Вы видите "Сикстинскую мадонну", она выступает для вас символом творчества *Рафаэля*. Если даже краски на полотне имеют символическое бытие, то тем более можно ожидать богатого символического содержания от мозга, состоящего из множества клеток и других образований, которые "специализируются" на выработке символов. Но вот к нашей картине пристально присматривается таможенник, он озабочен, картина неподлинна, она выступает у него символом преступной деятельности каких-то людей. Те же самые краски на том же самом рисунке могут быть символами различных явлений. Нечто аналогичное имеет место с нейрофизиологическими процессами. При сходных нейрофизиологических процессах нигериец увидит пустыню, русский — березку в поле, а индеец — водопад. Все это и означает, что нет однозначности соответствия между символическим бытием мозга и его

материальным содержанием.

Так как специфика человека изначально определяется его психикой, а она имеет символическую природу, то и специфически человеческое имеет символическое содержание. Человек — это символическое существо. Именно в качестве символического существа человек действует, мыслит, чувствует. Разумеется, психика человека во многом определяется социальными обстоятельствами (об этом см. гл. 2.4).

В своей относительной самостоятельности человек выступает субъектом, которому противостоит объект. Естественно, возникает вопрос о познании человеком окружающего мира. "Что я могу знать?" — задает свой знаменитый вопрос *Кант*.

Противостояние субъекта и объекта доводит вопрос о самой возможности познания до парадокса. Человек отличен от субъекта, он не может стать объектом — как же он познает объект? В связи с *парадоксом познания* были разработаны различные концепции. Согласно *эмпирической теории познания* (Бэкон, Локк, Гоббс), все человеческое знание проистекает из опыта. Внешний опыт обуславливает ощущения, а внутренний опыт — в результате осуществления человеком посредством соединения, сопоставления, абстрагирования простых идей, рефлексии — образует более сложные идеальные конструкты. Декартовские врожденные идеи не существуют. Душа человека — чистая доска. Все познание вырастает из ощущений. Это *сенсуализм*.

Согласно *рационалистической теории познания* (Декарт, Лейбниц, Кант), субъект накладывает на поступающую от органов чувств информацию априорные идеи и схемы (Кант) познания.

Обе концепции основаны на первоначальном жестком противопоставлении объекта субъекту и последующем желании это противопоставление преодолеть. Но не лучше ли в таком случае вообще не противопоставлять, по крайней мере так резко, как это делалось в Новое время, субъект объекту? Это обстоятельство было глубоко продумано феноменологами, а вслед за ними экзистенциалистами и аналитиками. Гуссерль считал, что все акты сознания по своему изначальному смыслу направлены на мир предметов. Экзистенциализм рассматривает человека как "бытие-в-мире". Аналитики рассматривают человека в семиотическом плане, как творца знаковых конструкций (языка в первую очередь), которые выражают изначальное единство человека и всего того, что его окружает. Вопрос о проблематичности познания существенно смягчается, ибо человек в философских размышлениях сближается со своим окружением, он находится с ним в органической взаимосвязи. В этой взаимосвязи проявляется особая способность человека сформировать на базе системно-организованных нейрофизиологических процессов символические образы всего того, что ему доступно. Человек обладает уникальными познавательными возможностями.

Чувственное познание. Память и воображение

Чувственное познание осуществляется в трех формах: ощущениях, восприятиях, представлениях. *Ощущение* — это наиболее элементарная форма чувственного познания. *Восприятие* есть целостный и вместе с тем

структурированный символ (образ), состоящий из нескольких ощущений. *Представление* — образ ранее воспринятого или созданного воображением явления.

Физиологически ощущение и восприятие детерминируются энергией, которая в результате воздействия внешних предметов на органы чувств передается от последних в мозг. По утверждениям специалистов, информационная пропускная способность органов чувств человека распределена так: зрение, осязание, слух, вкус, обоняние. Видов ощущений больше, чем органов чувств, ибо некоторые ощущения возникают в результате взаимодействия различных органов чувств. Существуют многообразные виды ощущений: зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, обонятельные, вибрационные, температурные, болевые, равновесные, органические (ощущения процессов, происходящих в теле человека).

Восприятие предполагает синтетическую деятельность мозга. Динамика процесса восприятия описывается так называемым *законом перцепции*: сначала выделяется лишь первоначальное представление об объекте, которое затем сменяется детальным восприятием. Выло выяснено, что некоторые компоненты восприятия сохраняются неизменными. В результате этого восприятие обладает константностью. Если сходные восприятия встречаются индивиду вновь, то они познаются относительно быстрее. Для процессов обучения в отдельных случаях требуются месяцы и годы (например, при формировании навыков чтения или игры на музыкальных инструментах).

В последующем на опознание ставших привычными восприятию могут понадобиться лишь доли секунды.

Представления возникают на основе припоминания или же воображения, часто они относятся к прошлому и будущему. Обычно представления отличаются от восприятия значительно меньшей степенью ясности и отчетливости.

Память — это способность человека относительно быстро воспроизводить ранее выработанную информацию. Различают кратковременную и долговременную память. Для кратковременной памяти типично вербально-акустическое кодирование, для долговременной — семантическое (смысловое). Объем кратковременной памяти в сотни и тысячи раз уступает объему долговременной памяти. Блоки данных ЭВМ позволяют расширить возможности памяти человека. Существуют особые приемы развития памяти, базирующиеся, в частности, на повторении информации и ее обобщении. В процессе припоминания человек имеет дело с представлениями.

Часть представлений возникает за счет воображения, создания субъектом ранее не присущих ему ощущений, восприятию, представлений. *Репродуктивное* воображение производится в соответствии с ранее известным. *Продуктивное* (творческое) воображение приводит к созданию новых, оригинальных образов. Фантазия, мечта — это формы воображения

Рациональное познание. Мышление

Рациональное познание осуществляется в форме понятия, суждения и

умозаключения.

Понятие — это элементарная форма мысли, результат обобщения, проведенного по совокупности признаков, присущих данному классу предметов. Субъект имеет теперь дело не с единичным, как в чувственных формах познания, а с общим. Выше мы рассматривали природу понятия (см. стр. 60). Понятие — мысль, соотносящаяся с отличительными признаками исследуемого объекта. *Суждение* — мысль, не только соотносящаяся с некоторой ситуацией, но и являющаяся утверждением или отрицанием наличия этой ситуации в действительности. И понятие, и суждение выражаются повествовательными предложениями. Разница в том, что суждение как высказывание в отличие от понятия как высказывания должно быть непременно истинным или ложным. Сравним два выражения: "Электропроводность всех металлов" и "Все металлы проводят электрический ток". Только второе выражение является суждением.

Суждение есть связь понятий. Очень часто связь понятий фиксируется формулами. Так, высказывание "железо есть металл" подходит под формулу *P* есть *C*.

Умозаключение есть вывод нового знания. Умозаключением будет, например, такая операция:

Все металлы — проводники.

Медь — металл.

Медь — проводник.

Наш пример очень прост. В сложных случаях умозаключение предполагает четкую фиксацию правил вывода нового знания. Умозаключение предполагает доказательство, в процессе которого правомерность появления новой мысли обосновывается с помощью других мыслей. В логике, математике, философии разработаны различные способы доказательств. Все три формы рационального познания в их единстве образуют некоторую целостность, ее как форму способности человека называют *умом*, а как нечто процессуальное — *мышлением*. При анализе ума и мышления часто выделяют их уровни, ступени развития. Философская традиция состоит в различении *рассудка* и *разума*, где разум — высшая ступень логического понимания, преодолевающая недостатки рассудочного мышления. Рассудок менее гибок, менее теоретичен, чем разум. Согласно Фейербаху, "испорченность рассудка влечет за собой испорченность сердца". Античный афоризм гласит: "Глупость — мать всех зол". Прав, видимо, и Лихтенберг: "Мы живем в мире, где один дурак создает много дураков, а один мудрый — очень мало мудрых".

В предыдущем параграфе применительно к чувству рассматривались память, воображение (фантазия). Фактически речь шла о перцептивных памяти и воображении. Но память и воображение имеют и мыслительное содержание. Поэтому понятно, почему для многих мышление расцветает многочисленными красками воображения, фантазии и даже мечты.

Единство чувственного и рационального познания

До сих пор мы тщательно избегали темы единства чувственного и

рационального познания. Внимание было направлено на своеобразие того и другого, их относительную изолированность друг от друга. Однако многочисленные данные свидетельствуют в пользу взаимосвязанности и, более того, взаимообусловленности чувственного и рационального. Психика человека выступает как сложное системное образование с многочисленными цепями взаимоотношений. В силу этого, например, содержание ощущения определяется не только внешним раздражителем, но и состоянием мышления, памяти, воображения. Чувственное и рациональное "пронизывают" друг друга.

Допустим, нас интересует психический образ "этого яблока", желтого, круглого и сладкого. Налицо три понятия: понятие цвета, понятие геометрической формы и понятие вкуса. Понятие цвета охватывает собой различные цвета, среди которых в данном случае имеется лишь желтый. Соответственно понятие вкуса в данном случае представлено вкусом "сладкий". Психический образ яблока выступает как пересечение многочисленных понятий и их чувственных показателей.

Если понятия изобразить линиями, а чувственные формы точками, то психический образ любого объекта выступает как некий центр пересечения линий и точек.

В точке пересечения чувственные и рациональные формы познания образуют нечто целое. Исчерпывающим психическим образом "этого яблока" выступает синтез понятия "яблоко" и восприятия яблока. Понятие яблока не есть исчерпывающий психический образ именно "этого" яблока. Восприятие яблока не дает образ яблока. Только вместе, в согласовании друг с другом, понятие и восприятие яблока дают адекватный психический образ "этого яблока".

Психические образования, выступающие синтезом чувственного и рационального, обладают целостностью и соответственно интегральным качеством. Так, мелодия воспринимается как целое, совсем необязательно она структурируется субъектом на чувственную и рациональную составляющие.

Для обозначения единства чувственного и рационального необходим особый термин. В этой связи нам представляется наиболее удобным и точным термин античной философии и литературы "эйдос", что буквально означает "вид, образ". В античной философии под *эйдосом* часто понимали то, что дано в мышлении и вместе с тем видимо. Термин "эйдос", как правило, используется именно тогда, когда речь заходит о единстве чувственного и рационального.

Познание имеет не только чувственный и рациональный, но и *эйдетический* характер. Максимально целостный психический образ явления есть эйдос.

Творчество. Интуиция

Психика человека выступает как постоянный процесс выработки новых форм чувственного, рационального и эйдетического познания. Психика как деятельность по выработке нового есть духовное творчество. Английский ученый *Г. Уоллес* выделил четыре стадии процессов духовного творчества: подготовка, созревание, озарение и проверка. Центральный момент творчества — озарение, интуитивное схватывание нового.

Интуиция — это непосредственное неосознанно полученное знание. Интуитивное знание может быть чувственным (созерцательным), рациональным или же эйдетическим. В первом случае интуиция выступает как мгновенное чувство. Во втором случае мы имеем дело с *интеллектуальной* интуицией, обсуждение которой занимало видное место в философии Декарта, Спинозы, Лейбница. В третьем случае речь идет об *эйдетической* интуиции.

В философских течениях, которые обычно зачисляют по рубрике *интуитивизма* (*Бергсон, Лосский*), интуиция есть скорее данность, чем постижение непознанного. По Лосскому, мир есть органическое целое, поэтому между субъектом и объектом всегда есть гносеологическая координация, даже тогда, когда нет познания. Вместе с тем при характеристике интуиции как акта познания интуитивисты не склонны структурировать этот акт и чаще всего подчеркивают целостность интуиции. Фактически речь идет об эйдетической интуиции в ее нерасчлененном виде.

Поскольку пути возникновения интуиции не осознаются, постольку есть соблазн видеть тайну интуиции либо в глубинах бессознательного (*З. Фрейд*), либо, наоборот, в "сверхсознании", под которым *К.С. Станиславский* понимал высший этап творческого процесса, отличный как от бессознательного, так и от осознанного. Но творчество, интуиция детерминируются не только бессознательным, но и сознательным. Это ставит под сомнение отнесение интуиции исключительно к области бессознательного и иррационального (т.е. недоступного разуму).

Быстрое развитие всей сферы человеческого ставит задачу обучения творчеству. Науку по изучению творческой деятельности и методов обучения называют *эвристикой*. Сократические беседы, обмен мнениями, дискуссии, анализ проблемных ситуаций — все это способствует развитию духовных, творческих способностей личности. Интересно отметить, что эти способности могут быть усилены в процессе использования ЭВМ: когда построение системы правдоподобных моделей позволяет более эффективно вести поиск нового знания.

Интуиция и творчество не поддаются формально-логическому описанию, но существуют методы, их называют эвристическими, следуя которым ведется поиск нового, требующий мобилизации таланта, памяти, внимания, воображения субъекта. *Индуктивное* рассуждение — перенос знания, полученного на основе исследования части явлений, на весь класс в целом — является эвристическим приемом. *Рассуждение по аналогии* также есть яркий пример эвристического рассуждения, не гарантирующего достижение истины, но вместе с тем не являющегося произвольным предположением. *Математическое моделирование* — это опять же

эвристический прием.

Эвристическим содержанием обладают все принципы науки. Так, в физике используется принцип соответствия: должно быть соответствие между старой и новой теорией, в некотором пределе математический аппарат новой теории должен совпадать с математическими аппаратами старой теории. Когда Лобачевский создавал свой знаменитый вариант неевклидовой геометрии, то в качестве эвристического принципа он использовал постулат об обусловленности свойств пространства в микромире взаимодействиями молекул, вследствие чего для описания этого пространства необходима особая неевклидова геометрия. При введении выше представления об эйдетическом познании как единстве чувственного и рационального познания в качестве эвристического принципа использовалась метафилософия части и целого: эйдетическое есть целое, его частями являются чувственное и рациональное. Но, отметим специально, категориальные соотношения метафилософии в процессе поиска нового имеют всего лишь эвристическое значение, т.е. они не гарантируют достижения истинно нового. В годы засилья марксистской идеологии часто рассуждали по такой схеме: согласно принципам диалектического материализма должно быть так-то и так-то. Но принципы диалектического материализма не определяют должное. Это эвристические принципы, они могут привести, а могут и не привести к успеху. Использование метафилософии, равно как и любых эвристик, всегда связано с риском неудачи и, следовательно, требует осторожности.

Философия имеет эвристический характер, поэтому овладение ее высотами является одним из действенных средств постижения тайн интуиции и творчества.

Сознательное и бессознательное, надсознательное. Фрейдизм

Мы уже коснулись деления психики на сферы бессознательного, сознательного и надсознательного. Речь идет о различных стадиях развития психического. В случае *бессознательного* субъект не дает себе отчета о содержании и природе происходящих процессов, их значение остается невыделенным, непроявленным. Если же это случилось, то налицо *сознание*. Наконец, творчество на базе сознания иногда называют *подсознательным*. Если сравнить психику животного и человека, то выясняется, что у животного развита в основном сфера бессознательного (подсознательного).

Сфера подсознательного частично охватывает все формы познания — чувственные, рациональные, эйдетические. Непроизвольное запоминание, испуг, сновидения — это типичные формы бессознательного. Обычно бессознательное выступает как "комки" психических актов, причины которых остаются непознанными. Известно, например, что после выхода из гипнотического состояния субъект попадает во власть бессознательного, он не может объяснить свое поведение.

Бессознательное может быть переведено в сферу сознательного после его анализа, методы и способы которого разрабатываются *психоанализом*. Если поняты истоки и причины, например, сновидения, то оно перестает функционировать в памяти человека в качестве бессознательного.

Значительную роль в усвоении природы бессознательного сыграло

учение австрийского психолога и философа *Зигмунда Фрейда* и его многочисленных последователей. Фрейд считал, что бессознательное, главной силой которого является сексуальное влечение — *либидо*, находится в конфликте с сознанием, вынужденным постоянно реагировать на окружающую социальную среду с ее моральными стандартами и запретами. Запреты социальной среды неминуемо наносят душевную травму индивиду, вследствие чего энергия бессознательных влечений прорывается в виде неврозов, сновидений, ошибочных действий, часто агрессивных. От невыносимого напряжения конфликтных ситуаций индивид спасается с помощью вытеснения: неприемлемые для индивида мысли, переживания "изгоняются" из сознания и переводятся в сферу подсознательного, продолжая, однако, оказывать влияние на поведение индивида. Задача психотерапии состоит в освобождении личности от травмирующих переживаний. По Фрейду, сфера бессознательного формируется главным образом в детстве, которое поэтому преимущественно определяет характер взрослой личности. Недостатки фрейдизма видят в неправомерном желании слишком многое свести, редуцировать к бессознательному и его проявлениям.

Сознание есть уяснение субъектом природы определенных явлений и процессов. Оно выступает как результат познания, и способом его существования является знание. Если субъект вы делил объекты, выявил различия между ними, различает общее и единичное, причину и следствие, то он обладает сознанием. Сознание человека развито тем более, чем больших высот достиг человек в развитии чувственного, рационального и эйдетического познания. Разумеется, сознание человека может существовать и в чувственной, и в рациональной, и в эйдетической форме. Совсем необязательно сознание есть непременно мышление, оно может осуществляться и в чувственной форме, например при мгновенном осознании чувства боли. Есть все основания считать, что уже животное обладает неразвитыми формами сознания. Так, домашние животные усваивают простейшие формы поведения в сообществе людей, что невозможно без уяснения ими сущности некоторых ситуаций и отношений. Другое дело, что высшими формами сознания животные не обладают. Попугай потому и является попугаем, что он не способен усвоить те многообразные связи, которые выражаются в языке.

Сознание присуще субъекту, и в этом смысле оно субъективно. Сознание не присуще зданиям, дворцам, скульптурам, фотографиям. Как и любая форма психики, сознание не есть материальный объект, а выступает символическим бытием мозговых структур. Сознание нематериально, но оно объективно. Быть объективным для сознания означает существовать — наряду с другими сознаниями и материальными объектами. Независимо от прихотей Петра Павел обладает сознанием, которым он волен распоряжаться по своему усмотрению. Объективность (реальность) сознания позволяет изучать его.

Сознание человека может быть обращено на него самого. В таком случае человек обладает *самосознанием*, он является не просто человеком, а личностью, более или менее разносторонней. Самосознание есть знание самого себя, которое, как очевидно, является основой успешного самовоспитания и достижения намечаемых субъектом целей. Древний

призыв "Познай себя" по-прежнему звучит актуально, благородно и мудро.

Очень часто указывают на общественную природу сознания. Каков рациональный смысл этого тезиса? Развитие сознания субъекта определяется многими обстоятельствами, это очевидно. Детеныши людей, попавшие к волкам, лишь в немногих отношениях превосходят последних по характеристикам своего сознания. Находясь же в обществе людей, ребенок усваивает сознание членов данного общества. От общения с другими, участия в различных формах кооперативной деятельности индивид получает мощные импульсы для развития своего сознания. В этом смысле правомерно подчеркивать общественную природу сознания. Разумеется, общественная природа сознания не отменяет значимость индивидуального, личностного и никак не отменяет необходимость самовоспитания.

Что касается сферы *подсознательного*, то, как отмечалось в предыдущем параграфе, она соотносится с процессами духовного творчества. Бессознательное (подсознательное) напрочь лишено осознанных элементов. Надсознательное же базируется на сознательном.

Выделение надсознательного наряду с бессознательным отрицается многими философами и психологами. В таком случае психическое понимается лишь как бессознательное и сознание. Другие отрицают и реальность бессознательного как психического феномена, для этих философов психика и сознание тождественны. Как нам представляется, в данном случае читатель имеет отличную возможность пофилософствовать и разобраться в существе ситуации.

Что есть истина?

Чем детальнее анализируется психика человека, тем чаще приходится обращаться к ее связям с внешним для субъекта миром. Все формы познания субъекта как-то соотносятся с внешним миром. Для выражения этого соотношения в философии используется категория *истины*. В качестве заголовка мы вынесли знаменитый вопрос Пилата, который был задан им в презрительном тоне. Надо постараться найти на него достаточно точный ответ. Как свидетельствует история, забвение вопроса об истине приводит к разрушительным последствиям бездуховности.

В современной философии особенно отчетливо выделяются три концепции истины: концепция соответствия (корреспонденции), когеренции и прагматичности.

Концепция корреспондентной истины, по определению, - устанавливает соответствие между формами психики и определенным объективным содержанием. *Аристотель* считал, что истинное и ложное находятся не в вещах, а в мысли. *А. Тарский* дал ставшее популярным уточнение аристотелевских воззрений. Знаменитое определение Тарского гласит: высказывание "*P* есть *C*" истинно, если *P* есть *C*. Высказывание "снег бел" истинно, если снег на самом деле бел; оно ложно, если снег черен. Но здесь мы замечаем, что Тарский толкует об истинности высказываний, в то время как нас интересует истинность чувств, мыслей, эйдосов. В высказываниях человек выражает свои психические формы. Именно об истинности форм психики должна идти речь в первую очередь.

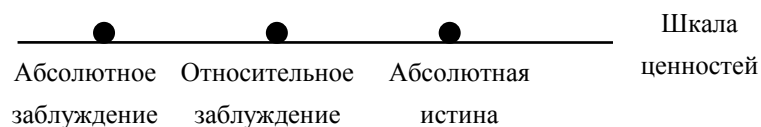
Согласно *концепции соответствия*, истина есть форма соотношения

психики субъекта и объекта. Это соответствие иногда понимают довольно прямолинейно, например аналогично соотношению фотографии и того, что на ней отображено. В простейших ситуациях приведенная аналогия уместна, но в сложных случаях все обстоит существенно иначе. Довольно часто простая схема прямого соответствия чувства или мысли объекту недостаточна. Отдельные суждения приобретают смысл лишь в системе суждений. Там, где в ходу многозвенные логические конструкции, приходится учитывать последовательность, связность, системность рассуждений и высказываний. В этой связи говорят о *когерентной концепции истины*. Под когерентностью понимается взаимосоответствие высказываний. Значительный вклад в развитие когерентной концепции истины внесли *Лейбниц, Спиноза, Гегель*, а также современные философы *Нейрат* и *Гемпель*. Концепция когерентности истины не отменяет концепцию соответствия, но ряд акцентов в понимании истины ставится иначе.

Концепция, в которой критерием истинности выступает практика, называется *прагматической концепцией истины*, которая берет начало в греческой софистике и древней китайской философии. Значительный вклад в развитие прагматической концепции истины внесли сторонники марксизма и американского прагматизма (*У. Джемс, Дж. Дьюи*). Марксисты используют критерий практики для дальнейшего развития концепции соответствия, они считают, что истина отображает объективное положение дел. Прагматики же понимают истину как работоспособность чувств, мыслей, идей, их полезность в деле достижения желаемой цели.

Представляется весьма ценной мысль американского философа *Н. Решера*, согласно которой три концепции истины не отменяют, а дополняют друг друга. Все попытки исключить из философии проблематику одной из концепций истины оканчиваются неудачами.

Читателю, видимо, понятно, почему логики и математики, привыкшие к многозвенным рассуждениям, склоняются к когерентной концепции истины. Физики, особенно экспериментаторы, широко используют достоинства концепции соответствия. Инженерно-технические работники часто ориентируются в своих действиях на прагматическую концепцию истины.

Истинность как характеристика психических форм личности подвержена качественным градациям. Когда эта градация производится в грубой форме, то говорят либо о полном соответствии форм психики объектам познания (*абсолютная истина*), либо об их полном несоответствии (*абсолютное заблуждение*), либо о чем-то серединном между абсолютной истиной и абсолютным заблуждением (*относительная истина* или *относительное заблуждение*).

Истинность — это характеристика психики личности, и до тех пор, пока она не получила выражение "для других", она не является общезначимой. Между тем люди живут в обществе, следовательно, для успешных совместных действий нужны *общезначимые истины*.

Общезначимость истины достигается при переводе психических форм в форму высказываний. Высказывание становится достоянием многих, всех, кто с ним ознакомлен. Выше мы рассматривали определение истины Тарским. Его значение состоит именно в переводе истины в общезначимую форму, которая может получиться в согласии или, наоборот, в несогласии с индивидуально-психологическим.

Индивидуум может заблуждаться. Он может преднамеренно искажать истину, т.е. лгать, попросту говоря. Как в первом, так и во втором случае высказывания индивидуума не выдержат проверку на истинность. Общезначимость истины как информации для многих, естественно, не исключает ситуаций, когда один прав, а многие не правы. И в индивидуальной, и в общезначимой форме истина имеет градации от абсолютной истины до абсолютного заблуждения.

Истина — процесс, своеобразное перемещение по шкале истинности, причем чаще слева направо, т.е. по направлению к абсолютной истине. По мере развития процесса познания становится известным ранее неизвестное. Человек изучил ядерные реакции, генную основу наследственности, формы государственного устройства и многое другое. Но по большому счету абсолютная истина остается недостижимой, она манит вперед, подобно миражам в пустыне. На самом деле, наиболее полное знание получают на основе теорий, но теории одна за другой сменяются своими более удачными конкурентами. После каждого появления новой теории приходится признавать, что абсолютная истина в очередной раз оказалась недостижимой. А ведь в условиях господства прежней теории казалось, что абсолютная истина уже достигнута. *Карл Поппер*, имея в виду указанные выше сложности процесса познания, считал, что теоретические рассуждения являются правдоподобными. Невозможно доказать, являются они истинными или неистинными. По Попперу, рост знания не позволяет зафиксировать истину, однако многие философы не согласны с ним. Оппоненты Поппера утверждают, что он абсолютизирует момент относительности знания и на этом основании неправомерно отвергает истину.

Рост знания действительно имеет место. Старое знание оценивается с позиции нового, и только в этой связи возможно нарастание по шкале истинности. Человечество сегодня знает больше, чем оно знало вчера. Именно в этом смысле справедливо утверждение, что наше знание становится все более истинностным.

Ни в малом, ни в большом дух наш не сталкивается с абсолютной границей, везде он находится в пути. Неклассическая современная философия пришла именно к этому выводу. Она обвиняет классику в том, что та без достаточных на то оснований проводит абстракцию бесконечности, считая бесконечность достижимой. Постулирование реальности абсолютной истины — это пример устаревшего философского мышления. Современный философ, оценивая многообразие истин и рост знания, предсказывает, что впереди человечество ожидают новые открытия. Но каково это неизведанное, философ не знает, а поэтому предусмотрительно не берет на себя смелость судить о нем.

Объяснение, вчувствование, понимание

Продолжим линию философствования по поводу вопроса "Что есть истина?", но уже в более конкретном плане и с учетом той полемики, которой в философии посвящено множество содержательных публикаций. Истина — это процесс, путь, который должен быть пройден. Объяснение, вчувствование и понимание — это этапы постижения истины, тяготеющие соответственно к рациональным, чувственным и эйдетическим формам познания.

Объяснение раскрывает существо явлений и процессов посредством мыслей. Очень часто используется *дедуктивное объяснение*: факты подводятся под понятия, понятия под законы, законы под принципы (далее идти некуда). Весьма популярна среди философов теория дедуктивно-номологического объяснения *Гемпеля — Оппенгейма*. Некоторое явление считается объясненным, если описывающее его предложение логически выводится из законов или законообразных высказываний и начальных условий. Когда студент решает задачу по физике, электротехнике, инженерным дисциплинам, то от него требуют, чтобы он подвел переменные под закон. Это и есть конкретный случай дедуктивно-номологического объяснения.

Наряду с дедуктивно-номологическими объяснениями широко используются структурные и генетические объяснения.

Структурное объяснение характеризует сложные объекты на основе знания структуры (строения) этих объектов. Так, макроявления в физике и химии объясняются на основе микроявлений, генетика и молекулярная биология, имеющие дело с микробиологическим, дают ключ к явлениям наследственности.

Генетические объяснения представляют собой описание событий и процессов в их исторической последовательности, от причин к следствиям. В различного рода исторических дисциплинах широко используются генетические объяснения.

Неошибочные рассуждения считаются *рациональными*. *Нерациональные рассуждения* — это ошибочные рассуждения. *Иррациональным* считается то, что в принципе не схватывается мышлением и вследствие этого невыразимо рассуждениями.

Объяснение является мыслительным процессом. Но возможно ли постижение истины прямо противоположным способом, чувственным образом? На этот вопрос положительно отвечали прежде всего философы, которые в центр своего внимания ставили феномен жизни (*Дильтей, Зиммель, Риккерт*) и считали, что живую жизнь понятиями не познать. Философы жизни противопоставляют наукам о природе науки о духе, жизни. В науках о природе, считают они, применимо объяснение, в науках же о духе методом познания является *понимание*, выступающее как "вжи-вание", "сопереживание", "вчувствование". Движение чувств и переживаний, сопереживания — это один из методов познания. Мышление в высказываниях дает объяснение. Но чувства тоже переводятся в высказывания, доказательная сила которых отнюдь не равна нулю, что хорошо известно в искусстве, юриспруденции, психологии.

В одной из книг приводится свидетельство глухонемой женщины о

том, как она в возрасте семи лет поняла, что есть вода. Учительнице никак не удавалось объяснить ей значение слова "вода". Но вот она поместила руку девочки в струю воды; глухонемая спустя годы свидетельствует: "Внезапно я почувствовала смутное ощущение чего-то забытого — трепет возвращающейся мысли, и каким-то образом тайна языка открылась мне. Тогда я и узнала, что "в-о-д-а" означает нечто чудесное, холодное, текущее по моей руке. Живое слово разбудило мне душу, вселило в нее свет, надежду, радость, освобождение!". Женщина объяснила, как она узнала значение слова "вода". Объяснение это довольно специфично, с очевидной ссылкой на чувства и переживания. Но разве оно не убедительно? Оно убедительно прежде всего потому, что описание чувства маленькой девочки близко каждому человеку. Наши руки тоже попадали под струи воды, которые вызывали своеобразные ощущения. А это означает, что высказывания о чувствах и переживаниях также обладают общезначимостью.

Впрочем, "вчувствование" как метод познания то и дело опровергается. Критики считают, что оно не учитывает объективных критериев истинности, и говорят о необходимости преодоления психологизма. Эти доводы явно бьют мимо цели Вчувствование — это важнейший метод познавательной деятельности, который соответствует требованию общезначимости. Подлинная задача состоит не в том, чтобы всячески ставить под сомнение метод вчувствования, а в том, чтобы овладеть его тайнами.

Развитие метода вчувствования привело к становлению понимающей психологии (*Дильтей*), понимающей социологии (*Вебер*) и, наконец, понимающей философии, т.е. герменевтики. Герменевтика специально занимается феноменом понимания. Первоначально понимание интерпретировалось как вчувствование, перемещение в чужую индивидуальность. Впоследствии феномен понимания герменевты стали связывать с речью, логикой, традициями культуры. Фактически все чаще феномен понимания интерпретируется как синтез чувственного и рационального, всего того, что развивается на их базе. Как индивидуальное понимание, так и понимание другого, без чего невозможна успешная коммуникация, требуют *полноты*, познавательного процесса. Человек понимает тем лучше, чем полнее насыщена его психика чувственными и рациональными формами, чем органичнее осуществляется синтез того и другого, а он достигается в эйдетировании. Понимание невозможно без эйдетирования, последнее богаче как мышления, так и вчувствования. Понять — значит максимально полно представить в своей психике познаваемое явление.

Знаменитый спор "физиков" с их ориентацией на объяснение и "лириков" с их чувственно-эмоциональными приоритетами не может выявить победителя. В конечном счете и первые, и вторые не справляются с тем целым, имя которому *понимание*. Познавательный процесс многомерен, он содержит все свои степени свободы.

Истина многомерна, многолика, но она есть и нечто целое. На это неоднократно указывал *В.С. Соловьев*. Современный человек часто за деревьями не видит леса, он утерял в науке и в искусстве, разлагающих непосредственную действительность на односторонние определения,

органическую связь, единое и целостное. "Нужно выучиться представлять себе предметы...— писал *П.А. Флоренский*,— сразу со всех сторон, как знает наше сознание". Неправомерно, как иронизировал *Гессе*, "для пресечения тренировок" отказываться "от лишних измерений". Насыщенная многими измерениями истина теряет односторонность, сухость, нежизненность. С незапамятных времен люди пришли к убеждению, что истина включает в себя аспекты добра и красоты, без чего невозможна подлинная духовность.

Истина без красоты нежизненна, а без добра она вообще превращается в ложь. Кант поэтому и не допускал правомерность лжи, ибо в таком случае истина преднамеренно искажается и органическая связь истины и добра нарушается. Канту возражали, что во имя любви к человеку лгать допустимо. Философ же доказывал, что ложь приводит к мнимой любви к человеку. Может, великий философ действительно ошибался?

Ценность. Философия как аксиология

Человек самым своим существованием выделен из мира. Это вынуждает человека дифференцирование относиться к фактам своего бытия. Человек едва ли не постоянно находится в состоянии напряженности, которое он пытается разрешить ответом на знаменитый вопрос Сократа "Что есть благо?". Человека интересует не просто истина, которая представляла бы объект таким, каким он является сам по себе, а значение объекта для человека, для удовлетворения его потребностей. Индивид дифференцирует факты своей жизни по их значимости, дает им оценку, реализует ценностное отношение к миру. Общеизвестным фактом является различная *оценка* людьми, казалось бы, одних и тех же ситуаций. Вспомните притчу о строителях собора в Шартре. Первый считал, что он совершает трудную работу, и только. Второй сказал: "Зарабатываю хлеб семье". Третий промолвил с гордостью: "Я строю Шартрский собор!".

Ценностью является для человека все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. Количественной характеристикой этого смысла является *оценка*, которая часто выражается в так называемых лингвистических переменных, т.е. без задания числовых функций. Чем занимается жюри на кинофестивалях и конкурсах красоты как не оценкой в лингвистических переменных. Ценностное отношение человека к миру и себе приводит к ценностным ориентациям личности. Для зрелой личности обычно характерны достаточно устойчивые ценностные ориентации. В силу этого пожилые люди часто медленно перестраиваются даже тогда, когда этого требуют исторические обстоятельства. Устойчивые ценностные ориентации приобретают характер *норм*, они определяют формы поведения членов данного общества. Ценностное отношение личности к себе и миру реализуется в эмоциях, воле, решимости, целеполагании, идеалотворчестве. Философское учение о ценностях называется *аксиологией*. В переводе с греческого "аксиос" означает "ценность".

Учение о ценностях (аксиология) не сразу стало достоянием философов, а лишь после того, как удалось развести понятия бытия и блага. Это произошло в философии *Канта*, который противопоставил сферу нравственности сфере природы, а практический разум — теоретическому

разуму. Выделение феномена значимости бытия для человека и привело к философии ценностей с ее основным вопросом "А что, собственно, есть ценность, в чем скрыты ее истоки?" Как обычно, поиск ответа на новый содержательный философский вопрос затянулся.

Одни философы видели источник ценности в субъекте, в воле, в чувстве, в особенностях трансцендентального субъекта. Неокантианцы обнаружили источник ценностей в разумной воле, обеспечивающей акты выбора. *Брентано* обвинял неокантианцев в интеллектуализации понятия ценностей и считал, что источником ценностей являются эмоциональные акты любви и ненависти.

Философы материалистического направления видели источник ценностей в не зависящих от субъекта реалиях, в материальных благах. Марксизм выдвинул на первый план ценности общественного порядка.

Часто проблему ценностей понимают в самом общем плане, тогда в качестве ценностей выступают истина, добро и красота. При большей детализации выделяют экономические, политические, эстетические, нравственные, религиозные ценности. *Шелер* считал, что ранг ценности тем выше, чем она долговечнее и чем большее удовлетворение она вызывает. В этой связи он ставил на первое место ценность приятного, связанного с удовлетворением чувственных наклонностей человека.

Учет проблематики ценности позволяет понять, что есть воля, эмоции, сомнение, вера, цель, идеал.

Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал

Ранее чувства рассматривались как нейтральные к ценностным аспектам феномены. Обычно эта нейтральность отсутствует. В таком случае чувства выступают как *переживания*, позволяющие субъекту понять личностный смысл происходящего. Непосредственные переживания значимости явлений и ситуаций выступают как *эмоции*. Положительные эмоции — удовольствие, радость, восторг, любовь и т.п. Отрицательные эмоции — боязнь, испуг, страх, ненависть, горе и т.п. Эмоциональный мир человека очень сложен, его в подробностях изучает психология. В философском отношении наиболее содержательно мир эмоций изучал экзистенциализм, где под экзистенциалом чаще всего понимаются не ситуативные эмоции (аффекты, страсти), а устойчивые структуры бытия человека. На эмоции человека сложнейшее влияние оказывает весь опыт его жизни. Известно немало случаев, когда краткое известие, порой выраженное одним словом, вызывало смерть человека.

Среди разнообразных ценностных форм психики человека важнейшее значение имеет *воля*, сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности, проявляющаяся как целеустремленность, решительность, самообладание. Для *Канта* и *Фихте* воля является источником осуществления нравственных принципов, основой практической деятельности человека. Для *Шопенгауэра* же, как и для *Ницше*, воля есть иррациональный импульс бытия, его саморазвертывания. Воля фактически выводится за пределы психики.

В мире ценностных ориентации человека непреходящее значение имеет *вера*, субъективный акт принятия чего-либо как истинного. Вере

предшествует *сомнение*, которое переводится в веру в результате целого ряда психологических актов. Философы в отличие от теологов традиционно уделяют значительное внимание соотношению сомнения и веры. Религиозная вера обычно рассматривается как непосредственный результат откровения, она, мол, не нуждается в обосновании. Прогрессивный швейцарский теолог *Карл Барт* считал, что обоснование веры состоит в ней самой. Для философа *Карла Ясперса* философская вера — результат философствования.

Великий *Декарт* был вполне последовательным, когда рассматривал приверженность философов к сомнению как принципиальную черту успешного философствования. Прежде чем вслед за *Лютером* воскликнуть: "Я здесь стою и не могу иначе" философу необходимо провести определенную работу, прийти к убеждению. От веры — один шаг до уверенности, убежденности.

Кант справедливо подчеркивал, что вера не сводится к деятельности разума, о ней нельзя дать отчет исключительно на языке понятий. Вера — это эйдос. Вера есть некоторый смысл субъективного ориентирования человека в его предрасположенности к действию. Итак, вера — один из наиболее значимых феноменов духовной жизни человека.

Когда говорят о феномене веры, то часто утверждают, что он связан с невозможностью достаточных обоснований тех ценностных предположений, которые реализуются в вере. Здесь обоснование понимается чрезмерно узко, как нечто вроде рационального доказательства. Веру можно обосновать, но для этого придется привести не только рациональные, но и чувственно-эмоциональные доводы. Другое дело, что веру не надо связывать с абсолютной достоверностью, которая, как следует из анализа проблемы абсолютной истины, вряд ли достижима. *Кант* приводил в пример врача, который чаще всего лечит, не будучи абсолютно уверенным в достоверности своего диагноза. От всякого рода действий предохраняет не только отсутствие веры, а наоборот, ее присутствие, полновесность, полномасштабность тех актов, которые ведут к ней.

Без веры не обойтись. *Эйнштейн* как-то выразился в том смысле, что для него Бог — это вера в существование объективной реальности как независимой от человека. Казалось бы, кто-кто, а физик должен меньше других быть подверженным феномену веры: экспериментирую, мол, и делаю выводы. Но в том-то и дело — Эйнштейн прекрасно понимал и чувствовал это, — что физик, равно как и любой другой человек, верит, в частности, он верит в существование объективной реальности.

Вера — это тот мост, который связывает человека с миром. Это неременная характеристика личности, она требует веры в себя, веры, переходящей в уверенность в своих возможностях. На этот счет можно привести тысячи примеров — от выздоровления, казалось, безнадежно больных до превращения гадкого утенка в прекрасного лебедя (читай: заурядной личности в гения).

Вера как ценностный феномен имеет свои градации, на высшей ее отметке мы находим *идеал*. Проблематика идеалов пронизывает всю нашу жизнь, ее поверхностное прочтение приводило, приводит и, видимо, еще долго будет приводить к различного рода бедствиям.

Человек в силу своей способности связывать в цепи чувства, мысли,

эйдосы продуктивного воображения создает образ желаемого результата. Это означает, что он осуществляет целеполагание. *Цель* есть регулятивная идея, образ требуемого будущего. *Идеал* — это признающийся максимально целостным образ (эйдос) желаемого будущего. Ясно, что содержание идеала зависит от жизненного опыта субъекта, степени его образованности, уровня культуры.

Немаловажное значение имеет устремленность идеала в будущее. Вплоть до XX в. классическая философская традиция устремляла идеал, впрочем, не вполне сознавая это, в бесконечно далекое будущее. Выработка идеалов была сопряжена с абстракциями, идеализациями и сильными переживаниями. Идеальное государство *Платона*, всемерная святость средневековья, универсальное эстетическое совершенство эпохи Возрождения, всезнание науки Нового времени — все это идеалы, связанные с доведением положительной оценки того или иного явления человеческой жизни до предела. Своеобразие феномена идеала недостаточно осмысливалось в философском отношении. Поэтому неудивительно, что считалось вполне возможным за короткий промежуток времени осуществить свой идеал. В СССР создание материально-технической базы коммунизма намечалось достигнуть к 1980 г. Политические деятели то и дело рассуждают по схеме: сегодня — плохо, завтра будет хорошо. Удивительным образом это "завтра" затем отодвигается в далекое будущее.

Идеал — это отнюдь не просто конкретный образ конечного будущего, а совокупность направленных в будущее различных теоретических и других представлений, которые могут быть пересмотрены. *Далеко не всегда идеал сводится к примату конечной цели.* Примат конкретной конечной цели, особенно если она находится в туманном будущем,— путь к утопизму, о судьбе которого написаны и еще будут написаны тома. Мир утописта всегда разделен пополам, его мир — это черно-белый мир, мир забвения одних ценностей и выпячивания других. Одни утописты признают примат свободы, другие на это место ставят справедливость, третьи признают исключительно общественную собственность, четвертые, напротив, насаждают везде частную собственность.

Таким образом, идеалотворчество, если оно проводится недостаточно ответственно, приводит к утопиям, превращается в идолотворчество. Вместе с тем идеалотворчество — неперемное основание достижений человека. Интересно, где было бы сейчас человечество, если бы оно не занималось идеалотворчеством. Но для успешного идеалотворчества необходима развитая философия, современная философия. Правильные философские ориентиры предохраняют от утопизма. В неклассической философии, являющейся в основном достоянием XX в., с идеалами обращаются более осторожно, чем когда бы то ни было ранее.

В нашем кратком эссе об идеалотворчестве невозможно было дать конкретный анализ эстетических, моральных, научных и других идеалов. Идеалов много, их по-разному классифицируют. Что касается современного гуманизма, то он ориентируется на такие ценности-идеалы, как свобода, справедливость, демократия, ответственность, непримиримость к насилию, планетарная общность людей. Наряду с положительными ценностями есть, разумеется, и их антиподы: человеконенавистничество, стяжательство, культ

насилия, вседозволенность. В мудром Послании Иоанна говорится: "Дети! Храните себя от идолов".

Глава 2.3 Философия символического мира человека. Человек в мире культуры

Философия языка

В предыдущей главе рассматривался внутренний мир человека. Целостное отношение человека к миру выступало некоторой тенденцией выхода человека за свои собственные границы. Но такой выход не осуществлялся. Внутренний мир человека оставался его сугубо личным делом, таинственным и неизвестным для других. Однако человек не существует изолированно от других людей, мира. Поэтому он проявляет свою внутреннюю личную жизнь, символизирует ее в подходящих для этого феноменах. Язык, труд, культура — все это *формы символического бытия* человека; они доступны не только своим творцам, но и всем тем, кто понимает их смысл. По мере исторического развития человек существенно наращивал масштабы своей символической деятельности, так что ныне впору говорить о символическом мире человека, его второй, неприродной родине (первая — это психика человека). В нашу ближайшую задачу входит философский анализ символического мира человека. И начнем мы этот анализ с его важнейшей составляющей — языка. Философия символического мира человека является естественным продолжением философской антропологии человека.

Энциклопедии дают самые различные определения языка, их даже не сотни, а тысячи. Язык рассматривается как выражение внутреннего духовного мира человека, как средство общения и сохранения информации, как система знаков, как устная и письменная речевая деятельность. Структурными единицами языка являются слова и предложения, составленные из них тексты. Логику языка образует его синтаксис (грамматика), смысл языка есть его семантика, а практическое значение языка выступает как прагматика. Отметим еще раз, что *язык есть символическое выражение в звуке и письме психической жизни человека*. Краткая историческая справка позволит нам глубже понять феномен языка.

Мифологическое сознание не разделяет слова и именуемую ими реальность. Здесь, конечно же, большой простор для магии слова.

Для *философов античности* одной из важнейших проблем был вопрос о соотношении имени и именуемой реальности. Сократ и Платон считали, что имя установлено не произвольно, "не так, как нам заблагорассудится", а по природе. Но что значит "по природе"? Для Платона имя прежде всего подражает сущности. Стоики полагали, что в языке человек подражает окружающему миру. Эпикурейцы предположили, что язык возник на основе произвольного выражения эмоций в звуке. Демокрит считал язык формой общественного договора. Античные философы прекрасно понимали, что есть связь между словом, образом, которое оно выражает, и объектом.

Христианские богословы считали, что способность языка дарована человеку Богом. В Ветхом Завете сказано, что Адам дал название всем живым существам. Язык включается в достаточно жесткие формы божественного мироздания.

В Новое время, в соответствии с общей установкой на мышление как

сущность человеческого бытия, язык подвергают проясняющему его содержание логическому анализу. Язык выражает понятия, и он сам является средством мышления. Делаются попытки построить универсальный язык, к которому можно было бы свести другие языки. Усилия *Лейбница* в этом направлении позволили наметить пути выработки математической логики. Теперь уже весьма редко считают, что звучание слова должно иметь что-то общее с его предметным значением. Слова рассматриваются как знаки предметов или их психических образов.

В начале XIX в. философия языка продуктивно развивается немецким философом и лингвистом В. Гумбольдтом. Язык понимается им как непрерывное духовное творчество. "...Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык". Язык — "живой организм", источник и почва духовной деятельности. По отношению к субъекту язык обладает самостоятельностью. Значительно позднее, в середине XX в., мысль о самостоятельности языка выразится в парадоксальной формулировке М.Хайдеггера: не человек говорит, а язык говорит человеку.

Для Э. Кассирера язык есть символическая форма саморазвертывания духа, но в качестве таковой он отличается от духа и выступает как самостоятельное бытие. Идея о различии языка и психики получит впоследствии многочисленные подтверждения. На интуитивном уровне она фиксируется выражениями типа: "Знаю, но не могу выразить". Хорошо известно, что самым красноречивым ораторам не удается в слове выразить все богатство своей духовной жизни.

В неопозитивизме язык подвергается тщательно подготовленной яростной логической атаке. По Расселу, подобно тому как планеты не знают, что они движутся по законам Кеплера, так и многие люди, употребляя слова, не знают их значений. Точность в слове — это практически недостижимый идеал, но к нему нужно стремиться неуклонно. В неопозитивизме язык стал наиболее важным предметом философского исследования, которое призвано устранить несовершенство естественного языка. С этой целью используется логика. Считается, что применение логики и других формализованных средств к анализу естественного языка не нарушает его жизненность. Но выяснилось, что этот путь далеко не так безобиден, как кажется.

В программе верификационизма (проверки истинности предположений) все казалось достаточно ясным. Истинность предположений можно проверить. Естественный язык можно представить как совокупность предложений. Бесмысленные предложения элиминируются из контекста языка. Есть предметы и процессы, им соответствуют слова, связанные в предложения.

Но когерентная концепция истины вносит существенные коррективы в обрисованную картину. Слова обладают смыслом в контексте системы слов, т.е. в контексте языка как целого. Мы не поймем смысл слова "необходимость" без понимания смысла слов "причина" и "следствие", но значения слов "причина" и "следствие" также ориентируются на смысл некоторых других слов.

Прагматическая концепция истины вносит в картину языка дополнительные черты. Истина выясняется в процессе практики; соответственно смысл слова выясняется в процессе его применения. *Витгенштейн*, глубоко продумавший это обстоятельство, считает, что

философия должна предохранять от неправильного употребления слов. Говорение, по позднему Витгенштейну, есть форма жизни, деятельности. "Значение слова — это его употребление в языке". Но употребление может быть самым различным, а значит, слово "должно иметь целую семью значений". Всякий раз говорение выступает как новая игра по выяснению новых значений слов. Что слово обладает не одним, а многими значениями, хорошо известно из словарей. Русский философ и математик *В.В. Налимов* предложил объяснять значения языковых конструкций некоторыми функциями вероятности, которые описывают, с какой долей вероятности используется то или иное значение слова. Такое вроде бы простое предложение позволяет объяснить многие лингвистические факты. Известно, что, обучаясь иностранному языку, легче заговорить на нем, чем научиться понимать других, а среди последних — легче понимать тех, которые знают не больше тебя. Ясно, почему так происходит. Чтобы говорить на языке, достаточно знать главные, часто используемые значения слов. Для понимания других надо уже знать все те значения слов, которые использует собеседник, но это чаще всего имеет место тогда, когда собеседник ориентируется в языке не лучше тебя. Поэтому отнюдь не случайно студент, изучающий, к примеру, английский язык, понимает студентов группы, в которой он обучается, лучше, чем педагога, преподающего в группе английский язык; соответственно часто студент понимает своего педагога лучше, чем коренного жителя Англии. Синонимичность слов объясняет многие шутки, основанные на неоднозначном употреблении одного и того же слова. Пишущему эти строки в далеком детстве не без труда объясняли, что "великий Сталин" невелик ростом. Забавно, но даже взрослые люди удивляются, узнав, что рост каждого из четырех вождей — Наполеона, Ленина, Сталина и Гитлера — не превышал 163 см.

В историческом развитии философии языка достаточно четко просматриваются три концепции. В античности и средневековье доминирует первая из них — *философия имени*. Здесь, как правило, имеют дело с триадой: вещь — сущность (идея) — имя (слово); слово именуется вещь и ее сущность, которая понимается в соответствии с *Платоном*, *Аристотелем* или *Христом*. Философия имени тесно сопряжена с корреспондентной концепцией истины.

Вторая концепция философии языка, восходящая к идеям *Декарта* и *Лейбница*, получила детальную разработку в трудах *Рассела* и *Карнапа*. Вещь понимается как совокупность признаков. Языковое выражение, обозначающее признак, называют предикатом. Вместо сущности и идеи рассматривают понятие и суждение. Наряду с корреспондентной используется когерентная концепция истины. Философия языка выступает теперь *философией предиката*, философией высказываний, обладающих функцией истинности.

Третья концепция языка учитывает прагматическую концепцию истины. Это предполагает особое внимание к ценностным установкам личности, которые находят свое обозначение в высказываниях типа: "А знает (верит, помнит, надеется, хочет), что **р**". Итак, мы имеем дело с *философией ценностных установок*, в одних случаях они имеют сугубо личностный, а в других — общественный характер. Третьей философской

концепцией языка мы обязаны в первую очередь позднему *Витгенштейну*, она близка герменевтам, логическую разработку получила уже в наши дни у *Г.Х. фон Вригта* и *Я. Хинтикки*.

Язык обладает *обозначающей функцией*, его слова и предложения часто обозначают определенный предмет или процесс. Но реализацию этой функции не стоит упрощать. Поэт *Мандельштам* очень точно характеризует слово: "Живое слово не означает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела". Человек не способен напрямую, простым кавалерийским наскоком обозначать предметы. Слово — это результат сложной внутренней жизни человека; что именно оно обозначает, выясняется лишь постепенно. Но в предметно-процессуальном мире все переплетено, поэтому то, что обозначается словом, оказывается многозначным, а само слово соответственно полиморфным.

Язык есть выражение, символизация внутренней, духовной жизни человека. Это опять же верно, но и эту черту языка не следует понимать упрощенно. Дело в том, что для каждого человека язык уже предзадан обществом, и оно диктует условия реализации акта говорения (или написания). Говорение есть превращение возможности в деятельность, но при условиях, которые задаются определенностью используемого языка. Говорение есть обращение субъекта к другим субъектам, они-то и определяют условия говорения и писания в форме принятого данным сообществом языка. Для субъекта язык задан как априорная структура, которой он волен распорядиться, но отменить ее он не может. Таким образом, язык есть символизация внутреннего духовного мира людей в особой форме — индивидуально-общественной. Благодаря этой форме осуществляется коммуникация между субъектами.

Язык обладает общественной природой. Это, строго говоря, означает одно: каждый субъект должен выражаться в общезначимой форме, которая, естественно, диктует некоторые ограничения. Каковы эти ограничения, зависит от особенностей используемого языка. Чтобы эти ограничения не были чрезмерными, принятые в естественных языках нормы являются достаточно "мягкими", мобильными. Уже отсюда ясно, что представляющаяся столь уместной борьба с неопределенностью языковых выражений не должна доводиться до превращения языка в излишне жесткую структуру.

Еще одна тема философии языка — это его живость, жизненность. Не случайно *Мандельштам* употреблял выражение "живое слово". Естественный язык символизирует все стороны духовной жизни человека, от чувственно-познавательных до чувственно-эмоциональных, от мыслительных до эйдетических. Богатство, разнообразие языка есть прямое продолжение богатства психологической жизни человека. *Пушкин* по праву утверждал: "И чувства добрые я лирой пробуждал". Вот именно, язык пробуждает не только мысли, но и чувства, и эйдосы. Кстати, обратите внимание на очень точное выражение *Пушкина* "пробуждал" (возбуждал). Посредством языка один субъект возбуждает в другом импульсы его духовной жизни. Желание говорящего очевидно — имеющий уши да слышит. Но слышит ли? Например, не любящий любящего?

Одна из важнейших функций естественного языка — *коммуникативная*. Языковая коммуникация предполагает установление контакта между лицами, побуждение говорящим своего партнера к слушанию, способность взаимопонимания. Как известно, процесс языковой коммуникации весьма сложен. Известное стихотворение *Ф.И. Тютчева* знаменито не случайно — оно указывает на трудности языковой коммуникации:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая возмутишь ключи,
Питайся ими — и молчи.

Языковая конструкция предполагает наряду с переводом духовной жизни говорящего (или пишущего) в сферу языка также восприятие высказанного слушателем, читателем, поступление повествования в их психику. Говорящий "целит" в слушателя, а тот в свою очередь желает (или не желает) "поймать" мысль, чувство, эйдос своего собеседника. В одних случаях люди понимают друг друга с полуслова, в других — понимание наступает после диалога, дискуссии, взаимной "притирки". Языковое понимание требует согласованности языка говорящего и языка слушающего.

Единство и многообразие языков. Метаязык. Формализованный язык. Машинные языки. Знаковая форма языка. Философия как язык

Из Библии известно, что разгневанный дерзостью людей, вознамерившихся после всемирного потопа построить в Вавилоне башню до небес. Бог "смешал их языки" так, что люди перестали понимать друг друга. Действительно, многообразие языков осложняет взаимопонимание людей. Однако, и это отчасти даже удивительно, многообразие языков — обязательная черта жизни людей. Если бы даже все люди согласились говорить на международных языках воляпюк (создан немцем Шлейером) и эсперанто (создан поляком Заменгофом), то тем не менее многообразие языков не было бы ликвидировано. Осталось бы различие между естественными и искусственными, формализованными и машинными языками.

Метаязык — это язык, на основе которого производится исследование другого языка, последний при этом называется *объектным* языком. С точки зрения человека, говорящего на русском языке и изучающего английский, русский язык является метаязыком, а английский выступает в качестве объектного языка. В нашем изложении мы постоянно пользуемся метафилософским языком, то есть категориями метафилософии. Так, в предыдущем параграфе природа естественного языка рассматривалась на базе таких категорий, как возможность, символ. Раздел математической логики, посвященный основаниям математики, называется метаматематикой, она функционирует как метаматематический язык. Соотношение между метаязыком и объектным языком реализуется в

процессе перевода. Перевод представляет собой своеобразную *интерпретацию*. Он, конечно же, не сводится к простой замене каждого отдельного слова его коррелятом из соответствующего словаря. Это очень наглядно выясняется при переводе стихов. Сначала получают подстрочник. Но это еще не поэтический перевод, ибо подстрочник не воспроизводит поэтический образ. Потребуется дополнительные усилия, но уже не просто переводчика, а поэта-переводчика, прежде чем будет достигнут адекватный перевод. Замечено, что адекватный перевод, как правило, объемнее оригинала. В языке исследователя зачастую требуется несколько слов, дабы перевести одно иностранное слово. Метаязыки широко используются в науке, здесь они выражают, фиксируют знание наиболее общего характера. Язык философии — это метаязык максимальной общности, его вынуждены использовать все образованные люди.

Наряду с естественными есть *искусственные языки*, созданные людьми для решения определенных задач. К ним относятся языки науки, машинные языки, жаргоны, эсперанто. Особо значительную роль в условиях научно-технической революции стали играть формализованные и машинные языки.

Формализованные языки — это логические или математические исчисления. В отличие от естественного языка в формализованном языке используются логические и математические знаки; всякого рода многозначности и нелепости по возможности исключаются, широко используются формулы. Известный специалист в области математической логики *А. Черч* подчеркивал, что формализованный язык нужен для отслеживания логической формы. Великий логик *Г. Фреге*, сопоставляя созданное им исчисление с естественным языком, сравнивал микроскоп с человеческим глазом. В решении одних задач преимуществом обладает глаз, в решении других — микроскоп. Подобно микроскопу, логическое исчисление пригодно лишь в некоторых случаях, там, где человек имеет дело с логической формой.

При оценке значимости формализованных языков часто имеют место крайности: их значение либо недооценивается, либо переоценивается. Ныне все большее число ученых считают, что даже мышление представлено в формализованных языках не во всем своем богатстве. Очевидно, что для логического воспроизведения мышления требуется много формализованных языков. Столь же очевидно, что формализованные языки мало пригодны для выражения чувственно-эмоциональной и эйдетической сторон духовного мира человека. То же относится к творчеству человека. Но, с другой стороны, успешное использование формализованных языков показывает, что деятельность человека, психологическая и предметная, имеет намного более логическо-математический характер, чем это казалось ранее. Поэтому использование формализованных языков приносит человеку все новые выгоды, особенно если это использование механизмируется. *Машинный язык* позволяет записать программы алгоритмов и содержание информации, хранящейся в огромных объемах в запоминающих устройствах вычислительных машин. Если велосипед, мотоцикл, ракета позволяют человеку наращивать скорость своего перемещения, то ЭВМ соответственно позволяет человеку увеличивать объем его памяти и усиливать его вычислительные способности. ЭВМ не обладает психикой, она лишь

моделирует ее структуру, характерные для нее связи. Подведем итоги. Духовная, психическая жизнь человека символизируется во многих языках, каждый из которых выражает определенную сторону, закономерность, черту этой жизни. Языки проецируются друг на друга — возникают языковые интерпретации, взаимопонимание людей, ликвидируется вавилонское столпотворение языков.

Язык в своей звуковой и графической формах представлен в основном условными знаками психической деятельности человека. Если субъект говорит или пишет, то он переводит в знаки, "означивает" свой душевный мир и тем самым делает его доступным для других людей. Тот, кто воспринимает речь и письмо, переводит смысл знаков в состояние своей психики. Таким образом, язык как процесс на каждой своей стадии есть символизация. С этой точки зрения язык людей не исчерпывается системой знаков. Система знаков — это лишь промежуточная стадия процесса функционирования языка, его временная обитель, которую собеседники посещают по необходимости и склонны как можно быстрее покинуть.

Язык явился гениальным изобретением человечества: оказывается, можно извлекать и перерабатывать информацию о предметах, оперируя непосредственно не с ними, а с их знаками. Так началась грандиозная революция, которая приобретает все больший размах. Знаки оказались весьма удобны для их использования в общении, в познавательной деятельности, в науке. Знаки обладают обобщенным характером, они могут использоваться различными людьми в различных ситуациях. Использование формализованных языков позволяет получать информацию в компактной форме и, самое главное, эффективно экономить время. Знаки в силу их материального характера удобны для машинной обработки, для развития технических систем связи. Наиболее развитые страны, такие, как Япония, США, ФРГ, часто называют информационным обществом. Здесь использование знаковых систем производится более эффективно, чем в других странах. Одно из главных направлений развития современного человека связано с его знаково-символической деятельностью. Это обстоятельство во многом объясняет, почему современная философия по необходимости является лингвистической (языковой) философией.

Философию часто характеризуют в качестве формы сознания. Но философия — это еще и язык, форма языковой деятельности. Философ занимается знаково-символической деятельностью не меньше, чем представители других наук. Язык философии по отношению к любым языкам часто используется как метаязык. Причина ясна. Язык философии имеет дело с наиболее общими чертами мироздания; особенное и единичное удобно рассматривать с позиций общего. Философия есть метаязык по отношению как к физике и математике, так и к логике и математике. Но язык философии тоже может быть подвергнут исследованию, например с позиций языка логики. В таком случае логика играет роль метаязыка, а философия — исследуемого (объектного) языка. В науке существует что-то вроде закона оборачивания языков: каждый язык смотрится в зеркало другого. В оборачивании языков активное участие принимают естественные языки.

Когда неопозитивисты применили к анализу естественного языка логику, то они обнаружили там... логику. Естественный язык остался естественным языком, но ему был придан более ясный логический вид. Не

без удивления логики и математики обнаружили, что создаваемые ими в муках творчества "точные" языки всегда окружены неустрашимым "шумом" естественного языка. Естественный язык гонят в дверь, а он заглядывает в окно. Нечто аналогичное происходит и с философским языком — он неустрашим.

Философия культуры. Культура и цивилизация

Чрезвычайно сложный процесс символизации человеком своих исконно человеческих возможностей и сил характеризуется различными категориями, среди них такие наиважнейшие, как культура, цивилизация, практика. Термины "культура", "цивилизация" часто используются как синонимы. В таком случае обычно подчеркивают, что культура как специфический человеческий способ бытия отличается от бытия животных. Культура наследуется не биологически, а посредством социализации, например через обучение. Обозначение одной и той же категории двумя различными терминами малоуместно. Мы считаем, что между категориями культуры и цивилизации есть существенная разница.

Цивилизация и культура — слова латинского происхождения. Цивилизованный — принадлежащий к цивилизации. Культурный — воспитанный, образованный, развитой, почитаемый. Уже в происхождении слов "культура" и "цивилизация" видно определенное различие, которое и получило свое оформление в категориях культуры и цивилизации, введенных в обиход философской мысли во второй половине XVIII в. Цивилизация — это все человечество во всем его богатстве, в том числе и символических проявлений. Культура — это достижение цивилизации, самое совершенное в ней — триумф человеческого.

Что касается языка, то он является составляющей цивилизации. Лишь своими достижениями, совершенством он достигает области культуры. Анализ природы языка, выявивший многие специфические и характерные черты символического, существенно облегчает нам анализ природы цивилизации и культуры. Такой анализ необходим. События в XX в. зачастую развиваются совсем не так, как бы хотелось, восходы сменяются закатами, взлеты — падениями, и всякий раз в этих метаморфозах едва ли не решающую роль играет культура и внутреннее содержание цивилизации. Стремление человека к совершенству требует знания феноменов культуры и цивилизации. Когда обществу плохо, то его надежды связаны с культурой (а на что еще можно надеяться?).

Исходное определение культуры выражает ее символический характер. Культура — это *инобытие человеческого духа*, представленное в знаках. Уже здесь возникают первые коллизии, истоки взлетов и падений, различного рода кризисов. Культура не только соединяет, но и разъединяет внутренний и внешний мир человека. Русский философ и литературовед *М.М. Бахтин* подчеркивал, что культура не имеет своей территории. В нашем контексте это означает, что она постоянно мечется между духом человека и его знаками, находя лишь временное пристанище в каком-то из этих двух регионов. Если *Э. Кассирер* оценивал символический характер культуры как обязательное ее свойство, а следовательно, не подлежащее критическому восприятию, то интуитивист *А. Бергсон* резко критиковал

такую позицию. Он настаивал на том, что философский акт состоит в преодолении символических форм, после чего только и возможны чисто интуитивное постижение предмета и вообще действительная жизнь. Символическую природу культуры, однако, никому не дано отменить. Критики Бергсона указывают на возможность забвения человека в символических продуктах культуры и цивилизации. Этого не будет в случае, если культура реализуется как полноценный диалог. М.М. Бахтин не уставал подчеркивать *диалоговый характер* культуры.

На стадии своего перехода от внутреннего мира человека во внешний мир цивилизация выступает как совокупность знаков, культура — как особый знак, произведение, совершенство. Шум оркестра — это еще не культура, хотя уже цивилизация. С культурой мы встречаемся тогда, когда слушаем *Чайковского или Бетховена*, читаем *Пушкина*, созерцаем иконы *Рублева*, наслаждаемся игрой лучших актеров мира, пользуемся современной техникой. Культура — это мастерство, высочайшая квалификация, в ней показывает себя автор-мастер. А перед ним находится зритель, слушатель, читатель, который может и не понять смысл произведения культуры. Культура вне общения умирает, она, кроме всего прочего, есть общение.

Культура как общение реализуется только в том случае, если она общезначима, т.е. не остается сугубо личным делом своего творца. В общезначимости культуры скрыты новые коллизии. Как наиболее совершенное достижение цивилизации культура доступна в равной степени далеко не всем. Культура обладает общезначимостью лишь для того круга людей, которые понимают ее, она не универсальна. *Чем выше уровень культуры, тем меньше удельный вес членов общества, понимающих ее.* Всякая цивилизация гордится своей культурой, но она не в силах сделать ее своим подлинным основанием, фундаментом. Общественная пирамида в своей опоре на культуру крайне неустойчива, ибо ее основание малочисленно по сравнению с верхней частью. Это весьма напоминает ситуацию с геометрическим телом, поставленным на свое острие: балансирование если и возможно, то лишь в течение короткого промежутка времени.

Фактически само создание культуры является источником одной из глобальных проблем современности: отрыва культуры от широких народных масс. Последним доступна *массовая* культура, значение которой огромно как в положительном, так и в отрицательном смысле. По отношению к настоящей культуре массовая культура есть маргинальное явление, то есть она находится на краю культуры.

Культура как диалог состоится только тогда, когда имеет место триумф человеческого не только на стороне автора, но и воспринимающих его творения. Хорошо известно, что этого триумфа может и не быть. Культура — это торжество не просто человека, а человечности, но именно этого иногда лишен просвещенный, образованный — и только — субъект.

Культура — это всегда творчество, деятельность, ценностное отношение человека к себе и другим по законам истины, красоты и добра. Истина выше уже была предметом философского анализа, теперь очередь красоты.

Эстетика. Красота, прекрасное, возвышенное

Мир человека включает красоту, интуитивно это ясно каждому. Всякий человек способен на любовь, а любят по большей части красивое, прекрасное, возвышенное. И соответственно многим, мягко говоря, не нравится безобразное и низменное. Однако наивно-интуитивное понимание мира красоты недостаточно для уверенного ориентирования в нем. Здесь, как обычно в проблемных ситуациях, ощущается потребность в хорошей философии. Интересно, что вплоть до середины XVIII в. философы не придавали должного значения сфере красоты. Философы античности, средневековья. Возрождения считали самостоятельными разделами философии, например, логику и этику, но не эстетику. Почему?

Греческое "эстетикос" означает "относящееся к чувству". Но чувство считали всего лишь моментом познавательной или же практической деятельности. Когда же выяснилось, что мир чувственно-эмоционального имеет не только подчиненное, но и самостоятельное значение, наступило время эстетики, в рамках которой получают свое осмысление такие ценности, как красота и прекрасное. Основатель эстетики *Баумгартен* определял красоту как совершенство чувственного, а искусство — как воплощение красоты. Категория прекрасного конкретизирует категорию красоты, ибо она более конкретна, включает в явном виде элементы сопоставления: нечто не просто красиво, а очень красиво, прекрасно и максимально далеко отстоит от безобразного, антипода прекрасного. Подчеркивая своеобразие эстетического восприятия, Кант характеризовал его как "целесообразность без цели". Эстетическое суждение не заинтересовано в чем-то другом, оно обладает самостоятельной ценностью. В жизни человека эстетическое начало имеет свою особую нишу.

Где и как существует эстетическое? Самый простой ответ на этот вопрос таков: эстетическое, а сюда входит и красота, — это свойство предмета. Такой ответ с позиций понимания знакового, символического характера эстетического является довольно наивным. Будучи включенным в процесс символизации, эстетическое объединяет, связывает субъект с объектом, духовное с телесным. Ошибаются как "природники", считающие эстетические свойства принадлежащими объектам, так и те, кто сводит эстетическое к восприятиям индивида. Тайна эстетического состоит в удивительной согласованности "лица" предмета с внутренней эмоционально-образной жизнью человека. В своем эстетическом отношении к природе, к другим и к себе человек постоянно проверяет все на человечность, ищет пропорции, которые бы органично связывали его с внешним окружением.

Если мы обратимся к субъективной стороне эстетического начала, то первое, что хочется сделать, это отнести его к одному из ведомств психической жизни человека. Что есть эстетическое? Чувство, эмоция, наслаждение, мысль, эйдос, ценность? Оказывается, ничто из перечисленного нельзя исключить из феномена эстетического, можно лишь выделить доминирующие моменты. В субъективно-эстетическом доминирует чувственно-эмоциональное, а не мыслительное, которое в данном случае имеет подчиненное значение. Вместе с тем эстетическое не имеет места вне целостного и живого единства, полноты переживания, а это означает, что оно есть эйдос. Эстетическое в форме красоты, прекрасного

есть обещание счастья.

Ценностный характер эстетического особенно ярко проявляется в соотношении в нем прекрасного с безобразным, причем они далеко не равнозначны. *Человек стремится не к безобразному и низменному, а к прекрасному и возвышенному.* Лишите мир эстетически положительного, и вы потеряете значительно больше, чем половину чувственного восприятия.

В стремлении преумножить и развить мир прежде всего прекрасного, красивого человек обращается к искусству. Искусство, как уже отмечалось, есть воплощение красоты, что, разумеется, предполагает сотворение последней.

Выражать красоту могут звук, свет, вещество, движение, ритм, тело человека, слово, мысль, чувство. Видов искусства, как известно, много: архитектура, скульптура, литература, театр, музыка, хореография, кино, цирк, прикладное и декоративное искусство. Всякий раз носителем красоты является нечто, например в случае музыки — звуки, которые извлекаются музыкантами посредством музыкальных инструментов. Строка известного романса гласит: "О если б мог выразить в звуке всю силу страданий моих...". Искусство есть умение выразить себя по признакам красоты. Датский философ XIX в. С. Кьеркегор дал образную характеристику поэту: его губы устроены так, что даже стон превращается в прекрасную музыку. Красоту, прекрасное можно выразить не только в чем-то сугубо материальном, но и, например, в мысли. Так, в науке высоко ценят доказательства, т.е. красоту мышления, мыслей. Красивыми являются и чувства, если они ведут к положительно ценностным переживаниям. Примеров тому не счесть, от любви Ромео и Джульетты до мужества воина, защищающего Родину.

Для конструктора, инженера, техника весьма существенно видеть сходство и различие между, с одной стороны, произведением искусства и, с другой стороны, техническим артефактом, т.е. техническим изделием или устройством. Греческое "технэ" означает искусство, мастерство. Как художник, так и техник являются искусными мастерами, хотя цели их работы и творчества не совпадают. Предназначение произведения искусства состоит в его функционировании в качестве символа красоты, прекрасного; предназначение технического артефакта состоит в его полезности для человека. Нельзя исключить того, что в некоторых случаях техническое изделие является и произведением искусства, но это имеет место далеко не всегда. Вместе с тем всякий технический артефакт не выпадает из мира эстетического. Более того, как выяснилось, полезность технического изделия не противостоит его эстетическим достоинствам, а образует с ним своеобразное, но желательное для человека единство. Осознание этого факта привело к развитию *дизайна*, художественного конструирования предметов, в том числе техники. Слово "дизайн" английского происхождения и весьма удачно отражает суть технической эстетики. Оно состоит из корневой основы "зайн" (знак, символ) и префикса "ди" (отделение). Дизайнер осуществляет разнообразную символическую деятельность. Он переводит свой духовный мир в технические знаки, актуальные для пользователей техникой. Для дизайнера техника — это не просто железки, а символ красоты, прекрасного. Он, надо полагать, глубоко понимает, что хотя выразительные возможности техники не всегда позволяют достичь совершенства произведений искусства, в эстетическом смысле именно

последние являются идеалом техники. Философия открывает доступ к пониманию эстетических достоинств мира, техники в том числе.

Философия практики

Символизируя себя, человек действует, он есть деятельное существо. Греческое слово "практикос" означает деятельный, активный. Соответственно *практика есть деятельность человека*.

Все, что выступает как деятельность человека, есть практика. Язык, культура и многочисленные ее составляющие — это разновидности практики. Мышление, переживание, эйдетирование тоже относятся к практике. Но, например, эйдетирование представляет собой весьма вырожденный случай практики, когда средство и результат сводятся к использованию возможностей самого субъекта. Часто под практикой понимают материальную практику, то есть такую деятельность, где средством и результатом является материальный предметный мир. Но материальная практика — это также всего лишь одна из разновидностей практики.

В античном обществе тяжесть физического труда была уделом рабов. Даже к искусству культивировалось пренебрежительное отношение. Наивысшей формой деятельности считалось созерцание мудреца. Созерцательное отношение к действительности перемещает проблематику практики в разум человека. Учение о практике (праксиология) выступает как *этика*, учение о добродетели. Этика — характерная черта как античной, так и древнеиндийской философии. Через всю мировую философию проходит традиция этического понимания практики.

Христианство первоначально рассматривало труд как проклятие, наложенное Богом на человека. Главная форма деятельности связывается со служением Богу, а это прежде всего молитва и все, что с ней связано.

В *Новое время* в борьбе против схоластики практическая направленность философии подчеркивалась английскими философами (*Р. Бэконом, Гоббсом, Локком*). Стремление создать философию, имеющую применение в жизни, основывается на могуществе разума. Во всей философии Нового времени в качестве подлинной формы деятельности рассматривается мыслительная деятельность.

Кант вводит градации разума: теоретический разум созерцает мир вещей; только практический разум преодолевает границы созерцательного отношения к объектам, и поэтому он имеет приоритет над теоретическим разумом. Практический разум выступает как воля, а практика — как нравственно-справедливое деяние. Практика характеризуется Кантом в категориях цели, свободы, воли, нравственности. *Гегель* делает решительный шаг по освобождению практики от субъективной установки. Он обращает свое внимание на категорию средства. Средство, по Гегелю, обладает преимуществом перед целью, а именно "всеобщностью наличного бытия". Субъективное единично, а средство всеобщее. Для Гегеля труд есть самопорождение человека, но реализует он логику не человека, не средств производства, а абсолютного духа. Абсолютный дух как целое реализуется в своих абстрактных моментах в теории и практике. Практика выше теоретического познания, ибо она обладает достоинством не только

всеобщности, но и действительности. К гегелевским приоритетам объективного над субъективным, практического над теоретическим, средств над целью самым теснейшим образом примыкает *марксизм*, который *Грамши*, итальянский философ и политический деятель, называл философией практики.

Для многих направлений западной философии XX в. практика есть деятельность индивида, понимаемого как волевое (прагматизм), рациональное (неопозитивизм) существо, реализующее свою свободу в проекте и выборе (*Сартр*). В философии *Гуссерля* практика содержит все формы активности человека, из которых, однако, философский анализ вычленяет чистое знание, теорию. Именно это знание становится предметом анализа. Для *Хайдеггера* "бытие-в-мире" человека есть обхождение с вещами. Сфера общественно-практического обладает неподлинным бытием, в ней источники кризиса человечества.

Итак, подведем итоги рассмотрения практики в различных философских направлениях. Категория практики понимается в широком и узком смысле либо как любая деятельность человека, либо как его исключительно предметная деятельность. Автор надеется, что известная неоднозначность терминов стала для читателя чем-то само собой разумеющимся. Такова специфика языка философии.

Практика обладает структурой; структурными элементами практики являются: 1) цель; 2) целесообразная деятельность; 3) средства практики; 4) объект практического действия; 5) результат действия.

Цель присуща субъекту или же группе людей. *Цель* — это субъективный образ желаемого будущего, то, ради чего предпринимаются определенные действия. Не надо думать, что конечная цель непременно сводится к каким-то конкретным предметам. Целью может быть и идеал, стремление к которому не ограничено каким-либо пределом. Философское учение о цели называется *телеологией*. Практика является деятельностью преследующего свои цели человека. Поэтому она есть *целесообразная деятельность*.

Сама эта деятельность выступает символизацией цели. Здесь субъект неминуемо встречается с природой, которая признает не благие пожелания, а силу. Природе человек противостоит как сила природы. В природе человек осуществляет свою цель. Все, что используется ради достижения цели, называется *средством практики*. Это не только машины, орудия труда, но и знания и жизненный опыт людей. То, на что направлено действие, называется *объектом практики*.

Деятельность, как выражался *Маркс*, угасает в продукте. Цель осуществляется. Реализованная цель уже не есть цель. Возможность превратилась в действительность; практическое действие исчерпало себя. Эстафета практических действий образует практику человека, его деятельную жизнь.

На стадии достижения *результата* практики субъект имеет возможность оценить эффективность своих действий, все те эмоциональные и рациональные моменты, которые их сопровождали. Практика становится критерием истинности, не всегда окончательным и исчерпывающим, но тем не менее всегда позволяющим сделать оценку истинности обстоятельной и содержательной. Практика не единственный критерий истинности, но один

из главных. В "Тезисах о Фейербахе" молодой Маркс писал: "В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления".

В структуре практики много относительно самостоятельных моментов, значение которых неодинаково. Это находит свое отражение в специфике философских учений. Когда кантианцы анализируют практику, они исходят из активности субъекта. Марксисты переносят акцент на средства практики, придавая им особое значение. Между тем практика есть единое целое, здесь все взаимосвязано. Не всегда вообще уместно "разбивать" практику на определенные моменты и устанавливать между ними субординацию.

Практика, как и все в мире, существует в более или менее развитых формах. Практикой является не только общественное производство, но и всякая человеческая деятельность. Например, процесс индивидуального мышления — это тоже практика. В практике принимают участие не только рабочий и инженер, но и политик, и ученый, короче, каждый человек. Непрактикой является не умственная или какая-либо другая интеллектуальная деятельность, а отсутствие деятельности в ее специфических человеческих качествах. Если природные процессы не вовлечены в сферу деятельности человека, то они не относятся к сфере практики. Часто говорят о необходимости преодоления разрыва между теорией и практикой, получается, что практике противоречит теория. Другая же точка зрения состоит в том, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория. Актуальной задачей является не преодоление мнимого разрыва между теорией и практикой, а развитие практики, наращивание ее эффективности. Хороший практик — это тот субъект, то общество, которое действует эффективно.

Что касается форм практики, то их в соответствии со структурой человеческой деятельности достаточно много. Есть практика экономической, политической, социальной, духовной жизни, практика искусства и науки, языковая практика и т.д. Философия рассматривает практику в категориальном плане, с позиций того общего, что присуще всем формам практики.

Тема практики весьма тесно и органически смыкается с проблемами нравственности. Если человек действует, то ради чего? Знаменитый вопрос *Канта* гласит: "Что есть цель человека?".

Для *Платона* практика есть нравственно благая и к тому же прекрасная деятельность. Свободная воля человека, считали стоики античности, воплощается в добродетели.

Согласно *христианству*, деятельность человека положена Богом и пронизана его благостью. Бог воплощает в себе высшее добро. Бог ведет человека к добру, но чтобы успешно двигаться по этому пути, надо преодолеть разного рода искушения.

Согласно *Ф. Бэкону* и философии Нового времени, практическая деятельность должна быть направлена на облегчение бедствий человеческого существования и достижение благих целей, в особенности согласия между людьми (*Локк*).

Кант идет дальше: он считает высшим достижением практического действия отнюдь не стремление к благим целям, а реализацию основного

нравственного закона. Проблема цели решается в сфере не того, что есть, а того, что должно быть. В этой связи возникают многочисленные аксиологические (ценностные) проблемы.

В *марксизме* историческая поступь практики понимается как реализация диалектики добра и зла. Марксистская программа переустройства мира направлена на достижение коммунистических идеалов, а они, мол, имеют общественно-этический характер.

Гуссерль обеспокоен тем, что практика ведет к забвению исходных жизненных реалий, к которым надо постоянно возвращаться, чтобы избежать всеобъемлющего кризиса. Лишь в этом случае практика достигает своих подлинных целей.

Как видим, в философии есть влиятельные традиции рассмотрения практики как достижения благих целей. Чаще всего философы не склонны понимать практику в русле узкого практицизма, стремления из всего извлечь непосредственную материальную выгоду. Интерес философов явно направлен на реализацию ценностей всеобщего характера, а это и есть добро. Тезис "цель оправдывает средства" критиковали и *Кант*, и *Гегель*, и *Маркс*. Использование неблагих средств неминуемо ведет к достижению неблагих целей.

Добро. Три этики. Личность, проблемы свободы и ответственности

Существует специальный раздел философии, этика, в рамках которого проблема добра и зла рассматривается в деталях. Термин "этика" *Аристотель* образовал от греческого слова "этнос", которое переводится на русский язык как обычай, характер. Современная этика знает много концепций, главными из них являются этика добродетели, этика долга и этика ценностей.

Основные идеи *этики добродетелей* разработал Аристотель. Под добродетелями понимаются такие качества личности, реализуя которые человек осуществляет добро. Считается, что, действуя в соответствии со своими добродетелями, человек неминуемо оказывается нравственным. Зло связано со скудостью добродетелей. Согласно *Аристотелю*, главные добродетели следующие: мудрость, рассудительность, мужество, справедливость. Знаменитый английский математик и философ *Б. Рассел* предлагал свой список добродетелей: оптимизм, храбрость (умение отстаивать свои убеждения), интеллигентность. Новейшие авторы (они не без гордости величают себя неоаристотелианцами) особенно часто указывают на такие добродетели, как разумность, толерантность (терпимость к чужому мнению), коммуникабельность, справедливость, свободолюбие.

В противовес этике добродетелей *Кант* развил *этику долга*. По Канту, идеал добродетели, безусловно, может вести к добру, но он, случается, приводит и к злу — когда им распоряжается тот, в венах которого течет "холодная кровь злодея". Почему это происходит именно так? Потому что в добродетелях добро нашло свое частичное и относительное, не полное выражение. Решающим, основополагающим критерием добра может быть лишь то, что является добром без каких-либо оговорок и ограничений. Критериями добра оказываются моральные законы, максимы типа "Не

убей", "Не лги", "Не используй человека как средство", "Не воруй".
Вернейшей гарантией от злого поступка являются не добродетели, а
имеющие всеобщий, универсальный, обязательный, формальный,
априорный и трансцендентальный характер моральные максимы.

Этика долга имеет и в наши дни многочисленных сторонников, тем
не менее многие критикуют ее за известную отстраненность от жизни и
склонность к догмам. В этой связи была развита *этика ценностей*, согласно
которой существуют только относительные ценности, относительное добро.
И к тому же ценности надо подсчитывать, калькулировать, только так можно
избежать этических химер. Наиболее значительными разновидностями
этики ценностей являются английский утилитаризм и американский
прагматизм.

Английский *утилитаризм* был развит *А. Смитом, И. Бентамом, Дж. С. Миллем*. Латинский термин "утилитас" означает пользу, выгоду. В рамках
утилитаризма важнейшим критерием добра оказывается достижение пользы,
но не во что бы то ни стало, а в соответствии со знаменитой формулой
Бентама: "Наибольшее счастье для наибольшего числа людей". Саму
полезность Бентам понимал как наслаждение при отсутствии страданий.

В американском *прагматизме* (*Ч. Пирс, У. Джемсе, Дж. Дьюи* и др.)
моральное благо понимается как достижение успеха, которое увязывается с
разрешением конкретной проблемной ситуации, с соответствующими
практическими методиками. Прагматисты более определенно, чем
утилитаристы, настаивают на том, что ценности являются результатом
деятельности человека.

Как видим, каждая из трех этик обладает как недостатками, так и
достоинствами. Этика добродетелей концентрируется на понимании
морального облика отдельной личности, этика долга ставит на первое место
всеобщие моральные законы, этика ценностей рассматривает бытие человека
в мире. И первое, и второе, и третье весьма актуально. Поэтому насущной
задачей является синтезирование трех этик, объединение их сильных сторон.

Современность с ее кризисными симптомами ставит перед этикой
довольно трудные задачи. С одной стороны, эти симптомы явно
свидетельствуют о потере решающего звена, каковым, по мысли
знаменитого гуманиста *А. Швейцера*, является этическое начало. С другой
стороны, есть философы, в том числе и знаменитые, например, немец *М. Хайдеггер*
и француз *Ж.-Ф. Лиотар*, которые склонны противопоставить
этике эстетическую непосредственность. По *Лиотару*, современный мир
раздроблен, фрагментарен, многозначен; поиск этического единства
неминуемо приведет к новому тоталитаризму. А потому на смену
старомодным этическим интуициям приходит возвышенное, подлинно
этическое. Добавим к этому, что для нашей, российской действительности
характерно какое-то особо невнимательное, отстраненное отношение к
этике, которую нередко считают прерогативой разве что учителей и
священников, но никак не сильных мужей.

Однако действительно ли этика есть нечто старомодное? Конечно же,
нет. Тезис о старомодности этики в развитых странах Запада
культивировался лет 25 — 30 тому назад, но отнюдь не энергично. Ныне же
проблемы этики разрабатывают авторитетнейшие философы и ученые. Дело,
которым они занимаются, считается и актуальным, и благородным.

Одна из новых этических идей связана с *проблемой соотношения свободы и ответственности личности*. Ожесточенные споры, ведущиеся вокруг проблемы свободы со времен античности, в XX в. приобрели особую остроту. Техногенная цивилизация не позволяет больше игнорировать тезис: "Человек может сделать больше, чем он имеет право". Вопрос ныне стоит ни много ни мало о выживаемости человечества. А значит, необходимо сочетать свободу и ответственность.

Лозунг свободы "Не мешайте действовать" восходит к эпохе буржуазных революций XVII - XVIII вв. Путь к нему проложила критика различного рода феодальных регламентации. Развитие капитализма вплоть до наших дней сопровождается требованиями обеспечения для личности разнообразных "свобод". Свобода стала интерпретироваться как основная ценность буржуазно-либерального общества. Весьма показательна в этом смысле позиция французского экзистенциалиста *Ж.-П. Сартра*, который не делал различия между бытием человека и его свободой. "Быть свободным,— писал он,— значит быть проклятым для бытия-свободы". Его же знаменитое выражение: "Мы приговорены к свободе". Согласно Сартру, человек находится в определенной ситуации, в рамках которой он должен сделать соответствующий выбор. Всякого рода принуждение извне не отменит свободу человека, ибо он всегда имеет поле возможностей для своего выбора. Для Сартра свобода есть абсолютная ценность. Эта позиция была весьма популярной вплоть до последней четверти XX в. Ситуация резко изменилась после появления в 1979 г. книги немецко-американского философа *Г. Ионаса* "Принцип ответственности. Попытка разработки этики для технической цивилизации". С тех пор появилось несколько тысяч публикаций, авторы которых обращали внимание на относительный характер свободы как ценности, на то, что свободу необходимо объединить с ответственностью.

Специалисты установили, что возраст стремительной карьеры понятия ответственности составляет всего чуть более ста лет. основополагающим принципом этики понятие ответственности стало лишь в 80-е годы нашего столетия.

Выделим две концепции ответственности: классическую и неклассическую. Согласно *классической концепции*, субъект действия несет ответственность за его последствия. Как носитель ответственности субъект должен быть самостоятельным и свободным; мы еще раз убеждаемся, что свобода и ответственность взаимосвязаны. Субъект действия должен быть в состоянии предусмотреть последствия своих действий, а это возможно лишь тогда, когда он действует самостоятельно, а не в качестве "винтика". Наконец, субъект действия должен отвечать перед кем-то: перед судом, начальником. Богом или своей собственной совестью. Отвечать (отсюда термин "ответственность") приходится за содеянное, за последствия действий, которые ставят их субъекта в положение обвиняемого. Этика ответственности — это этика поступка; если поступок не состоялся, нет и ответственности. Этику ответственности можно также назвать этикой конструктивности — субъект конструирует свои действия, характер этих действий не задан изначально.

Там, где субъект выступает участником группы, где из-за разделения функций в принципе невозможно предусмотреть последствия своих

действий, необходима новая, *неклассическая концепция* ответственности. Ибо в описанной ситуации, а она встречается в технической цивилизации на каждом шагу, классическая концепция теряет свою применимость из-за того, что условия ее правомерности не выполняются. Субъект действия ответственен теперь изначально не за неудачи своих действий в рамках заданной организационной структуры, а за порученное дело, за успех последнего. Несмотря на все неопределенности, субъект решает задачу правильной организации дела, управления ходом его осуществления; ответственность теперь связана не с абсолютной свободой человека, а с нормами и функциями демократического общества. Не будет преувеличением констатировать, что Классической концепции ответственности соответствует понятие абсолютной свободы автономного субъекта. Неклассическая концепция ответственности имеет своей параллелью свободное общество, с требованиями которого приходится считаться каждому.

Было бы опрометчиво утверждать, что неклассическая концепция ответственности разработана с предельной степенью ясности. Напротив, она насыщена проблемными аспектами, которые ждут своего разрешения. Одна из них — проблема разделения ответственности. Представьте себе, что группа людей делает общее дело. Как определить степень ответственности каждого отдельного субъекта действия? Над этим многие философы, этики, юристы ломают себе голову. Все они понимают, что в современном обществе с его высокой рискоемкостью нельзя экономить усилия на развитие актуальной ответственности.

В заключение данного параграфа обратимся к практической функции философии. Существует старое-престарое заблуждение, что нет ничего более непрактичного, чем философия. Между тем исключение философии из сферы практики, конечно же, несостоятельно. Это особенно очевидно перед лицом этики. Этику часто называют практической философией или этикой поступка. Без этики не может обойтись ни отдельная личность, ни человечество в целом. Кстати, как для женщины, так и для мужчины нет ничего более благородного, чем быть нравственно чистым. Этика — мужское дело в не меньшей степени, чем, например, техника. К этике обращается тот, кто действует. Каждый человек является ее носителем, плохим или хорошим, независимо от своих желаний. К сожалению, многие в своей практической деятельности используют суррогаты философии. И дело тут не в практической слабости философии, а в очевидных упущениях самих субъектов действий. Скольких трагедий и драм могли бы избежать люди, обратившись к практической силе философии. "Только нравственность в наших поступках,— считал *Эйнштейн*,— придает красоту и достоинство нашей жизни".

Единство истины, красоты и добра. Образование и воспитание

Логика предыдущего изложения привела нас к главным ценностям познания (истина), чувственно-эмоционального (красота) и деятельности (добро). Подобно тому как в человеке ум, сердце и воля образуют единство, так едины истина, красота и добро. Но каковы характерные черты единства истины, красоты и добра? Над этим вопросом задумывались великие

философы, ученые, писатели. Причем их мнения далеко не всегда совпадали. Отметим в этой связи характерные тенденции понимания единства истины, красоты и добра.

Все согласны друг с другом в том, что истина, красота и добро (и каждая ценность по отдельности) выражают отличительные признаки истинно человеческого в человеке. Известные разногласия дают себя знать, когда рассматривается связь ценностей друг с другом. Часть мыслителей опасно сближает ценности. "Прекрасное — это законченное выражение Добра. Добро же — законченное выражение Прекрасного", — считал *Р. Тагор*. По *Сократу*, знание, истина есть добро. Категоричен и *Г. Флобер*: "Все, что прекрасно,— нравственно". Другие авторы настроены менее оптимистично: "Что уму представляется позором, то сердцу — сплошь красотой" (*Ф.М. Достоевский*); "Понятие красоты не только не совпадает с добром, но, скорее, противоположно ему, так как добро большей частью совпадает с победой над пристрастиями, красота же есть основание всех наших пристрастий" (*Л.Н. Толстой*). Выясняется, что полное сведение одной ценности к другой несостоятельно. *Паскаль* замечает, что "у сердца есть свой разум, который нашему разуму неизвестен". Ему вторит *Ф. Ларошфуко*: "Уму не под силу долго разыгрывать роль сердца". Все это, конечно, не означает, что нет связи между ценностями. Обращают на себя внимание рассуждения *М.М. Пришвина*: "Может ли быть красота в правде? Едва ли, но если правда найдет свою жизнь в красоте, то от этого является в мир великое искусство". И он же: "Бойся думать без участия сердца". "Нравственность должна быть,— считал *С. Буффле*, равно как и многие другие мыслители,— путеводной звездой науки". Если сведение одной ценности к другой несостоятельно, то это отнюдь не исключает возможности их взаимоусиления.

Не счесть утверждений, в которых в той или иной форме подчеркивается взаимодополнительность истины, красоты и добра, или, что то же самое, ума, сердца и воли. *В. Гюго* писал: "Великая любовь неразлучна с глубоким умом, широта ума равняется глубине сердца; оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца, они же умы. Высота чувств — в прямом соотношении с глубиной мысли. Сердце и ум — две конечности баланса. Опустите ум в глубину познания — вы поднимете сердце до небес". Так рассуждает писатель. Философ видит в этом рассуждении концепцию прямой пропорциональности (*Гюго* говорит о "прямом соотношении") истины и красоты.

Сохраняя пафос *Гюго*, хотелось бы уточнить характер связи истины, красоты и добра. Ясно, что они, дополняя друг друга, образуют нечто вроде положительного единства *В.С. Соловьева*. Встаньте на почву истины, и путеводными звездами засияют красота и добро. Перемещаясь в сторону красоты, вы обнаружите, что она нацеливает на глубокую мысль и нравственную чистоту. Наконец, в стремлении к добру вам весьма кстати окажутся истина и красота. Истина не есть красота, а красота не сводится к добру, но тем не менее каждая из трех ценностей в определенном смысле указывает на другую. *Кант* однажды определил прекрасное как "символ морального добра". Категория символа здесь, на наш взгляд, появилась далеко не случайно. Рассматриваемые три ценности связаны друг с другом отнюдь не простой, а весьма сложной символической связью.

Суть проблемы видится нам в своеобразном *феномене полноты жизни* человека. При всем желании человек никак не может ограничить свое бытие одной из трех сфер: познания, чувства, поступка. В силу этого человек объединяет истину, красоту и добро. Тому (ученый?), кто утверждает, что истина превыше всего, тут же укажут на достоинства красоты и добра. Кто (деятель искусства?) считает красоту вершиной человека, упускает из виду истину и добро. А настаивающий (человек дела, практики?) на приоритете добра не до конца оценил достоинства истины и красоты. Человек достигает полноты жизни в единстве всех ценностей, добываясь их гармонии, взаимоусиления, резонанса.

Разумеется, истина (правда), красота (прекрасное) и добро — это идеалы, рядом с которыми постоянно находятся их антиподы: заблуждение (и ложь), безобразное и зло. К какому полюсу будет стремиться человек — это, естественно, дело его философского выбора, его свободы, его ответственности перед собой лично и перед другими. Беспристрастная философия, реализуя идеал индифферентности, фиксирует рассматриваемые полюса и этим ограничивает свою компетенцию. Скромность — не порок, пороком является отказ от ответственности перед будущим. Подлинная философия не станет прятаться от будущего, она стремится его обеспечить. И именно поэтому философия определяет человека идеально, в контексте идеалов, высших ценностей. Человек — существо вертикальное. Его влекут к себе звезды. В стремлении человека к совершенству надежной ему опорой является образование.

Часто XX век называют веком образования. Ныне образование рассматривается как реализация неотъемлемого права человека. Человек не бывает от природы тем, чем он должен быть, поэтому он нуждается в образовании. Буквально слово *образование* означает формирование. Но формирование не любое, а связанное с усвоением ценностей науки, культуры и практики. Часто образование понимают узко, вне культуры и нравственности, как всего лишь овладение систематизированными знаниями, навыками и умениями (при этом овладение навыками и умениями называют профессиональной подготовкой или просто подготовкой). В этом случае с культурой и практикой связывают воспитание. Воспитание есть культурное и нравственное образование. Философия всегда влияла на развитие систем образования и воспитания. Поскольку данный учебник предназначен для студентов высших учебных заведений, далее рассматриваются некоторые проблемы очень молодой науки (ее возраст не более 20 — 30 лет) — *философии образования*.

Первые университеты появились в Италии, Испании, Франции, Англии в XII - XIII вв. Латинское слово *университас* означает совокупность. В университетах велась подготовка по различным отраслям знания. Мы использовали для характеристики средневековых университетов слово "подготовка" не случайно. В условиях, когда еще не был выработан унифицированный образ науки, университеты вели именно подготовку своих слушателей.

Новое время выработало унифицированный образ науки. Образование стало пониматься как наукоучение. Оно состоит из отдельных дисциплин, по каждой из которых желательно иметь хороший учебник. В основе дисциплинарной организации образования находится представление

классической философии о науке как универсальном, едином знании. Университет стали связывать с усвоением универсального знания, очищенного от эстетического и нравственного. Такая программа вскоре встретила с двумя трудностями принципиального характера. С одной стороны, в немецкой классической философии (*Герbart, Гумбольдт, Гегель*) была показана необходимость культурологического образования, личность должна формироваться не как субъект исключительно науки, а как субъект культуры. С другой стороны, выявилась социальная потребность в специальном образовании, в том числе техническом. Соответствующие реформы были проведены в XIX в., в результате возникли противостояния двойного характера.

Университетское образование противостоит специализированному, а гуманитарное — техническому. Сюда следует добавить, что образование понимается вне воспитания. Поэтому неудивительно, что постоянно раздаются призывы к гуманитаризации системы высшего образования. И с той же частотой фиксируется неудовлетворительное положение дел в этой области. Призыв *А. Эйнштейна* сделать главной задачей образования стремление к нравственности так и остался призывом, не более того.

Сейчас, в конце XX в., нет страны, в которой бы не жаловались на кризис системы образования. Теперь уже очевидно, что односторонние ориентации в образовании недостаточны. Университетскому образованию недостает специализированности, специальному образованию — универсальности и фундаментальности, гуманитарному образованию — практичности, а всем вместе — культуры. Попытки все необходимые составляющие образования собрать в одном вузе также не ведут к успеху. Отдельный индивидуум не в состоянии усвоить все то, чего достигло человечество в целом.

Выход из кризиса системы образования то и дело видят в универсальных рецептах, но это "лекарство", возвращающее к идеалам философии Нового времени, не способно излечить от упомянутых выше недугов. Современная философия опирается на идеалы-ценности, реализующиеся в многообразии наук, личностных установок, культурных и нравственных достижений. В нашей стране демократизация образования, конечно же, давно назрела. Но она не должна быть самоцелью. Идеалы образования те же, что и идеалы философии,— истина, красота и добро. Система образования призвана вести обучаемых кратчайшими путями к •манящей дали этих идеалов, но это уже специфическая задача педагогов. Образование, которое не дополняется правильным развитием чувства и воли, часто является средством достижения неблагих целей. Задача образования состоит не в том, чтобы получить эрудированного человека, он еще должен быть культурным, нравственным и деятельным. Благородная личность имеет то преимущество перед образованным или интеллигентным человеком, что в ней происходит возвышенное взаимообогащение ума, сердца и воли. В результате такого соприкосновения высекается не искра, а пламя человечности.

Изложенное дает необходимые ориентиры для оценки специфики инженерного образования, задача которого отнюдь не исчерпывается тем, что будущего специалиста учат просто-напросто "обращению с железками". Воплотить в металле, в машине ценности человеческой жизни — вот в чем

назначение инженера. Будущего инженера готовят в вузе к выполнению благороднейшей миссии. Читатель, если ты студент, задумайся над тем, какую сложную программу выполняют твои педагоги!

Глава 2.4 Философия общества и история

Пути понимания природы общества

Философия человека и его символической действительности подвела нас вплотную к философии общества. Люди живут совместно, они образуют общество. Философия общества стремится к выяснению природы общества, его особенностей.

Нет такого философского направления, принципы которого не использовались бы — разумеется, не всегда с одинаковой степенью успешности — для раскрытия тайн общества. Например, в платоновском "Государстве" учение об обществе разработано в тесной связи с теорией идей. *Августин* рассматривает общество, "град земной", в свете "града Божьего". Именно этого следует ожидать от средневекового философа. В Новое время *Гоббс* и *Локк* разрабатывают концепцию общественного договора и соответственно договорную концепцию государства. Как было показано в соответствующем разделе историко-философского курса, появление концепции общественного договора и выработка юридического мировоззрения произошли не случайно, а в результате развития философии Нового времени. Позитивизм (*Конт, Спенсер*) с его ориентацией на научное знание способствовал вычленению из философии специальной науки об обществе — социологии, философия жизни и феноменология (*Гуссерль, Шюц*) привели к становлению социологии повседневности.

Историческую справку можно было бы существенно расширить. Однако в данном случае не будем этого делать. В нашу ближайшую задачу входит рассмотрение философии общества в ее современном звучании. Речь пойдет о главных философских подходах к общественной проблематике. Как это уже делалось неоднократно, мы не ограничимся одним философским направлением, а предпримем усилия по синтезу достижений различных философских направлений. К сожалению, в отечественной литературе по философии общества длительное время доминировал марксизм-ленинизм. В наши дни это обстоятельство существенно затрудняет изучение философии общества. В многочисленных учебниках и словарях читателя прямо и исподволь подводили к марксистско-ленинским воззрениям как наиболее правильным. Разумеется, здесь имеет место явное преувеличение достоинств марксизма-ленинизма. Марксизм, неомарксизм, марксизм-ленинизм действительно достигли многого в области философии общества, но и представители других философских и социологических школ не сидели сложа руки. Их успехи также неоспоримы.

Выше уже неоднократно отмечалось, что человек есть единство природного и психологического, что как практическое существо он действует, символизирует себя в продуктах своей деятельности. Отсюда явственно просматриваются возможные подходы к пониманию общества, философские подходы к обществу могут анализироваться как движение от *природы, психики человека, действий человека, продуктов действий человека, дискурса*. Именно эти подходы широко культивируются в современной философии общества.

Философский подход "*от природы к обществу*" лежит в основе *натуралистических концепций общества*. В этих концепциях

подчеркивается особая, детерминирующая специфику общества роль географических (климата, ресурсов полезных ископаемых, флоры и фауны) и демографических (населения) факторов, биологии человека, которая рассматривается в духе дарвинизма и генетики.

Натуралистические концепции общества всегда обвиняли в редуционизме, сведении закономерностей социальной реальности к природным закономерностям. Сторонникам этих концепций трудно отразить такое обвинение. Социобиологи смотрят на общество глазами биологов, они хотят увидеть в социальном биологическое. Но социальное не является биологическим.

Натуралистические концепции общества, безусловно, не бесплодны, они исследуют довольно значимые аспекты взаимосвязи природы и общества. Но указанные концепции не справляются с вопросом о специфике общественного. Поэтому многие исследователи связывают специфику социального не с биологическими, а с более сложными психическими явлениями.

В основе *психологизма* в социологии, социопсихологии лежит простое убеждение, сформулированное, в частности, *Дж.С. Миллем*: "Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами... В общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы человека и могут быть к ним сведены".

На первый взгляд, программа *социопсихологизма* представляется самоочевидной, вполне состоятельной и не могущей не привести к успеху. Но... социопсихология конструирует общество по образу и подобию индивида, а сам индивид рассматривается изолированно от общественных условий, например материального производства. К тому же психология тесно связывает изучаемые ею феномены с физиологией организма. Поэтому она, как правило, ищет детерминанту психологического в физиологическом. Само психическое социопсихология понимает очень узко, как постоянно находящееся в объятиях физиологического. Но психофизиологическим не объяснить феномены культуры и практики.

Наиболее влиятельной школой социопсихологии оказался *инстинктивизм*, прежде всего *фрейдизм*, значение которого сейчас, в наши дни, велико. Инстинктивизм видит истоки социального в инстинктах человека. Число инстинктов, указываемых исследователями, колеблется от нескольких до 15 тысяч. Для Фрейда двумя главными инстинктами являются инстинкт жизни — Эрос и инстинкт смерти — Танатос. По Фрейду, борьба этих инстинктов на фоне гиперсексуальности человека лежит в основе социального бытия. Религия, мораль, социальные чувства призваны ослабить чрезмерную инстинктивную агрессивность людей. Социально и нравственно неприемлемые импульсы вытесняются в бессознательное, откуда они вновь и вновь прорываются, ломая систему норм и запретов цивилизации, "сверх-Я".

Принципиальные положения социопсихологии получили свое дальнейшее развитие в *концепции социального действия* (*М. Вебер, Т. Парсонс*). Социальное действие всегда личностно и осмысленно, оно связывает действующее лицо с другими субъектами. Каждый индивид частично "запрограммирован" существующими социальными нормами, он

оценивает альтернативы, принимает решения и добивается их исполнения. Все общество выступает как система социальных действий. Эту концепцию часто обвиняли в абсолютизации личных отношений в социальных связях. На эту критику отреагировал символический интеракционизм (*Дж. Мид*). Мид отмечал, что взаимодействие (интеракция) может быть символическим актом. Люди реагируют на ожидания тех, кто не присутствует в момент осуществления действия. Да и сами действующие объекты — это символы тех ролей, которые они выполняют. Каждый человек играет определенную роль — врача, ученого, студента. Странники теории ролей любят цитировать следующие слова *Шекспира*:

... Весь мир — театр,
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них есть свои выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.

Я — это сумма ролей, которые усваиваются в результате социального опыта. Индивид формируется в результате социальных взаимодействий — так происходит его социализация. Психическое становится социальным. Представители концепции социального действия весьма неохотно занимаются предметным действием, к рассмотрению которого мы и переходим. Речь идет о предметном действии и его продуктах. *Теория предметного действия* разработана *К. Марксом*. Она проливает дополнительный свет на проблему социального.

Маркс всегда подчеркивал своеобразие и самостоятельность общества как совокупности общественных отношений. Какова природа общественных отношений? По Марксу, люди вступают в отношения в процессе общественного производства. В сфере материального производства дело обстоит таким образом: в продуктах труда в результате производственной кооперации следы индивидуального как бы "смываются". В итоге получается безличное, общественное. Выходит, что за появление общественного ответственен символический характер деятельности человека, не просто одного человека, а многих людей, обменивающихся продуктами своей деятельности.

Пятая концепция понимания природы общества является следствием "лингвистического поворота" в философии XX в. Мысль такая: если язык есть главная отличительная черта человека, то он, надо полагать, определяет и лицо общества. В этой связи *Ю. Хабермас*, один из ведущих современных философов, реализует следующую логику рассуждений. Как показали англичане *Дж. Остин* и *Дж. Серл*, высказывания являются, кроме всего прочего, речевыми актами, они показывают, какую роль играет говорящий. Решающая мысль Хабермаса состоит в том, что правила речевой коммуникации, будучи критически рассмотренными, после достижения определенного согласия между участниками дискурса принимаются в качестве правил совместного действия. *Дискурс* — это совместное, основанное на дискуссии мероприятие по выработке правил общежития. Общество выступает как коммуникативно-дискурсивное целое, которое возможно лишь там, где торжествуют открытость, демократичность, критичность.

Мы рассмотрели шесть подходов к выяснению природы социального, общественного, а значит, и общества. Фактически мы занимались проблемой, которая стоит в центре философско-социального знания и которая вызывает у философов и социологов головную боль: *как возникают системные характеристики, выражающие специфику социального?* Но как вообще возникают системные свойства? В результате взаимодействий. Однако можно ли предсказать системные свойства, если известны свойства взаимодействующих агентов? Трудно. Приведем простейший пример: зная свойства молекул кислорода и водорода, физики и химики не умеют выводить аномальную зависимость плотности воды от температуры. Можно ли вывести из свойств отдельных людей характеристики таких общностей людей, как нации, классы? Пока философы и социологи на поставленный вопрос вынуждены ответить отрицательно. И это на фоне полной уверенности в том, что *общество есть системное образование, содержащее различные уровни организации*. На уровне элементов общества самый тщательный анализ не может обнаружить ничего иного, кроме отдельных людей с их духовным миром, символической деятельности людей и, наконец, продуктов этой деятельности. Но так обстоит дело на уровне элементов общества, его субъектов. Когда же рассматриваются системные свойства общества, то в поле зрения исследователя попадают коллективы и социальные группы людей, общество в целом. В таком случае говорят об общественной психологии, общественном сознании, общественном интеллекте, общественных формах деятельности. Речь идет о действительных системных образованиях членов данной нации. Язык, культура, наука — это системные образования.

Итак, *общество — это системное образование, совместная жизнедеятельность людей. Социальное — это системные характеристики общества.*

Социальное. Структура общества

Латинское слово *социалис* переводится как общественный. Социальное — это все то, что характеризует совместное существование людей и отлично от их природной физико-биологической основы. Социальное возникает как системная характеристика, как интегральный эффект непосредственного или опосредованного взаимодействия людей. Вне этого взаимодействия социальное не существует.

Носителями социального выступают люди и продукты их символической деятельности. Социальное является свойством любой личности и усваивается индивидуумом, а это означает, что он социализируется. Понимание процесса социализации личности многое объясняет, например, относительно природы сознания отдельного человека. Когда отдельный человек рассматривается вне социальных, общественных отношений, его сознание выступает как нечто сугубо психическое, детерминируемое нейрофизиологическими процессами. Социализация же выступает как влияние человека на других людей, это влияние "возгоняет" психику человека, переводит ее на новый, общественный уровень, который как бы уводит сознание человека от нейрофизиологических процессов. Связь между сознанием человека и нейрофизиологическими процессами всегда

есть, но по мере развития социализации человека она становится все более и более слабой.

На своем микроуровне общество выступает как совокупность индивидов, взаимодействующих между собой и поэтому находящихся в определенных связях и отношениях. Но общество не исчерпывается своим микроуровнем. Общество состоит не только из своих элементов (отдельных людей), но и из макроструктурных единиц профессионального, демографического, экономического, политического, мировоззренческого содержания. Все макроструктуры, начиная от малых групп людей и коллективов и вплоть до наций, народов, классов и других общностей людей максимальной широты, определенным образом соотносятся друг с другом.

В социологии нет, пожалуй, ничего более сложного, чем понимание природы макросоциальных единиц и их взаимодействия между собой. Природа структурных единиц общества кажется весьма причудливой уже потому, что у них нет какой-то общей головы и общего тела, между тем есть общее сознание. Макросоциальные образования состоят из отдельных людей, но эти люди разъединены пространственно и, вроде бы, не составляют единства. Секрет загадочности природы макроструктурных единиц общества, как, кстати, и общества в целом, состоит в системном характере этих единиц и общества, в постоянном воспроизведении их как некоторых интегральных эффектов.

На основе психики и сознания отдельных индивидуумов образуется психика и сознание социальных групп людей. Социальные макроструктуры обладают психикой и сознанием не потому, что у них есть какая-то загадочная, былинных размеров голова, а потому что они выступают системным образованием по отношению к отдельным индивидуумам. Читатель имеет возможность выявить системный характер языка, культуры, практики, искусства, науки, этики.

Если рассматриваются системные характеристики, то крайне важно не упускать из виду присущую им внутреннюю динамичность. Системы часто представляют себе как нечто спокойное, максимально устоявшееся, с малым числом структурных единиц, короче, по подобию солнечной системы планет. Между тем социальные системные образования состоят из большого числа единиц. Так, число членов классов, наций исчисляется миллионами людей. Число же присущих людям эмоций и мыслей, формулируемых ими высказываний — мириадами. В таких сложных системах, как человеческое общество, системные эффекты возникают в результате "скрещивания" многих индивидуальных агентов. Системное выступает как новое, в котором во взаимодополняемом единстве присутствуют хаос и порядок. Выделяются некоторые параметры порядка, *аттракторные доминирующие состояния*. Именно на их базе вырабатываются нормы культуры, искусства, этики, языка, усваиваемые максимальным числом членов данной социальной группы. Но жизнь общества не останавливается, возникают новые импульсы, новые аттракторы, притяжение к которым разрушает старые параметры порядка. Выражаясь метафорически, классика сменяется модернизмом, модернизм — постмодернизмом. Верно, что общество есть система, но это особая система, система со сложной динамикой своих интегральных эффектов.

Отметим особо, что социальное (общественное) никак не

исчерпывается социально общим. Члены данной социальной группы обычно имеют много общего (привычки, традиции, способы мышления и т.п.), но они и отличаются друг от друга, будучи вместе с тем членами одной и той же социальной группы людей. Социальное — это системный эффект, для которого характерно как общее, так и особенное.

Возможна ли наука об обществе? Роль рациональности в развитии общества

Философия стремится к выделению предельных оснований всякого знания, в том числе и знания об обществе. Очевидно, что знание об обществе существует, но образует ли оно науку — вот в чем вопрос.

Всегда были и в настоящее время есть философы, которые ставят под сомнение существование науки об обществе. Логика их аргументации такова. Человек в отличие от неживых объектов обладает свободой воли, он, регулируя свое поведение, может вести себя непредсказуемым образом. Обладание человеком свободой воли несовместимо с существованием законов социальных явлений. В силу своего творческого отношения к миру человек избегает участи подпадать под действие научных законов, нет необходимости признавать существование науки об обществе. Как выяснится в дальнейшем, эта логика не во всем убедительна. Рассмотрим в этой связи, как уточнялись воззрения на существование науки об обществе. Для начала обратимся к двум философским направлениям, представители которого не ставят под сомнение существование законов общества. Мы имеем в виду марксизм и структурализм.

Марксисты считают, что законы общества существуют и к тому же они независимы от сознания и свободы воли отдельных людей. В общественном бытии, например в общественном труде, индивидуальные особенности отдельных индивидуумов сглажены, они теперь не существуют в виде самостоятельных сил. К тому же следует учесть, что общественное бытие заметно превосходит по своей значимости значение отдельных людей. Тем самым внимание с отдельных людей переносится на результаты их деятельности. Так, согласно *Марксу*, экономическое содержание эпохи определяется прежде всего состоянием средств производства, технической инфраструктуры общества, а не свободной волей человека. Но техника объективна не менее, чем явление природы. Значит, законы общества существуют с такой же железной необходимостью, что и законы природы.

Сходным путем идут многие *структуралисты*. Они заняты поиском объективных, не зависящих от воли людей структур, выступающих в роли законов. Следует заметить, что марксисты и структуралисты, добившись успехов в обнаружении законов общества, тем не менее испытывают трудности в характеристике особенностей индивидуумов, всего, что связано с их намерениями, мотивами действий и, наконец, самими действиями.

Во второй половине XX в. интересующие нас проблемы стали обсуждаться в свете известного "лингвистического" поворота в философии, авторами которого явились *логические позитивисты* и *сторонники аналитической философии* позднего Витгенштейна. Состояние науки об обществе стали рассматривать с позиций уяснения связей между высказываниями. В 1942 г. *Гемпель* обратился с призывом к обществоведам перенять ту модель дедуктивного объяснения, что принята в науке о

природе, где выводное знание получается в результате подведения под закон конкретных данных. То и другое фиксируется соответствующими высказываниями. Можно привести такой пример:

Общее высказывание: преступление наказуемо.

Высказывание о факте: Петров совершил преступление.

Вывод: Петров за совершение преступления должен быть наказан.

Однако часть сторонников философии позднего *Витгенштейна* в противовес логике Гемпеля утверждали, что существует много корректных форм использования языка, а значит, поиск одной-единственной схемы объяснения, пригодной как для науки о природе, так и для науки об обществе, несостоятелен. В последующих многочисленных дискуссиях, которые продолжаются и поныне, весы склоняются то в одну (науки об обществе строятся по тем же образцам, что и науки о природе), то в другую (статус наук об обществе принципиально другой, чем статус наук о природе) сторону. Примирения двух указанных позиций так и не удалось добиться, между тем нельзя не видеть, что они в ходе истории не раз приводили к взаимообогащению наук о природе и наук об обществе. Так, в XX в. эмпирические и математические методы, прежде характерные лишь для наук о природе, были распространены и на сферу обществознания.

Весьма решительно ведут исследование общества так называемые эмпирические социологи, использующие методы тестирования, интервьюирования, социального экспериментирования. Оказалось, что не без успеха можно исследовать любые проявления личности, например ее установки. Полученные данные обрабатывают математически и получают в итоге некоторые социологические картины изучаемых явлений. Перед нами программа исследования общества нео- и постпозитивистского толка: эксперименты, гипотеза, обработка данных. Есть возможность полученные данные описать математически, иногда довольно компактными формулами. Тем не менее того математического изящества, которое царит в физике, в социологии (равно как и в биологии!) нет. Никто не знает точно, почему социологические данные в своей математической оформленности существенно уступают в изяществе физическим формулам.

С другой стороны, после того как методы математики стали широко использоваться в экономических науках, выяснилось ранее бывшее неизвестным сходство законов природы и общества. Возьмите понятие математического предела. В физике оно необходимо для понимания природы мгновенной скорости, а в экономике — для описания феномена стоимости.

Противники противопоставления законов общества и природы имеют еще один сильный аргумент. Они указывают, что аналогом своеволия личностей в природе является вероятностное поведение частиц. Там, где физик описывает поведение большого числа частиц, он вынужден использовать статистические закономерности. Поведение каждой отдельной частицы описывается вероятностным образом. Аналогичным образом поступает и социолог: поведение отдельной личности он описывает вероятностным образом, а поведение большого числа людей статистически. Таким образом, при всем их различии науки о природе, с одной стороны, и

науки об обществе, с другой стороны, имеют много сходного.

Что касается герменевтических методов, ориентирующихся не на объяснение, а на понимание, то их развитие усилиями *М. Вебера*, *Т. Парсонса* привело к становлению так называемой *понимающей социологии*. Казалось бы, этим получила окончательное подтверждение позиция *В. Дильтея*, который подчеркивал, что "природа чужда нам..., общество же — наш мир... ". Но это впечатление обманчиво хотя бы уже потому, что науки о природе являются уделом людей: физики должны понимать друг друга в не меньшей степени, чем социологи. Любая наука есть форма деятельности людей, в которой феномен понимания занимает одно из центральных мест.

Итак, возможна ли наука об обществе и человеке? Да, возможна, причем в силу достаточно очевидного факта, а именно: человек изучает общество, упорядочивает свои знания, а это и есть путь науки. Так называемая свобода воли человека не является преградой для ученого, кроме всего прочего он изучает и эту свободу. Нет таких тайн общества или души человека, которые не могла бы изучить наука. Границы науки об обществе определяются не тем, что она бессильна в изучении каких-либо присущих обществу феноменов, а тем, что она, строго говоря, не является искусством и практикой. Науке нет равных там, где идеалом являются успехи познавательной деятельности, т.е. истина.

Трудно переоценить роль *научной рациональности*, характерной для нее совокупности норм и методов для развития общества. Именно наука обеспечивает проникновение человеческой мысли в понимание таких слоев реальности, которые недоступны обыденному сознанию. Нет такой сферы жизнедеятельности общества, в которой бы опора на научный анализ, прогноз, выработку стратегии и плана будущего развития не обеспечила бы успех дела. Ныне едва ли не все коренные проблемы устройства жизнедеятельности общества, анализа гуманных последствий предпринимаемых мер решаются на основе науки. Научная рациональность стала непреходящей ценностью всякого развитого общества.

Научная рациональность — это, как принято считать, высший тип рациональности. Рациональность часто понимают в более широком, чем просто наука, контексте. В таком случае рациональность понимается обычно как целесообразность, действие в соответствии с определенными правилами, нормами, ценностями. Поясним сказанное на примере плодотворной классификации действий людей, введенной в социологию *М. Вебером*.

М. Вебер выделял четыре типа социального действия: аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное. Главное в *аффективном действии* — это стремление к удовлетворению страсти, во власти которой находится индивид. Далекое не всегда аффективное действие осмысленно, продуманно. *Традиционное действие* выступает как форма подражания образцам поведения, закрепленным в традиции и не подлежащим научной критике. *Ценностно-рациональное* действие ориентируется на веру в самодостаточность некоторых ценностей, на основе которых вырабатывается конкретная программа действий. Исходные ценности могут восприниматься некритически и, следовательно, иррационально; сама же программа действий имеет сквозную рациональную природу. Наконец, *целерациональное действие* характеризуется ясностью осознания действующим субъектом своей цели, достижение которой

осуществляется опять же по четкой, рационально осмысленной программе. Таким образом, последовательность: аффективное действие — традиционное действие — ценностно-рациональное действие — целерациональное действие характеризуется нарастанием моментов рациональности. Самой рациональной моделью поведения оказывается целерациональное действие.

Многочисленные обсуждения веберовской классификации действий привели к представлению, что в наиболее эффективных социальных структурах действия всех четырех типов органически сплетаются друг с другом. Это означает, в частности, что применительно к обществу рациональное дополняется учетом иррационального. Нет необходимости противопоставлять рациональное и иррациональное, они взаимодополняемы и, следовательно, содержат в себе возможность взаимообогащения.

Философия истории. Многообразие культур, цивилизаций. Запад—Россия—Восток

Греческое слово *история* означает рассказ о прошлом, о том, что действительно было. Уже в античности возникла традиция рассматривать историю как тип универсального знания о прошлом. При этом прошлое связывается с настоящим и будущим. Возникает комплекс сложных философских вопросов. Как возможно познание прошлого? Какова связь прошлого, настоящего, будущего? Имеет ли история народов единый универсальный смысл? Поставленные вопросы дают представление о философии истории. Главные интересы философии истории связаны с познанием направленности и необратимости исторического движения. Какое место занимает человек в драматической поступи истории? Этот новый вопрос также вряд ли оставит равнодушным кого-либо. Человек — историческое существо, он погружен в бег времени, чувствует и знает это. Человек не может не испытывать интереса к своей исторической участи. С учетом изложенного выше мы рассмотрим вопрос о смысле истории, главные философские подходы к разрешению этого вопроса. Нам предстоит в очередной раз осмыслить мир не просто сиюминутно, а в широком историческом плане.

Греки воспринимали мир эстетически, как завершенный Космос с его гармонией и цикличностью. Везде они видели *круговорот*, касалось ли это Космоса или жизни человека. *Античную концепцию истории* в лаконичнейшей поэтической форме выразил *Софокл*:

Нынче горе, завтра счастье —
Как Медведицы небесной
Круговой извечный ход.

(*"Трахинянки"*)

Круговое движение — это геометрический образ вечности (круг не имеет ни начала, ни конца) и временности (в своем движении человек всегда находится "где-то", в данном "теперь"). Согласно крупнейшим античным философам, во взаимоотношении вечности и времени приоритет принадлежит вечности. Время, по *Платону*, есть образ вечности. Античная философия истории, согласно *А.Ф. Лосеву*, есть философия вечного

становления, вечного возвращения, периодических мировых пожаров (*Гераклит*), душепереселения и душевоплощения (*Платон*). Склонные к обобщениям античные философы везде видели правильное чередование, но оно воспринималось ими отнюдь не как нечто безжизненное, о чем свидетельствует античная трагедия с ее особым вниманием к драматическим и трагическим моментам человеческой истории. Но для древних греков трагедия не имеет того универсального значения, что для древних евреев. Последние выявили конец и начало мировой истории. Так возникло эсхатологическое понимание истории. Эсхатология — это учение о конце истории.

Христианская философия истории преодолевает античную идею круговорота. Первый приход Христа, его казнь, ожидаемое второе пришествие — это узловые пункты истории, временности человека, который до своего грехопадения находился в царстве вечности (никто не старел, никто не умирал) и который, пройдя сложный путь очищения от совершенных им грехов, способен вернуться в вечность. История имеет конечный пункт, но он достижим лишь в том случае, если человечество станет Богочеловечеством. История, замыкающаяся на конечный пункт, находящийся пока в будущем, наполнена смыслом, о чем многократно писали среди других и русские философы (*В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев* и др.). Истолкование происходящих процессов, особенно кризисного характера, получает христианско-эсхатологическую интерпретацию. Христианская философия истории органично связана с провиденциализмом, согласно которому миром правит Божественное провидение. В концепции провиденциализма, которая нашла свою первоначальную разработку у *Августина*, история есть систематическая реализация Божьего плана управления миром.

В эпоху Возрождения и Просвещения концепциям провиденциализма противопоставляют *рациональные объяснения исторических фактов*. На место Божественного провидения ставятся понятие естественного закона истории и понятие прогресса. Историческое развитие всех народов подчиняется, по *Вико*, единому закону. Все народы проходят одинаковые стадии развития: первобытное варварство, феодализм ("век героев"), эпоху городов, юридических законов и разума (век цивилизации). По завершении этого цикла развитие возобновляется и проходит те же стадии и в той же последовательности, но на более высоком уровне. Развитие идет по спирали, т.е. оно прогрессивно и бесконечно. У истории нет конечной точки, поэтому у нее нет вневременного смысла. *Гердер* дает наиболее цельную, философски обобщенную картину развития человечества эпохи Просвещения. Для него история есть "закономерное развитие культуры". Влияние Гердера было огромно, оно заметно и у *Гегеля*. Для последнего история есть закономерное развитие абсолютной идеи в духе. Субстанция духа — свобода. Прогресс фиксируется развитием искусства, науки, религии, философии.

Маркс также сторонник прогресса. Для него критерием поступательного развития общества является уровень производительности общественного труда. Прогресс производительности труда и средств производства приводит к революциям, смене одних общественно-экономических формаций другими. В марксистских вариантах философии

истории весьма популярна так называемая , "пятичленка", согласно которой общество проходит в своем развития первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Марксисты видят смысл истории в максимальном общественном развитии, вследствие которого все более свободным становится каждый член общества. Марксистская концепция философии истории встретила с большими трудностями, истоки которых критики марксизма видят в потере человека. Недопустимо сводить человека к несубъективным факторам производства. Ведь последние в конечном счете просто не имеют самостоятельного значения: средства производства — это символы самих людей. Смысл истории содержится поэтому не в средствах производства, а в том, что они символизируют. А символизируют средства производства духовную жизнь общества.

В XX в. концепция линейного развития общества неоднократно подвергалась уничтожающей критике, особенно у Шпенглера. *О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин* развивают идею *локальных обществ*. Указанные авторы выдвигают типы обществ, которые обладают своеобразными особенностями, не позволяющими представить историю в виде линейного процесса. Для *Шпенглера* существует восемь культурных организмов: египетский, индийский, китайский, западноевропейский и т.п. Возникнув, организм выступает как культура. Культура умирает, переходит в цивилизацию. Высшая ценность — это культура, творчество. На стадии цивилизации культура вырождается, она становится массовой, господствуют техника, политика, спорт. Смысл истории полностью определяется наличной стадией общества.

Для *А. Тойнби*, который не противопоставляет цивилизацию культуре, каждая цивилизация проходит в своем развитии стадии возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет. К настоящему времени сохранилось лишь пять основных цивилизаций — китайская, индийская, исламская, русская и западная. Движущая сила развития цивилизации — творческое меньшинство. Прогресс человечества Тойнби видит в его духовном совершенствовании, в частности в религии. Для Тойнби смысл истории состоит в реализации нравственного и творческого человеческого достоинства в ответ на внешние для человека вызовы.

П. Сорокин также противник концепции линейности исторического развития. Он, однако, не ограничивается социологическим анализом различных культур. В оценке их своеобразия он исходит из системы ценностей, которые позволяют ему систематизировать обширнейший социологический материал. Для *П. Сорокина* главные ценности — это истина, красота, добро и их единство — польза. Любую человеческую активность можно объяснить посредством универсальных ценностных категорий.

Анализ хода истории показывает, что он не противоречит едва ли не общепризнанной формуле "единство мира в его многообразии". Развитию и эволюции общества присущи две противоположенные тенденции — движение к единству и движение к многообразию. Ученые спорят о том, являются ли эти две тенденции равноправными, но, как правило, сходятся во мнении, согласно которому общественная динамика привела к вызреванию новой планетарной Цивилизации. При всем плюрализме современных

цивилизаций и культур контакты между ними становятся все более многосторонними, философские, экономические, социально-политические токи идут как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад. Капитализм шагнул из Европы в Северную и Южную Америку и на Восток (Япония, Индия, страны Юго-Восточной Азии). В то же время восточные способы организации производства, например японский опыт управления фирмами, внедряется в страны Запада. Взаимостимуляцию Запада и Востока можно проследить в самых различных областях жизнедеятельности общества — от экономики до религии. Нас же в данном случае интересует часто обсуждаемая проблема "Запад — Россия — Восток". Россия в силу исторических и географических факторов, в частности обширности своей территории, не вмещается в узкие рамки изоляционизма. Судьба России — это путь с Запада на Восток и с Востока на Запад. От этой судьбы не уйти. К тому же следует учесть, что в силу бурных перемен, происходящих в России, ее будущее вполне резонно связывать с уяснением проблемы Запад — Восток и места в ней российской компоненты. Кто мы, россияне, — европейцы, азиаты, евразийцы?

Для дальнейшего определимся более точно с терминами "Запад" и "Восток". Истоки "Запада" видят в античности и в выходе на мировую арену Рима, многие черты римского менталитета были усвоены Западом. Для Запада характерны рационализм, христианская традиция (в основном протестантизм и католицизм), просветительство, представительная демократия, приоритет индивидуалистического начала перед коллективистским, развитая научно-техническая составляющая. Для Востока же характерны мистерия, интуитивизм, буддистская и исламская (и другие) религиозные традиции, традиционализм, приоритет коллективного перед индивидуалистическим, общинность, особый тип государственности, для которого типично отсутствие равенства в свободе по всеобщему закону.

Наши определения Запада и Востока не следует привязывать жестко к конкретным странам. Понятия "Запад" и "Восток" не являются географическими терминами, они характеризуют возможный тип интерпретации многообразия цивилизаций и культур. А это означает, что конкретная страна может в ходе своего развития приобретать характерные черты как Запада, так и Востока. Например, Японию XVIII в. можно, пожалуй, отнести к Востоку. Япония же конца XX в. завоевала себе достойное место и в рамках Запада.

Что же касается России, то в ней, как известно, есть все: здесь легко обнаружить как западные, так и восточные корни, которые, впрочем, слишком часто разобщены. Видимо, именно в этой разобщенности заключаются истоки тех конфликтов мнений, которые одолевают россиян при обсуждении проблемы "Запад — Россия — Восток". "Каково наше место в мире и каким мы хотим его видеть в будущем?" — вот в чем вопрос. "Кто мы" и "Что нам делать"? Ясно, что на поставленные вопросы разные ответы дадут "западник" и "славянофил", "либерал" и "почвенник". Между тем все едины во мнении, что Россия должна способствовать диалогу Запад — Восток и на этой основе вырабатывать арсенал своих собственных ценностей, органично сочетающихся с идеалами гуманизма, бережного отношения к природе, свободного, справедливого и безопасного мира, практичности.

Каковы те главные принципы, свет которых укажет дорогу вперед россиянам, равно как и всем ныне живущим? Универсального ответа на поставленный вопрос, видимо, нельзя дать, но мы всегда будем стремиться к его разрешению. Здесь нет другого пути, кроме полноценного философствования. В деле спасения мира философия представляет собой отнюдь не лишнее средство.

Глава 2.5 Философия природы

Исторические формы отношения человека к природе

Под природой обычно понимают несоциальное. В царство природы не включается лишь то, что сущностно выделяет из универсума человека и общество. В связи с этим часто говорят о соотношениях "природа и общество", "человек и общество". Общество и человек имеют определенную природную основу бытия, но в своей специфике они не являются частью природы. Часто используемое выражение "вторая природа", т.е. "очеловеченная природа", может ввести в заблуждение. Как бы ни манипулировал человек природой, она остается сама собой. Человек не способен создать вторую природу, но он придает ей символическое значение. Вторая природа — это не что иное, как природа в ее символическом значении.

Весьма близки по своему значению понятия "природа" и "материя". Материя — это объективная реальность. Материя в отличие от природы не содержит психические явления мира животных, в остальном природа и материя совпадают. Есть, впрочем, еще один оттенок, по которому различаются природа и материя. Когда используется понятие "природа", то обычно предполагается некоторое отношение человека и общества к внешнему окружению. Другими словами, понятию природы придается более яркий прагматический смысл, чем понятию материи. По этой причине нам привычны высказывания типа "отношение человека к природе" и режет ухо высказывание типа "отношение человека к материи". *Аристотель* противопоставлял материи форму. В таком значении понятие материи используется ныне весьма редко.

Природа в силу своей непреходящей значимости всегда являлась предметом философского анализа.

Античная философия строится на примате природного. Выдающиеся древнегреческие философы воспринимали природу как полноту бытия, эстетически прекрасное, результат целесообразной упорядочивающей деятельности демиурга (*Платон*). По своей мощи природа неизмеримо превосходит человека, выступает идеалом совершенства. Благая жизнь мыслится не иначе, как в согласии и гармонии с природой.

Средневековая *христианизированная философия* развивает концепцию ущербности природы как результата грехопадения человека. Неизмеримо высоко над природой стоит Бог. Человек, развивая свои духовные силы, стремится к возвышению над природой. Свои намерения по возвышению над природой человек может осуществлять разве что по отношению к собственному телу (умерщвление плоти), ибо в глобальном масштабе он в средневековье подчинен природным ритмам.

Возрождение, вроде бы возвращаясь к античным идеалам понимания природы, дает им новое толкование. Выступая против средневекового резкого противопоставления Бога и природы, возрожденческие философы их сближают и довольно часто доходят до пантеизма, до отождествления Бога и мира. Бога и природы. У *Дж. Бруно* Бог стал просто-напросто природой. Античные философы в силу указанных выше оснований не могли быть пантеистами. Впрочем, они часто выступали с позиций *гилозоизма*, считая

Космос живым (гиле — жизнь) целым. Возрожденческая философия фактически реализовала лозунг "Назад к природе". Она это сделала в силу культивирования чувственно-эстетического идеала философии. Впоследствии лозунг "Назад к природе" будет приобретать популярность по политическим (*Руссо*), экологическим (движение "зеленых") и другим основаниям.

В *Новое время* природа впервые становится объектом тщательного научного анализа и вместе с тем поприщем активной практической деятельности человека, масштабы которой в силу успехов капитализма постоянно нарастают. Относительно низкий уровень развития науки и вместе с тем овладение человеком мощными силовыми агентами природы (тепловой, механической, а затем и электрической энергией) не могли не привести к хищническому отношению к природе, преодоление которого растянулось на века, вплоть до наших дней.

Необходимость такой организации взаимодействия общества и природы, которая отвечала бы нынешним и будущим потребностям развивающегося человечества, была выражена в концепции *ноосферы* французских философов *Тейяра Эе Шардена* и *Е. Ле-Руа* и русского мыслителя *В.И. Вернадского*. Ноосфера — это область господства разума. Концепция ноосферы была развита в начале 20-х годов XX в., впоследствии ее концептуальные идеи получили детальную разработку в особой науке — экологии.

Наша краткая историческая справка показывает, что человек всегда находился и находится в определенном соотношении с природой, которое он определенным образом интерпретирует. Человек изначально находится в условиях, когда в силу самого факта своего существования он постоянно вынужден проверять природу на "человечность". С этой целью он использует все доступные ему средства как интеллектуального, так и предметного содержания. Совершенно очевидно, например, что в изучении животных исследователи вынуждены использовать более разносторонние методы, чем при изучении неживой природы. Это объясняется тем, что животные в отличие от камней обладают психикой, которую изучает специальная наука, зоопсихология. Научная и практическая деятельность человека свидетельствует о том, что человек способен познавать природные явления и регулировать свои взаимоотношения с ними.

На наш взгляд, есть четыре фундаментальных факта, которые выражают "человеческое лицо" природы.

Во-первых, природа такова, что она обладает возможностью порождения человека. Из физики известно, что фундаментальные структуры бытия характеризуются так называемыми константами: постоянная Планка, скорость света, гравитационная постоянная и другие. Выяснено, что если бы эти константы были хотя бы в незначительной степени другими, то устойчивые структуры типа человеческого тела не могли бы существовать. В отсутствие человека некому было бы познавать природу. Вселенную. Вселенная такова, что возникновение человеческой жизни оказывается постоянной возможностью.

Во-вторых, человек рождается "из природы". На это указывает хотя бы процесс деторождения.

В-третьих, природная основа человека есть тот фундамент, на

котором только и возможно появление неприродного, т.е. специфически человеческого бытия, психики, сознания и т.п.

В-четвертых, в природном материале человек символизирует свои неприродные свойства. Вследствие этого природа становится фундаментом общественной, социальной жизни.

Чтобы обеспечить свое существование, человек должен как можно больше знать о природе.

Происхождение Вселенной. Уровни организации универсума

Физики, космологи, астрономы обнаружили целый ряд явлений, которые они пытаются объяснить на основе единой модели. Известно, например, что Вселенная в каждой точке находится в состоянии расширения. Но она расширяется не куда-то, а просто увеличивается в размерах. У Вселенной нет центра, от которого могли бы удаляться галактики. Почему "все разбегаются", ведь между галактиками существуют не силы отталкивания, а силы притяжения: это всем известные силы гравитации. Ответ ученых гласит, что 18 миллиардов лет назад произошел Большой взрыв, в результате которого в процессе охлаждения Вселенной возникли элементарные частицы, тела, звезды, планеты и, наконец, человек. Взрыв произошел в силу особых свойств вакуума. Не теперешнего вакуума, который, как известно, также обладает весьма причудливыми свойствами, а вакуума, существовавшего до Большого взрыва. По мере остывания космический материал испытывал последовательные фазы перехода. Жизнь возникала в холодной Вселенной.

Холодная Вселенная привела к формированию уровней организации природы (материи), которые образуют некоторую иерархию: элементарные частицы, атомы, молекулы, макротела.

Уровни организации неживой природы следующие: вакуум, элементарные частицы, атомы, молекулы, макротела, планеты, звезды, галактики, системы галактик, метагалактика.

Уровни организации живой природы: доклеточный уровень (ДНК, РНК, белки), клетки, многоклеточные организмы, популяции, биоценозы.

Уровни организации природы выражают ее строение, структуру. Но каждый объект природы активен, в силу чего он способен к движению, изменению. На фундаментальном уровне материи, т.е. в вакууме и мире элементарных частиц, активность выступает как взаимодействие частиц, в результате которого нарождаются новые частицы. Существуют четыре типа взаимодействия элементарных частиц: слабые, ядерные, гравитационные и электромагнитные. Гравитационные и электромагнитные взаимодействия известны человеку с незапамятных времен, а вот ядерные и слабые взаимодействия попали в поле его зрения лишь в XX в. Физики стремятся найти теории, которые бы единообразно описывали как можно больше типов взаимодействий. Сначала им удалось объединить электромагнитные и слабые взаимодействия, представить их частными случаями электрослабого взаимодействия. Впоследствии электрослабые взаимодействия объединили с ядерными взаимодействиями. Делаются попытки описать все четыре типа взаимодействий одной теорией, так называемой *единой теорией поля*.

В микромире взаимодействие выступает как обмен переносчиками

взаимодействий, сопровождаемый рождением новых частиц. Если же взаимодействие происходит в макро- или мегамире, то взаимодействие имеет особо сложный механизм, ибо в нем участвуют мириады частиц. Во всех случаях происходящие в мире неживой материи процессы всегда имеют своей причиной взаимодействие. Взаимодействие — это способ существования материальных объектов неживой природы. В области живой природы также ничто не сможет осуществиться без взаимодействия, но здесь следует учесть влияние на ход событий психики животных. Это влияние возможно постольку, поскольку взаимодействие нагружается символическими моментами. Процесс взаимовлияния особей богаче их физического взаимодействия. То же самое, но, естественно, в другом контексте, справедливо и применительно к социальной жизни людей. Здесь сложные процессы взаимодействия людей также не исчерпываются материальными взаимодействиями.

Иерархия структур в мире природы фиксируется выделением уровней организации универсума. Иерархия взаимодействий приводит к существованию различных форм движения: физической, биологической, социальной. Склонный к систематизации исследователь всегда найдет соответствие между уровнями организации мира и соответствующими им формами движения материи.

Как уровни организации, так и формы движения универсума образуют иерархии соподчинения. Высшая форма движения возникает на базе низшей в результате появления системных свойств. Биологические явления обладают свойствами, не присущими физическим процессам. Соответственно социальные явления отличаются от биологических. Высший уровень организации или высшая форма движения обладает по отношению к своим исходным основам относительной самостоятельностью, своеобразием. С учетом этого попытки редуцирования, буквального сведения высшей формы движения к низшей несостоятельны. Неприемлемо также приписывание низшей форме движения специфических характеристик высшей формы движения. В античности Космос часто считали живым целым, наделяли его атрибутами жизни. Согласно современным представлениям, живыми являются лишь те объекты, которые изучает биология.

Терминами "физикализм", "натурализм", "биологизм", "психологизм", "социологизм" обозначаются различные ситуации искажения соотношений между формами движения или уровнями организации природы и общества.

Пространство и время

Каждый уровень организации природы состоит из определенных объектов, которые обладают той или иной протяженностью, совокупность которых называется *пространством*. В силу обладания протяженностью (линейными, объемными, двумерными характеристиками) объекты определенным образом располагаются относительно друг друга. Такие соотношения, как "слева", "справа", "ниже", "выше", "под углом", по праву называются пространственными соотношениями. *Пространство есть выражение сосуществования материальных объектов.*

В истории философии и физики часто использовали абстракцию

пустоты. Древние атомисты, а также сторонники механистической картины мира Нового времени часто называли пустоту пространством. Получалось, что пространство существует независимо от природы, от объектов. Это *субстанциальная* концепция пространства, согласно которой пространство существует независимо от природы. В науке было выяснено, что пустота как объект физического исследования не существует. Нет такого насоса, который мог бы обеспечить существование пустоты, нет ее и где-то в Космосе. То, что называли пустотой, в действительности является вакуумом. Но вакуум не есть ничто, он обладает вполне определенными физическими характеристиками. Приведенные факты показывают несостоятельность субстанциальной концепции пространства. Согласно *реляционной* концепции пространства, все пространственные характеристики являются физическими отношениями, природа которых определяется характером физических процессов.

Благодаря специальной теории относительности были выявлены релятивистские пространственные эффекты типа сокращения длин. Общая теория относительности позволила объяснить особые свойства пространства в гравитационных явлениях. Квантовая механика показала особо тесную связь пространственных и импульсных характеристик физических объектов. Новейшая физика элементарных частиц дает веские основания считать пространство в микромире не трехмерным. Видимо, трехмерность пространства характерна в основном для макромира, за его пределами пространство может быть, например, девятимерным. При переходе микроявлений к макромиру шесть размерностей как бы сворачиваются, компактифицируются. Поэтому макропространственные характеристики оказываются трехмерными, а значит, для описания пространственного поведения макрообъектов достаточно использовать всего три переменные (x , y , z).

Приведенные данные показывают, что пространство — это по сути своей проявление физических взаимодействий. Их изменения проявляются в свойствах пространства.

В последние годы была выдвинута привлекательная идея: биологическим и социальным явлениям присуще особое, не физическое, а соответственно биологическое и социальное пространство. Кажется вполне последовательным считать, что биологическим процессам присуще биологическое пространство. Состоятельна ли идея о существовании особых нефизических — биологического и социального — пространств?

Биологические и социальные характеристики, а таковы жизнь и сознание, не обладают пространственными параметрами. Абсурдными представляются выражения типа "мысль длиной 3 метра", "жизнь объемом 2 кубометра". Особые нефизические биологическое и социальное пространства не удалось обнаружить, но идея о их существовании не является бессмысленной. Дело в том, что физические пространственные характеристики могут иметь символическое бытие, представлять собой символы соответствующих биологических и социальных явлений. С символическим бытием физического пространства мы встречаемся на каждом шагу, особенно выразительны в этом отношении произведения скульптуры и живописи, архитектурные сооружения. Пространственная архитектура церкви Покрова на Нерли способна вызвать многочисленные

положительные эмоции у православного. Соответственно готический пражский собор настроит на религиозную волну католика. Но и в первом, и во втором случаях пространственные характеристики имеют символическое значение, они присущи сооружениям, а отнюдь не мыслям и чувствам верующих. Сами же по себе мысли и чувства не обладают пространственными характеристиками. К сожалению, символическое значение пространственного бытия изучено пока недостаточно.

В отличие от пространства *время* характеризует не сосуществование, а *сменяемость, процессуальность явлений*. Время — это длительность процессов и соотношения между ними, фиксируемые терминами типа: продолжительнее, раньше, позже и т.п.

Подобно тому как пространство считается подчас существующим само по себе, время также признается многими чем-то самостоятельным, независимым от физических, равно как и от любых других процессов (*субстанциальная* концепция времени). Главным аргументом в пользу субстанциальной концепции времени является принявшее догматический характер определенное истолкование механики Ньютона. Многие считают, что в механике Ньютона время вводится как независимая переменная. В действительности же здесь изучаются относительно простые явления, такие, для которых время "везде одно и то же". Но отсюда не следует, что время существует вообще независимо от материальных процессов. Это обстоятельство получает в более сложных, чем ньютоновская механика, теориях довольно всестороннее обоснование.

Согласно специальной теории относительности, одновременность не является чем-то абсолютным, она относительна. События, которые в одной системе отсчета одновременны, в другой могут быть неодновременными. Если скорость перемещения объектов увеличивается, то их время замедляется. С этим связан парадокс близнецов, из которых тот моложе, который в отличие от своего брата участвовал в космическом путешествии на быстрых ракетах. Согласно общей теории относительности, время замедляется при увеличении гравитационных потенциалов. Согласно же квантовой механике, время органично связано с энергией. Приведенные и другие данные позволяют считать, что время применительно к физическим явлениям есть форма проявления физических взаимодействий (*реляционная* концепция времени). Но так обстоит дело с физическими процессами, а какова ситуация в области биологических и социальных явлений?

Выше было рассмотрено символическое значение физического пространства. Аналогичное рассмотрение может быть осуществлено и относительно физического времени, которое также обладает символическим значением. Сплошь и рядом мы пытаемся характеризовать нашу деятельность в единицах физического времени, т.е. в часах и минутах. Рабочее время, продолжительность учебных занятий, время отдыха — за всем этим мы часто видим социальные реалии, т.е. фактически физическое время воспринимается символически. Но если выше мы имели основания не признавать реальность биологического и социального пространства, то в случае с биологическим и социальным временем ситуация выглядит несколько по-иному.

Время выражает изменчивость явлений. Поскольку биологические и социальные явления изменяются, то вполне логично ожидать, что они

временны, т.е. обладают адекватными их сути временными характеристиками. Этими временными характеристиками не могут быть физические параметры. На самом деле, за 45 минут учебных занятий можно добиться и малого, и большого эффекта. Но это означает, что 45 минут — это физическая характеристика — не являются адекватной характеристикой существа учебных занятий. Возьмем другой пример. Люди одного календарного возраста обычно находятся в различных биологических состояниях. И здесь физическое время не является адекватной характеристикой теперь уже биологических процессов.

В поиске характеристики, адекватной природе биологических явлений, биологи выдвинули концепцию биологического возраста. Для организма человека этот возраст задается вероятностью смерти. Чем она больше, тем выше биологический возраст. В случае развития зародыша его биологический возраст задается числом клеточных делений. Биологический возраст гороха определяют по числу почкования. Биологическое время есть адекватная природе биологических процессов количественная характеристика. Биологический возраст указывает степень удаления организма от момента рождения. Биологическое время есть системно-символическое образование, оно существует над физическим.

В области социальных явлений время также имеет системно-символический характер. И здесь целесообразно вводить особые параметры социального времени. В общественных науках о социальном возрасте говорят редко, но он есть. Дление, брэнность социальных организмов количественно можно задать не иначе как посредством параметра социального возраста. Приведем два относительно простых примера. Студент изучает философию месяц, два месяца, полгода. Длится физическое время, растут знания студента. Чтобы выразить рост знания, изобретен институт оценок. Оценки "неудовлетворительно", "удовлетворительно", "хорошо", "отлично" соответствуют достижениям студента, характеризуют его, в нашем случае, философский возраст. Применительно к экономическим явлениям для измерения времени изобретен механизм товарно-денежных отношений. Тот товар дороже, цена которого больше. Деньги измеряют экономическое время.

Как видим, следует различать: физическое время как выражение физических взаимодействий, символическое значение физического времени, биологическое и социальное время как особые системно-символические образования. В общем случае *время есть количественная мера движения*, характеристика продолжительности бытия данного объекта.

Время необратимо в той же степени, что и сами происходящие процессы. Время одномерно, т.е. для его математического задания достаточно одной переменной. Вполне возможно, что в скором будущем удастся доказать многомерность времени, пока на этот счет существуют лишь гипотезы.

Хорошо известно, что человек ограничен в своих возможностях, которые он, однако, способен оценить, иногда, впрочем, лишь на уровне экспертных оценок, посредством задания, например, календарного, биологического, социального возраста. Желание достичь большего эффекта вынуждает личность наполнить каждую единицу календарного времени действиями, которые бы замедляли рост биологического возраста ("а жить-

то хочется") и наращивали характеристики социального времени. В основе своей деятельности, своего бытия человек соотносит, проецирует друг на друга все свои временные шкалы и в соответствии со своими целями стремится достигнуть желаемого, например экономии своего рабочего времени. Что касается хода общественного развития, то его ускорение означает, что единице календарного времени соответствуют, по мере развития общества, все большие "куски" социального времени.

Экологическая философия. Биозтика. Экогуманизм

Экологическая философия изучает методами философии взаимодействие общества и природы, пути утверждения гармонического единения между человеком и миром природы. Как этого достичь в условиях, когда человек стремится добиться успеха во что бы то ни стало, когда большая часть ограниченных ресурсов планеты переводится в отходы и мусор, загрязняющие планету? Как добиться сохранения экосистемы человек — природа в условиях доминирования не экологических, а экономических и политических интересов? Выход из кризисной ситуации видят в основном в придании приоритета экологическим ценностям. Материальное производство, используемые технологии, экономика, политика — все это должно быть подчинено требованиям экологической этики и экологического права. Так как воздействие человека на природу часто имеет планетарный характер, то целый ряд актуальных экологических проблем может быть разрешен лишь в условиях международного сотрудничества и наличия реального чувства международной экологической ответственности.

Экологическая философия — молодая дисциплина, ее философские ориентиры лишь вырабатываются, на многие актуальные вопросы она не знает ответа. Человечество, умудрившееся попасть в экологический кризис, не знает четких путей выхода из него. Несмотря на более или менее успешную реализацию программ по развитию безотходных производств и альтернативных технологий, развитию экологического законодательства, человечество по-прежнему не покинуло район экологического кризиса. Все более очевидным становится, что главная экологическая проблема ("дыра") находится не в озоновом слое Земли, а в ценностно-этических представлениях человека и общества. Казавшиеся столь незыблемыми принципы гуманизма должны соотноситься не только с человеком, но и с природой. В таком случае гуманизм теряет свое прежнее содержание и становится *экогуманизмом*. Любовь человека, эгоистически направленная только на него самого, привела в конечном счете к экокризису. Экогуманизм в отличие от традиционного гуманизма видит в природе бытие человека. Природа есть символическое бытие человека. Именно поэтому человек вынужден относиться к природе так же бережно, как к самому себе.

Мы уже отмечали, что экологическая философия встречается с трудностями. Это неудивительно, ибо как философия, так и современные науки мало, явно недостаточно изучали сам феномен символического бытия человека. Но без знания содержания этого феномена успешное экологическое движение просто невозможно.

Человечество вынуждено обратиться к природе как арене проявления

человеческого бытия. Один из относительно новых комплексов экоаксиологических ориентации связан с биоэтикой, центральным вопросом которой является отношение человека к жизни и смерти. Жизнь, особенно человеческая, понимается как высшая ценность. Кстати, общество не без труда ищет подходы и к нашим "меньшим братьям". В токийском зоопарке поставлен памятник умирающим в неволе животным. Но всегда ли человек сознает свою вину перед животными?

Проблемы биоэтики многогранны, обширны. В США издана пятитомная энциклопедия по биоэтике. Объем энциклопедии показывает, сколь внимательно относятся американцы к проблемам биоэтики. Особое внимание привлекают вопросы активной эвтаназии ("убийства из милосердия"), критерии смерти, отношения врача и пациента, отношение к умирающим, к дефективным новорожденным, к дебилам. Имеет ли человек право на смерть, право на аборт? Многочисленные дилеммы биомедицинской этики невозможно разрешить без тщательного философского и научного рефлексирования, углубленного понимания содержания гуманизма и экогуманизма. Рассмотрим в этой связи некоторые конкретные проблемы.

Возможности оживления умершего человека привели к тому, что остановка сердца перестала быть признаком смерти, каковым, однако, являются необратимые изменения в центральной нервной системе. Но согласно догматам буддизма и конфуцианства, признаками смерти являются остановка сердца и прекращение дыхания. А это означает, что при бьющемся сердце не допускается изъятие органов для трансплантации; трансплантация сердца вообще исключается. Разумеется, это относится лишь к тем народам, которые соблюдают установленные догматы. Мы видим, как принципы религии могут приходить в противоречие с принципами гуманизма. Вместе с тем в странах, где трансплантация сердца стала нормой, замечены случаи, когда диагноз смерти порой ставится некорректно.

Другой случай: общество должно предоставить женщине право на свободное и ответственное материнство. Однако отмена запрета на аборт просто-напросто игнорирует ценность жизни плода. Перед нами типичная биомедицинская дилемма: как отмена запрета на аборт, так и его допущение не свободны от глубочайших противоречий. Чтобы с ними справиться, необходимо последовательное развитие экологической философии, экоэтики и биоэтики в том числе.

Глава 2.6 Философия науки

Что есть наука?

Наука — это деятельность человека по выработке, систематизации и проверке знаний. Разумеется, человек занимается научной деятельностью не случайно. Такова уж его жизнь, что он постоянно вынужден иметь дело с проблемами и сложными задачами. Для того чтобы с ними справиться, человеку необходимы исчерпывающие знания, выработка которых и является ближайшей целью всякой научной деятельности. Полученные знания позволяют объяснить и понять изучаемые процессы, осуществить предсказания на будущее и соответствующие практические действия.

Наука зародилась в древности, гении *Аристотеля, Архимеда, Евклида* тому свидетельство. Но длительное время научное знание пребывало в эмбриональном состоянии. Становление развитой науки требовало постоянной опоры на факты, широкой распространенности, последовательной рационализации, доминирования соответствующего менталитета. Всего этого не было в должном объеме ни в эпоху античности, ни в эпоху средневековья. Ситуация кардинальным образом изменилась к XVI - XVII вв. Именно в Новое время формы мышления и в целом менталитета человека, бывшие ранее исключением, стали достоянием большинства образованных людей. В Новое время наука стала важнейшим фактором жизни. Без науки, без ньютоновской механики в особенности, становление индустриального общества вряд ли могло состояться.

Естественно, многие науки появились уже позже XVII в., таковы, например, социология, генетика, кибернетика. В наши дни наука имеет весьма разветвленную дисциплинарную структуру, в которую входят философские, логико-математические, естественнонаучные и гуманитарные науки (дисциплины). Современная наука стала важнейшим фактором формирования духовного мира человека, культуры и практики общества.

Особо следует подчеркнуть весьма своеобразное соотношение науки и обыденного познания. Так как наука отпочковалась от обыденного познания и вместе с тем вроде бы превзошла его "по всем статьям", казалось, что наука вполне может обойтись без своей повседневной колыбели. Это представление нуждается в корректировке. Наука при всех ее достижениях не имеет единовластного мандата на познание. Она находится во взаимодополняющих связях с повседневным познанием, ориентирующимся на здравый смысл. Науку можно уподобить верхним этажам знания. Но верхних этажей нет без нижних. Наука постоянно находит в повседневном познании материал для дальнейшей обработки, без которого она не может обойтись. Достаточно указать в этой связи хотя бы на естественный язык. Наука вырабатывает языки, которые необходимы для решения специфических научных задач, но без языка повседневности она не может обойтись в принципе. Наука имеет своей противоположностью неверное, неправильное знание, но не то знание, которое, будучи правильным, добывается за пределами науки, в повседневной жизни, практической деятельности, искусстве. *Сциентизм* настаивает на том, что наука есть наивысшая и достаточная для ориентации человека в мире ценность. Эта мировоззренческая позиция не учитывает сложную системную

организацию общественной жизни, в которой наука занимает достойное место, но не имеет оснований притязать на большее, чем быть равной среди равных.

Эмпирический уровень научного познания

В науке различают эмпирический и теоретический уровни исследования. *Эмпирическое* исследование направлено непосредственно на изучаемый объект и реализуется посредством наблюдения и эксперимента. *Теоретическое* исследование концентрируется вокруг обобщающих идей, гипотез, законов, принципов. Данные как эмпирического, так и теоретического исследования фиксируются в виде высказываний, содержащих эмпирические и теоретические термины. Эмпирические термины входят в высказывания, истинность которых может быть проверена в эксперименте. Таково, например, высказывание: "Сопротивление данного проводника при нагревании от 5 до 10° С увеличивается". Истинность высказывания, содержащих теоретические термины, невозможно установить экспериментально. Чтобы подтвердить истинность высказывания "Сопротивление проводников при нагревании от 5 до 10° С увеличивается", следовало бы провести бесконечное число экспериментов, что невозможно в принципе. "Сопротивление данного проводника" — эмпирический термин, термин наблюдения. "Сопротивление проводников" — теоретический термин, понятие, полученное в результате обобщения. Высказывания с теоретическими понятиями неverifiedируются, но они, по Попперу, фальсифицируемы.

Важнейшей особенностью научного исследования является взаимонагруженность эмпирических и теоретических данных. В принципе невозможно абсолютным образом разделить эмпирические и теоретические факты. В приведенном выше высказывании с эмпирическим термином использовались понятия температуры и числа, а они являются теоретическими понятиями. Измеряющий сопротивление проводников понимает происходящее, потому что он обладает теоретическими знаниями. В то же время теоретические знания без экспериментальных данных не имеют научной силы, превращаются в беспочвенные умозрения. Согласованность, взаимонагруженность эмпирического и теоретического — важнейшая черта науки. Если указанное гармоническое согласие нарушается, то с целью его восстановления начинается поиск новых теоретических концепций. Разумеется, при этом уточняют и экспериментальные данные. Рассмотрим в свете единства эмпирического и теоретического основные способы эмпирического исследования.

Эксперимент — сердцевина эмпирического исследования. Латинское слово "экспериментум" буквально означает пробу, опыт. Эксперимент и есть испытание изучаемых явлений в контролируемых и управляемых условиях. Экспериментатор стремится выделить изучаемое явление в чистом виде, с тем чтобы было как можно меньше препятствий в получении искомой информации. Постановке эксперимента предшествует соответствующая подготовительная работа. Разрабатывается программа эксперимента; если нужно, то изготавливаются специальные приборы, измерительная аппаратура; уточняется теория, которая выступает в качестве необходимого

инструментария эксперимента.

Составляющими эксперимента являются: экспериментатор; изучаемое явление; приборы. В случае приборов речь идет не о технических устройствах типа компьютеров, микро- и телескопов, призванных усилить чувственные и рациональные возможности человека, а о приборах-детекторах, приборах-посредниках, фиксирующих данные эксперимента, испытывающих непосредственное влияние изучаемых явлений. Как видим, экспериментатор находится "во всеоружии", на его стороне кроме всего прочего профессиональный опыт и, что особенно важно, владение теорией. В современных условиях эксперимент чаще всего проводится группой исследователей, которые действуют согласованно, соизмеряя свои усилия и способности.

Изучаемое явление поставлено в эксперименте в условия, когда оно реагирует на приборы-детекторы (если специальный прибор-детектор отсутствует, то в качестве такового выступают органы чувств самого экспериментатора: его глаза, уши, пальцы). Эта реакция зависит от состояния и характеристик прибора. В силу этого обстоятельства экспериментатор не может получить сведения об изучаемом явлении как таковом, т.е. в изоляции от всех других процессов и объектов. Таким образом, средства наблюдения участвуют в формировании экспериментальных данных. В физике этот феномен вплоть до экспериментов в области квантовой физики оставался неизвестным, и его обнаружение в 20-х—30-х годах было сенсацией. Длительное время разъяснение Н. Бора о том, что *средства наблюдения влияют на результаты эксперимента*, принималось в штыки. Оппоненты Бора считали, что эксперимент можно очистить от возмущающего влияния прибора, но это оказалось невозможным. Задача исследователя состоит не в том, чтобы представить объект как таковой, а в том, чтобы объяснить его поведение во всевозможных ситуациях.

Следует отметить, что в социальных экспериментах ситуация также не является простой, ибо испытуемые реагируют на чувства, мысли, духовный мир исследователя. Обобщая экспериментальные данные, исследователь должен не абстрагироваться от своего влияния, а именно с учетом его суметь выявить общее, сущностное.

Данные эксперимента так или иначе должны быть доведены до известных рецепторов человека, например, это происходит тогда, когда экспериментатор считывает показания измерительных приборов. Экспериментатор имеет возможность и вместе с тем вынужден задействовать присущие ему (все или некоторые) формы чувственного познания. Однако чувственное познание — это всего лишь один из моментов сложного познавательного процесса, который осуществляет экспериментатор. Эмпирическое познание неправомерно сводить к чувственному познанию.

Среди методов эмпирического познания часто называют *наблюдение*, которое порой даже противопоставляется методу экспериментирования. Имеется в виду не наблюдение как этап любого эксперимента, а наблюдение как особый, целостный способ изучения явлений, наблюдение астрономических, биологических, социальных и других процессов. Различие между экспериментированием и наблюдением в основном сводится к

одному пункту: в эксперименте его условиями управляют, а в наблюдении процессы предоставлены естественному ходу событий. С теоретических позиций структура эксперимента и наблюдения одна и та же: изучаемое явление — прибор — экспериментатор (или наблюдатель). Поэтому осмысление наблюдения мало чем отличается от осмысления эксперимента. Наблюдение вполне можно считать своеобразным случаем эксперимента.

Интересной возможностью развития метода экспериментирования является так называемое *модельное экспериментирование*. Иногда экспериментируют не над оригиналом, а над его моделью, т.е. над другой сущностью, похожей на оригинал; Модель может иметь физическую, математическую или какую-то иную природу. Важно, чтобы манипуляции с нею давали возможность транслировать получаемые сведения на оригинал. Это возможно не всегда, а лишь тогда, когда свойства модели релевантны, т.е. действительно соответствуют свойствам оригинала. Полное совпадение свойств модели и оригинала никогда не достигается, причем по очень простой причине: модель не есть оригинал. Как шутили *А. Розенблюм* и *Н. Винер*, лучшей материальной моделью кошки будет иная кошка, однако предпочтительнее, чтобы это была именно та же самая кошка. Один из смыслов шутки таков: на модели невозможно получить столь же исчерпывающие знания, как в процессе экспериментирования с оригиналом. Но иногда можно довольствоваться и частичным успехом, особенно если изучаемый объект недоступен немодельному эксперименту. Гидростроители, прежде чем возвести плотину через бурную реку, проведут модельный эксперимент в стенах родного института. Что касается математического моделирования, то оно позволяет относительно быстро "проиграть" различные варианты развития изучаемых процессов. *Математическое моделирование* — метод, находящийся на стыке эмпирического и теоретического. То же самое относится и к так называемым *мысленным экспериментам*, когда рассматриваются возможные ситуации и их последствия.

Важнейшим моментом эксперимента являются измерения, они позволяют получать количественные данные. При измерении сопоставляются качественно одинаковые характеристики. Здесь мы сталкиваемся с вполне типичной для научных исследований ситуацией. Сам процесс измерения, несомненно, является экспериментальной операцией. Но вот установление качественной одинаковости сопоставляемых в процессе измерения характеристик относится уже к теоретическому уровню познания. Чтобы выбрать эталон единицы величины, необходимо знать, какие явления эквивалентны друг другу; при этом предпочтение будет отдано тому эталону, который применим к максимальному числу процессов. Длину измеряли локтями, ступнями, шагами, деревянным метром, платиновым метром, а теперь ориентируются на длины электромагнитных волн в вакууме. Время измеряли по движению звезд. Земли, Луны, пульсом, маятниками. Теперь время измеряют в соответствии с принятым эталоном секунды. Одна секунда равна 9192 631 770 периодам излучения соответствующего перехода между двумя определенными уровнями сверхтонкой структуры основного состояния атома цезия. Как в случае с измерением длины, так и в случае измерения физического времени эталонами измерения избрали электромагнитные колебания. Такой выбор

объясняется содержанием теории, а именно квантовой электродинамики. Как видим, измерение теоретически нагружено. Измерение может быть эффективно осуществлено лишь после выявления смысла того, что измеряется и каким образом. Чтобы лучше разъяснить сущность процесса измерения, рассмотрим ситуацию с оценкой знания студентов, допустим, по десятибалльной шкале.

Преподаватель беседует со многими студентами и ставит им оценки — 5 баллов, 7 баллов, 10 баллов. Студенты отвечают на разные вопросы, но преподаватель подводит все ответы "под общий знаменатель". Если сдавший экзамен информирует кого-то о своей оценке, то из этой краткой информации невозможно установить, что было предметом беседы преподавателя и студента. Не интересуются экзаменационной конкретикой и стипендиальные комиссии. Измерение, а оценка знаний студентов есть частный случай этого процесса, фиксирует количественные градации не иначе как в рамках данного качества. Различные ответы студентов преподаватель "подводит" под одно и то же качество, а уже затем устанавливает различие. 5 и 7 баллов в качестве баллов равнозначны, в первом случае этих баллов просто меньше, чем во втором. Преподаватель, оценивая знания студентов, исходит из своих представлений о существовании данной учебной дисциплины. Студент тоже умеет обобщать, он мысленно подсчитывает свои неудачи и успехи. В итоге, однако, преподаватель и студент могут прийти к различным выводам. Почему? Прежде всего в силу того, что студент и преподаватель неодинаково понимают вопрос оценки знаний, они оба обобщают, но одному из них эта умственная операция удастся лучше. Измерение, как уже отмечалось, теоретически нагружено.

Обобщим изложенное выше. Измерение A и B предполагает: а) установление качественной тождественности A и B ; б) введение единицы измерения (секунда, метр, килограмм, балл); в) взаимодействие A и B с прибором, который обладает той же качественной характеристикой, что A и B ; г) считывание показаний прибора. Приведенные правила измерения используются при изучении физических, биологических и социальных процессов. В случае физических процессов измерительный прибор часто является вполне определенным техническим устройством. Таковы термометры, вольтметры, кварцевые часы. В случае биологических и социальных процессов дело обстоит сложнее — в соответствии с их системно-символической природой. Ее надфизический смысл означает, что и прибор должен обладать этим смыслом. Но технические устройства обладают лишь физической, а не системно-символической природой. Раз так, то они не годятся для непосредственного измерения биологических и социальных характеристик. Но последние поддаются измерению, и их действительно измеряют. Наряду с уже приведенными примерами весьма показателен в этой связи товарно-денежный рыночный механизм, посредством которого измеряют стоимость товаров. Нет такого технического устройства, которое бы измеряло стоимость товаров непосредственно, но опосредованным путем, с учетом всей деятельности покупателей и продавцов, это удастся сделать.

После анализа эмпирического уровня исследований нам предстоит рассмотреть органично связанный с ним теоретический уровень исследования.

Теоретический уровень исследования. Природа научных концептов

Теоретический уровень познания реализуется посредством понятий, законов, принципов. *Теория* есть система понятий, законов и принципов, которая позволяет описать и объяснить некоторый класс явлений.

При осмыслении теоретического уровня познания обычно наибольшие трудности вызывает понимание научных абстракций. Понятие "абстрактное" противопоставляется понятию "конкретное". "Конкретное" в переводе с латинского означает сгущенное, сросшееся, уплотненное, другими словами, конкретное есть единство многообразного. Абстрактное есть нечто отвлеченное от многообразного, это грань, черта, свойство целого. *Научные абстракции* имеют дело не просто с абстрактным, а с таким абстрактным, которое есть общее, т.е. общее в форме мысли. Причем научная абстракция — часто еще и идеализация. *Идеализация* есть мысленно сконструированное понятие о таких объектах, процессах и явлениях, которые вроде бы не существуют, но имеют если не образы, то прообразы. Идеализациями являются, например, понятия точки, абсолютно твердого тела, идеального газа. В реальной действительности нет точек, абсолютно твердых тел, идеальных газов, абсолютно черных тел и т.п. Но есть, например, маленькие и большие тела; ясно, что прообразом материальной точки будет именно маленькое, а не большое тело. Соответствующие рассуждения можно привести относительно любой идеализации. Но тут-то и возникают "проклятые" сложные вопросы. Трудноразрешимым вопросом оказалось понимание существа идеализированного воспроизведения изучаемых явлений. Почему оно столь эффективно? На первый взгляд, это совершенно непонятно. На самом деле, вроде бы идеализации получают, огрубляя действительность. А между тем идеализирование позволяет получить точное теоретическое знание. Итак, в чем состоит эффективность научных абстракций, в том числе идеализации?

Эффективность научных абстракций состоит прежде всего в выражении каждой из них общего, присущего классу референтов (объектам, причинам, явлениям). Что касается идеализации, то они состоятельны лишь в том случае, если попадают внутрь приемлемого интервала абстракций. До известных пределов что-то можно считать, например, точкой, а дальше — нет. При некоторых условиях планеты считают точками, при других нельзя считать точками даже элементарные частицы, которые в своих размерах заведомо уступают планетам. При неудачном падении с большой высоты человеческого тела на водную поверхность последняя поведет себя — в пределах приемлемого интервала абстракции — точно так же, как асфальтовое покрытие. Воду и асфальтовое покрытие можно уподобить в данном случае абсолютно твердому телу. Наши примеры можно было бы приумножить, но главный аспект ситуации ясен: *идеализация есть форма выделения общего*. Она не огрубляет действительность, а позволяет выделить ее — выразимся так — интимные стороны, те аспекты явлений, которые обнаруживаются не иначе как в процессе научного исследования. Понятие материальной точки вопреки расхожему мнению фиксирует не гипотетически малые тела, а тот факт, что есть класс объектов, которые ведут себя одинаковым образом при самых различных условиях.

Соответственно понятие идеального газа фиксирует одинаковость некоторых газов. Эту одинаковость невозможно выразить иначе, как вводя идеализацию идеального газа. Изложенное выше объясняет, почему на теоретическом уровне исследования идеализация является нормой.

Естественно, если научные знания удастся объединить в систему, то их использование становится особенно эффективным. Теория позволяет объяснить огромное множество фактов, получить в лаконичной форме емкую информацию, прогнозировать будущий ход событий.

Становление научной теории и рост теоретического знания

Разумеется, выработка научных концептов, подъем на подлинно теоретический уровень исследования — дело нелегкое. Успеху способствуют анализ и синтез, классификация и индивидуализация, систематизация, выделение аналогий, индукция и дедукция, многое другое.

Изучаемое явление выступает как конкретное, как единство многообразного. Очевидно, что должной ясности в понимании конкретного на первых этапах нет. Путь к ней начинается с анализа, мысленного или реального расчленения целого на части. Анализ позволяет сосредоточить внимание исследователя на части, свойстве, отношении, элементе целого. Ученый поступает подобно ребенку, который разбирает игрушки на части и с изумлением взирает на каждую из них. Однако ребенок, разобрав игрушку на части, как правило, не может восстановить ее. Исследователь же в отличие от ребенка не забывает о целом, он дополняет анализ синтезом, соединением многообразного в целое. Анализ успешен, если он позволяет осуществить синтез, восстановить целое. В научном исследовании анализ и синтез дополняют друг друга. *Анализ* есть переход от конкретного к абстрактному, *синтез* — восхождение от абстрактного к конкретному.

Анализ дополняется классификацией, черты изучаемых явлений распределяются по классам. Классификация — путь к понятиям. Классификация невозможна без проведения сравнений, нахождения аналогий, похожего, сходного в явлениях. Усилия исследователя в указанном направлении создают условия для *индукции*, умозаключения от частного к некоторому общему утверждению. Латинское слово "индукция" означает наведение. Знание частного наводит на обобщение, как бы подталкивает к нему, создает условия для догадки, которая и реализуется в обобщении. Подобно тому как анализ всегда сопровождается синтезом, неразлучную пару образуют *индукция* и *дедукция* (выведение из общего частного). Индукция ведь не самоцель. Она — необходимое звено на пути достижения общего. Но и достижением общего исследователь не удовлетворяется. Зная общее, исследователь стремится объяснить частное. Если это не удастся, то неудача указывает на неподлинность операции индукции. Выходит, что индукция проверяется дедукцией. Разумеется, справедливо и обратное. Успешная дедукция позволяет относительно легко фиксировать экспериментальные зависимости, видеть в частном общее.

Обобщение связано с выделением общего, но чаще всего оно неочевидно и выступает некой научной тайной, главные секреты которой выявляются в результате идеализации, т.е. обнаружения интервалов абстракций, о чем шла речь в предыдущем параграфе.

Наконец, каждый новый успех в деле обогащения теоретического уровня исследования сопровождается упорядочением материала и выявлением субординационных связей. Связь научных концептов образует *законы*. Главные законы часто называют *принципами*. Теория — это не просто система научных абстракций и законов, а система их субординации и координации.

Итак, главные моменты становления научной теории — это анализ, индукция, обобщение, идеализация, установление субординационных и координационных связей. Перечисленные операции могут найти свое развитие в *формализации* и *математизации*. Каждый знает, что формализация и математизация теоретического материала сулят большие выгоды.

До сих пор становление научной теории описывалось как нечто, начинающееся с нуля. Всему процессу становления научной теории был придан излишне закономерный характер. Чаще всего становление теоретического исследования проходит куда более бурно и непредсказуемо, чем это описано выше. К тому же следует иметь в виду одно важнейшее обстоятельство: обычно становление нового теоретического знания проходит на фоне уже известной теории, т.е. имеет место рост теоретического знания. Исходя из этого философы часто предпочитают рассуждать не о становлении научной теории, а о росте научного знания. Известная книга *К. Поппера* так и называется: "Рост научного знания". Необходимость роста научного знания становится очевидной тогда, когда использование теории не дает искомого эффекта.

Анализ, индукция, идеализация — все это проводится под эгидой старых научных представлений, но с очевидной готовностью их изменить, трансформировать. Исследователь стремится согласовать, гармонизировать друг с другом эмпирический и теоретический уровень исследования. Он — вечный охотник за научной гармонией. С этой целью он выдвигает все новые теоретические гипотезы, верифицирует и фальсифицирует их.

Новое теоретическое знание до поры до времени вписывается в рамки существующей теории. Но наступает такая стадия, когда подобное вписывание невозможно, налицо научная революция: на смену старой теории пришла новая. Часть бывших сторонников старой теории оказывается способной усвоить новую теорию. Те же, кому это не под силу, остаются при своих прежних теоретических ориентирах, но им становится все труднее находить себе учеников и новых сторонников. Как шутят ученые, сторонники старых теорий не переубеждаются, они вымирают.

Связь между старой и новой теориями всегда существует, но, естественно, она может быть более или менее тесной. Физики, например, знают, что различие между квантовой механикой и ньютоновской механикой больше, чем различие между специальной теорией относительности и ньютоновской механикой. Вместе с тем нет оснований отказывать квантовой и ньютоновской механикам в известном сходстве. Это проявляется, в частности, в том, что классические понятия координаты, импульса, энергии в квантовой механике преобразуются в операторы координаты, импульса, энергии. *Т. Кун*, *П. Фейерабенд* и другие представители исторического направления философии науки настаивают на тезисе несоизмеримости теорий, согласно которому сменяющие друг друга теории не являются

рационально сравнимыми. Видимо, это мнение излишне радикально. Практика научных исследований показывает, что рациональное сравнение новых и старых теорий всегда проводится, и отнюдь не безуспешно.

В заключение отметим еще раз: обеспечить рост теоретического знания весьма не просто. Сложность исследовательских задач вынуждает ученого добиваться глубокого осмысления своих действий, *рефлексировать*. Рефлексия может осуществляться в одиночку, и, конечно же, она невозможна без проведения исследователем самостоятельной работы. Вместе с тем рефлексия очень часто весьма успешно проводится в условиях обмена мнениями между участниками дискуссии, в условиях диалога. Современная наука стала делом творчества коллективов, соответственно рефлексия часто приобретает групповой характер.

Теоретические методы

Потенции любой достаточно развитой науки не могут быть реализованы мгновенно, одномоментно. Реализация теоретического знания — это процесс, который осуществляется шаг за шагом в соответствии с определенным методом. *Метод теории* — это способ достижения цели теоретическим путем. Главнейшими среди теоретических методов являются: аксиоматический, гипотетико-дедуктивный, конструктивистский.

При *аксиоматическом методе* научная теория строится в виде системы аксиом и правил вывода, позволяющих путем логической дедукции получить утверждения (теоремы) данной теории. *Аксиома* — это положение, принимаемое без логического доказательства. Аксиомы не должны противоречить друг другу. Желательно, чтобы они не зависели друг от друга, что позволяет каждую аксиому анализировать отдельно и обстоятельно. Если аксиомы зависят друг от друга, то вся картина резко усложняется. Аксиоматическое построение теории кажется весьма привлекательным и строгим. Но и здесь есть трудности. *К. Гедель* доказал своими знаменитыми теоремами, что в непротиворечивой аксиоматической системе всегда находятся утверждения, которые не выводятся из аксиом. Чтобы эти утверждения доказать, необходимо ввести новые аксиомы и т.д. К тому же аксиоматический метод чересчур строг, его требования даже в математике, где он используется с наибольшим успехом, не всегда выполнимы. В теориях, степень математизации которых высока, обычно также стремятся к идеалам аксиоматического метода, но часто ограничиваются идеалами гипотетико-дедуктивного метода.

При *гипотетико-дедуктивном методе* построения теории исходят из гипотез обобщающей силы, из которых выводится все остальное знание. Разумеется, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы очень похожи друг на друга. При желании аксиомы можно считать гипотезами, а гипотезы уподобить аксиомам. Тем не менее два рассматриваемых метода отличаются друг от друга. Гипотетико-дедуктивный метод более органично, чем аксиоматический, связан с эмпирическим уровнем исследования.

Порой от гипотетико-дедуктивного метода отказываются преднамеренно или же его просто не удается реализовать. Например, в конструктивистской математике строят одно понятие за другим без непосредственной опоры как на аксиоматический, так и на гипотетико-

дедуктивный метод. Делается это преднамеренно, дабы избежать недостатков обоих методов. В политической экономии ситуация принципиально другая, чем в математике. Здесь обычно возможности аксиоматического и гипотетико-дедуктивного методов весьма скромны, поэтому приходится искать им альтернативу. Восходят от абстрактного к конкретному, весьма своеобразно конструируя одно понятие за другим. Мы описали метод, который часто называют генетическим: имеется в виду, что он позволяет представить в теоретической форме процесс зарождения и развития определенных явлений. Но эти задачи могут быть решены с использованием и аксиоматического, и гипотетико-дедуктивного методов. С учетом этого мы предлагаем назвать рассматриваемый метод *конструктивистским*.

Что касается исторического хода событий, то для его понимания требуется развитая теория. Ссылка просто на исторический ход событий есть не более чем констатация эмпирических фактов, которые в научных исследованиях получают теоретическое обоснование. Историческое осмысливается теоретически. В то же время развертка теории в соответствии с определенным методом часто дает указания на исторический ход событий. *А. Фридман* анализировал общую теорию относительности, и анализ показал, что Вселенная неустойчива и расширяется. *Маркс* выстраивал в последовательный ряд политэкономические понятия товар — деньги — капитал и не без оснований утверждал, что в истории развития экономических отношений капитал возник после денег, а деньги — после товара. Связь исторического с его теоретическим осмыслением в разнообразной литературе часто называют *единством логического и исторического*. Здесь не совсем кстати вместо термина "теоретическое" появился термин "логическое".

Логика — наука о способах доказательств, перехода от истинных суждений-посылок к истинным суждениям-следствиям. Логика изучает внутреннюю динамику развертывания теоретического знания. Можно сказать, что каждый теоретический метод имеет свою логику. Конечно же, теоретические методы не сводятся к логике, ведь логика фиксирует лишь правила перехода от одного знания к другому, но не природу самого этого знания. По крайней мере со времен *Б. Рассела* и *Г. Фреге* в науке то и дело безуспешно пытаются реализовать программу логицизма, сведения науки к логике. Значение логики трудно переоценить, особенно в наши дни, когда научное знание реализуется в разветвленной системе переходов. Эти переходы и описывают логицисты, стремясь в соответствии с известными идеалами современной науки к формализации и математизации логического знания. Само собой разумеется, что доказательства могут быть более или менее простыми, далеко не всегда они исчерпываются той логикой, которая характерна для аксиоматического, гипотетико-дедуктивного, конструктивистского методов. В самом широком плане доказательством является рациональное действие по обоснованию ценности одних высказываний с помощью других.

Если рассмотренные выше теоретические методы оказываются неприемлемыми, то приходится обращаться к другим методам, назовем их *описательными*. Описание изучаемых явлений может быть словесным (вербальным), графическим, схематическим, формально-символическим.

Теперь мысль исследователя намного чаще, чем при реализации аксиоматического и гипотетико-дедуктивного методов, вынуждена обращаться непосредственно к данным эксперимента, ей реже удается обнаружить закономерные связи. Создается даже впечатление, что идеалы теоретического исследования оказываются настолько размытыми, что впору ставить вопрос о том, являются ли описательные методы, широко используемые, например, в биологии и социологии, научными. Видимо, разрешение так занимавшей постпозитивистов проблемы разграничения научного и ненаучного знания зависит от полноты аргументации, степени доказательности используемого знания. С этих позиций описательные методы — в тех случаях, когда они опираются на солидный экспериментальный материал и на разветвленную аргументацию,— не выходят за пределы науки.

Описательные методы часто являются той стадией научных исследований, которая ведет к достижению идеалов гипотетико-дедуктивного или даже аксиоматического метода. Вместе с тем нельзя исключить, что для определенных явлений описательный метод является наиболее адекватным; просто явления таковы, что они не подчиняются жестким требованиям аксиоматического и гипотетико-дедуктивного методов. Идеалы современной науки становятся все более многообразными, они включают, в частности, и достижения описательных методов.

В заключение данного параграфа вернемся к вопросу о природе теоретического метода. Выше теоретический метод понимался как путь достижения цели в области теории, способ реализации теоретического знания.

Метод реализуется в теоретической деятельности. Но в любой человеческой деятельности обычно выделяются некоторые нормы, следование которым приводит к регулятивам. Нечто аналогичное происходит и при реализации теоретических методов. Если исследователь хорошо усвоил нормы различных методов, то он, надо полагать, будет в состоянии их эффективно использовать. Знание теоретических методов освещает исследователю путь в теории. Вместе с тем не следует думать, что метод дает ключ к любым теоретическим затруднениям. Метод всегда должен быть адекватным природе изучаемых явлений. Теоретик, приступая к изучению определенных явлений, руководствуется своими методологическими мерками, но далеко не всегда они оказываются эффективными. Это означает, что метод не должен возводиться в абсолют. Есть философы, которые считают, что они знают методы изучения любых явлений. Здесь мы сталкиваемся с некой формой философской самоуверенности, истоки которой составляет преувеличение роли методов и учения о них, т.е. методологии в научном познании.

Наука в поисках истины

Бескорыстный поиск истины — это ли не задача ученого? Такой поиск связан, однако, с преодолением целого ряда сложностей. Вспомним три концепции истины: корреспондентную, когерентную и прагматическую. Каждая из этих концепций получает в науке нетривиальное развитие.

Понимаемая в рамках науки *корреспондентная концепция* истины

настаивает на соответствии теории экспериментальным данным. Это требование принимается в науке, причем именно оно является одним из основных в определении того, действительно ли предлагаемая концепция-гипотеза относится к сфере науки. Теоретическая концепция должна находиться в соответствии с экспериментом, не противоречить ему, позволять предсказывать его результаты. Неопозитивисты считали, что эксперимент является исчерпывающей характеристикой правильности теории. Теория проверяется, верифицируется экспериментом: либо она проходит эту проверку успешно, либо нет; либо она верна, либо неверна. *К. Поппер* нашел в этой аргументации пробел: так как теории рано или поздно опровергаются, фальсифицируются, то предыдущие их соответствия эксперименту фактически не являются подлинными проверками. Попперу можно возразить: если теория пришла в противоречие с некоторыми экспериментальными данными, то она неприменима для их истолкования, но ее действенность сохраняется для других экспериментальных данных. В науке часто, но далеко не всегда, новая теория "ставит крест" на старой. Физики по сей день для истолкования некоторых физических явлений не без успеха используют ньютоновскую механику. И это несмотря на то, что она вроде бы давно опровергнута новейшими физическими теориями. Ньютоновская механика сохранила свое значение как частный, сравнительно простой случай теории относительности и квантовой физики.

Несоответствия теории эксперименту часто удается ликвидировать простыми средствами, а именно: внесением в старую теорию некоторых усовершенствований. В таких случаях дело не доходит до научной революции. По *Лакатосу*, наиболее принципиальные положения теории как бы окружены некоторым защитным слоем менее важных положений, которые принимают на себя первые "удары" экспериментальных данных. Ядро теории будет разрушено лишь после того, как произошло разрушение защитного слоя теории.

Отметим также, что в эксперименте проходит проверку и опровергается не то или иное частное положение теории, а теория в целом. Всякое конкретное положение есть следствие теории как целого. В силу этого эксперимент соотносится со всей теорией как с целым.

Но теория реализует свои идеи в "развертке", для понимания которой необходима наряду с корреспондентной когерентная концепция истины. Согласно последней, все научные утверждения образуют единое гармоническое целое. Истинное всегда выступает элементом гармонического целого, каковым в нашем случае и является наука в единстве ее как экспериментальных, так и теоретических составляющих. Новые теоретические и экспериментальные данные проходят проверку на их согласованность с уже известными данными. Такое согласование может потребовать более или менее кардинальной перестройки системы научного знания. Современное научное знание имеет именно системный и весьма разветвленный характер. Разумеется, успешно ориентироваться в нем не просто. На заре своего становления научное знание было относительно простым, научные доказательства содержали не слишком много логических ходов, мысль то и дело "заземлялась" на факты. Частое обращение к фактам замедляло движение научной мысли. В наши дни ученый имеет возможность обратиться к фактам уже после проведения значительной теоретической

работы, после преодоления большого расстояния в фактуально разряженном пространстве понятий (компьютерная техника помогает ему в этом деле). За счет описанного феномена, а он оказался возможным лишь в силу системности научного знания, мысль человека стала столь эффективной, какой ранее никогда не была. Итак, человек реализует в науке свои уникальные возможности отнюдь не тривиальным образом. В соответствии с этим изменилась трактовка научной истины. Истинное научное утверждение входит в состав науки как системы знания.

Обратимся теперь к прагматической концепции истины, согласно которой практика — критерий истины. В науке критерий практики часто довольно прямолинейно связывают со значением эксперимента. Но научная практика не сводится всего лишь к эксперименту, а представляет собой все поле применения науки, ее жизненное значение для человека. Нет такой области деятельности человека, где бы не использовалась наука, она стала одной из важнейших сущностных сил человека. С учетом этого не будет преувеличением утверждать, что полем проверки науки на истинность стала вся жизнь человека, все ее сферы, в которых она действительно используется.

Разветвленный, сложный характер науки предъявляет непростые требования к ее истолкованию. В чем сила науки? Каковы ее идеалы? Достаточно ли требовать от науки ответа лишь на вопрос "Как происходят явления?" или же на вопрос "Почему они именно так происходят?". Не противоречит ли наука искусству, религии, другим областям человеческой жизни? Не приведет ли наука человечество в конечном счете к катастрофе?

Идеалы науки. Этика ученого

Наука в лице своих представителей всегда стремится к вершинам человеческого знания. Все дороги, которые ведут к этим вершинам, составляют идеалы науки. *Идеалы науки* — это ее теоретические и экспериментальные методы, позволяющие достигнуть максимально обоснованного и доказательного знания.

В одних случаях наука дает описание явлений, в других она объясняет их природу посредством использования достижений аксиоматического, гипотетико-дедуктивного, конструктивистско-генетического методов. Если для объяснения фактов используются законы, то мы имеем дело с *номонологическим* объяснением. Если же для объяснения фактов используется теория, то мы имеем дело с теоретическим объяснением. Ясно, что различие номонологического и теоретического объяснений имеет смысл лишь в том случае, когда законы не входят в состав теории. В противном случае всякое номонологическое объяснение одновременно является и теоретическим.

Если теоретическое объяснение отвечает на вопрос "Как происходят явления?", то оно является *феноменологическим*. Если же теоретическое объяснение отвечает на вопрос "Почему явления происходят таким-то образом?", то оно называется *динамическим*. Термодинамика, например, относится к числу феноменологических теорий, ее уравнения описывают связь параметров макросистем, находящихся в термодинамическом состоянии. При этом не объясняется, почему именно имеют место

термодинамические законы. Чтобы объяснить истоки термодинамических законов, придется обратиться к их микромеханизмам, в таком случае используются уже динамические теории. По отношению к теориям макроявлений теории микроявлений всегда имеют динамический характер. Квантовая теория поля — это динамическая теория по отношению к ньютоновской механике. Соответственно макроэкономические теории и, например, теория фирмы соотносятся друг с другом как феноменологическая и динамическая теории. Один из идеалов науки состоит в том, чтобы там, где это только возможно, достигать уровня динамической теории. Динамическая теория в контексте научного знания отвечает и на вопрос "Почему?", и на вопрос "Как?".

Сила науки, ее эффективность определяются достижением высот знания. Но богатство человеческой жизни не исчерпывается институтом знания. Бескорыстное служение идеалам научной истины деформируется, причем весьма существенным образом, под влиянием внеученных и ненаучных факторов. Ученый, максимально информированный в области своих изысканий, за их пределами часто является некомпетентным человеком. Раскрытие физиками тайн атомного ядра позволило создать сначала атомную, а затем водородную бомбу — чудовищные средства уничтожения жизни на Земле. Создавать или не создавать атомную бомбу — это уже вопрос не физической теории, а скорее психологии, социологии, других гуманитарных наук. Между тем он решался не учеными, а политиками, которые сумели привлечь к исполнению своих замыслов ряд выдающихся физиков и техников.

Рано или поздно необходимо разрешить проблему правильного использования достижений науки. В таком случае мгновенно возникает вопрос об этике ученого, его нравственности. Увы, но достижение истины не всегда ведет к добру. Прав французский философ *М. Монтень*, отмечавший: "Тому, кто не постиг науки добра, всякая наука приносит лишь вред".

Любой, кто серьезно относится к науке, — либо сам занимаясь научными изысканиями, либо используя достижения науки, — попадает в ситуации своеобразного выбора, который приходится делать. Занятия наукой вырабатывают определенное ценностное отношение к миру. Подлинный ученый, как правило, высоко ценит логическую дисциплину ума, способность обосновывать делаемые выводы, стремление к истине, достоинства теории и эксперимента. В силу постоянного роста научного знания ученый как бы исподволь подпитывается стимулами, ставящими его в критическое отношение к догмам, ко всякого рода авторитетам. Вместе с тем никакая наука не спасает от догматизма и от неоправданного преклонения перед авторитетами, если ученый не обладает необходимыми свойствами характера, порядочностью, честностью, мужеством.

Применение научных знаний не является нейтральным ни в политическом, ни в социальном, ни в экономическом, ни в экологическом, ни в моральном отношениях. Ответственность за применение достижений науки в первую очередь несут сами творцы науки, ученые. Никто не в состоянии лучше самих ученых оценить положительные и слабые стороны применения результатов научных исследований. Прогресс науки — не самоцель для человечества, он призван способствовать всемерному развитию человека, в том числе улучшению материальных условий его

жизни. Наука не отменяет первостепенную значимость таких ценностей человеческой жизни, как свобода, справедливость, счастье. Она должна помогать развитию человека и как творческой личности. Но будет ли наука действительно способствовать прогрессу общества и человека или же, наоборот, она будет служить силам реакции — это уже зависит от людей данного общества, от их ответственности перед будущим.

Соотношение философской, религиозной и научной картин мира

Очередную главу мы заключаем рассмотрением соотношения философской, религиозной и научной картин мира. Вопрос этот считается остродискуссионным. Вместе с тем мало кто сомневается в его актуальности.

Прежде всего следует определить новый термин *картина мира*. Картина мира — это способ видения мира как целого, включая и человека в нем. Необходимость установления картины мира связана со стремлением иметь синтетическое, целостное представление о мире, преодолеть последствия дифференциации философии, науки и религии. С этой точки зрения мир философии, мир науки и мир религии выступают соответственно как философская, научная и религиозная картины мира. В своем единстве они образуют целостную картину мира. Взаимоотношения между философией, наукой и религией всегда были и по настоящее время остаются достаточно напряженными, часто достигающими стадии конфликта, что придает спорам вокруг рассматриваемой темы своеобразное обаяние.

Многовековые дискуссии показывают, на наш взгляд, что человек, не будучи одномерным существом, культивирует и философию, и религию, и науку. Не счесть попыток доказать полнейшую несостоятельность каждой из них. Как нам представляется, все эти попытки в конечном счете не достигли желаемого. Сильная неприязнь то ли к религии, то ли к науке, то ли к философии неизменно посрамляет себя. В современную эпоху главенствует научный импульс. Обществу не обойтись без науки, это достаточно очевидно. Но почему все достоинства науки не позволяют человеку прожить без религии и философии? *Необходимость философии* наряду с наукой объясняется, во-первых, тем, что она сама научна; во-вторых, ее вниманием к кардинальным вопросам бытия; в-третьих, стремлением преодолеть неопределенность альтернативы мысленного (научного) и мистического (религии).

Необходимость религии наряду с философией ее приверженцы и знатоки объясняют тем, что за последними воротами науки человек оказывается перед лицом Божественной веры (*М. Бубер*). Религия имеет будущее, считает известный немецкий теолог *Г. Кюнг*. Он приводит в защиту своего мнения шесть аргументов, которые, на наш взгляд, довольно удачно обобщают большой литературный материал. Во-первых, современный мир с его несправедливостью не находится в должном порядке, он возбуждает тоску о Другом. Во-вторых, трудности жизни ставят этические вопросы, перерастающие в вопрос о религии. В-третьих, при всей правомерности секуляризации (освобождения от церковного влияния) идеология атеизма будет отвергаться. В-четвертых, религия означает социальное развитие отношения к абсолютному смыслу бытия, к тому

последнему, что непременно касается каждого. В-пятых, этот смысл бытия воспринимается как Бог. В-шестых, там, где основной смысл бытия видят не в Боге, а в чем-то другом — в нации при национализме, в народе при национал-социализме, в расе при расизме, в партии при партийном тоталитаризме, в науке при сциентизме,— налицо квазирелигия (по *П. Тиллиху*). Сразу же за этими аргументами Кюнг делает заслуживающий внимания вывод: приведенные аргументы совсем не доказывают, что Бог действительно существует.

Одно дело вопрос о Боге, другое сам Бог. Для верующего человека вопрос о Боге неминуемо сопровождается утверждением о реальности Бога. Но актуальным является и другой ход мысли, когда должное внимание к религиозным темам не сопровождается верой в самого Бога или же указывается, что существование Бога не доказано достаточно однозначным образом. Другими словами, не приходится отождествлять друг с другом соответственно: воинствующий атеизм; простой, равнодушный к вопросам религии атеизм; атеизм, признающий правомерность религии, ее достоинства в том числе. Отношение человека к религии не исчерпывается однозначными "да" или "нет". То же характерно и для отношения человека к философии и науке. Приведем некоторые примеры. Английский философ *Б. Рассел* относился к религии довольно непримиримо, а философию ставил явно ниже науки. *Гегель* ставил превыше всего философию, считая науку и религию вторичными. *Ницше* довольно критически относился и к религии, и к науке, и к философии. *В. Соловьев* ставил религию выше философии и науки. *Хайдеггер* превозносил философию, критиковал науку и довольно индифферентно относился к религии.

Итак, религиозная, философская и научная картины мира сосуществуют друг с другом. Это — факт. Человечество, вынужденное действовать по законам диалога и сотрудничества, стремится сложить мозаику единой картины мира. В реализации этого стремления философия, на наш взгляд, занимает самое достойное, а именно центральное место. Действительно, наука по определению достаточно резко дистанцируется от всякого ненаучного знания, в том числе и от религии. Но и представители религии достаточно далеко отстоят от науки; еще никому не удалось поставить религию на рельсы науки. В контексте безусловной состоятельности как науки, так и религии в качестве сфер культуры и вместе с тем при их известной несопряженности философия играет особую и весьма примечательную роль. Философия чувствует себя как дома и в сфере научного, и в сфере ненаучного знания, ей легко вести диалог на оба фронта.

При сохранении должной осторожности можно утверждать, что три картины мира не противостоят, а взаимодополняют друг друга. При этом, однако, следует учитывать характер взаимодополнения. Рассмотрим соотношение наука — философия. Наука и философия взаимоусиливают друг друга. Сколько бы не добавляли науки в философию и философии в науку, обе только крепнут. Иначе обстоит дело в паре наука — религия. Религиозные мотивы, внесенные в науку, разрушают, поэтому ученые выступают против такого внесения. Вместе с тем научные "инъекции" в религию способны существенно ослабить последнюю, ибо они не согласуются с чудом откровения. В связке философия — религия обе стороны в одних случаях усиливают друг друга (например, в развитии

обостренного этического отношения к миру), а в других — ослабляют (например, в различном понимании принципа абсолютной личности). Если читатель не согласен с нами, то у него есть отличная возможность пофилософствовать самому над такой остродискуссионной проблемой, каковой признается соотношение науки, философии и религии.

Происхождение и природа техники

Греческое "технэ" переводится на русский язык как искусство, мастерство, умение. Понятие техники встречается уже у *Платона* и *Аристотеля* в связи с анализом искусственных орудий труда. Техника в отличие от природы не является естественным образованием, она создается. Произведенный человеком объект часто называют артефактом. Латинское "артефактум" означает буквально искусственно сделанный. Техника есть совокупность артефактов. Такое определение техники, разумеется, дает лишь первое представление о ней, более содержательное истолкование будет дано ниже.

История становления современного человека связана с усложнением и развитием феномена техники. Далеко не сразу техника достигла своих нынешних высот. В доиндустриальном обществе техника выступает как искусное ремесло. Технические умения передаются от мастера к ученику в рамках ремесленно-цеховой организации. Эти умения, навыки, знания, являющиеся достоянием замкнутого круга лиц, чаще всего не получают высокой общественной оценки. Ситуация изменяется кардинальным образом в Новое время, когда общество в значительной степени начинает функционировать на машинной основе. Место мастера занимает инженер, наиболее компетентный в техническом отношении специалист. В отличие от техника, деятельность которого ограничивается обеспечением нормального функционирования технических устройств, инженер изобретает, использует научные методы, всесторонне развивает техническую парадигму.

А.Л. Ракитов, выявивший признаки, отличающие развитое инженерное мышление от предынженерного, пришел к выводу, что инженерное мышление формируется на машинной основе; оно рационально, выражается в общедоступной форме, имеет тенденцию к формализации и стандартизации, опирается не только на экспериментальную базу, но и на теорию, систематично формируется профессиональными инженерными дисциплинами, экономически рентабельно. Наконец, инженерное мышление имеет тенденцию к универсализации и распространению во все сферы человеческой жизни. Значение техники стало в должной степени изучаться лишь последние 100 лет. Первые фундаментальные работы по философии техники появились в конце XIX в. Энергично же философия техники стала развиваться с 60-х—70-х годов нынешнего столетия.

Философия техники стремится объединить узкое и широкое понимание техники. Техника есть совокупность артефактов, создаваемых и используемых методами инженерной деятельности. В более широком понимании техника выступает как особый, технический подход к любой сфере человеческой деятельности. Технический подход находится во взаимодополнительном отношении с естественно-научным подходом. В жизнедеятельности современного общества техника и технический подход

имеют фундаментальное значение. Этим тривиальным обстоятельством объясняется необходимость философии техники.

Для дальнейшего изложения наряду с феноменом техники требует пояснения феномен *технологии*. Недостаточно определять технику всего лишь как совокупность артефактов. Последние используются регулярно, систематически, в результате осуществления последовательности операций. Технологией называется совокупность операций по целенаправленному использованию техники. Ясно, что эффективное использование техники требует ее включения в технологические цепи. Технология выступает как развитие техники, достижение ею стадии системности.

Первоначально, на этапе ручного труда, техника имела в основном инструментальное значение; технические инструменты продолжали, расширяли возможности естественных органов человека, увеличивали его физическую мощь. На этапе механизации техника становится самостоятельной силой, труд механизуется. Техника как бы отделяется от человека, который, однако, вынужден находиться рядом с ней. Теперь не только машина является продолжением человека, но и сам человек становится придатком машины, он дополняет ее возможности. На третьем этапе развития техники, в результате комплексного развития автоматизации и превращения техники в технологию, человек выступает ее (технологии) организатором, творцом и контролером. На первый план выходят уже не физические возможности человека, а сила его интеллекта, реализуемая посредством технологии. Происходит объединение науки и технологии, следствием которого является научно-технологический прогресс, называемый часто научно-технологической революцией. Имеется в виду решительная перестройка всего технико-технологического базиса общества. Причем разрыв во времени между следующими друг за другом технико-технологическими перестройками становится все меньше. Более того, идет параллельное развитие различных сторон научно-технологического прогресса. Если "революцию пара" от "революции электричества" отделяли сотни лет, то современные микроэлектроника, робототехника, информатика, энергетика, приборостроение, биотехнология в своем развитии дополняют друг друга, между ними вообще перестает существовать какой-либо временной зазор.

Основные проблемы философии техники

Всего несколько десятилетий назад техникой занимались в основном специалисты. Вклад техники в цивилизацию приветствовался. Казалось, что ее положительное значение неоспоримо. Когда же стало нарастать беспокойство по поводу последствий развития техники, резко возрос интерес к ее социальным аспектам. К изучению феномена техники подключились экономисты, социологи, антропологи, философы. В результате проблемы техники были переведены из разряда узкотехнологических в разряд междисциплинарных. Здесь весьма кстати философский инструментарий. В результате его использования и были выделены основные философские проблемы техники, часть из которых анализируется ниже.

Начнем с рассмотрения вопроса о *различении естественного и*

искусственного. Технические объекты, артефакты, как правило, имеют физико-химическую природу. Развитие биотехнологий показало, что артефакты могут иметь также биологическую природу, например, при специальном выращивании колоний микроорганизмов для их последующего использования в сельском хозяйстве. Рассматриваемые в качестве физических, химических, биологических явлений технические объекты в принципе не отличаются от природных явлений. Однако здесь есть большое "но". Хорошо известно, что технические объекты представляют собой результат опредмечивания человеческой деятельности. Иначе говоря, артефакты есть символы специфики человеческой деятельности. Следовательно, их необходимо оценивать не только с природной, но и с социальной точки зрения. Техника — это человек, но не в его непосредственном, а в символическом бытии. Какой оценки, положительной или отрицательной, заслуживает феномен технико-символического бытия человека? Как выясняется, поставленный вопрос не имеет однозначной оценки. *М. Хайдеггер* обычно акцентировал свое внимание на том, что техника противостоит человеку как *постав*, через технику человек как бы отказывается от своего подлинного существования. Поэтому неудивительно, что развитие техники ведет человека ко все более неразрешимым проблемам. Для Хайдеггера техника есть неподлинное существование человека. В нашем понимании техника есть символическое бытие человека, но это бытие именно человека. Она — его судьба и, добавляют оптимисты, неплохая судьба. Техника "вооружает" человека, она делает его более сильным, быстрым, высоким. Тем не менее и при такой оценке значения техники возникают многочисленные коллизии. Ведь есть отрицательные последствия техники, а они ослабляют человека в том или ином отношении, укорачивают продолжительность его жизни. Если допустить, что современный человек никогда не откажется от своих технических завоеваний, то придется признать необходимость оптимального сочетания разнообразных последствий технического бытия человека. Факт символического бытия человека в его артефактах с философских позиций является, пожалуй, самым фундаментальным. Впрочем, нет оснований считать, что он изучается достаточно интенсивным образом.

Наряду с вопросом о различении естественного и искусственного в философии техники часто обсуждается проблема *взаимоотношения техники и науки*, при этом, как правило, наука ставится на первое место, а техника на второе. Характерно в этом отношении клише "научно-техническое". Техника часто понимается как прикладная наука, прежде всего как прикладное естествознание. В последние годы все чаще подчеркивается влияние техники на науку. Все в большей степени начинает оцениваться самостоятельное значение техники. Философии хорошо известна такая закономерность: по мере своего развития "нечто" из подчиненного положения переходит в более самостоятельную стадию своего функционирования и конституируется как особый институт. Так случилось и с техникой, которая давно уже перестала быть всего лишь чем-то прикладным. Технический, инженерный подход не отменил и не вытеснил научные подходы. Техники, инженеры используют науку как средство в своей ориентации на действие. Действовать — лозунг искусственно-технологического подхода. В отличие от научного подхода он не охотится за знанием, а стремится к производству аппаратов и

осуществлению технологий. Нация, не освоившая искусственно-технологический подход, страдающая избыточной научной созерцательностью, выглядит в нынешних условиях отнюдь не современной, а скорее архаичной.

К сожалению, в вузовских условиях всегда проще реализовать естественно-научный подход, чем искусственно-технический. Будущие инженеры внимательно изучают естественно-научные и технические дисциплины, причем вторые часто строятся по образу первых. Что касается собственно искусственно-технологического подхода, то его осуществление требует развитой материально-технической базы, которая во многих российских вузах отсутствует. Выпускник вуза, молодой инженер, воспитанный преимущественно на традициях естественно-научного подхода, не овладеет должным образом искусственно-технологическим подходом. Неэффективное культивирование инженерно-технического подхода — одно из главных обстоятельств, не позволяющих России встать вровень с развитыми индустриальными странами. Эффективность труда российского инженера в несколько раз ниже эффективности труда его коллеги из США, Японии, ФРГ.

Еще одна проблема философии техники — это *оценка техники* и выработка в этой связи определенных норм. Оценка техники была введена в США в конце 60-х годов и ныне широко практикуется в развитых индустриальных державах. Первоначально большой новостью была оценка представляющихся вторичными и третичными по отношению к техническим решениям социальных, этических и других гуманитарных последствий развития техники. Ныне все большее число экспертов по оценке техники указывают на необходимость преодоления применительно к технике парадигм *фрагментации* и *редукционизма*. При первой парадигме феномен техники не рассматривается системно, выделяется один из ее фрагментов. При второй парадигме техника сводится, редуцируется к ее природным основам. Выход из обеих ситуаций связан с систематической оценкой техники, сопоставлением альтернатив, предотвращением нежелательных технических действий. Оценка техники не может проводиться иначе, как с опорой на *идеалы*. Когда философы техники анализируют различного рода оценки техники, то они неизбежно обнаруживают идеалы, которые часто используются неосознанно. Философия техники выявляет эти идеалы. Технические проекты должны быть разумными, полезными, безвредными для человека, соответствовать истинно человеческому, их временные горизонты должны быть обозреваемыми. Следовательно, принимающий технические решения должен быть осмотрительным и осторожным, способным к опережающему отражению действительности. Но кто должен принимать технические решения? Политик, менеджер, эксперт? Очевидно, что именно последний наиболее компетентен в вопросах систематической оценки техники. Не менее очевидно, что в многосторонней оценке техники любой эксперт встречается с трудностями. Это ясно хотя бы из того, что в междисциплинарных исследованиях одиночке трудно добиться успеха. В силу обстоятельств экспертом в области техники обычно является коллективное лицо, коллективный орган, который может функционировать как в государственных, так и в негосударственных структурах. Эксперт по вопросам техники в силу необходимости использования разнообразных

знаний тяготеет к философии, к философским обобщениям. Он и есть философ, но не просто философ, интересующийся исключительно проблемами максимальной общности, а философ техники, представитель особой философской дисциплины — философии техники. Современная философия приобретает все более технический характер.

В оценке феномена техники существует множество подходов, рассмотрим некоторые из них. Согласно *натуралистическому* подходу, человеку в отличие от животных недостает специализированных органов, поэтому он вынужден компенсировать свои недостатки созданием артефактов. Согласно *волевой интерпретации техники*, человек реализует посредством создания артефактов и технологических цепей свою волю к власти. Это имеет место как на индивидуальном, так и особенно на национальном, классовом и государственном уровнях. Техника используется господствующими в обществе силами, и, следовательно, она не является нейтральной в политическом и идеологическом отношениях. *Естественно-научный подход* рассматривает технику как прикладную науку. Жесткие логико-математические идеалы естественно-научного подхода смягчаются в *рациональном подходе*. Здесь техника рассматривается как сознательно регулируемая деятельность человека. Рациональность понимается как высший тип организации технической деятельности и в случае ее дополнения гуманистическими составляющими отождествляется с целесообразностью и планомерностью. Это означает, что в научное понимание рациональности вносятся коррективы социокультурного порядка. Их развитие приводится к этическим аспектам технической деятельности, которые заслуживают особого обсуждения.

Техника и этика

Человек может сделать больше, чем он имеет на то право. Этот императив относится ко многим областям человеческой деятельности, в том числе и к технической. В этой связи и возникает потребность в особой этике, ориентированной на техническую деятельность человека, назовем ее для краткости *техноэтикой*. Техники в интуитивном плане изначально ориентированы на добро. К сожалению, благими пожеланиями вымощена дорога в ад, о котором напоминает всякий раз новая технологическая катастрофа. Техноэтика — это заслон от технологических катастроф. Выше (см. гл. 2.3) мы рассмотрели три этики. Соответственно теперь предметом нашего анализа являются техноэтика добродетелей, техноэтика долга и техноэтика ценностей.

Итак, как выглядит *техноэтика с позиций этики добродетелей*? Каков заслуживающий одобрения моральный облик техника, инженера? Он — рационалист, обладает набором технических навыков и умений, имеет склонность к изобретательской деятельности, настойчив, скрупулезен, трудолюбив, бдителен, предан своему делу, искренен. Техник, инженер небезучастен к судьбе людей, ибо он способствует достижению ими свободы, мира, высокого уровня благосостояния. Список добродетелей техника, инженера столь обширен, что многие склонны считать его моральным героем.

Интересно, что в различного рода моральных кодексах инженеров —

американских строительных инженеров, немецких инженеров — техников призывают к тем же добродетелям, что характерны для всех людей: будь честным, справедливым, лояльным к клиентам, солидарным с коллегами, не бери взяток, цени счастье и свободу. Порой утверждается, что достаточно, если мораль инженера базируется на Нагорной проповеди Христа. Тем не менее обычно проводится четкое различие между базисными добродетелями (справедливость, честность и т.п.) и профессиональными добродетелями (аккуратность, тщательность в работе) инженеров.

Тезис о моральной непогрешимости инженеров поддерживается далеко не всеми. В частности, указывают, что нет ни одного действительно яркого примера, когда бы инженерное сообщество заранее предупредило бы общественность о нежелательных последствиях использования техники. Отсюда вывод: среди желаемых добродетелей техников особое значение имеет ответственность за свои действия перед обществом. Никто не может быть свободным настолько, чтобы не нести ответственности перед другими людьми.

Рассмотрим теперь *техноэтику долга*, которую разумно сравнить с клятвой *Гиппократа*, где речь шла о моральных максимах применительно к медицине. Техноэтика долга делает акцент на максимах, ибо, мол, только они действительно предохраняют от технических бед. В техноэтике долга широко известные максимы получают свою дальнейшую конкретизацию. Так, в технической деятельности свои конкретизации получает требование "Не лги". Нам доводилось читать о случае на одной из АЭС, где не был заварен свищ в трубе, хотя в протоколе, который подписали три человека, утверждалось прямо противоположное. В данном случае солгали и рабочий, и его непосредственный начальник. Ситуация показательна среди прочего тем, что требование "Не лги" не фигурирует в соответствующих инструкциях по технике безопасности, которые, однако, предполагают отсутствие лжи. Возьмем другой пример — Чернобыльскую катастрофу:

сколько о ней сказано прямой лжи. Оказывается, мало знать о максиме "Не лги", надо еще и уметь следовать этому принципу. Человек малокомпетентный, но несдержанный в своих суждениях, выдает такую "правду", которая сродни лжи.

Итак, какие же максимы принимаются техническим сообществом? Обратимся в этой связи к специальной декларации о технике и моральной ответственности, подписанной в 1974 г. в Израиле на международном симпозиуме выдающимися философами, учеными, техниками. В декларации отмечалось, что частные, локальные интересы не могут иметь преимущества перед всеобщими требованиями людей, их стремлением к справедливости, счастью, свободе. Ни один из аспектов техники не является морально нейтральным. Недопустимо делать человека придатком машины, объектом. Каждая техническая новация должна пройти проверку на предмет того, действительно ли она способствует развитию человека как свободной творческой личности. Итак, список максим рассматриваемой декларации включает тезисы относительно справедливости, счастья, свободы, ответственности, ценности личности. За прошедший после 1974 г. период к уже указанным максимам добавились требования безопасности, экологического совершенства, здоровья человека. Список максим техноэтики расширяется.

Что касается *техноэтики ценностей*, то ее лучшее изложение содержится в разработанных в ФРГ "Рекомендациях к оценке техники". Немецкие авторы называют шесть основных ценностей техноэтики (благополучие и здоровье людей, их безопасность, экологическое качество, развитие личности и общества) и две, относящиеся непосредственно к технике (ее функциональная пригодность и экономичность) и имеющие относительно первых шести обслуживающий характер. Среди указанных восьми ценностей есть такие, которые находятся в отношении конкуренции. Так, стремление к росту безопасности и экологического комфорта людей сопряжено с падением экономичности техники и человеческого благополучия. По логике немецких авторов, главной ценностью является развитие личности, которое составляет органическое единство с качеством общества. В этой связи особо указывается на значимость справедливости как ценности.

Три техноэтики дополняют друг друга, существующие между ними границы довольно подвижны. Читатель, надо полагать, заметил, что в трех техноэтиках много схожего (но не тождественного!). Возьмем тему справедливости, которая разрабатывается в рамках всякой этики. Как добродетель справедливость есть качество личности; как максима справедливость выступает априорным, универсальным правилом поведения; в качестве ценности справедливость определяется конкретикой жизни. Техноэтика добродетелей — это по преимуществу этика сознания; техноэтика максим — это в основном этика законов, идеалов; техноэтика ценностей — это прежде всего этика деятельности. В современном их толковании каждую из трех рассматриваемых этических концепций логично связать с темой ответственности. Человек, вынужденный более или менее адекватно отвечать на запросы жизни, неминуемо приходит к теме ответственности. Сам феномен ответственности можно толковать по-разному: как качество личности в рамках этики добродетелей, как этическую максиму с позиций этики долга, как смысл деятельности человека в пределах этики ценностей.

Итак, заслуживает порицания тот, кто беззаботно движет технику вперед, фактически отставая в нравственности. Правильный призыв к технику, инженеру гласит: "сотвори добро!" (а не просто "твори!"). Будь смелым и изобретательным, но и ответственным за свои действия.

В заключение данного параграфа отметим, что техноэтика — это один из вариантов прикладной этики. Выше три этические системы были конкретизированы применительно к феномену техники. Очевидно, что наряду с техноэтикой существует много других прикладных этик, например медицинская этика, биоэтика, этика учителя, этика студента. Столь же очевидно, что в рамках каждой из прикладных этик соответствующим образом концентрируются идеи и интуиции этики добродетелей, этики долга и этики ценностей. Выше было рассмотрено, как указанная конкретизация может быть проведена применительно к технической деятельности человека. Читатель имеет возможность — в стремлении нарастить свой этический потенциал — проделать нечто аналогичное применительно к интересующей его проблематике. Наша рекомендация такова: оказывая предпочтение одной из этических систем, не забывайте о достоинствах других концепций этики.

Человек в информационном обществе

Считается, что наиболее развитые страны в настоящее время функционируют в качестве информационных обществ. В такого рода обществах социально-экономические успехи и сдвиги зависят в первую очередь от производства, переработки, хранения, распространения среди членов общества информации.

Первые ЭВМ были созданы в 30-х годах XX в. Они использовались в основном для вычислений. Главным элементом ЭВМ первого поколения было электромеханическое реле. Основными компонентами компьютеров второго поколения (начало 60-х годов) стали полупроводниковые транзисторы. В машинах третьего и четвертого поколений используются соответственно большие и сверхбольшие интегральные схемы на полупроводниковых пластинах миниатюрных размеров. Машины пятого поколения, создаваемые с середины 80-х годов, в основном базируются, как и их предшественники, на полупроводниковой технике. Ожидается, что машины пятого поколения позволят решить комплекс так называемых интеллектуальных задач, т.е. таких задач, которые подвластны только интеллекту человека. Уменьшение энергоемкости, стоимости, габаритов ЭВМ, широкое использование их в различных сферах человеческой жизни — все это привело к развитию информационных технологий. Общество стало информационным. Впечатляют объем памяти ЭВМ, скорость выполнения ими операций и разнообразие последних. Подобно тому как человек не способен бегать со скоростью света, он не в состоянии с надеждой на успех состязаться с ЭВМ в скорости выполнения вычислительных действий. С учетом этого человек стремится использовать достоинства технических устройств. Информацию можно быстро обработать, быстро передать, ее удобно хранить. Итак, компьютеризация современного общества — это факт. В этой связи предстоит понять философский смысл происходящей компьютерной революции. Займемся рефлексией на этот счет.

Первой основой информационной технологии является *рационализация*. Компьютеризация общества прежде всего выступает как его всемерная рационализация, организация деятельности человека в соответствии с целесообразностью. Истоки рациональности вынуждают вспомнить имена выдающихся философов Нового времени, прежде всего *Лейбница* и *Декарта*. *Норберт Винер* писал: "Если бы мне пришлось выбирать в анналах истории наук святого — покровителя кибернетики, то я выбрал бы Лейбница". Лейбниц — философ, физик, математик, техник, языковед, логик. Объединяя достижения многих наук, он строит уникальную для своего времени счетную машину. Ссылкой на Лейбница мы желаем подчеркнуть, что истоки информационной технологии восходят к идеям философии Нового времени, впрочем, для их развития понадобились века.

Второй необходимой базой информатизации общества выступает развитой *изоморфизм*. Изоморфизм — это соответствие между объектами и процессами различной природы.

Становлению информационной технологии предшествовал целый ряд успехов по развитию идеи изоморфизма. Были найдены параллели изоморфного типа между разделами математики, между математикой и

логикой, между логикой и языкознанием, между мозговыми процессами и языком, между системами алгебры и логики и техническими системами. Информационная технология выступает как система изоморфизмов, простирающаяся от интеллектуальной деятельности человека до намагничивания и размагничивания в элементах ЭВМ. Сам факт изоморфизма часто вызывает изумление, кажется невозможным его существование. Неужели ЭВМ изоморфна человеческому мозгу? Между тем изоморфизм существует. Таков уж наш мир, что в нем достаточно много изоморфных связей. Лишь в своей природной основе они имеют естественный характер, чаще же они являются своеобразными следствиями культивирования человеком своей символической деятельности. Зачем человеку считать самому, если он может поручить это машине, что позволит ему сэкономить главный ресурс своего будущего — время, ЭВМ считает для человека, она делает то же, что и он, но в символическом виде.

Третьей необходимой базой информационной технологии является *развитие техники*. Думается, это положение не нуждается в пространном доказательстве. Информатизация стала явью лишь там, где была развернута мощная материальная база по производству вычислительной техники.

Наконец, информационная технология требует определенных *экономических, социальных и политических институтов*. В обществе с неразвитыми идеалами свободы и демократии широкое распространение информационной технологии в принципе невозможно. И ясно почему. Информационная технология предполагает неограниченный доступ пользователей к банкам данных, обмен разнообразной информацией, быстрое принятие и осуществление практических решений. Но все это отсутствует в недемократических странах.

Итак, становление и развитие информационной технологии оказалось возможным благодаря комплексу научных, технических и социально-политических достижений. Став одной из господствующих сил, информатизация общества привела к глобальным научным, техническим, социальным, этическим и другим последствиям; видимо, грядут еще более масштабные изменения. С последствиями и перспективами, как желательными, так и нежелательными, компьютерной революции — заметим, что специалисты выделяют несколько, обычно три, компьютерные революции, — читатель может ознакомиться в специальной литературе. Мы же отметим лишь главный философский результат преобладания в обществе информационной технологии. Он заключается в доминировании не искусственно-технического, а информационного подхода.

Выше уже отмечалось, что техника принесла с собой новый, искусственно-технический подход, чуждый созерцательности рафинированного естественно-научного подхода. В информационном обществе на первый план выходит информационный подход. Его рассматривают обычно как дальнейшее развитие искусственно-технического подхода, не выходящим за его пределы. Если это даже и так, то тем не менее информационному подходу присущи вполне определенные особенности. Суть в том, что достоинства информационной техники не определяются ее вещественно-энергетическими характеристиками, как это имеет место в случае большинства привычных нам артефактов типа архитектурных сооружений, самолетов, автомобилей. В центре информационного подхода

находится не энергия, не вещество, а *информация*, ее потоки, короче, информационная технология. Всякая техника всегда символизирует человека. В полной мере это относится и к информационной технике. Но в информационной технике этот процесс символизации более сложен, он двухступенчатый по своему существу. Инженер понимает, что на пути к информационной технике он вначале — другого пути нет — должен "засимволизироваться" в вещественно-энергетическом смысле, а затем, на уже созданной базе, провести еще одну символизацию, уже непосредственно информационную.

В основе механизма символизации информации находятся два факта фундаментальной значимости. Факт первый: информация как мера неоднородности исходно данных объектов может быть воспроизведена в элементах ЭВМ. Факт второй: обработка информации есть некоторая форма вычислительного процесса, причем независимо от того, имеет ли он место в элементах компьютера или же в голове человека. Два указанных факта вместе означают, что в пределах информационной изоморфности компьютер и человек тождественны друг другу. Благодаря неустанным заботам человека эта область изоморфности постоянно расширяется, в очередной раз посрамляя относящихся с опаской к информационной технологии скептиков и, напротив, радуя компьютерных оптимистов. Компьютеры играют в шахматы, доказывают теоремы, проектируют, переводят тексты с одного языка на другой, общаются с человеком на естественном языке (интерфейс). Успехи компьютеризации показывают, что едва ли не абсолютное большинство происходящих в мире процессов рационально, т.е. при наличии соответствующих программных и аппаратных средств их можно "посчитать, вычислить". В связи с этим вполне естественно возникает вопрос о проблеме так называемого искусственного интеллекта.

Когда стремятся подчеркнуть различие компьютера и человека, то чаще всего указывают на неспособность компьютера оперировать универсалиями и целостными образами, чувствовать и любить, моделировать бессознательную интуитивную и творческую деятельность человека, понимать историко-культурный контекст явлений. На это компьютерные оптимисты отвечают, что нет таких присущих человеку интеллектуальных процессов, которые были бы принципиально непереводимы на язык вычислительных операций. Компьютерным оптимистам и компьютерным пессимистам нелегко прийти к общему мнению. Нам представляется вполне очевидным — в этом вообще мало кто сомневается, — что будущее принесет информационным технологиям новые успехи. В то же время в соотношении человек — компьютер ведущей стороной выступает человек, именно человек символизирует себя в информационной технологии, а не компьютер правит человеком. Компьютер, подобно человеку, владеет информацией, он, вполне возможно — по крайней мере, согласно некоторым концепциям, — понимает человека, но во всех случаях он выступает системой, символически изоморфной человеку, не более того. В широком философском смысле не человек — символ компьютера, а наоборот, компьютер — символ человека. Пока нет сколько-нибудь серьезных оснований утверждать, что асимметричность соотношения человек — компьютер будет когда-либо нарушена. Таким образом, компьютеризация оставляет машине машинное, человеку

человеческое.

Развитие информационных технологий ставит перед человечеством массу новых проблем, прежде всего по философскому осмыслению информационного образа жизни и содержания информационного подхода. Сам по себе информационный подход не есть панацея от бед человечества. Широкое использование компьютеров рационализирует деятельность человека, расширяет доступ к информации, способствует быстрому росту компетенции специалистов, позволяет достичь многочисленных положительных экономических эффектов. Но вместе с тем компьютерная революция может приводить к снижению индивидуального начала и общекультурного уровня специалистов, изоляции индивидов, усилению — с использованием банка данных — манипуляции людьми, дегуманизации труда. Чтобы этого не случилось, необходима целенаправленная философская работа, которая не позволила бы подвергнуть забвению гуманитарную составляющую информационного подхода. Наиболее значительными в этом смысле являются этические проблемы, ибо именно в них запросы человека получают свое пиковое выражение.

Глава 2.8 Стратегия будущего

Человек во Вселенной

Хорошо известно, что как отдельный человек, так и тем более человечество в целом представляют собой сложные системные образования, подпадающие под действие всех тех законов, с которыми имеет дело современное знание. Вселенная не в астрономическом, а в философском смысле представляет собой "все существующее", мир во всем его системном многообразии. Человек при такой интерпретации Вселенной является ее подлинным элементом, он реализует собой, например в отличие от неживых объектов, все многообразие законов Вселенной. Человек — это и физический, и химический, и биологический, и социальный феномен. Для человека характерна сложная история эволюции и развития, уходящая в неведомое нам будущее, новый темпомир. Постигание природы этого будущего является сложнейшей задачей, к пониманию которой приближает рассмотрение развития и эволюции человека и человечества как органических частей Вселенной. Интерпретируя историю человека, воспользуемся данными теории самоорганизации сложных систем (*синергетики*), в частности идеями, развитыми в работах бельгийца *И. Пригожина* и нашего отечественного ученого *Н.Н. Моисеева*. Синергетика позволила приоткрыть завесу над многими ранее представлявшимися загадочными процессами жизнедеятельности человека и человечества. Она позволила содержательно интерпретировать процесс "сборки" сложного эволюционного целого, каковым являются человек и человечество.

В синергетике основное внимание уделяется изучению нелинейных математических уравнений, т.е. уравнений, содержащих искомые величины в степенях больше 1 или коэффициенты, зависящие от свойств среды. Множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы. В данной нелинейной среде возможен лишь определенный набор этих путей, притягивающих, *аттракторных* состояний, которые выражают собой структуру системы. Если параметры системы достигают критических значений, то система попадает в состояние *неравновесности* и *неустойчивости*, из которого она неминуемо, вследствие сколь угодно малого возмущения, "скатывается" в область притяжения другого аттрактора. Происходящее можно проиллюстрировать следующим образом. Представьте себе полусферу, на вершине которой оказался маленький шарик; поверхность полусферы вся покрыта желобками, сужающимися к вершине сферы и сходящимися к ней. Шарик в силу случайного возмущения скатится вниз и, попав в один из желобков, именно по нему продолжит свое движение. Неустойчивое и неравновесное состояние (хаос) перешло в упорядоченное движение. Как выражается *И. Пригожий*, порядок рождается из хаоса. В синергетике хаос не представляется больше в форме сугубо деструктивного начала. Жизнь хаоса непременно приводит к образованию структур, которые могут быть более или менее устойчивыми. Степень устойчивости структур зависит от так называемой *обратной связи*, воздействия результатов функционирования системы — в том числе подвода к ней вещества, энергии и информации — на характер этого функционирования. Отрицательная обратная связь обычно

стабилизирует работу системы, она в таком случае находится в состоянии относительного динамического постоянства — *гомеостаза*. Положительная обратная связь обычно приводит к неустойчивой работе системы. Нелинейная положительная обратная связь часто сопровождается достижением состояний неустойчивости, последствия которой для человека могут быть, в зависимости от ситуации, как желаемыми, так и нежелаемыми. Вычислительный модельный эксперимент позволил оценить указанные последствия. Развитие через неустойчивость и последующее разветвление (*бифуркацию*) — это реальный феномен, человеку приходится с этим считаться. Следует учитывать, например, что управление такими сложными системами, как общество, далеко не всегда уместно базировать на линейной экстраполяции настоящего ее состояния в будущее. Ясно почему. Ни одна система, в том числе и общество (и человек), не застрахована от случайностей, неравновесностей, нелинейностей, чреватых для нее синергетическими преобразованиями. Складываются новые структуры, что в свою очередь приводит к возникновению новых системных характеристик. А это означает, что радикально изменилось качество исходной системы, что исключалось в сценарии линейной экстраполяции настоящего в будущее.

Синергетические и системные представления позволяют оценить характер становления, эволюции и развития человека, общества и человечества. Во-первых, нет ничего удивительного в том, что в далеком прошлом "взорвался" вакуум: он оказался в состоянии неравновесия и в итоге "скатился" к определенному аттракторному состоянию, сопровождавшемуся расширением (и охлаждением) физической Вселенной. Во-вторых, мало удивительного и в том, что "сборка" физико-химических элементов привела к возникновению живого: наша физико-химическая Вселенная именно такова, что в ней — по крайней мере в ней — возможно появление живых организмов. В-третьих, нет ничего удивительного и в том, что живые организмы способны сохранять свою устойчивость, это происходит благодаря обратным отрицательным связям. В-четвертых, с синергетических позиций вполне закономерной представляется эволюция мира живого, которая по линии развития древесных млекопитающих привела к становлению человека как биологического вида и закреплению его в этом относительно устойчивом состоянии. В-пятых, возникновение и обновление экономических, политических, эстетических, этических и религиозных составляющих человека и общества вполне укладываются в картину системных представлений. Процессы самоорганизации привели мозг наших далеких предков в такое состояние, когда оказался возможным быстрый интеллектуальный прогресс. Уникальный сенсорно-мыслительный аппарат человека, мозг, состоящий из достаточного числа нейронов, явился производением эволюционного процесса. Человек способен к обновлению, созиданию, творчеству. Его называют человеком разумным, человеком действующим, человеком любящим, человеком моральным, человеком играющим, человеком символическим — и ни одно из этих определений не является лишним. Итак, для развития человека характерна сложная диалектика синергетических и системных процессов, обратных положительных и отрицательных связей.

Особо следует указать на характер взаимодействия человека с природой. На разных этапах человеческой эволюции процесс антропогенеза

шел на основе небольших популяций, деятельность которых не влияла сколько-нибудь существенно на состояние природы. Дальнейшее развитие био- и социогенеза человека привело к качественно новому положению. Выяснилось, что человек, быстро размножаясь, становится активнейшим фактором биосферы, в частности, как показал в 60-х годах наш отечественный почвовед *В.А. Ковда*, именно человечество является основным загрязнителем *биосферы* (термин "биосфера" введен австрийцем *Э. Зюссом* в 1875 г.). Еще в начале XX в. *В.И. Вернадский* неоднократно отмечал, что "человечество превращается в основную геологообразующую силу планеты". Приняв за основу установленную *В.И. Вернадским* биогеохимическую основу биосферы, французы *Е. Ле-Руа* и *Т. де Шарден* ввели термин *ноосфера*. Слово *ноосфера* составлено из греческого "ноос" — разум и "сфера" в смысле оболочки Земли. *В.И. Вернадский* рассматривал ноосферу как последнее состояние биосферы, достигнутое ею вследствие возрастания активности человека. Творя свою историю, человек создает себе новые проблемы, часть из которых награждает эпитетом "глобальные" в силу их первостепенной значимости для будущего человечества, человечества как планетарного явления.

Человечество перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации

Как выясняется, человечество может существовать не иначе как в рамках достаточно узкого диапазона параметров его физической среды, био- и социосферы. Это обстоятельство неоднократно подчеркивал в последние годы академик *Н.Н. Моисеев*. Человечество как в физическом, так и в биологическом и в социальном смысле "держится на острие" (удачное, на наш взгляд, выражение *Н.Н. Моисеева*). Ускорение процессов развития человечества сопровождается понижением уровня его стабильности. Естественно, ход процессов развития человечества сопровождается состоянием неустойчивости, возникают новые системные качества, новые аттракторы. Так как человечество в облике ноосферы приобрело *всепланетарный* статус, то вновь возникающие проблемы часто имеют *глобальный* характер. Речь идет о: предотвращении катастрофического загрязнения человеком окружающей среды, обеспечении общества необходимыми вещественными, энергетическими и продовольственными ресурсами, выходе из состояния экологического кризиса, регулировании роста населения в ареалах нищеты и голода, обеспечении мира между народами и недопущении войн с применением оружия массового уничтожения людей, преодолении забвения достижений культуры, нравственности, образования. Список глобальных проблем человечества можно при желании продолжить, они характерны для экономической, социальной, политической, эстетической и этической жизни человека.

При анализе глобальных проблем важно не упускать из виду, что их разрешение представляется делом отнюдь не простым, а весьма сложным и даже опасным. Нет простых решений для преодоления глобальных проблем современности. Безусловно, уничтожение ядерного оружия, развертывание безотходных технологий, экономия природных ресурсов во многих отношениях решающим образом способствовали бы улучшению нынешнего

состояния человечества. Но даже осуществление перечисленных масштабных преобразований не привело бы к отмене глобальных проблем, ибо на смену уже разрешенным проблемам неминуемо пришли бы другие. Суть в том, что человечество как часть ноосферы вступило в эпоху необратимого развития, а с последним связаны различного рода катаклизмы глобального характера. На наш взгляд, Н.Н. Моисеев справедливо подчеркивает, что предотвращение "деградации человечества как элемента биосферы сводится по существу к формированию новой цивилизации (или новых цивилизаций). И этот вопрос остается открытым". А это означает, согласно Н.Н. Моисееву, удачно использующему богатый арсенал философских, математических, синергетических и кибернетических идей, что актуальнейшей задачей становится разработка "Стратегии Человека", согласованной со "Стратегией Природы". Под стратегией человечества понимается характер совокупных действий различных цивилизаций, способных обеспечить совместную эволюцию (коэволюцию) человека и окружающей среды, высшее искусство управления развитием ноосферы, предупреждение катастроф. В этой связи вполне уместно введение представлений об экологическом и нравственном императиве. Н.Н. Моисеев понимает *экологический, императив* как некоторое множество свойств окружающей среды, изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях, и ясно почему. В то же время *нравственный императив* понимается как обновленная нравственность, заслоняющая людей от опасностей социального порядка. Разумеется, и экологический, и нравственный императивы — это не более чем органические составляющие стратегии человечества, вне этой стратегии они неминуемо предстанут в форме табу, недостаточно обоснованных догматов, приверженность которым опять же небезопасна.

Итак, стратегия человечества выступает как органический идеал его целеполагающей деятельности в планетарном масштабе в чрезвычайно рискованных условиях. Актуальнейшей задачей стало создание планетарного гражданского общества как института, в рамках которого только и возможна эффективная реализация стратегии человечества, сопровождаемая необходимыми формами контроля международных организаций. Стратегия человечества не может быть реализована одним или несколькими избранными народами, это идеал международного сообщества в целом.

Стратегия человечества — это необходимость последовательной, шаг за шагом, бдительной и ответственной реализации философского, научного, эстетического и этического потенциала современного человека, приемлемого для него развития той системы отношений, в которую он включен. К концу XX в., как никогда ранее, выявилась неуместность надуманно-надменного отношения человека к данным наук, к ценностям повседневной жизни, к философствованию как одному из методов разрешения проблемных ситуаций.

Так называемые простые решения с их ориентацией на стихийно складывающееся непроявленное общественное мнение все чаще ведут в тупик. Именно поэтому речь идет об обновлении стратегии управления развитием человечества. Старые ориентиры далеко не во всем убедительны. С этих позиций вырисовываются контуры новых цивилизаций, при

обсуждении которых нам бы не хотелось идти по пути фантазий или же простой экстраполяции существующего положения дел в будущее. Вместе с тем выделим характер той основной озабоченности, с которой футурологи заглядывают в XXI в.

Абсолютное большинство авторов, рассуждающих о новой эпохе, обеспокоено тем, что в наиболее развитых цивилизациях XX в., а именно в странах Запада, технико-экономическая компонента не только доминировала, но подчас и подавляла культурно-этическую составляющую. В этой связи ставится задача перехода от техногенной, в том числе информационной цивилизации к антропогенной цивилизации, где основной ценностью был бы человек (а не техника). В то же время весьма энергично обсуждаются ценностные составляющие грядущих цивилизаций. Какие именно станут в них доминирующими: удовольствие, свобода, справедливость, национальная принадлежность, мир, счастье? Ответ на поставленный вопрос по необходимости увел бы нас в глубь обширных историко-сравнительных исследований, что не входит в наши намерения.

Итак, стратегия человечества стремится достойно встретить новые модернизации. А для этого ей нужна, между прочим, и новая философия.

Заключение

Философия в современном мире

В заключение обратимся к тем тенденциям современной философии, которые увлекают ее в будущее и, возможно, определяют его. Философия есть творчество по пониманию человеком жизни и обеспечению ее будущего. Философия направлена против краха, кризиса, упадка цивилизации, культуры и духовности человека. Философия есть рефлексия, творчество по обретению человеком свободы. Добиться успехов в философском деле, конечно же, не просто. В современном мире с его многообразием знаний, гуманистических ценностей, жизненных ориентиров осуществление желаемого синтеза, создание целостного образа мира оказывается задачей, которая заведомо неподвластна отдельным личностям, будь они семи пядей во лбу. Но задачу эту решать надо, ибо в противном случае человечеству уготовлено безвольное барахтанье в оврагах технократизма, сциентизма, наконец, даже моральной неполноценности. Человечество, однажды осознав роль и значение философии, всегда будет обращаться к арсеналу ее идей, стремясь выявить, постигнуть и развить глубинные смыслы своего собственного бытия, которые оно вынуждено облекать в различные символические формы — языковые, культурные, технические и другие.

Вместе с тем следует откровенно признать, что небосвод над современной философией отнюдь не безоблачен. Часто появляющиеся публикации о кризисе философии также небезосновательны. Можно указать в этой связи на то, что философия в своих традиционно умозрительных формах не всегда поспевает за стремительной поступью современных научных и технологических новаций, ее прогнозы достаточно часто запаздывают, а их практическое значение оставляет желать лучшего. Наивные люди, особенно из числа позитивистски ориентированных ученых, даже полагают, что философия устарела, что она якобы должна быть заменена некоторым новым положительным знанием. Такого рода сентенции неизменно опровергаются самим ходом исторического прогресса, проблемные аспекты и беды которого самим своим наличием указывают на необходимость развития философии. Заметим, что кризисные явления существуют во всех науках, во всех областях культуры. Так что в этом смысле философия не может быть неким исключением. Однако наряду с этим следует признать, что кризисные явления в философии в немалой степени являются следствием невнимания к ее запросам власть предержащих. Кризис философии — это не столько результат творческой немощи профессиональных философов, сколько прямое проявление философского уровня данного общества. Каждое общество имеет такую философию, какой оно достойно.

Что же касается потребности в новой философии, в дальнейшем прогрессе современной философии, то она огромна. Именно в этой связи мы оптимистично оцениваем будущее философии. Не случайно в современной философии наблюдается сдвиг в сторону духовной проблематики, появляется много работ этического и эстетического содержания, препятствующих разрастанию экзистенциального вакуума. Еще одна тенденция современной философии состоит в конкретизации философского

знания с тщательным использованием аппарата науки. Неуклонно возрастает значимость аналитических, рационалистических тенденций в философии. Дальнейшее развитие получают неоклассические тенденции, разумеется, при сохранении преемственности с классикой. Все более продуктивным становится диалог различных философских направлений.

Наконец, вся человеческая жизнь в целом становится в философском отношении все более насыщенной. Чем больше в мире новаций, творчества, тем больше философия необходима человеку.

Глубокоуважаемый читатель! Позвольте закончить текст стихами Г. Гессе, которые будут понятны тому, кто равнодушен к духовным высотам философии:

Пристанищ не искать, не приживаться,
Ступенька за ступенькой, без печали,
Шагать вперед, идти от дали к дали,
Все шире быть, все выше подниматься!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. 100 вопросов на понимание курса философии

К введению

1. Уступает ли философия науке в рациональности?
2. Уступает ли философия искусству в образности?
3. -Уступает ли философия религии в нравственном отношении?
4. Обладает ли философия практической действенностью?
5. В каком отношении философия превосходит науку, искусство и религию?

К главе 1.1

6. Вопреки мнению натурфилософов все существующее не состоит из первовещества. Между тем в утверждениях натурфилософов содержатся элементы гениальных прозрений. Каковы они?
7. В чем состоит основное достижение школы Пифагора?
8. Свидетельствуют ли апории Зенона о том, что элеаты глубже других понимали природу вещества, пространства и времени?
9. Чьим детищем является атомарная гипотеза — философов или физиков? Чем отличается древний атомизм от современного?
10. В споре софистов и сократиков на чьей стороне находятся ваши симпатии и почему?
11. Гениален ли Платон как философ? Если да, то в чем?
12. По мнению К. Поппера, философия Платона вредна для демократического общества. Справедливо ли это мнение?
13. Аристотель видел источник движения в форме, эйдосе. Согласны ли вы с ним?
14. Достоин ли Аристотель Нобелевской премии? Если да, то в силу каких оснований?
15. Античные стоицизм, эпикуреизм, скептицизм — какое учение вам более симпатично? Почему?
16. В чем состоит жизненность неоплатонизма?

К главе 1.2

17. Каковы философские истоки геоцентризма?
18. Каковы философские истоки монотеизма?
19. Имеет ли креационизм научное обоснование?
20. Каковы достоинства средневекового символизма?
21. Почему и поныне не утихает спор между номиналистами и реалистами?
22. В чем состоит философский смысл заповедей Христа?
23. Действительно ли в средние века философия была служанкой богословия?
24. Какие черты средневековой философии сохранили свою актуальность?

К главе 1.3

25. Почему доминирующим аспектом возрожденческой философии является эстетическое?
26. Действительно ли главным принципом возрожденческой философии является антропоцентризм?
27. Каковы философские истоки ренессансного гуманизма?
28. Кузанский объединял религиозные и математические прозрения. Состоятельно ли такое объединение?
29. Каковы сильные стороны философии Дж. Бруно?

К главам 1.4, 1.5

30. Каковы общие черты философии Бэкона и Декарта?
31. Каково философское значение открытий Галилея и Ньютона?
32. Каковы философские основания юридического мировоззрения Нового времени?
33. В чем состоит главный принцип трансцендентального идеализма Канта?

К главе 1.6

34. В чем вы видите основные достоинства идеализма Гегеля?
35. В чем вы видите основные достоинства философии Маркса?
36. В какой степени состоятельна диалектика?

К главе 1.7

37. Каковы достоинства философии жизни?
38. Преодолеет ли экзистенциализм психологизм философии жизни?
39. Феноменология сочетает рациональное и чувственное. Не является ли такое сочетание чем-то эклектичным?
40. В чем заключается новаторство герменевтов?

К главе 1.8

41. Каковы основания логического поворота в философии XX в.?
42. Проверяем ли принцип верификации?
43. Является ли принцип фальсификации более философски значимым, чем принцип верификации?
44. Каковы основания лингвистического поворота в философии XX в.?

К главам 1.9, 1.10

45. Каковы общие черты философии славянофилов и западников?
46. Сохранила ли свою актуальность философия всеединства?
47. Кто из русских философов внес максимальный вклад в мировую философию?

48. Каковы характерные черты русской философии?
49. Каковы характерные черты восточной философии?
50. В каком смысле происходит интеграция философии Запада и Востока?

К главе 2.1

51. Какая категория открывает список категорий метафилософии?
52. Является ли категория бытия идеализацией?
53. В чем состоит смысл общего?
54. Чем отличается сущность от явления?
55. Выражает ли закон несущественное?
56. Является ли символическое чем-то реальным?
57. О мире судят по теориям, но теории противоречивы. Вопрос: противоречив ли мир?
58. Как отличить реальную возможность от мнимой?
59. Какие связи более универсальны, необходимые или случайные?
60. В чем состоит отличие категорий философии от понятий наук?

К главе 2.2

61. Чем является психическое: нематериальным, идеальным или символическим?
62. Образуется ли от слияния чувственного и рационального новая системная характеристика?
63. К какой сфере познания — чувственной, рациональной или эйдетической — относите вы интуицию?
64. В свете роста научного знания существует ли абсолютная истина?
65. Кто прав в споре "лириков" и "физиков"?
66. Чем отличается философская вера от религиозной веры?
67. Является ли идеал конкретным образом конкретного будущего?
68. Почему часто идеалотворчество превращается в идолотворчество?

К главе 2.3

69. В какой мере выражает язык специфику человеческого?
70. Обречены ли народные массы на отрыв от культуры?
71. В чем состоит тайна красоты?
72. Что есть добро?
73. Образуют ли истина, красота и добро единство?
74. В чем состоит кризис системы образования?

К главе 2.4

75. Чем отличается социальное от психического?
76. Удовлетворяет ли социология критериям науки?
77. В чем состоит смысл истории?

К главе 2.5

78. Что явилось первоисточником нашей Вселенной?
79. Какова специфика временных свойств биологических явлений?
80. Каковы философские истоки экологических бед человечества?

К главе 2.6

81. Каковы основные ценности науки?
82. Нагружено ли эмпирическое знание теоретическим?
83. Каковы основные этапы процесса измерения?
84. В чем состоит смысл идеализации?
85. Каковы характерные черты аксиоматического метода?
86. Каковы характерные черты гипотетико-дедуктивного метода?
87. В чем состоит научность описательных методов?
88. Каковы идеалы науки?
89. Стоит ли наука вне этики?

К главе 2.7

90. Каково соотношение техники и науки?
91. Как проводится оценка техники?
92. Каковы основные этические принципы инженерного отношения к миру?
93. Каковы основные черты информационного общества?
94. В чем состоит смысл реализуемого в компьютерной культуре изоморфизма?

К главе 2.8

96. В какой степени предсказуемо будущее в свете синергетических представлений?
96. Какие императивы вы считаете актуальными в свете проблематики глобальных идей?
97. Каковы, в вашем понимании, идеалы будущего?

К заключению

98. К какому философскому направлению принадлежите вы?
99. Каковы пути преодоления кризисных черт философии?
100. Спасет ли философия мир?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Советы студентам

1. Воспользуйтесь счастливым случаем и изучите философию, серьезно и основательно. Изучая философию, вы быстро убедитесь, что ей нет альтернативы, заменить ее нечем.

2. Крайне полезно иметь представление об учебнике в целом, ибо каждая глава приобретает присущий ей законченный смысл лишь в рамках целого. Поэтому постарайтесь как можно раньше ознакомиться, пусть в предварительном порядке, со всем содержанием учебника. Просмотрите оглавление, попытайтесь понять его логику, чаще читайте или даже просто листайте учебник. К книге надо привыкнуть, знать ее интересные и неинтересные страницы.

3. При подготовке к учебным занятиям сначала бегло ознакомьтесь с содержанием очередной главы, а затем приступайте к тщательной проработке материала.

4. Читайте учебник абзацами. Прочитайте абзац, задумайтесь, выделите его главное положение, выработайте свое личное отношение к нему.

5. Обращайте особое внимание на самые главные положения. Вновь и вновь возвращайтесь к их осмыслению. Стремитесь выразить идею кратко, одним-двумя предложениями, но в то же время постарайтесь обнаружить как можно больше ее проявлений. Краткость является сестрой таланта лишь тогда, когда она объемлет собой многое.

6. Изучая философию, стремитесь к открытости, основательности и своеобразной исповедальности. Не прячьте себя от других, вступайте в дискуссию, философская пассивность обернется в конечном счете ненужными потерями.

7. Познавайте себя, добивайтесь философского самосознания. Разумеется, полезно составлять себе представление и о философском уровне других. Это позволит вам, как говорится, знать цену и себе и другим, облегчит ваши контакты с товарищами.

8. Учитесь философствовать, философствуйте каждый день — это недостаточное, но необходимое свойство человека с высшим образованием. Впрочем, философия самодостаточна также и вне высшего образования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Программа курса философии

Тематический план

Тема 1. Что есть философия?

Тема 2. Античная философия

Тема 3. Средневековая философия

Тема 4. Философия эпохи Возрождения

Тема 5. Европейская философия XVII в.

Тема 6. Европейская философия XVIII в.

Тема 7. От философии Гегеля к диалектическому материализму

Тема 8. От философии жизни к герменевтике

Тема 9. Аналитическая философия

Тема 10. Русская философия

Тема 11. Восточная философия

Тема 12. Метафилософия

Тема 13. Философская антропология и гносеология

Тема 14. Философия символического мира человека. Человек в мире культуры

Тема 15. Философия общества и истории

Тема 16. Философия природы

Тема 17. Философия науки

Тема 18. Философия техники

Тема 19. Стратегия будущего

Примечание. Содержание тем совпадает с содержанием одноименных глав учебника.

Тема 1. Что есть философия?

Самостоятельность и своеобразие философии. Примеры подлинного философствования. Философия как поиск и нахождение человеком ответов на главные вопросы бытия. Научная ориентация философии. Мировоззренческая и методологическая функции философии. Союз науки и философии. Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии. Практическая ориентация философии. Моральная функция философии. Назначение философии. Кратко об онтологической и других функциях философии.

Тема 2. Античная философия

Милетская школа философии. Демифологизация античного мировоззрения. Поиски вещественных субстанций как путь к универсальным принципам. Современные научные данные об исходной сингулярности Вселенной. Школа Пифагора: поиски количественных закономерностей. Гераклит и элеаты. Апории Зенона как путь выработки философских представлений о веществе, пространстве и времени. Древние атомисты. Атомизм как попытка преодоления апорий Зенона. Сопоставление древнего и современного атомизма.

Школа Сократа. Умопостигаемость общего. Этический рационализм Сократа, понимание диалектики как взаимодополнительности иронии и майевтики. Смерть Сократа. Софисты, их споры с сократиками.

Проблематика софизма.

Философия Платона. Природа идей. Сопричастность идей и вещей. Понимание идеи как предела становления вещей и как порождающей модели класса вещей. Достижения античного объективного идеализма. Современные данные о связи общего и единичного. Космология Платона и его учение об обществе как конкретизация концепции идей. Этика Платона.

Философия Аристотеля. Материя и эйдос (форма). Возможностно-энергетическое понимание действительности. Логика и методология Аристотеля. Три закона формальной логики. Силлогизм. Учение об обществе и этические представления Аристотеля.

Философия раннего эллинизма. Стоицизм, эпикуреизм, скептицизм о проблеме человека. Неоплатонизм. Характерные черты античной философии.

Тема 3. Средневековая философия

Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности как результат более глубокого, чем в античности, понимания субъективного. Креационизм. Провиденциализм. Истолкование природы времени и вечности. Средневековый символизм и герменевтика. Спор реалистов и номиналистов; концептуализм. Современная интерпретация этого спора, различение общего имени и понятия. Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа. Средневековое понимание общества и природы. Средневековая теодицея. Основные идеи средневековой философии. Соотношение философии и теологии.

Тема 4. Философия эпохи Возрождения

Антропоцентрический неоплатонизм как основа философии эпохи Возрождения. Понимание человека как рукотворного мастера и художника. Эстетическое — доминирующий аспект философии Возрождения. Разработка метода линейной перспективы. Гуманизм. Возрожденческий утилитаризм, философия Кузанского: развитие понятия предела. Пантеизм Дж. Бруно. Характерные черты возрожденческой философии — антропоцентризм, гуманизм, личностно-материальное и геометрически-структурное понимание мира, борьба со схоластикой.

Тема 5. Европейская философия XVII в.

Философия Ф. Бэкона: критика схоластики, развитие экспериментального метода и метода индукции. Недостатки индуктивного метода. Философия Р. Декарта: принцип "Cogito ergo sum", принцип методического сомнения; интеллектуальная интуиция; дедуктивный метод, выделение простого и восхождение от него к сложному; поиск рационального порядка во всем; концепция врожденных идей; дуализм.

Галилей и Ньютон: создание теоретической механики. Четыре аспекта механики Ньютона: метод принципов, математический язык, законы и начальные условия, гипотетико-дедуктивная структура.

Правовые идеи в воззрениях Т. Гоббса и Дж. Локка как реализации потенциала нововременной философии, философия Лейбница: принципы тождества, достаточного основания, предустановленной гармонии, идеальности монад, непрерывности. Спор Локка и Лейбница по вопросам

теории познания. Эмпиризм и сенсуализм Локка: переход от простых идей к сложным. Рационализм Лейбница в теории познания. Основные идеи философии XVII в.

Тема 6. Европейская философия XVIII в.

Философия французского просвещения (Вольтер и Руссо) и французского материализма (Гольбах), философия Канта: принцип трансцендентального идеализма, соотношение способностей души с познавательными способностями и априорными причинами. Основные формы человеческой деятельности и сопутствующие им ценности: истина, красота и добро. Деятельностная философия Фихте. Сравнение двух главных философских направлений XVIII в., французской и немецкой философий.

Тема 7. От философии Гегеля к диалектическому материализму

Философия Гегеля: идеализм, природа идей; идеи сами по себе, в природе и духе. Схематика гегелевской энциклопедии философских наук. Достоинства и недостатки гегелевского идеализма и гегелевской диалектики. Материализм Фейербаха. Диалектический материализм Маркса и Энгельса: критика капитализма, проблема отчуждения и возможности ее преодоления посредством пролетарской революции, уяснение природы общественного, разработка проблем практики.

Тема 8. От философии жизни к герменевтике

Неклассическая философия жизни как противовес классической рациональной философии. Философия А. Шопенгауэра. Интуитивизм А. Бергсона. Философия воли к власти Ф. Ницше.

Экзистенциализм. Бытие человека в мире. Истолкование проблемы существования человека. Экзистенциализм как преодоление психологизмов философии жизни. Основные экзистенциалы: страх, тревога, ожидание смерти и др. Основные идеи философии Хайдеггера, Сартра, Ясперса, Камю. Разногласия Хайдеггера и Сартра по поводу гуманизма.

Феноменология Гуссерля: единство субъекта и объекта в феноменах, интенциональность сознания, эпохе, феноменологическая редукция, роль воображения в конструировании эйдосов, эйдетическая интуиция. Успехи и неудачи феноменологии.

Герменевтика. Различие наук о природе и о духе. Метод вчувствования В. Дильтея. Истолкования Хайдеггером понимания как языковой интерпретации. Понимание как выделение феноменологических смыслов. Герменевтика Гадамера как реализация традиций здравого смысла, языка и образования. Представление о герменевтическом круге.

Тема 9. Аналитическая философия

Основатели движения Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн. Логические открытия Фреге и Рассела. Логико-философский трактат Л. Витгенштейна. Логический позитивизм: отрицание метафизики, аналитические и синтетические суждения. Принцип верифицируемости. Физикализм. Эмотивизм в этике. Сильные и слабые стороны логического позитивизма.

Постпозитивизм. Критический рационализм К. Поппера: принцип

фальсификации; квазидарвиновская модель роста научного знания. Методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Методологический анархизм П. Фейерабенда. Концепция парадигм и научных революций Т. Куна.

Лингвистический поворот в философии XX в. Концепция языка позднего Витгенштейна. Значение слов как их употребление. Язык как форма жизни и деятельности. Современные тенденции развития аналитической философии.

Тема 10. Русская философия

Историческая справка о философии в России до XIX в. Философия славянофилов: И.В. Киреевского, Л.С. Хомякова. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Религиозно-этические искания Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, философия западников: А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Философия В.С. Соловьева: положительное всеединство. Бог как олицетворение всеединства, София, формула В.С. Соловьева: абсолютное осуществляет благо через истину в красоте. Любовь как сила, подрывающая корни всякой отдельности. Жизнь как подвиг одухотворения. Критики о философии В.С. Соловьева.

Русская философия XX века. Насильственная эмиграция философов (1922 г.). Философия Н.А. Бердяева: темы свободы, творчества, ничто и Бога. Диалектическая феноменология и символизм А.Ф. Лосева. Русский космизм.

Характерные черты русской философии: внимание к целостности мира, его положительному всеединству; этический персонализм, соборность, интуитивность и праведность; космизм.

Тема 11. Восточная философия

Термин "восточная философия". Особенности восточной философии на примере анализа индийской философии: объединение интереса к субъективному и к целостному восприятию мира, мистический идеализм, абсолютное бытие как бог, погруженность во всеобщем сознании, спиритуализм и мистика, под-, сверх- и просто сознательное. Соотношение западной и восточной философий.

Тема 12. Метафилософия

Метафизика. Определение метафизики в различных типах философии. Основные вопросы философии в историческом контексте. Использование дедукции при построении философии. Мир философии: мир человека, мир символов, мир природы.

Основные категории метафилософии. Бытие как понятийное постижение одинаковости всех явлений. Вещь, свойство и отношение. Общее и единичное. Определенность и неопределенность. Синергетические категории: самоорганизация, неравновесность, структуры-аттракторы. Сущность и явление, закон. Часть и целое, элемент и система. Структура и функция, форма и содержание. Знак как копия, признак и символ. Взаимовлияние и активность. Единство и борьба противоположностей. Причина и следствие, детерминизм и индетерминизм. Возможность и действительность. Случайность и необходимость, вероятность. Качество,

количество, мера. Эволюция и развитие. Прогресс и регресс. Отрицание и преэминственность.

Тема 13. Философская антропология и гносеология

Философия о природе человека: обзор различных точек зрения, дилеммы уникальности/универсальности, внутреннего/внешнего; единство человека, его историчность, необходимость синтеза гуманистических концепций. Рассмотрение тех возможностей, которые позволяют человеку познавать мир. Критика противопоставления объекта субъекту. Природа психических функций человека. Чувственное познание и его формы. Память и воображение. Рациональное познание: понятие, суждение, умозаключение. Единство чувственного и рационального познания. Творчество. Интуиция. Сознательное, бессознательное, надсознательное. Фрейдизм о бессознательном. Самосознание. Общественная природа сознания. Истина. Три концепции истины: корреспондентная, когерентная и прагматическая. Шкала истинности: относительность истины и заблуждения. Объяснение, чувствование, понимание как формы познания. Проблема единства, истины, добра и красоты. Русские философы В.С. Соловьев и П.Ф. Флоренский о единстве истины и духовности. Ценность и оценка. Философия как аксиология. Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал.

Тема 14. Философия символического мира человека. Человек в мире культуры

Философия языка. Обзор исторических интерпретаций природы языка. Три философии языка: философия имени, предиката и ценностных установок. Метаязык. Формализованный язык. Машинные языки. Философия как язык.

Философия культуры. Культура и цивилизация. Диалоговый характер культуры. Проблемы массовой и элитарной культуры. Эстетическое, природа красоты. Различение художественного и эстетического. Прекрасное и возвышенное.

Философия практики. Практика как деятельность человека. Структура практики: цель, целесообразная деятельность, средства, результат деятельности и его оценка. Интерпретация феномена практики в различных способах философствования. Разновидности практики.

Добро. Три этики: добродетелей, долга и ценностей. Проблемы свободы и ответственности. Классическая и неклассическая концепция ответственности. Единство истины, красоты и добра. Философские вопросы образования и воспитания.

Тема 15. Философия общества и истории

Пять подходов к пониманию природы общества: от природы, от психики человека, от действий человека, от предметного действия, от дискурса. Общество как системное образование. Социальное, структура общества. Возможна ли наука об обществе? Роль рациональности в развитии общества. Выделение Вебером четырех типов действия. Философия истории. Многообразие цивилизаций. Запад — Россия — Восток.

Тема 16. Философия природы

Исторические формы отношения человека к природе. Концепция ноосферы. Происхождение Вселенной: гипотеза Большого взрыва. Уровни организации Вселенной. Тупики физикализма, биологизма, натурализма, психологизма, социологизма.

Природа пространства и времени, их разнообразные свойства. Субстанциальная и реляционная концепции пространства и времени. Представление о биологическом и социальном времени и пространстве.

Экологическая философия. Биоэтика. Экогуманизм. Вопросы сохранения и развития экосистемы человек — природа. Требования экологической этики. Вопросы биомедицинской этики.

Тема 17. Философия науки

Природа науки. Наука как деятельность человека по выработке, систематизации и проверке знаний. Соотношение науки и обыденного познания. Тупики сциентизма.

Эмпирический уровень научного познания. Различие эмпирических и теоретических терминов. Наблюдение и эксперимент. Измерение, его структура. Роль прибора. Модельное экспериментирование.

Теоретический уровень исследования. Теория как система принципов, законов, понятий. Понятие как фиксация общего. Природа идеализации. Становление научной теории и рост научного знания. Анализ и синтез, классификация и дедукция, обобщение, идеализация как главные моменты становления научной теории. Формализация и математизация знаний. Соотношение новых и старых теорий. Теоретические методы: аксиоматический, гипотетико-дедуктивный, генетический и другие способы организации знания.

Идеалы науки. Этика ученого, философия и наука.

Тема 18. Философия техники

Происхождение и природа техники. Техника как совокупность артефактов, как технология, т.е. как совокупность операций по целенаправленному использованию технических артефактов. Техника как символизация человека в предметно-технологическом действии. Основные проблемы философии техники: сущность технического подхода и его отличие от научного подхода, различие естественного и технического, вопросы оценки техники. Техника и этика. Три формы техноэтики. Деонтологическая и нормативная социотехническая этика. Этические кодексы инженерных сообществ. Философия информационного подхода. Рационализация, развитой изоморфизм, высокие экономические и социально-политические ценности как основа информационной технологии. Проблемы отношения человека к компьютеру. Будущее информационных технологий.

Тема 19. Стратегия будущего

Человек во Вселенной. Человек перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации, философия в борьбе против кризиса и упадка цивилизации, культуры и духовности человека. Кризисные явления в современной философии. Философия и ее миссия спасения человечества.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Примерное почасовое планирование курса философии

Номер темы	Наименование	Лекции	Семинары	Самостоятельная работа студентов
1	2	3	4	5
1	Что есть философия?	1/1*	2/1	2/2
2	Античная философия	3/1	6/3	6/4
3	Средневековая философия	1/-	2/-	1/1
4	Философия эпохи Возрождения	1/-	2/-	1/1
5	Европейская философия XVII в.	1/1	2/2	2/2
6	Европейская философия XVIII в.	1/1	2/2	2/2
7	От философии Гегеля к диалектическому материализму	2/1	2/2	2/2
8	От философии жизни к герменевтике	2/1	4/2	4/3
9	Аналитическая философия	2/1	4/2	4/3
10	Русская философия	2/1	4/2	4/3
11	Восточная философия	-	-	2/1
12	Метафилософия	4/2	8/4	8/6
13	Философская антропология и гносеология	4/2	6/4	6/6

14	Философия символического мира человека. Человек в мире культуры	2/1	6/2	6/3
15	Философия общества и истории	2/1	4/2	4/3
16	Философия природы	2/1	4/2	4/3
17	Философия науки	2/1	6/2	6/3
18	Философия техники	2/1	2/1	2/2
19	Стратегия будущего	-	2/1	2/1
	Итого	34/17	68/34	68/51

*В числителе дроби указаны часы занятий при общей продолжительности курса 170 часов, в знаменателе — при общей продолжительности курса 102 часа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Рекомендации преподавателям

Начиная новый учебный год, прежде всего следует определить свои сильные и слабые стороны. Для преподавателя философии успех его дела зависит в первую очередь от его умения разрешать проблемные ситуации.

1. Достаточно часто преподаватель философии успешно ориентируется либо в научно-, либо в экзистенциально-ориентированной философии. Если это так, то следует непременно, не жалея времени, поработать над собой с тем, чтобы не подвергаться опасностям формулы "либо-либо".

2. Российскому преподавателю философии, которого судьба водит по постсоветским просторам, крайне важно определить свое место на карте мировой философии. Часть преподавателей считает себя диалектическими материалистами, что во многом вполне приемлемо, но при этом они, как правило, не сравнивают диалектический материализм с многочисленными неоматериализмами и неореализмами. Необходимо с максимальной ответственностью определить свое отношение к трем важнейшим современным традициям; аналитизму (он по преимуществу англосаксонской "закваски"), неотрансцендентализму (в основном у немцев, в том числе у феноменологов и герменевтов), постмодернизму (прежде всего у французов).

3. На наш взгляд, неправомерно абсолютизировать одну из частей курса философии, историческую либо систематическую.

4. Сейчас общая продолжительность курса философии составляет в одних вузах 170 часов, в других намного меньше. В этих условиях следует отличать друг от друга парадигмальные и непарадигмальные темы, отказываясь от анализа последних в случае недостатка времени.

5. В части вузов, особенно негосударственных, сокращается, вплоть до нуля, число учебных часов, отводимых на семинары. Это недопустимо, против этого надо протестовать, философствование предполагает атмосферу дискуссии и дискурса, в отсутствие семинаров вряд ли удастся её создать.

Глубокоуважаемые коллеги! Из тех многочисленных инстанций, перед которыми мы ответственны, наиглавнейшей мне представляется СТУДЕНТ. Дело наше относится к числу благороднейших.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Годы жизни выдающихся философов (в хронологическом порядке)

До нашей эры

624 — 546 Фалес из Милета
540 — 470 Парменид из Элеи
535 — 470 Гераклит из Эфеса
510 — 430 Зенон из Элеи
489 — 399 Сократ
460 — 371 Демокрит
427 — 347 Платон
384 — 322 Аристотель
341 — 270 Эпикур

Наша эра

204 — 270 Плотин
354 — 430 Августин
480 — 524 Бозций
1033 — 1109 Ансельм
1079 — 1142 Абельяр П.
1214 — 1292 Бэкон Р.
1221 — 1274 Фома Аквинский
1280 — 1349 Оккам У.
1401 — 1464 Кузанский Н.
1561 — 1626 Бэкон Ф.
1588 — 1679 Гоббс Т.
1596 — 1650 Декарт Р.
1632 — 1677 Спиноза Б.
1632 — 1704 Локк Дж.
1646 — 1716 Лейбниц Г.
1711 — 1776 Юм Д.
1723 — 1789 Гольбах П.
1724 — 1804 Кант И.
1762 — 1814 Фихте И.
1770 — 1831 Гегель Г.
1775 — 1854 Шеллинг Ф.
1788 — 1860 Шопенгауэр А.
1804 — 1872 Фейербах Л.
1818 — 1883 Маркс К.
1839 — 1914 Перс Ч.
1842 — 1910 Джемс У.
1844 — 1900 Ницше Ф.
1853 — 1900 Соловьев В.С.
1856 — 1939 Фрейд З.
1859 — 1938 Гуссерль Э.
1859 — 1941 Бергсон А.
1870 — 1965 Лосский Н.О.
1872 — 1970 Рассел Б.
1874 — 1948 Бердяев Н.А.

1882 — 1937 Флоренский П.А.
1889 — 1951 Витгенштейн Л.
1889 — 1976 Хайдеггер М.
1891 — 1970 Карнап Р.
1893 — 1988 Лосев А.Ф.
1900 Гадамер Г.
1902 — 1994 Поппер К.
1905 — 1980 Сартр Ж..П.
1908 Куайн У.

Примечание. Разумеется, приведенный перечень содержит элемент произвола, ибо выдающихся философов намного больше, чем здесь указано. Перечисляя всего пять десятков имен, мы преследовали вполне определенную методическую цель: составить для читателя легкообозримую хронологию.

ЛИТЕРАТУРА¹

К введению

- Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. 4.1. С.10-73.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М.: Мысль, 1986.
Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.
Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С.10-129.
Сагатовский В.Н. Вселенная философа. М.: Мол. гвардия, 1972.

К главе 1.1

- Аристотель. Метафизика//Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 1976.
Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. М.: Мысль, 1989.
Лосев А.Ф. Эллинистическая римская эстетика X-II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979.
Платон. Государство//Соч. В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т.3. 4.1.
Плотия. О бессмертии души//Вопросы философии. 1994. № 3. С.165-172.
Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 2 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т.1.
История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М.: Греко-латинский комбинат, 1995.

К главе 1.2

- Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. 4.1. С.115-134.
Гвардини Р. Конец Нового времени// Вопросы философии. 1990. № 4. С.127-135.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: 1992. С.302-337.
Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979.
Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С.14-15, 193-196, 483-486, 612-615; Ч.2. С. 378-377.
Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 2 т. СПб.: Петрополис, 1994. Т.2.
Соколов В.В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979.
История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М.: Греко-латинский комбинат, 1995.

К главе 1.3

- Блинников Л.В. Великие философы. Словарь-справочник. М.: Логос, 1997. С. 58-62.

¹ Список литературы составлен с расчетом как на студентов, проходящих курс бакалавриата или магистрата, так и на аспирантов, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по философии. Более половины литературы вполне по силам "одолеть" нормально успевающему студенту. В сложных случаях рекомендуется обращаться за разъяснениями к преподавателям философии.

Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Политиздат, 1978.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С.196-198; 4.2. С.9-15, 419-422.

История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский комбинат, 1996.

К главе 1.4

Бэкон Ф. Новый органон//Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1972. Т.2.

Декарт Р. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

Лейбниц Г.В. Монадология//Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т.1.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С.17-34, 249-254, 309-310, 320-329 367-371.

Спиноза Б. Этика//Избранные произведения. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т.1.

Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков. М.: Высшая школа, 1996.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996.

История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский комбинат, 1996.

К главе 1.5

Блинников Л.В. Великие философы. Словарь-справочник. М.: Логос, 1997. С 86-88 159-169, 298-300.

Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1983.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века. М.: Высшая школа, 1989.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Т.2. С. 15, 19-24, 175-179, 182-186, 422-448.

Царский И.С. Западноевропейская философия XVIII века. М.: Высшая школа, 1973.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1996.

История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 2. М.: Греко-латинский комбинат, 1996.

К главе 1.6

Вопросы философии. 1995. № 1. С.118-158 (подборка статей о современном состоянии диалектики).

Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т.1.

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVII — начала XIX века. М.: Высшая школа, 1989.

Маркс К. Предисловие. К критике политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С.6-7.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.1-4.

К главе 1.7

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс 1988.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология//Вопросы философии. 1992. № 7. С.136-176.

Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. Т.2.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм//Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С.319-344.

Хайдеггер М. Что это такое — философия?//Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113 - 123.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. Западная философия XX века. М.: Интерпракс, 1994.

К главе 1.8

Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Витгенштейн Л.О достоверности//Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67-120.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

Современная философия науки: знание, реальность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия/Сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996. Западная философия XX века. М.: Интерпракс, 1994.

К главе 1.9

Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.

Взгляд на русскую философию//Вопросы философии. 1994. № 1. С.54-72.

Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М.: Наука, 1995.

Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.

Соловьев В.С. Вера, разум и опыт//Вопросы философии. 1994. № 1. С.111-128.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Республика, 1996.

Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.1, 2.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1, ч.1; Т. 2, ч.2.

К главе 1.10

Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М.: Художественная литература, 1987. С. 455-522.

Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М.: Селена, 1994.

К главе 2.1

Введение в философию. М.: Политиздат, 1989. 4.2. С.95-184.

Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем//Вопросы философии. 1994. № 3. С.94-105.

Материалистическая диалектика. В 5 т. М.: Мысль. 1981. Т 1 ; Т. 2,

1982; Т. 3, 1983; Т. 4, 1984; Т. 5, 1985.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С.282-394.

К главе 2.2

Аксиология//Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1991. С.11-14.

Диалектика познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.1. С. 412-658; 1991. Ч. 2. С. 8-142.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.

Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.

Симонов П.В. Мозг и творчество//Вопросы философии. 1992. № 11. С.3-24.

Теория познания. М.: Мысль, 1991. Т. 1, 2.

Это человек. Антология. М.: Высшая школа, 1995.

К главе 2.3

Гуревич П.С. Философия культуры. М.: АО Аспект-Пресс, 1994.

Банфи Н.А. Философия искусства. М.: Искусство, 1989.

Буткевич О. Красота. Природа. Сущность. Формы. Л.: Художник РСФСР, 1983.

Гулыга А.В. Принципы эстетики. М.: Политиздат, 1987.

Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995.

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.2. С.285-405.

Образование в конце XX века (Материалы "круглого стола")//Вопросы философии. 1992. № 9. С.3-21.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.

Этика: словарь афоризмов и изречений. М.: Аспект-Пресс, 1994.

К главе 2.4

Мир философии. М.: Политиздат, 1991. 4.2. С.407-496.

Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М.: Наука, 1994.

Россия и Запад: взаимодействие культур (Материалы "круглого стола")// Вопросы философии. 1992. № 6. С.3-49.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С.156-175.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997.

Философия истории в России. Хрестоматия. М.: Логос, 1996.

К главе 2.5

Биоэтика: проблемы, трудности, перспективы (Материалы "круглого стола")//Вопросы философии. 1992- № 10. С.3-28.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М.: Наука, 1994.

Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.

Панченко А.И. Философия, физика, микромир. М.: Наука, 1988.
Философия природы: коэволюционная стратегия. М, 1995.
Хёсле В. Философия и экология. М.: Изд. фирма "Ками", 1994.

К главе 2.6

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
Современная философия науки: знание, реальность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия/Сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996.

Стёпин В.С. Философская антропология и философские науки. М.: Высшая школа, 1992.

Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991.

Философия и методология науки. М.: SVR-Аргус, 1994.4. 1, 2.

Яковлев В.А. Диалектика творческого процесса в науке. М.: Наука, 1989.

Войшвилло Е.К., Дегтярёв М.Г. Логика как часть теории познания и научной методологии. М.: Наука, 1994. Кн. 1, 2.

К главе 2.7

Канке В.А. Этика. Техника. Символ. - Обвинск: Обнинский ин-т атомной энергетики, 1996.

Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

Ракилов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.

Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.

Философия техники//Вопросы философии. 1993. № 10. С.24-151 (подборка статей).

Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989.

К главе 2.8

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990.

Мир философии. М.: Прогресс, 1991. 4.2. С.497-585.

Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) //Вопросы философии. 1991. № 3. С.3-28.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

К заключению

Налимов В.В. Размышления о путях развития философии/Вопросы философии. 1993. № 9. С.85-93.

Торосян В.Г. Ценность философии/Там же. С. 94-96.

Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.

Словарь-указатель

Словарь призван помочь читателю ориентироваться в материале учебника. В нем содержатся основные лексические сведения, необходимые студенту вуза, дается происхождение слов, что часто позволяет лучше понять их смысл, приводятся разъяснения, которые по тем или иным причинам было нецелесообразно включать в основной текст, но которые имеют важное значение для понимания истории философских проблем, взятых в их единстве (ср. материализм, идеализм и др.). В словаре используются следующие сокращения: *гр.* — греческое, *лат.* — латинское, *фр.* — французское.

Абстрагирование (*лат.* abstractio) — выделение, обычно мысленное, не- которых признаков предмета. Абстрагирование — это, как правило, лишь первый шаг к образованию понятий. Абстракция — это более бедный концептуальным содержанием термин, чем понятие. Распространенная лексическая ошибка состоит в том, что понятия называют абстракциями.

Агностицизм (*гр.* agnostos непознаваемый) — учение о реальности недоступных познанию вещей. Агностицизму противостоит учение так называемого гносеологического оптимизма, согласно которому все вещи познаваемы. Обе концепции страдают одним и тем же недостатком: в них речь идет о непознанном как существующем. Но без знания о вещи неправомерно постулирование ее существования. Философски оправданными являются рассуждения о надежде на рост знания. Термин *агностицизм* часто используется при характеристике философии *Д. Юма* и *И. Канта*. В нашем учебнике он не используется.

Аксиология (*гр.* axios ценный + logos учение) — учение о ценностях, развитое в конце XIX — начале XX в.

Аксиома (*гр.* axioma отправное, исходное положение теории).

Активность (*лат.* aktivus деятельный, энергичный) — признак вещей.

Аналогия (*гр.* analogia сходство вещей в каком-либо отношении).

Антиномия (*гр.* anti + nomos закон) — противоречие между двумя положениями, каждое из которых соответствует теории (*см.* также апория).

Антропология (*гр.* anthropos человек + logos учение) — учение о человеке.

Антропоцентризм (*гр.* anthropos человек + kentron центр) — принцип философии, согласно которому человек есть центральное звено мироздания.

Апория (*гр.* aporia нет выхода) — непреодолимое противоречие при разрешении проблемы.

Априори (*лат.* a priori из предшествующего) — знание, предшествующее опыту. По отношению к априори противоположностью является *апостериори* (на основании опыта).

Атараксия (*гр.* ataraxia) — невозмутимость мудреца, душевный покой. В отличие от атараксии апатия (*гр.* apatheia) есть состояние бесчувственности, равнодушия, доходящее порой до болезненного состояния.

Благо — то, что включает в себе определенный положительный смысл. В наши дни понятие блага вытеснено понятием ценности.

Большой взрыв — событие, предположительно случившееся около 18 млрд. лет тому назад и обусловившее становление нашей Вселенной. О событиях, случившихся до взрыва, науке ничего не известно.

Бытие-в-мире — термин философии экзистенциализма и фундаментальной онтологии *М. Хайдеггера*, призванный выразить неинтеллектуальные особенности человека, которые несводимы к переживаниям человека, на которых, как считается, лежит печать излишнего психологизма. Термин бытие-в-мире выражает также неразрывность связи человека и мира.

Бытие символическое (знаковое) — все то, что интерпретируется на основе семиотики, теории о знаках. Если А несет информацию о Б, то А есть символическое бытие Б. Так, техника несет информацию о человеке, она есть поэтому символическое бытие человека. Учение о знаках развенчало всю таинственность так называемого инобытия. См. также *знак*.

Вакуум (*лат. vacuum* пустота) — определенная физическая среда, физическое поле, изучаемая физикой. Понятие пустоты считается устаревшим в том смысле, что ее нет в природе (см. также *ничто*).

Верификация (*лат. verus* истинный + *facere* делать) — установление достоверности высказываний опытным путем.

Вероятность — числовая характеристика степени появления случайного события.

Возвышенное — 1) категория эстетики, выражающая необычайный подъем эстетического переживания; 2) категория современного постмодернизма, стремящегося к преодолению интеллектуального понимания человека. Возвышенному придается не просто эстетический, а общефилософский смысл.

Воля — способность человека к дополнительным усилиям, необходимым для достижения цели. Волюнтаризм объявляет волю высшим принципом бытия.

Вчувствование — один из путей познания человека.

Гедонизм (*гр. hedone* наслаждение) — учение, согласно которому высшим благом признается наслаждение

Герменевтика (*гр. hermeneutike* истолковать) — направление современной философии, считающее основным вопросом философии истолкование, понимание текстов.

Гилозоизм (*гр. hyle* вещество + *zoe* жизнь) — учение о всеобщей одушевленности универсума.

Гипотеза (*гр. hypothesis* предположение) — научное предположение, выдвигаемое для объяснения какого-либо явления. В отличие от аксиомы гипотеза должна для своего признания получить опытную проверку.

Гносеология (*гр. gnosis* знание + *logos* учение) — философская теория познания. В западной философии вместо термина *гносеология* используется *эпистемология* (*гр. episteme* знание).

Гуманизм (*лат. humanus* человеческий) — система воззрений, придающая человеку значение приоритетной ценности.

Дедукция (*лат. deductio* выведение) — выведение новых мыслей чисто логическим путем.

Действительность — результат действия.

Демиург (*гр. demiurgos*) — создатель мира. В отличие от демиурга средневековой Бог первичен во всех отношениях.

Детерминизм (*лат. determinare* определять) — концепция, признающая первичную обусловленность всех явлений. Противоположность

детерминизма — индетерминизм.

Диалектика (*гр.* *dialektike*) — 1) искусство ведения философского спора; 2) учение *Гегеля* о тождестве противоположностей и о противоречиях.

Диалог (*гр.* *dialogos*) — обмен мыслями.

Дискурс (*лат.* *diskursus*) — процесс получения нового знания на основе последовательных и ясных рассуждений.

Добро — нравственно положительное.

Доказательство — обоснование истинности высказывания (мысли).

Достоверность знания — его максимально возможное обоснование.

Дуализм (*лат.* *dualis*) — признание двух несводимых друг к другу начал. Противоположность дуализма — *монизм*.

Единичное — отдельное, индивидуальное.

Единое — начало и единственный исток всякого множества.

Жизнь (в философии жизни) — интуитивно постигаемая реальность, нетождественная ни материи, ни интеллекту.

Знак — вещь или ее признак, указывающие на другую (другие) вещи, свойства и отношения.

Идеал (*гр.* *Idea* идея) — совершенство или высшая цель стремлений.

Идеализм (*гр.* *idea* идея) — философское учение, считающее основным вопросом философии проблему идей. Идеализм субъективный (*Беркли, Фихте*) занят идеями (мыслями, понятиями, интуициями, чувствами) человека. Идеализм объективный (*Платон, Гегель*) рассматривает идеи как нечто объективное, не зависящее от людей. Проблематика идей крайне важна для философии, поэтому неудивительно, что идеалисты наработали значительный массив положительного знания. Не следует думать, что великие философы-идеалисты придерживались каких-то абсурдных идей, вроде того, что чувства отдельного человека творят весь мир (см. также *материализм*).

Идеализация (*гр.* *idea*) — форма научного обобщения. Следует отличать от идеализации (от слова "идеал") — формы приукрашивания рассматриваемых явлений в соответствии с идеалами субъекта.

Идеальное (*гр.* *idea*) — совокупность идей. Иногда под идеальным понимают весь внутренний мир человека: и чувства, и установки, и ценности.

Идея (*гр.* *idea*) — то же, что эйдос, форма, сущность, философский термин, который систематически использовал *Платон*. Слово идея буквально означает увидеть. Что увидеть? Смысл вещей. Следует признать, что с позиций современного знания понятие идеи не имеет ясного содержания. В науке на смену ему пришел термин *понятие*.

Изоморфизм (*гр.* *isos* равный, подобный + *morfe* форма) — соответствие, существующее между элементами двух множеств.

Императив категорический (*лат.* *imperativus* повелительный и *гр.* *kategorikos*) — безусловный принцип поведения.

Индетерминизм (*лат.* *in ne*) — см. *детерминизм*.

Индукция (*лат.* *inductio* выведение) — форма мышления, целью которой является выделение общего правила.

Инобытие — см. также *знак, бытие символическое*.

Интенция (*лат.* *intentio* стремление) — направленность сознания на

какой-либо предмет.

Интерпретация (*лат.* interpretatio посредничество) — установление соответствия между логическим (понятие, умозаключение), словесным и фактуальным материалом. Устаревшее воззрение состоит в абсолютном разведении понятий, слов и фактов, между тем они образуют единство, реализация которого и выступает как интерпретация.

Интуиция (*лат.* intueri пристально смотреть).

Иррациональное (*лат.* irrationalis неразумный) — не выразимое логическими свойствами.

Концептуализм (*лат.* conceptus мысль) — учение об общих понятиях, называемых концептами

Космос (*гр.* kosmos) — в греческой философии мир как структурно организованное целое

Красота — главная (положительная) эстетическая ценность (см. *прекрасное*).

Креационизм (*лат.* creatio созидание).

Культура (*лат.* cultura) — совокупность положительных ценностей.

Либи́до (*лат.* libido) — половое влечение, понятие психоанализа З. Фрейда

Логос (*гр.* logos понятие, мысль, разум) — понятие древнегреческой философии, не обладающее ясным содержанием, имеется в виду разумное начало (мысль, закон, слово).

Материализм (*лат.* materialis вещественный) — философское направление, в котором основным вопросом философии считается вопрос о материи. Все реалии рассматриваются как непосредственно производные от материи. Это положение кажется вполне приемлемым, особенно с учетом факта происхождения человека. Тем не менее материализм встречается с трудностями, ему не удается толково выразить относительную самостоятельность сознания, творческие способности человека. Существует немало разновидностей материализма (вместо термина *материализм* современные философы часто используют термин *реализм*). Наряду с диалектическим различают научный, критический, теоретический, прагматический, функциональный материализм. Ни один из них, равно как и любое другое философское течение, не отражает абсолютную истину. На наш взгляд, деление философов на два лагеря — материалистов и идеалистов — давно устарело, ибо оно упрощает сложную мозаику современной философии.

Метафизика (*гр.* meta ta physika после физики).

Метод (*гр.* methodos) — способ познания.

Методология — учение о методах.

Мир философии — то, что изучает философия.

Мировая душа — движущее начало Космоса, иерархически находящееся между бестелесным миром и создаваемыми ею чувствами 49

Мистическое (*гр.* mystika таинственные образы, таинства) — таинственное, загадочное, неясное, необъяснимое, интуитивное 150

Миф (*гр.* mithos сказание, предание) — рассказ, в котором доминируют фантастико-поэтические моменты.

Модель (*лат.* modulus мера, образец).

Монизм (*гр.* monos один) — философские учения, признающие

основой всего существующего одно начало (материю, дух, вещество. Бог). Противоположность *дуализму* и *плюрализму*.

Молчание — философская реакция *скептика* на всемерную изменчивость явлений и *неопозитивиста* на то, что не может быть выражено ясно.

Мысль — понятие, суждение, умозаключение.

Наука — выработка и теоретическая систематизация знания.

Ничто — в терминологическом отношении противоположность *нечто*. Термин необходим в философии, но он по определению не обозначает нечто реальное.

Ноосфера (*гр.* noos разум) — сфера господства разума.

Объяснение — интерпретация чего-либо посредством мыслей.

Онтология (*гр.* on — сущее + logos учение) — учение о бытии.

Определенность — противоположность неопределенности

Пантеизм (*гр.* pan все + theos Бог) — учение, отождествляющее Бога и природу

Парадигма (*гр.* paradeigma пример, образец)

Парадокс (*гр.* paradoxes неожиданный странный)

Позитивизм (*лат.* positivus положительный) логический

Понятие — результат обобщения, выделения общих признаков изучаемых явлений, позволяющий отличать эти явления от других.

Постмодернизм (*лат.* post после + *фр.* moderne современный).

Постпозитивизм (*лат.* post после + positivus положительный).

Прагматизм (*гр.* pragma дело, действие)

Практика (*гр.* praktikos деятельный, активный)/

Прекрасное — явления, обладающие для человека высшей эстетической ценностью и степенью красоты/

Принцип (*лат.* principium основа, начало) — основное положение теории.

Провиденциализм (*лат.* providentia провидение).

Прогресс (*лат.* progressus движение вперед, успех).

Противоречие — в логике противоречием являются два высказывания, из которых одно является отрицанием другого. Что касается жизненных конфликтных ситуаций, то они должны описываться логически непротиворечивым образом

Разум и рассудок — два уровня мыслительной деятельности

Рационализм (*лат.* rationalis разумный)

Рациональность (*лат.* ratio разум) — доступное разумному пониманию действие в соответствии со стандартами и правилами.

Реализм (*лат.* realis вещественный, действительный) — как правило, то же, что *материализм*. Однако средневековый реализм под это правило не подходит, ибо он является разновидностью идеализма

Революция (*фр.* revolution) — коренной переворот.

Регресс (*лат.* regressus обратное движение).

Редукция феноменологическая (*лат.* reductio отодвигание назад, возвращение к исходному состоянию).

Религия (*лат.* religio благочестие, набожность).

Релятивизм (*лат.* relativus относительный).

Силлогизм (*гр.* syllogismos) — вид умозаключения.

Синергетика (*гр.* synergeia сотрудничество)

Система (*гр.* systema целое, составленное из частей)

Субстанция (*лат.* substantia сущность)

Суждение — мысль, выражаемая повествовательным предложением и являющаяся истинной или ложной

Сущность — то же, что *эйдос* и *форма*.

Теология (*гр.* theos Бог + logos учение).

Теодицея (*гр.* theos Бог + dike право, справедливость) — богооправдание

Теория (*гр.* theoria созерцание, исследование).

Техника (*гр.* techne искусство, мастерство).

Трансцендентальное (*лат.* transcendo выхожу за пределы) — в философии *Канта* априорные формы познания, позволяющее осмыслить опытные данные.

Трансцендентное (*лат.* transcendo выхожу за пределы) — запредельное по отношению к какой-либо определенной сфере или к миру в целом. В философии *Канта* трансцендентное есть недоступное теоретическому познанию

Универсалии (*лат.* universalis общий, всеобщий).

Утилитаризм (*лат.* utilitas польза, выгода).

Фаллибилизм (*англ.* fallibility подверженность ошибкам).

Феномен (*гр.* phainomenon являющееся).

Форма (*лат.* forma) — сущность вещи, ее структура.

Функция (*лат.* functio исполнение).

Хаос (*гр.* chaos полный беспорядок).

Ценность — положительная или отрицательная значимость предметов для человека.

Цивилизация (*лат.* civilis гражданский, государственный).

Эвдемонизм (*гр.* eudaimonia счастье, блаженство).

Эволюция (*лат.* evolutio развертывание).

Эвристика (*гр.* heurisko нахожу)

Эйдос (*гр.* eidos вид, лик, образ) — то же, что *идея*, но более образное.

Экзистенциализм (*лат.* existentia существование)

Экогуманизм (*гр.* oikos дом + *лат.* humanus человек).

Экология (*гр.* oikos дом + logos учение).

Эксперимент (*лат.* experimentum проба, опыт).

Элемент (*лат.* elementum первоначальное свойство).

Эмпиризм (*гр.* empeiria опыт).

Эпистемология (*гр.* episteme знание + logos учение) — то же, что *теория познания*.

Эстетика (*гр.* aisthetikos чувственное).

Явление — обнаружение, выражение предмета

Содержание

Предисловие ко второму изданию.....	3
Введение: что есть философия ?.....	4
Самостоятельность и своеобразие философии.....	4
Научная ориентация философии. Мировоззренческая и методологическая функции философии.....	6
Чувственно-эстетическая ориентация философии. Гуманистическая функция философии.....	8
Практическая ориентация философии. Моральная функция философии.....	10
Назначение философии.....	12
Часть 1. История философии.....	15
Глава 1.1. Античная философия.....	15
Милетская школа философии.....	15
Школа Пифагора.....	16
Гераклит и элеаты.....	17
Атомисты. Левкипп и Демокрит.....	19
Школа Сократа.....	20
Софисты.....	22
Платон.....	23
Аристотель.....	29
Философия раннего эллинизма.....	32
Неоплатонизм.....	36
Характерные черты античной философии.....	37
Глава 1.2 Средневековая философия.....	39
Историческая справка.....	39
Теоцентризм. Монотеизм. Бог. Принцип абсолютной личности.....	39
Креационизм.....	40
Провиденциализм. Время.....	41
Символизм. Средневековая герменевтика.....	42
Реализм и номинализм.....	43
Откровение и вера. Философский смысл заповедей Христа.....	44
Общество и природа.....	46
Средневековая теодицея.....	47
Глава 1.3 Философия эпохи Возрождения.....	50
Антропоцентризм — принцип возрожденческой философии.....	50
Человек — творец, художник.....	51
Гуманизм.....	53
Философия Кузанского.....	54
Философия Джордано Бруно. Пантеизм.....	55

Глава 1.4 Европейская философия XVII в.	58
Философия Бэкона	58
Философия Декарта (картезианство).....	60
Галилей и Ньютон: создание теоретической механики	62
Выработка нового юридического мировоззрения. Правовые идеи философии Локка	63
Философия Лейбница	64
Спор Локка и Лейбница по вопросам теории познания	66
Глава 1.5 Европейская философия XVIII в.	68
Историческая справка.....	68
Философия французского Просвещения. Вольтер, Руссо, Гольбах	68
Философия в Германии. Кант и Фихте	70
Сравнение двух главных философских направлений XVIII в.	74
Глава 1.6 От философии Гегеля к диалектическому материализму	76
Философия Гегеля.....	76
От антропологического материализма Фейербаха к диалектическому материализму Маркса	79
Глава 1.7 От философии жизни к герменевтике.....	84
Философия жизни	84
Экзистенциализм.....	86
Феноменология Гуссерля	87
Герменевтика.....	89
Глава 1.8 Аналитическая философия	92
Основатели движения: Фреге, Рассел, Витгенштейн.....	92
Логический позитивизм.....	93
Постпозитивизм. Поппер, Лакатос, Феиерабенд, Кун	96
Лингвистическая философия Витгенштейна	99
Аналитизм. Выводы.....	101
Глава 1.9 Русская философия.....	103
Историческая справка.....	103
От славянофильства к религиозно-этическому искательству.....	103
Философия западников.....	105
Философия В.С. Соловьева	106
Русская философия в XX в.	108
Характерные черты русской философии.....	109
Глава 1.10 Восточная философия	111
Заключение к курсу "История философии"	112
Часть 2 Систематический курс философии.....	114
Глава 2.1 Метафилософия	114
Метафизика. Основные вопросы философии	114

Как строить философию?	115
Мир философии	117
Основные категории метафилософии	118
Глава 2.2 Философская антропология и гносеология	133
Философия о природе человека	133
Природа психических функций человека, способность познавать мир	135
Чувственное познание. Память и воображение	136
Рациональное познание. Мышление	137
Единство чувственного и рационального познания	138
Творчество. Интуиция	140
Сознательное и бессознательное, надсознательное. Фрейдизм	141
Что есть истина?.....	143
Объяснение, вчувствование, понимание	146
Ценность. Философия как аксиология	148
Эмоции. Воля. Вера. Сомнение. Идеал	149
Глава 2.3 Философия символического мира человека. Человек в мире культуры	153
Философия языка	153
Единство и многообразие языков. Метаязык. Формализованный язык. Машинные языки. Знаковая форма языка. Философия как язык	157
Философия культуры. Культура и цивилизация	160
Эстетика. Красота, прекрасное, возвышенное.....	162
Философия практики	164
Добро. Три этики. Личность, проблемы свободы и ответственности	167
Единство истины, красоты и добра. Образование и воспитание	170
Глава 2.4 Философия общества и история	175
Пути понимания природы общества	175
Социальное. Структура общества	178
Возможна ли наука об обществе? Роль рациональности в развитии общества	180
Философия истории. Многообразие культур, цивилизаций. Запад—Россия—Восток	183
Глава 2.5 Философия природы	188
Исторические формы отношения человека к природе.....	188
Происхождение Вселенной. Уровни организации универсума.....	190
Пространство и время.....	191
Экологическая философия. Биоэтика. Экогуманизм	195
Глава 2.6 Философия науки.....	197
Что есть наука?.....	197
Эмпирический уровень научного познания	198
Теоретический уровень исследования. Природа научных концептов	202
Становление научной теории и рост теоретического знания	203

Теоретические методы.....	205
Наука в поисках истины	207
Идеалы науки. Этика ученого	209
Соотношение философской, религиозной и научной картин мира	211
Происхождение и природа техники	213
Основные проблемы философии техники	214
Техника и этика.....	217
Человек в информационном обществе.....	220
Глава 2.8 Стратегия будущего	224
Человек во Вселенной	224
Человечество перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации	226
Заключение.....	229
Философия в современном мире	229
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. 100 вопросов на понимание курса философии.....	231
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Советы студентам	235
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Программа курса философии.....	236
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Примерное почасовое планирование курса философии	242
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Рекомендации преподавателям.....	244
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Годы жизни выдающихся философов (в хронологическом порядке)	245
ЛИТЕРАТУРА.....	247
Словарь-указатель.....	252